Изъ библіотеки В. Латкина
1879 г.

БИБЛІОТЕКА
В.Н.ЛАТКИНА.

СОЦІОЛОГІЯ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Политико-экономическіе этюды. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

ФИЛОСОФІЯ НАУКЪ

и

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКІЯ СИСТЕМЫ.

СОДЕРЖАНІЕ

Глава первая. Вступленіе.
— вторая. Обзоръ научно-философскихъ системъ.
— третья: Спенсеріанизмъ или система эволюціи.
— четвертая. Философія Льюиса.
— пятая. Монистическія системы.
— шестая Критическая философія.
— седьмая: Философія дѣйствительности.
— восьмая: Общія заключенія о научно-философскихъ системахъ.
— девятая: Позитивная философія.
— десятая. Заблужденія О. Конта.
— одинадцатая Развитіе позитивизма.
— двѣнадцатая Desiderata философіи наукъ.
— тринадцатая: Заключеніе.

нелег...

СОЦІОЛОГІЯ

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ЕЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ, МѢСТО ВЪ РЯДУ НАУКЪ, РАЗДѢЛЕНІЕ И СВЯЗЬ СЪ БІОЛОГІЕЮ И ПСИХОЛОГІЕЮ.

Евгенія де-Роберти.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1880

рец.

Пров. 1459
Пр.

(483)
БИБЛІОТЕКА
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ИНСТИТУТА
АКАДЕМІИ
227
30

СОДЕРЖАНІЕ.

Основная задача и методологическія особенности соціологіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ 1

Вмѣсто вступленія.

1. Задача соціологіи. — Вкравшіяся въ постановку вопроса ошибки.
2. Общіе логическіе и спеціальные научные методы.
3. Обиліе соціологическаго матеріала.
4. Нравственность и право.—Объективныя основы ихъ.
5. Алтруизмъ какъ продуктъ общественности.
6. Причины отсталости соціальной науки.
7. Формула Спенсера и исправленіе ея.

ГЛАВА ВТОРАЯ. 24

О методѣ въ соціологіи.

8. Вопросъ о методѣ.—Наблюденіе и логическіе методы.
9. Четыре методологическія групы наукъ.
10. Описаніе и опытъ.
11. Предѣлы описательнаго метода.

12. Возрастающее значеніе этого метода по мѣрѣ перехода отъ низшихъ наукъ къ высшимъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. 42

Абстрактныя и конкретныя науки.

13. Отдѣлы біологіи и соціологіи, обыкновенно считающіеся конкретными.
14. Низшія и высшія наслоенія въ наукахъ сложныхъ явленій.
15. Описаніе и синтезъ.—Условія, которымъ должно удовлетворять синтетическое знаніе.
16. Отвлеченіе и изолированіе въ наукѣ. — Центръ тяжести научнаго процесса.
17. Опытная основа математическаго анализа.
18. Опредѣленія науки абстрактной и науки конкретной.
19. Соціологія есть наука описательная и въ то же время абстрактная. — Естественная исторія и естественная наука объ обществѣ
20. Мнѣнія Милля, Спенсера, Бэна, Льюиса, Прудона, Шеффле и др.
21. Общее заключеніе объ основной задачѣ и методологическихъ особенностяхъ соціологіи.

Мѣсто соціологіи въ ряду наукъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 81

Постановка вопроса.

1. Классификація наукъ по Конту.—Генезисъ науки по Спенсеру.—Точки зрѣнія эволюціи и метода.—Опытная основа закона Конта.—Возрастающая сложность и убывающая общность явленій.

2. Субъективная и объективная общность.
3. Эволюція и развитіе знанія.—Два порядка явленій, управляемые различными законами.
4. Объясненіе закона Конта.—Примѣръ психологіи. — Обыденный языкъ и философская терминологія.

ГЛАВА ПЯТАЯ 101

Общія данныя о междунаучной классификаціи соціологіи.

5. Точки зрѣнія непрерывности и тожества явленій.
6. Классификація знанія и дѣленіе науки.— Примѣръ соціологіи.
7. Зависимость успѣховъ знанія отъ эволюціи наукъ, научнаго метода и раздѣленія труда въ наукѣ.
8. Различеніе общаго отъ абстрактнаго. — Роды истинъ въ наукѣ.—Категоріи наукъ.
9. Софизмы Спенсера. — Мнѣніе Юэлля.—Примѣры истинъ эмпирическихъ, абстрактныхъ и общихъ.
10. Реальные и идеальные законы. — Льюисъ объ идеализмѣ въ наукѣ.
11. Позитивизмъ и философія эволюціи. — Философскій анахронизмъ.—Движеніе и реакція въ умахъ по отношенію къ соціологіи.
12. Механическая и физико химическая теоріи. — Генезисъ и дѣйствительность.—Метафизика и наука.
13. Общее заключеніе о мѣстѣ соціологіи въ научной іерархіи.

Дѣленіе соціологіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ 145

Постановка вопроса.

1. Трудности задачи.—Опредѣленіе въ наукѣ.—Мнѣнія Милля и Кернса.
2. Цѣль соціологіи.—Типы или общія формы ассоціацій.—Дѣленія a priori и a posteriori
3. Сравненіе соціологіи съ другими науками. — Сходства и различія.—Эмпирическія условія, объясняющія различія въ степени дѣлимости, представляемой разными отдѣлами знанія.—Низшія и высшія науки.
4. Раздѣленіе труда въ группѣ наукъ экспериментальныхъ и въ группѣ наукъ описательныхъ. — Спеціализація въ области естественной исторіи общества и синоптизмъ въ области естественной науки объ обществѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ 164

Общія данныя о внутренней классификаціи соціологіи.

5 Хаосъ въ области современнаго обществознанія.—Объясненіе съ Гарэнъ де-Витри. — Мнѣніе Конта о преждевременности конкретной науки объ обществѣ.
6. Характеристическая особенность естественной науки объ обществѣ или общей соціологіи.
7. Дѣленіе соціологіи на статику и динамику.—Анатомія, физіологія и патологія общества.
8. Дальнѣйшія подраздѣленія общественной статики и динамики.

9. Изученіе органовъ и отправленій общественнаго союза. — Исторія.—Статистика.—Изученіе внѣшнихъ условій или среды, окружающей общество (соціальная мезологія).

Отношенія соціологіи къ біологіи и психологіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ 187

Объ аналогіи, какъ методѣ изслѣдованія явленій вообще и о т.-н. реальной аналогіи въ особенности.

1. Основа реальной аналогіи.—Единство матеріи и силы.—Объединеніе науки и расчлененіе знанія.
2. Понятіе объ осложненіи свойствъ, какъ коррективъ понятій о превращеніи свойствъ одно въ другое и равнозначности ихъ между собою.
3. Формула Льюиса.—Свойства, какъ отношенія предметовъ между собой и предметы, какъ групы отношеній.—Истинное значеніе унитарныхъ теорій.
4. Движеніе, какъ предѣльное понятіе современной науки.—Количественныя отношенія.—Значеніе ихъ въ научной философіи. — Постепенно осложняющаяся квалификація количественныхъ отношеній, какъ основаніе для классификаціи отвлеченнаго знанія.
5. Ближайшее опредѣленіе реальной аналогіи. — Конечные результаты такого способа изслѣдованія.
6. Три главныхъ недостатка этого метода.—Смѣшеніе задачи философіи съ задачами наукъ.—Формально-логическій и даже словесный характеръ устанавливаемыхъ реальною аналогіей отношеній сходства и тожества.—Примѣры. — Мнѣніе Шеффле. — Смѣшеніе явленій или групъ частныхъ отношеній съ наиболѣе общими отношеніями или предѣльными понятіями ума.

7. Зависимость всякой высшей науки отъ непосредственно ей предшествующей —Относительная или условная аналогія.—Ея значеніе въ наукѣ.—Аналогія и дедукція.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 224

Біологія и соціологія.

1. Задачи наукъ неорганическаго міра и цѣли наукъ міра органическаго. — Отношенія зависимости между обѣими групами наукъ.—Индивидуальный и общественный организмы.—Отношеніе зависимости соціологіи отъ біологіи.—Взгляды Конта.
2. Общія соображенія по поводу этихъ взглядовъ.
3. Начало опыта и классификація наукъ по Конту.—Условное значеніе послѣдней .
4. Изслѣдованіе основныхъ условій или факторовъ, дифференцирующихъ общественныя явленія отъ біологическихъ
5. Основной фактъ соціологіи.—Ассоціація и общественная эволюція.—Дедуктивныя объясненія соціальныхъ явленій: объясненіе біологическое и объясненіе психологическое.
6. Индуктивное или строго соціологическое объясненіе общественныхъ фактовъ.—Историческая филіація (преемство поколѣній) или вліяніе совокупности прошедшаго на настоящее и будущее.—Ближайшее изслѣдованіе способа этого вліянія.—Мнѣніе Литтре.
7. Роль дедукціи въ соціологіи.—Дедукція междунаучная и дедукція въ предѣлахъ одной и той же научной категоріи явленій.—Заключеніе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 278

Психологія и соціологія.

1. Основная дилемма.
2. Психологія и позитивная школа.

3. Противодѣйствіе позитивному ученію.—Критическая школа въ Германіи.—Послѣдователи Стюарта Милля и Герберта Спенсера въ Англіи.
4. Точка зрѣнія оппонентовъ Конта. — Двѣ гипотезы.— Психическія явленія, какъ элементъ или факторъ и какъ результатъ или продуктъ явленій соціальныхъ.
5. Дальнѣйшее развитіе послѣдней гипотезы. — Психологія какъ конкретная наука.
6. Возраженія — Основной біологическій характеръ психическихъ явленій.—Психическая сторона соціальныхъ явленій. — Смѣшанный біо-соціологическій характеръ психическихъ явленій.
7. Повѣрка этой теоріи.—Ходъ историческаго развитія.—Органическій рядъ существъ. — Несоотвѣтствіе явленій ассоціаціи и психическихъ въ біологическомъ порядкѣ и необходимое совпаденіе ихъ въ порядкѣ соціальномъ.
8. Послѣдствія новой постановки вопроса объ отношеніи соціологіи къ психологіи.—Автоморфизмъ.—Облегченіе перехода соціологіи отъ метафизическаго состоянія къ положительному.—Бэкль, какъ представитель переходной эпохи.—Двойственный характеръ отношеній соціологіи къ психологіи.
9. Общіе выводы. — Біологія, какъ истинная основа соціологіи.—Психо-физическія изслѣдованія. — Психологическія изслѣдованія и новая конкретная наука, основанная на двухъ абстрактныхъ наукахъ—біологіи и соціологіи.—Методологическая связь между біологіей, соціологіей и психологіей.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ 336

Вмѣсто заключенія.

1. Теорія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ.—Наука и методъ.—Методологическая группировка наукъ.—Соціологія.

2. Значеніе классификаціи наукъ и мѣсто соціологіи въ іерархіи знанія.
3. Общія условія раздѣленія научнаго труда въ различныхъ отдѣлахъ знанія. — Особенности соціологіи въ этомъ отношеніи.
4. Тѣсная связь между біологіей, психологіей и соціологіей
5. Монистическія ученія и отношеніе къ нимъ позитивизма.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА

и

МЕТОДОЛОГИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ СОЦІОЛОГІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Multi pertransibunt, sed
augebitur scientia.

1. Соціологія не есть еще наука вполнѣ установившаяся, наука, которая бы преслѣдовала опредѣленныя цѣли опредѣленными же средствами.

Великій французъ Контъ первый ясно и твердо поставилъ вопросъ о завершеніи ряда основныхъ наукъ, обрывавшагося въ его время на біологіи, новою отраслью отвлеченнаго знанія — опытною наукою объ обществѣ. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ вступилъ въ чрезвычайно важный — хотя только начальный или подготовительный—фазисъ развитія. Соціологическая задача проникла глубоко въ научное сознаніе эпохи; но два поколѣнія ученыхъ не приблизили ее замѣтно къ разрѣшенію. Время, очевидно, далеко еще не выпѣстовало своего могучаго созданія.

Этотъ незаключившійся еще фазисъ былъ уже свидѣтелемъ многихъ крупныхъ ошибокъ· только такою цѣною великія идеи становятся достояніемъ массъ. Новую науку пытались сочетать съ остатками всѣхъ метафизическихъ системъ, еще продолжающихъ пользоваться расположеніемъ публики; ее толкали, поочередно, въ объятія всѣхъ ходячихъ предвзятыхъ идей, всѣхъ популярныхъ гипотезъ, традиціонныхъ взглядовъ и модныхъ научныхъ новинокъ. Но и это имѣло свою выгоду. Не мало плодоносныхъ сѣмянъ могло быть и, конечно, было посѣяно этимъ путемъ. Multi pertransibunt, sed augebitur scientia.

Особенно три заблужденія повлекли за собой серьозныя послѣдствія. Соціальную науку направили на путь дедуктивныхъ или разсудочныхъ выводовъ; у нея отрицали характеръ абстрактной науки и изображали ее какъ науку конкретную; наконецъ, ей дали въ путеводители ложный свѣтъ реальной или всеобщей аналогіи. Замѣчательные мыслители связали свои имена съ этими воззрѣніями, которыя, впрочемъ, соприкасаются довольно близко; и толпа искателей, какъ водится, послушно пошла по пятамъ высокихъ авторитетовъ.

Но что́ такое заблужденіе, въ большинствѣ случаевъ, какъ не частица истины? Слѣдовательно, называя заблужденіями рѣшенія соціологической задачи, съ которыми мы не можемъ согласиться, мы этимъ хотимъ лишь указать на неполную или частичную ихъ истинность. И потому, въ нашей попыткѣ разрѣшить въ настоящемъ сочиненіи ту же задачу съ точки зрѣнія, во многомъ отличной, какъ намъ кажется, отъ тѣхъ, съ которыхъ преимущественно подступали къ ней до сихъ поръ, мы обо-

дряемъ себя одной надеждой и ограничиваемъ свое честолюбіе одной цѣлью: впасть въ менѣе значительныя ошибки или достигнуть истинъ менѣе неполныхъ, сравнительно съ заключающимися въ оспариваемыхъ нами мнѣніяхъ.

2. Не трудно убѣдиться, что большинство спорныхъ вопросовъ въ области, въ которую мы вступаемъ, сводятся, въ конечномъ результатѣ, къ вопросу о свойственномъ соціологіи методѣ. Но здѣсь необходимо сдѣлать одну оговорку.

Въ наши дни для новой науки, которую хотятъ «обосновать» или «установить», рѣчь уже идетъ болѣе не о томъ, чтобъ сдѣлать выборъ между объективнымъ методомъ, который, отливая представленія ума въ объективныя формы реальнаго міра, проходитъ по порядку черезъ три ступени всякаго изслѣдованія — наблюденіе, предположеніе и повѣрку, и методомъ субъективнымъ, который, отливая дѣйствительность въ форму нашихъ собственныхъ представленій, останавливается на второй изъ этихъ ступеней, на гипотезѣ въ чистомъ ея видѣ. Не можетъ быть рѣчи даже и о выборѣ между индукціей въ тѣсномъ значеніи этого термина и дедукціей.

Успѣхи, сдѣланные современной психологіею, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно основного единства метода, общаго всѣмъ наукамъ. Теперь извѣстно, что единственнымъ источникомъ и единственною основою классификаціи, абстракціи, опредѣленія, индукціи, обобщенія, сужденія, умозаключенія, дедукціи и аналогіи служитъ психическая ассоціація, основанная не на соприкосновеніи ощущеній въ пространствѣ и во времени, порождающемъ лишь простѣйшія явленія воспріятія и представленія, а на

отношеніяхъ сходства и различія. Всѣ умственные процессы одинаково сводятся на одинъ и тотъ же основной процессъ сочетанія представленій, сходныхъ между собою, различныхъ другъ отъ друга, или въ одно и то же время представляющихъ и сходства и различія. Правда, перечисленныя выше дѣйствія ума могутъ, при помощи психическаго усилія особаго рода, быть разсматриваемы отдѣльно одно отъ другого, но никогда, ни въ одномъ серьозномъ и нѣсколько продолжительномъ изслѣдованіи они не могутъ быть примѣняемы одни безъ другихъ. Они дополняютъ и замѣщаютъ одно другое, взаимно помогаютъ другъ другу и тѣсно переплетаются въ исполненіи одной и той же функціи. Уже давно спеціально къ двумъ изъ этихъ умственныхъ операцій, индукціи и дедукціи, было примѣнено сравненіе, уподобляющее ихъ двумъ фазисамъ сердцебіенія. сжиманію и расширенію, которые, очевидно, не могутъ проявляться независимо одно отъ другого. Итакъ, повторяю: въ настоящее время уже нельзя присвоивать соціальной наукѣ исключительно дедуктивнаго характера, столько же чуждаго ей, какъ и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія, не исключая даже математики; но, съ другой стороны, нельзя и видѣть въ ней такую странную и безпримѣрную науку, которая упорно отказывалась бы провѣрять свои наведенія помощью незамѣнимыхъ средствъ, доставляемыхъ дедуктивною или силлогистическою логикой.

Но вопросъ о методѣ не исчерпывается подобными общими соображеніями. Рядомъ съ теоріей возвышаетъ свой голосъ и практика; и если первая и должна управлять послѣднею, то лишь подъ условіемъ постоянно справляться съ ея нуждами и, по возмож-

ности, всегда удовлетворять ихъ. Поэтому, принимая въ теоріи, что всѣ науки употребляютъ одновременно, для констатированія между изучаемыми ими явленіями отношеній сходства и различія, всѣ логическіе пріемы безъ исключенія и всѣ способы изслѣдованія, допускаемые природой человѣческаго ума, мы, однако, не можемъ и не должны отрицать, что на практикѣ каждая наука обладаетъ тѣмъ, что́ называется ея особыми методами, т-е. спеціальною технологіею, извѣстнымъ подборомъ наиболѣе подходящихъ искусственныхъ пріемовъ, извѣстнымъ особаго рода приспособленіемъ общихъ логическихъ методовъ къ требованіямъ спеціальныхъ случаевъ, къ различнымъ условіямъ, въ которыхъ находится наблюдатель или наблюдаемое явленіе и т. д.

Однимъ словомъ, особые методы, свойственные каждой наукѣ, суть, собственно говоря — орудія, которыми она работаетъ; и если эти орудія въ частностяхъ не вполнѣ одинаковы для различныхъ наукъ, такъ какъ работа, которую надлежитъ исполнить каждой изъ нихъ, обставлена не одинаковыми условіями, то эти различія все-таки не распространяются ни на самый матеріалъ орудій — я разумѣю подъ матеріаломъ общіе логическіе методы — ни даже, быть можетъ, на наиболѣе существенныя черты каждаго спеціальнаго метода. И точно, многія изъ наиболѣе характеристичныхъ различій, представляемыхъ особыми пріемами, свойственными каждой наукѣ, объяснимы условіями врѣмени и мѣста, и исчезаютъ и появляются по мѣрѣ измѣненія такихъ внѣшнихъ условій; во всякомъ случаѣ значительная часть этихъ различій зависитъ отъ степени развитія, достигнутой въ данный моментъ тою или другою отраслью

человѣческаго знанія. Такъ, хотя математика изслѣдуетъ природу иначе, чѣмъ физика или химія, и хотя послѣднія, въ свою очередь, значительно отличаются въ методологическомъ отношеніи отъ біологіи, однако всѣ знаютъ, какое замѣчательное сближеніе произошло уже въ настоящее время между первою изъ этихъ наукъ и групою наукъ неорганическихъ.

Нельзя, наконецъ, не видѣть, что различныя науки образуютъ, въ отношеніи свойственнаго каждой изъ нихъ спеціальнаго подбора способовъ изслѣдованія, не какія-либо изолированныя и независимыя другъ отъ друга единицы, а группы, обнимающія нѣсколько наукъ за разъ; и нельзя не замѣтить, что группы эти соединяютъ именно тѣ науки, которыя признаются смежными въ общепринятой теперь классификаціи, и что эта двойная группировка наукъ и особыхъ методовъ основана на тожествѣ, для каждой группы, тѣхъ объективныхъ свойствъ, сумма которыхъ, измѣняясь отъ одной группы къ другой, и составляетъ то, что обыкновенно называется бо̀льшей или меньшей сложностью явленій.

Но изъ сказаннаго выше вытекаетъ съ очевидностью, что недостаточно указать какой-нибудь наукѣ на общіе логическіе методы, которымъ она можетъ или должна слѣдовать, чтобы такая наука могла правильно развиваться, какъ недостаточно дать работнику желѣзо и дерево, чтобы снабдить его нужными ему орудіями производства. Одному нуженъ лемехъ, другому пила или топоръ, третьему молотъ. Пока наука не выработала своихъ особыхъ пріемовъ или спеціальныхъ методовъ, ей недостаетъ нѣчто существенное: это наука, которая, какъ принято выра-

жаться, не обосновалась, не установилась на незыблемомъ основаніи. Таково именно положеніе въ настоящее время науки объ обществѣ, и основная задача, которую философія наукъ должна рѣшить по отношенію къ соціологіи, принимаетъ, естественно, форму вопроса: чего недостаетъ соціологіи, чтобы быть наукою?

На поставленный такимъ образомъ вопросъ мы отвѣчаемъ: соціологіи недостаетъ *естественной исторіи* общества, или сравнительнаго и аналитическаго описанія общественныхъ явленій. Другими словами, соціологіи недостаетъ яснаго сознанія того, что, будучи наукою отвлеченною, она вмѣстѣ съ тѣмъ есть и *наука описательная* по существу. Вотъ, въ двухъ словахъ, тезисъ, который мы намѣрены защищать здѣсь противъ обычнаго мнѣнія о несовмѣстимой противоположности, въ приложеніи къ какой-либо системѣ научныхъ свѣдѣній, понятій объ отвлеченномъ и описательномъ знаніяхъ.

3. Но прежде чѣмъ приступить къ развитію этого положенія, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о находящемся на лицо запасѣ сырого соціологическаго матеріала, которому именно и требуется придать, путемъ спеціальной обработки, научную цѣнность. Матеріалъ этотъ составляютъ общественныя явленія или факты общественнаго порядка.

Недостатка, въ строгомъ смыслѣ слова, въ подобномъ матеріалѣ, конечно, не могло быть ни въ одну историческую эпоху. всякое, самое неразвитое общество уже кишитъ общественными явленіями. Но хотя такого недостатка и не было на самомъ дѣлѣ, онъ все-таки могъ ощущаться первыми наблюдателями въ области соціальныхъ явленій. И даже въ настоящее время

сохраняетъ полное значеніе вопросъ, не проходятъ ли большинство этихъ явленій, и между ними, можетъ быть, самыя важныя, незамѣченными и несознанными, такъ что они какъ бы вовсе не существуютъ для наблюдателя? Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что теперь громче чѣмъ когда-либо раздаются съ разныхъ сторонъ жалобы на недостатокъ данныхъ въ области обществознанія. Мы позволяемъ себѣ, однако, думать, что эти жалобы гораздо менѣе основательны, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Количество фактовъ общественнаго порядка, извѣстныхъ изслѣдователямъ въ соціальной области, въ настоящее время такъ разрослось, что съ успѣхомъ оріентироваться въ этой подавляющей массѣ разнородныхъ данныхъ стало чрезвычайно трудно, а иногда даже просто невозможно, за отсутствіемъ какъ сносной классификаціи общественныхъ явленій, такъ и предварительныхъ эмпирическихъ обобщеній, которыя бы служили сокращенными формулами для длинныхъ рядовъ отдѣльныхъ наблюденій. Во всякомъ случаѣ, масса уже подвергшихся наблюденію соціальныхъ фактовъ легко выдерживаетъ сравненіе съ запасами данныхъ, служащими цѣлямъ другихъ отраслей человѣческаго знанія. Что иначе и не могло быть, становится понятнымъ, если принять въ разсчетъ громадный интересъ, который явленія этого рода должны были всегда возбуждать въ человѣчествѣ во всѣ эпохи. Соціологія имѣетъ то общее съ «интроспективною» психологіею, что, принимая въ соображеніе только массу и практическое значеніе накопленнаго здѣсь въ продолженіи многихъ вѣковъ сырого научнаго матеріала, обѣ отрасли знанія могутъ быть поставлены на первомъ мѣстѣ въ ряду наукъ по своему гностическому богатству или обилію данныхъ. Современный че-

ловѣкъ знаетъ чрезвычайно много какъ о самомъ себѣ, о своей внутренней психологіи, такъ и о своей внѣшней психологіи, о своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ; и можно сомнѣваться, чтобъ онъ зналъ болѣе, съ точки зрѣнія массы наблюденій или количества голыхъ данныхъ, о внѣшней природѣ *). Конечно, какъ мы увидимъ вскорѣ, существуютъ причины, дѣйствіемъ которыхъ вполнѣ удовлетворительно объясняется, почему сравнительно болѣе скудныя фактическія свѣдѣнія о природѣ дали богатые научные результаты въ то время, какъ изобиліе соціальныхъ данныхъ до сихъ поръ еще остается безполезнымъ въ научномъ отношеніи. Но это послѣднее обстоятельство, очевидно, не находится въ прямой связи съ самымъ фактомъ обилія или недостатка общественно-научныхъ наблюденій. Одно присутствіе громадныхъ запасовъ строительнаго матеріала еще не обезпечиваетъ непремѣннаго появленія, въ данный срокъ, самаго зданія, для котораго матеріалъ этотъ предназначается. Глубокій и непосредственный интересъ, который представляютъ всякому обществу происходящія въ немъ явленія, достаточно объясняетъ почему, во всѣ историческія эпохи, индивидуальное и коллективное вниманіе постоянно обращалось на множество

*) Нужно ли указывать здѣсь на неистощимую руду психологическихъ и соціальныхъ наблюденій, заключающуюся въ одной лишь области общей литературы, въ безчисленныхъ твореніяхъ философовъ, моралистовъ, поэтовъ, и вообще писателей всѣхъ временъ и народовъ, наблюдавшихъ человѣка со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, и общественныя явленія во всѣхъ возможныхъ ихъ проявленіяхъ и сочетаніяхъ? Въ этой области общественная жизнь, съ своими безчисленными личными и вещными отношеніями, развертывается передъ нами въ безконечномъ рядѣ картинъ—плодахъ безчисленныхъ художественныхъ анализовъ и синтезовъ.

крупныхъ и мелкихъ подробностей соціальнаго устройства и быта, причемъ охрана такихъ наблюденій и передача ихъ далекому потомству совершались самыми разнообразными способами. Часто, какое-нибудь древнее изреченіе, пословица, обычай или юридическое правило служили, подобно техническимъ терминамъ въ наукѣ, средствомъ для сохраненія, закрѣпленія и передачи первыхъ попытокъ къ объясненію и обобщенію подмѣченныхъ явленій, первыхъ соціальныхъ теорій и смутныхъ предугадываній законовъ соціальнаго міра.

4. Здѣсь, въ видѣ примѣра, я укажу только на два наноса, если можно такъ выразиться, соціальныхъ наблюденій, которыхъ еще почти не коснулся заступъ современныхъ соціологовъ, не смотря на то, что разработка ихъ обѣщаетъ богатые результаты. Вѣковые наносы эти — нравственность и право. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, нравственность или такъ называемыя всеобщія начала нравственности, и проистекающее изъ нихъ право, какъ не своеобразный осадокъ сложныхъ общественныхъ процессовъ, какъ не болѣе или менѣе безсознательное отраженіе или отголосокъ сокровенныхъ законовъ общественной организаціи?

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ какую-нибудь иную «объективную» основу нравственности — и въ особенности элементовъ ея, общихъ всѣмъ народамъ и временамъ и обыкновенно называемыхъ ея вѣчными и неизмѣнными началами — кромѣ внутренней организаціи или строенія общества и законовъ, которые управляютъ этою организаціею и свойственными ей отправленіями. Всякое нарушеніе такихъ законовъ ощущается какъ нѣчто нравственно-не-

пріятное или ненормальное: какъ дурной или безнравственный поступокъ, какъ несправедливость, наконецъ какъ преступленіе. Все это — видоизмѣненія одного и того же основного явленія.

Право является здѣсь какъ естественный продуктъ нравственности. Конечно, еще Аристотель училъ, что «нѣтъ права въ смыслѣ огня, который горитъ одинаково у грековъ и персовъ». Но новѣйшей общественной наукѣ суждено было доказать, что мнѣніе Аристотеля справедливо только по стольку, по скольку вмѣстѣ со сложностью явленій расширяются и законосообразные предѣлы ихъ измѣняемости. Юридическая наука, не смотря на рутинность и узкость, характеризующія большинство ея частныхъ взглядовъ, и схоластическій характеръ ея общихъ положеній, уже давно, однако, пришла къ ясному сознанію истинной природы явленій права, къ пониманію свойства ихъ—корениться во внутреннемъ строеніи общества, и отсюда уже переходить въ положительное законодательство, а не наоборотъ; она давно уже сознала, что «законодательствовать» не значитъ изобрѣтать, измышлять или создавать, а только искать и открывать— т.-е. составляетъ почти научный пріемъ. Въ исторіи права, изложенной и истолкованной строго научнымъ путемъ, мы такимъ образомъ имѣемъ, до извѣстной степени, настоящее естественно-историческое собраніе общественныхъ фактовъ, или своего рода общественно-научный музей, правильное пользованіе которымъ должно, конечно, значительно облегчить изслѣдованіе сложныхъ общественныхъ процессовъ.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нравственности, основѣ всякаго права. Лучшимъ опредѣленіемъ нравственности едва-ли не будетъ назвать ее гигіеною

общественнаго союза. Требованія нравственности разнятся отъ требованій гигіены только тѣмъ, что они обращены къ охраненію не индивида, а всего союза. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ и никогда не могло быть индивидуальной нравственности. Нравственный кодексъ и обыкновенная гигіена, разсматриваемыя какъ производныя отрасли знанія, точнымъ образомъ отражаютъ въ своихъ началахъ, первый—соціальное строеніе или организацію, а вторая—физіологическое строеніе; и взятыя вмѣстѣ, они составляютъ поэтому едва-ли не самую важную отрасль нашихъ практическихъ знаній. Нравственность служитъ непосредственно охранѣ общества и посредственно—охранѣ соціальнаго недѣлимаго, гигіена же—охранѣ физіологическаго недѣлимаго и, чрезъ него, всего естественнаго вида. Нарушенное нравственное требованіе ощущается обществомъ — но не изолированнымъ представителемъ вида homo sapiens — какъ несправедливость, подобно тому, какъ невыполненное требованіе гигіены ощущается организмомъ какъ физическая боль. Часто повторенное, нравственное нарушеніе такъ же неизбѣжно ведетъ ко всякаго рода общественнымъ недугамъ и затѣмъ къ опаснымъ процессамъ разложенія, какъ частое повтореніе проступковъ противъ гигіены—къ заболѣванію и опасностямъ, грозящимъ разрывомъ физіологическаго единства. Такой взглядъ вполнѣ подтверждается сравнительнымъ изученіемъ дикихъ племенъ и цивилизованныхъ народовъ—изученіемъ, доказывающимъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста для правильно организованнаго общества, нѣтъ мѣста и для какихъ бы то ни было нравственныхъ понятій, и что изолированный человѣкъ, къ состоянію котораго всего ближе подходитъ состояніе ди-

каря, рѣшительно не способенъ составить себѣ какія бы то ни было представленія о справедливомъ и несправедливомъ, о нравственно-дурномъ и хорошемъ.

5. Изложенный сейчасъ взглядъ на нравственность и право имѣетъ то преимущество, что съ помощью его удовлетворительно объясняются происхожденіе и прогрессивное развитіе такого разряда явленій, который составляетъ обычный камень преткновенія психологіи, именно явленій такъ-называемаго алтруизма. Алтруистическое чувство, съ этой точки зрѣнія, не можетъ быть представляемо какъ основное органическое дополненіе или противовѣсъ чувству эгоистическому, т.-е. присущему всѣмъ животнымъ инстинкту самосохраненія. Безъ сомнѣнія, съ теченіемъ времени устанавливается нѣчто похожее на такое уравновѣшеніе. Факта этого никто не станетъ отвергать, какъ никто не станетъ оспаривать, что въ каждомъ живомъ организмѣ должны существовать чисто физіологическія предрасположенія, извѣстное мозговое или нервное приспособленіе, наслѣдственныя свойства и стремленія, однимъ словомъ—біологическія условія, очевидно необходимыя для того, чтобъ живое существо могло испытывать сложные импульсы симпатіи. Но все это нисколько не можетъ служить основаніемъ для признанія алтруизма такимъ же простымъ чувствомъ, какимъ является эгоизмъ, который есть чисто біологическій инстинктъ, служащій охраненію жизни. Алтруизмъ же, наоборотъ, проистекаетъ не изъ исключительной игры физіологическихъ условій, а главнымъ образомъ изъ взаимодѣйствія условій общественныхъ. Алтруизмъ можетъ быть опредѣленъ какъ охранительный инстинктъ естественныхъ агрегатовъ, называемыхъ обществами. И совершенно подобно тому, какъ

охранительный инстинктъ жизни не могъ предшествовать появленію самой жизни, или быть одной изъ ея первоначальныхъ причинъ, а долженъ разсматриваться какъ естественный продуктъ нѣкоторыхъ первоначальныхъ свойствъ организованной матеріи, такъ точно и охранительный инстинктъ общества не могъ существовать до образованія этого послѣдняго или быть одной изъ основныхъ причинъ такого образованія, а долженъ разсматриваться какъ необходимый и, конечно, самый драгоцѣнный продуктъ ассоціаціи людей между собой.

Эгоизма со всѣми его психическими и психофизическими послѣдствіями вполнѣ достаточно для объясненія образованія первыхъ абрисовъ общественнаго сожитія или появленія на нашей планетѣ новаго основного свойства организованнаго вещества: общественности. Алтруизмъ, въ этой гипотезѣ, представляется какъ бы психологической стороной или индивидуально-психологическимъ эквивалентомъ общественности. Но это, очевидно, не мѣшаетъ ему быть прежде всего и преимущественно результатомъ общественности, и притомъ результатомъ, который, по мѣрѣ развитія общественнаго организма, становится, въ свою очередь, производителемъ общественныхъ явленій или общественною силой. Вотъ почему сущность всякой нравственности въ смыслѣ, придаваемомъ нами этому слову, сводится исключительно на бо́льшее или меньшее преобладаніе въ ней алтруистическихъ стремленій, т.-е. сводится на соображенія общественнаго блага, а не индивидуальной пользы, какъ полагаютъ и усиливаются доказать приверженцы извѣстной теоріи «истолкованнаго эгоизма». Одно лишь сознаніе общественной пользы, алтруизмъ въ

настоящемъ значеніи этого слова, можетъ служить прочнымъ основаніемъ для нравственнаго чувства или нравственности; а также и для чувства справедливости или права, потому что право есть только практическая формула (слишкомъ часто, къ сожалѣнію, затемняемая совершенно чуждыми ей элементами) для выраженія исключительно общественнаго чувства, называемаго одними — нравственнымъ чувствомъ, другими — чувствомъ справедливости, еще другими — алтруизмомъ, и составляющаго, какъ мы уже сказали, лишь эгоизмъ общества или чувство самосохраненія, присущее всякому общественному союзу. Конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и животныя проявляютъ проблески симпатіи; но безспорно и то, что они проявляютъ и зачатки всѣхъ тѣхъ способностей, однимъ присутствіемъ которыхъ въ человѣкѣ думаютъ объяснить общественность и ея послѣдствія, и животныя несомнѣнно одарены, между прочимъ, способностью общенія съ недѣлимыми того же вида посредствомъ ряда звуковъ и знаковъ, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ зачатками членораздѣльной рѣчи. Тѣмъ не менѣе, однако, подобныя явленія должны быть относимы къ разряду чисто біологическихъ основъ, о которыхъ было говорено выше и безъ которыхъ немыслима общественность, какъ жизненная организація немыслима внѣ химическаго сочетанія опредѣленныхъ тѣлъ или элементовъ, являющихся, слѣдовательно, въ свою очередь, химическими основами всякой жизни.

6. Какъ бы то ни было, впрочемъ, и не смотря на всю важность, въ практическомъ отношеніи, вопроса о наличномъ богатствѣ соціологическаго матеріала, теоретически вопросъ этотъ имѣетъ второстепенное значе-

ніе и лишь косвенно касается нашего главнаго тезиса. Въ отношеніи къ послѣднему довольно безразлично въ какомъ смыслѣ, утвердительномъ или отрицательномъ, разрѣшается этотъ вопросъ: и въ той и въ другой гипотезѣ, описательный анализъ можетъ быть съ одинаковымъ основаніемъ признаваемъ такимъ же спеціальнымъ методомъ общественной науки, какимъ экспериментальный анализъ является въ большинствѣ неорганическихъ наукъ; только во второмъ предположеніи, или предположеніи о недостаткѣ соціологическаго матеріала, изслѣдователямъ прійдется прежде всего заняться тщательнымъ пополненіемъ существующихъ пробѣловъ, причемъ, разумѣется, аналитическое и сравнительное описаніе общественныхъ явленій будетъ, на время, оттѣснено на второй планъ простымъ собираніемъ фактовъ.

Итакъ, нисколько не предрѣшая тѣмъ нашего главнаго тезиса, мы можемъ допустить, что въ активъ соціальной науки слѣдуетъ, дѣйствительно, вписать почти безпримѣрныя обиліе и разнообразіе наблюденій. Но тогда естественно возникаетъ вопросъ: къ чему привело науку это богатство матеріала, или, вѣрнѣе, отчего оно не привело ее ни къ чему, потому-что кому же неизвѣстно, что соціальная наука (вмѣстѣ съ психологіей) есть самая бѣдная между всѣми отраслями знанія, съ точки зрѣнія научнаго значенія ея теорій и до сихъ поръ открытыхъ ею эмпирическихъ законовъ.

Ближайшее, но крайне поверхностное объясненіе этого факта сводится къ замѣчанію, что всякое богатство, въ томъ числѣ и богатство знанія, должно быть разсматриваемо какъ мертвый или несуществующій капиталъ, пока настоящее употребленіе

его неизвѣстно, пока имъ не пользуются какъ бы слѣдовало. Но до самаго послѣдняго времени, очевидно, не было извѣстно *научное назначеніе* общественныхъ и психологическихъ фактовъ, которые наблюдались, собирались, накоплялись и, до нѣкоторой степени, даже классифицировались въ совершенно другихъ видахъ, чѣмъ цѣли строго-научныя, и преимущественно въ видахъ собственно практическихъ. Весьма долгое время даже отдаленнымъ образомъ не подозрѣвали, чтобы могли существовать такія естественныя науки, какъ наука объ обществѣ и психологія, науки, которыя бы ни въ чемъ существенномъ не отличались отъ наукъ неорганическихъ и отъ науки о жизни. И еще долгое время спустя подобная возможность была лишь предметомъ смутнаго предугадыванья, или самаго неяснаго и шаткаго сознанія. Сильный и полный свѣтъ былъ пролитъ на этотъ вопросъ только въ нашу эпоху, которая обязана этимъ въ особенности Конту и его великой философской концепціи.

Подобное объясненіе, однако, едва-ли можетъ быть признано достаточнымъ, такъ какъ оно вовсе не затрогиваетъ вопроса о томъ, отчего научное назначеніе или употребленіе общественныхъ фактовъ оставалось такъ долго совершенно неизвѣстнымъ; или какимъ образомъ могло случиться, что эти факты не только наблюдались и собирались, но даже иногда и глубоко анализировались, и тѣмъ не менѣе все-таки оставались разрозненными, научно некоординированными и не обработанными въ той мѣрѣ, которая была необходима чтобы въ результатѣ получилось точное опредѣленіе существующихъ между ними однообразныхъ отношеній или законовъ.

Какъ согласить это кажущееся противорѣчіе? Словомъ—и предположивъ, что обстоятельства сложились именно такъ—въ чемъ слѣдуетъ видѣть дѣйствительную причину такого положенія вещей, и гдѣ слѣдуетъ искать его естественнаго объясненія? На этотъ вопросъ мы постараемся дать по возможности краткій отвѣтъ.

7. Гербертъ Спенсеръ формулируетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій слѣдующій психологическій законъ: порядокъ или историческая и естественная послѣдовательность, въ которой различныя групы явленій сводятся нашей мыслью на однообразіе отношеній или на законъ, зависитъ отъ болѣе или менѣе частой повторяемости или числа случаевъ, въ которыхъ однообразныя отношенія, проявляющіяся въ этихъ групахъ, ясно и раздѣльно, чрезъ посредство нашихъ чувствъ, становятся предметомъ нашего опыта. Такимъ образомъ, въ любомъ періодѣ научнаго развитія, наилучше извѣстными между естественными однообразіями природы будутъ постоянно тѣ, которыя всего чаще и живѣе отпечатлѣваются въ нашемъ сознаніи.

Нѣтъ надобности доказывать, что эта формула есть только переложеніе, на психологическій языкъ, исторической послѣдовательности, положенной Контомъ въ основаніе классификаціи отвлеченныхъ или основныхъ наукъ. Съ перваго же взгляда видно, что самыя общія и несложныя явленія суть именно тѣ, которыя всего чаще и раздѣльнѣе обнаруживаютъ свои внутреннія однообразныя отношенія передъ нашими органами чувствъ и, слѣдовательно, и передъ нашимъ сознаніемъ и нашей мыслью.

Но Спенсеръ не довольствуется этой общею, вполнѣ

совпадающею съ закономъ Конта формулою. Онъ разлагаетъ ее еще на нѣсколько частныхъ или, какъ онъ самъ говоритъ, изъ общаго начала онъ выводитъ нѣсколько производныхъ, которыя, по его мнѣнію, ближе, непосредственнѣе и, слѣдовательно, точнѣе объясняютъ историческій ходъ и порядокъ развитія нашихъ знаній. Такихъ началъ у него шесть, и такъ какъ каждое изъ нихъ оказываетъ свое вліяніе на порядокъ, въ которомъ послѣдовательно открываются законы, составляющіе предметъ изученія различныхъ наукъ, то ихъ можно назвать также вліяніями или условіями, способствующими окончательному обоснованію каждой науки или задерживающими это обоснованіе.

Условія эти суть: 1) бо́льшая или меньшая степень непосредственной зависимости нашего личнаго благополучія отъ извѣстныхъ явленій; 2) болѣе или менѣе выдающееся положеніе или замѣтность одного или обоихъ явленій, между которыми требуется открыть какое-либо отношеніе; 3) степень безусловной повторяемости такого отношенія; есть отношенія, всегда присущія явленіямъ и такія, которыя проявляются крайне рѣдко, отношенія, установляющіяся вполнѣ въ самый короткій промежутокъ времени и такія, которыя обнаруживаются лишь по прошествіи весьма долгихъ періодовъ; 4) относительная повторяемость отношеній, которая опредѣляется условіями времени и мѣста, то-есть ограничивается извѣстною страною, эпохой, народностью и т. п.; 5) простота или сравнительная несложность извѣстныхъ явленій и ихъ отношеній; 6) наконецъ то, что́ Спенсеръ довольно неопредѣленно называетъ степенью отвлеченности какого-нибудь отношенія, разумѣя подъ этимъ,

что первыми объектами научнаго пріобрѣтенія являются всегда отношенія сравнительно менѣе отвлеченныя, т.-е. болѣе конкретныя или сохраняющія еще близкую связь съ дѣйствительностью.

Но я думаю, что Спенсеръ ошибается, выдавая эти частныя положенія за эквивалентъ своей первоначальной общей формулы. Послѣдняя, на мой взглядъ, дѣйствительно совпадаетъ лишь съ тѣмъ изъ нихъ, которое касается бо́льшей или меньшей сложности явленій. Относительная простота явленія составляетъ, дѣйствительно, объективное условіе, вполнѣ соотвѣтствующее условію субъективному:— повторяемости явленія и живости впечатлѣнія, производимаго на насъ тѣмъ или другимъ однообразнымъ отношеніемъ. Всѣ остальныя, перечисленныя выше условія нисколько не достигаютъ этой психической цѣли собственно потому, что они будятъ наше сознаніе и поражаютъ нашъ умъ не отношеніями между явленіями, а самыми явленіями. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ случаяхъ, отношенія, точное опредѣленіе которыхъ составляетъ прямую задачу отвлеченной науки, совершенно ускользаютъ отъ нашего вниманія, всецѣло поглощеннаго самими явленіями, или болѣе или менѣе частымъ и замѣтнымъ повтореніемъ конкретныхъ фактовъ.

Сложность явленія мѣшаетъ ясно видѣть различныя отношенія его къ другимъ явленіямъ; и мы такимъ образомъ неизбѣжно приходимъ къ тому, что отлично знаемъ извѣстные факты, и въ тоже время вовсе не знаемъ управляющихъ ими законовъ. Правильность такого заключенія становится вполнѣ очевидною по мѣрѣ того, какъ различные критеріи Спенсера прилагаются, каждый порознь, сначала къ наи-

болѣе простымъ, а затѣмъ и къ наиболѣе сложнымъ явленіямъ.

Возьмемъ, напримѣръ, съ одной стороны, явленія физическія, а съ другой — біологическія и соціальныя, и послѣдовательно сравнимъ ихъ между собой со всѣхъ перечисленныхъ выше точекъ зрѣнія. Чисто физическія явленія, какъ тяжесть, частичное притяженіе, электричество и т. п., не могутъ, безъ очевидной натяжки и искаженія прямого значенія словъ, быть представлены какъ болѣе непосредственно затрогивающія наше личное благополучіе, какъ являющіяся для насъ болѣе богатымъ источникомъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, какъ бросающіяся болѣе въ глаза, какъ повторяющіяся болѣе часто во всякомъ мѣстѣ и во всякое время, наконецъ какъ представляющія болѣе раздѣльную или замѣтную конкретную группировку, — чѣмъ состояніе нашего организма, чѣмъ наши ощущенія, мысли, желанія и страсти (явленія, которыя никогда не покидаютъ насъ), или чѣмъ тысячи различныхъ интересовъ, борьбою которыхъ наполнено самое первобытное общество! А между тѣмъ физика представляетъ науку весьма совершенную и вполнѣ развившуюся, въ то время какъ біологія и въ особенности психологія и соціологія едва успѣли открыть самое незначительное количество постоянныхъ отношеній между своими столь многочисленными и разнообразными явленіями.

Но за то врачебная наука, практическая философія и разсматриваемыя какъ искусство — соціальная экономія и политика появились и достигли процвѣтанія гораздо ранѣе самыхъ простыхъ отдѣловъ научной физики.

Отсюда я считаю себя вправѣ вывесть заключе-

ніе, что шесть частныхъ положеній Спенсера и даже общая формула его, при грубомъ толкованіи ея, не имѣютъ ни малѣйшаго приложенія къ наукамъ «отношеній», т.-е. къ групамъ естественныхъ законовъ, называемымъ въ наше время отвлеченными науками, но за то вполнѣ прилагаются къ наукамъ «фактовъ», наукамъ въ прежнемъ значеніи слова, въ силу котораго до сихъ поръ еще называются такъ—практическія изслѣдованія въ области права, медицины, технологіи, политики и т. п.

Другимъ результатомъ этого краткаго анализа является теоретическое оправданіе высказаннаго выше мнѣнія о богатствѣ фактами и наблюденіями, и бѣдности теоріями и законами, которыя характеризуютъ новую науку объ обществѣ. Мнѣніе это подкрѣпляется и повѣряется одновременно и закономъ Конта и шестью производными положеніями Спенсера. Соединяя первый съ послѣдними, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, настолько же, по крайней мѣрѣ, достовѣрному, какъ и тѣ начала, откуда мы его выводимъ: — къ заключенію, что общественныя явленія должны были, дѣйствительно, съ одной стороны, быть всегда предметомъ сравнительно наибольшаго числа наблюденій, а съ другой—всего труднѣе и позднѣе обнаруживать однообразныя отношенія, служащія имъ внутренней или причинной связью.

Такимъ образомъ исчезаетъ кажущееся противорѣчіе между гностическимъ богатствомъ, или обиліемъ матеріала въ дѣлѣ построенія соціологіи, и столь мало подвинувшейся впередъ постройкой самого научнаго зданія, позднимъ развитіемъ науки объ обществѣ. Два явленія эти не только не противорѣчатъ другъ

другу и не исключаютъ одно другое, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, но являются неразрывно связанными между собой, предполагающими другъ друга и одинаково необходимыми и естественными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О МЕТОДѢ ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

8. Указавъ въ концѣ предыдущей главы на нѣкоторыя изъ причинъ, объясняющихъ современную отсталость соціальныхъ знаній, въ настоящей главѣ—я прямо перехожу къ изложенію главнѣйшихъ доводовъ, на которыхъ я основываю свое мнѣніе объ описательномъ характерѣ, свойственномъ соціологическимъ изслѣдованіямъ.

Мы ставимъ здѣсь слѣдующіе вопросы: какую роль описаніе играетъ въ наукѣ и что̀ такое описательная наука? Почему соціальная наука должна необходимо прибѣгать къ описательнымъ пріемамъ изслѣдованія, и какимъ образомъ можно согласовать этотъ методъ, вообще не пользующійся особеннымъ почетомъ и приписываемый преимущественно наукамъ конкретнымъ и прикладнымъ, съ отвлеченнымъ характеромъ соціологическихъ истинъ?

Не трудно видѣть, что намѣченная въ первой главѣ основная задача соціологіи почти всецѣло содержится въ этихъ вопросахъ.

Наблюденіе, въ обширномъ смыслѣ этого слова,

въ которомъ оно является синонимомъ опыта вообще, составляетъ, безспорно, основу всякаго имѣющаго научный характеръ изслѣдованія. Явленіе, въ цѣломъ или части, должно стать предметомъ наблюденія, прежде чѣмъ сдѣлаться предметомъ анализа, такъ точно какъ внѣшній стимулъ долженъ сдѣлаться объектомъ сначала ощущенія или воспріятія, а потомъ представленія, прежде чѣмъ стать объектомъ наблюденія, въ научномъ значеніи этого слова. Научное наблюденіе, направленное на самый индивидуальный и самый конкретный фактъ, есть всегда уже нѣчто болѣе чѣмъ этотъ фактъ, есть всегда уже болѣе или менѣе обширное обобщеніе, основанное на весьма значительномъ числѣ различныхъ воспріятій и представленій, и разсматриваемое какъ нераздѣльный или индивидуальный фактъ только по отношенію къ еще болѣе обширнымъ или высшимъ обобщеніямъ. Каждому, впрочемъ, извѣстно, что существуютъ наблюденія, считающіяся болѣе общими въ сравненіи съ другими, признаваемыми болѣе частными.

Къ этой общей основѣ или корню всякаго знанія— наблюденію, естественно примыкаютъ различные, такъ называемые логическіе методы, наведеніе или индукція, выводъ или дедукція, пріемы согласованія, различенія, совмѣстнаго измѣненія, несводимыхъ остатковъ и т. п., которые всѣ являются или способами для повѣрки уже составленныхъ съ помощью простого наблюденія обобщеній, или средствами для достиженія обобщеній еще болѣе обширныхъ. Отсюда недалеко до заключенія, что пріемы или правила наблюденія должны быть одни и тѣ же во всѣхъ наукахъ, которыя, такимъ образомъ, дифференцируются лишь болѣе спеціальными методами, коренящимися въ на-

блюденіи. И такое мнѣніе, дѣйствительно, успѣло установиться въ той обычной логикѣ наукъ, которую теперь уже позволительно считать ошибочною и отсталою.

Лучшіе изъ современныхъ изслѣдователей въ области научной логики вполнѣ согласны между собой въ томъ, что методы индукціи или дедукціи различаются, отъ одной науки къ другой, несравненно менѣе, нежели методы наблюденія. Правила, которымъ должна слѣдовать индукція, не могутъ быть опредѣлены спеціально для каждой науки, между тѣмъ какъ такія правила могутъ и должны быть установлены по отношенію къ наблюденію; или, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, «наиболѣе важныя различія въ способахъ постановки индуктивной задачи не соотвѣтствуютъ различіямъ между отдѣльными науками. Возможна общая логика индукціи, но не общая логика наблюденія» (Logic inductive und deductive).

Безъ сомнѣнія, любопытно и въ высшей степени поучительно видѣть, что науки дифференцируются не на высшихъ точкахъ своего развитія, а на низшихъ или въ своихъ корняхъ, которые, на первый взглядъ, кажутся столь однородными, и что, такимъ образомъ, процессъ неизбѣжнаго преломленія нашего знанія не только начинается весьма рано, но и почти цѣликомъ совершается въ основныхъ, первичныхъ сферахъ сознанія. Покинувъ эти послѣднія, науки уже только сближаются между собой, и соединяются двойною связью—сначала общностью методовъ доказательства и повѣрки, или методовъ логическихъ, а затѣмъ и общностью практическихъ цѣлей.

9. Итакъ, на первый планъ выступаютъ различія въ способахъ наблюденія. Каждая наука имѣетъ

свои особые пріемы наблюденія. Но чтобъ познать и усвоить себѣ послѣдніе, нѣтъ другого средства, какъ обратиться къ разсмотрѣнію самыхъ свойствъ изучаемыхъ каждою наукою явленій; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что наблюденіе должно служить вѣрнымъ отраженіемъ наблюдаемаго явленія или точнымъ слѣпкомъ съ него. Простой выводъ изъ этой истины, гораздо болѣе извѣстный, чѣмъ она сама, заключается въ обычномъ и совершенно вѣрномъ мнѣніи, что, только дѣйствительно разрабатывая ту или другую отрасль знанія, можно вполнѣ овладѣть ея спеціальными методами изслѣдованія.

Существуютъ науки, наблюдающія путемъ непосредственнаго воспріятія (интуитивно), напримѣръ математика. Другія наблюдаютъ въ обыкновенномъ или тѣсномъ значеніи этого слова, напримѣръ астрономія. Еще другія наблюдаютъ, воспроизводя явленія въ рядѣ опытовъ, т.-е. прибѣгая къ экспериментаціи: таковы физика и химія. Наконецъ существуютъ науки, которыя наблюдаютъ съ помощью широко примѣняемыхъ и особенно развитыхъ въ нихъ пріемовъ классификаціи, группировки, опредѣленія и т. п., словомъ, существуютъ науки, наблюдающія съ помощью такъ называемаго *научнаго описанія*. Такимъ образомъ получаются науки непосредственнаго воспріятія или аксіоматическія, науки чистаго или простого наблюденія, науки экспериментальныя и наконецъ — равноправныя съ предъидущими науки описательныя.

Обыкновенно, однако, эта равноправность оспаривается у наукъ, называемыхъ описательными и, по большей части, дѣйствительно заслуживающихъ этого названія. Науки эти—говорятъ обыкновенно—

суть науки конкретныя, а не отвлеченныя. Впрочемъ, изслѣдователи, пренебрегающіе описаніемъ, какъ основнымъ научнымъ методомъ, и тѣ, кто отрицаетъ у этого способа наблюденія право доступа въ высшія сферы научнаго отвлеченія, впадаютъ всегда въ двойное противорѣчіе, которое раздѣляетъ ихъ на два явно враждебныхъ, чтобъ не сказать непримиримыхъ, лагеря.

Одни видятъ ясно, что такія науки, какъ наука о жизни, напримѣръ, или наука объ обществѣ, могутъ быть только науками отвлеченными или теоретическими и потому, желая быть послѣдовательными, отрицаютъ у нихъ характеръ наукъ описательныхъ, т. е. лишаютъ ихъ единственнаго орудія, которое спеціально приспособлено къ предстоящей имъ работѣ, и безъ котораго послѣдняя не можетъ совершаться успѣшно или быть производительною.

Напротивъ того, другіе—а число ихъ постоянно возрастаетъ, и въ рядахъ ихъ можно насчитать значительные философскіе и научные авторитеты—все болѣе и болѣе склоняются къ признанію невозможности изгнать описательные пріемы изъ наукъ органическихъ и общественныхъ, не обрекая эти науки на полнѣйшее оцѣпенѣніе; но раздѣляя еще обычное предубѣжденіе противъ совмѣстимости описательныхъ пріемовъ съ отвлеченнымъ характеромъ изслѣдованія, сторонники описанія въ біологіи и соціологіи выходятъ изъ затрудненія, извращая истинный характеръ этихъ двухъ наукъ, т. е. представляя ихъ науками конкретными.

Ранѣе было уже замѣчено, что различныя науки, что́ касается свойственныхъ имъ спеціальныхъ методовъ изслѣдованія, образуютъ не изолированныя,

самостоятельныя единицы, а групы, соединяющія въ себѣ одновременно нѣсколько наукъ; и я указалъ также, что эти групы заключаютъ въ себѣ науки, непосредственно слѣдующія другъ за другомъ въ классификаціи знанія, основанной на началѣ убывающей общности и возростающей сложности явленій. Такимъ образомъ возникаетъ и група наукъ описательныхъ. Група эта состоитъ изъ отраслей знанія, пользующихся существенно одинаковыми способами наблюденія—научнымъ описаніемъ явленій, и обнимаетъ собою двѣ области, непосредственно соприкасающіяся въ классификаціи наукъ—біологію и соціологію.

10. Но возвратимся къ описанію, какъ методу научнаго открытія. Говоримъ открытія, а не доказательства, и по этому поводу замѣтимъ, что въ этомъ основномъ характерѣ описанія нужно, безъ сомнѣнія, видѣть одну изъ причинъ, почему господствующая до сихъ поръ формальная логика всегда обращала такъ мало вниманія на описательные пріемы, не смотря на огромное значеніе ихъ для цѣлой категоріи наукъ. Формальная логика имѣетъ дѣло преимущественно съ методами научнаго доказательства, и систематически оставляетъ въ сторонѣ несравненно болѣе важные методы научнаго открытія. Но это исключеніе основныхъ методовъ открытія изъ области логическихъ изслѣдованій оказало, какъ кажется, не мало вліянія на большинство писателей по вопросамъ научной методологіи, побудивъ ихъ положить въ основаніе классификаціи наукъ начала логики научнаго доказательства, т.-е. начала, общія всѣмъ наукамъ и служащія имъ скорѣе связью, чѣмъ источникомъ различенія.

Описаніе въ наукахъ органическаго міра, который

заключаетъ въ себѣ и міръ общественныхъ явленій, есть въ сущности не что иное, какъ наблюденіе, но наблюденіе уже нѣсколько видоизмѣненное или получившее дальнѣйшее развитіе. Точно также и опытъ или экспериментація въ наукахъ неорганическаго міра есть безъ сомнѣнія наблюденіе, но наблюденіе особаго рода, обставленное или обусловленное иначе, чѣмъ наблюденіе, къ которому прибѣгаетъ астрономія, или непосредственное воспріятіе, имѣющее мѣсто въ математикѣ. Можно сказать также, что описаніе есть дополненіе къ наблюденію въ чистомъ его видѣ—дополненіе, въ нѣкоторыхъ наукахъ только полезное, а въ другихъ—прямо и положительно необходимое. Но лучше всего представить себѣ описаніе какъ особую ступень или подготовительную фазу въ научной работѣ, какъ посредствующее звено въ процессѣ идеализаціи или отвлеченія отъ міра реальныхъ явленій, процессѣ, который составляетъ сущность научнаго изслѣдованія и имѣетъ цѣлью открытіе все болѣе и болѣе общихъ и отвлеченныхъ законовъ природы. Въ этомъ смыслѣ можно приравнять наблюденіе къ работѣ, которая въ промышленной экономіи служитъ къ добыванію первоначальнаго матеріала или сырого продукта, а описаніе — къ дальнѣйшей обработкѣ, которая хотя и не даетъ еще продукту его окончательной формы, но уже подвергаетъ его глубокому измѣненію.

Коренныя особенности біологическихъ и соціальныхъ явленій обусловливаютъ необходимость ихъ предварительной подготовки или обработки, занимающей середину между голымъ наблюденіемъ и послѣдними усиліями отвлеченія и анализа. Такимъ же точно образомъ, спеціальная квалификація явленій физическихъ и химическихъ обусловливаетъ необхо-

димость спеціальной, предварительной обработки ихъ, достигаемой путемъ искусственнаго воспроизведенія явленій или экспериментаціи. Не подлежитъ также сомнѣнію, что необыкновенная простота явленій небесной механики вмѣстѣ съ особыми условіями, въ которыя поставленъ наблюдатель въ этой области, составляютъ единственную причину, почему астрономія не нуждается, или нуждается очень мало, въ такой посредствующей или подготовительной фазѣ научной работы, какая безусловно необходима во всѣхъ слѣдующихъ наукахъ и принимаетъ въ нихъ двѣ указанныя выше типическія формы; астрономія уже въ первой фазѣ научнаго процесса можетъ придать своимъ заключеніямъ всю желательную, если можно такъ выразиться, степень научной отдѣлки. Тоже самое, но еще въ большей степени, справедливо и по отношенію къ математикѣ, въ которой наблюденіе уже совершенно обнажается отъ всѣхъ болѣе сложныхъ логическихъ атрибутовъ, чтобы явиться въ простой и основной формѣ своей, какъ такъ-называемое непосредственное воспріятіе.

Для избѣжанія всякаго недоразумѣнія я долженъ, однако, прибавить, что выставляя описаніе спеціальнымъ методомъ біологіи и общественной науки, а экспериментацію—такимъ же методомъ физики и химіи, я имѣю въ виду лишь значительное преобладаніе въ той или другой научной группѣ того или другого разряда методологическихъ пріемовъ, а не такое полное и нераздѣльное господство ихъ, которое было бы сопряжено съ совершеннымъ исключеніемъ изъ одной группы пріемовъ и способовъ наблюденія, свойственныхъ другой группѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣтъ такого научнаго изслѣдованія, которое во

всѣхъ стадіяхъ или на всѣхъ ступеняхъ своего развитія могло бы вовсе обходиться безъ помощи описательныхъ пріемовъ, какъ нѣтъ и не можетъ быть науки, въ которой бы экспериментація или опытъ въ тѣсномъ смыслѣ слова не могъ завоевать себѣ хотя бы самое скромное мѣсто.

11. Одинъ общій эмпирическій законъ—психологическая повѣрка котораго, впрочемъ, не можетъ представить затрудненій — управляетъ примѣненіемъ и ограничиваетъ роль описанія въ различныхъ наукахъ. Согласно этому обобщенію, роль описанія въ данной наукѣ — а равно и во всемъ іерархическомъ рядѣ— расширяется, и значеніе этого метода усиливается по мѣрѣ того, какъ явленія, подлежащія нашему изслѣдованію, дѣлаются все болѣе и болѣе сложными. Новая предварительная или подготовительная фаза научной обработки становится необходимою всякій разъ, когда изслѣдованіе касается явленій, анализъ которыхъ или разложеніе на составные элементы представляетъ, въ конечной инстанціи, значительныя или даже непреодолимыя трудности. Это, какъ мнѣ кажется, понятно и, подобно аксіомамъ, не нуждается въ доказательствѣ, такъ какъ вполнѣ согласуется со всѣмъ, что каждый изъ насъ знаетъ эмпирическимъ путемъ о человѣческой природѣ и свойствахъ человѣческаго ума.

Въ наукахъ наиболѣе простыхъ явленій можно легко обойтись безъ описанія послѣднихъ — описанія, имѣющаго значеніе самостоятельной подготовительной научной работы. Наблюденіе, эта первая, основная ступень научнаго труда, уже выполняетъ здѣсь назначеніе описанія въ научномъ смыслѣ слова. Конкретныя явленія тутъ такъ просты, одно явленіе

такъ похоже на другое и такъ мало отъ него отличается, что здѣсь одно наблюденіе равносильно цѣлому длинному ряду ихъ въ наукахъ высшаго порядка или изучающихъ явленія болѣе сложныя. Такимъ образомъ, науки болѣе простыхъ явленій представляютъ, сравнительно съ науками явленій болѣе сложныхъ, лишь весьма ограниченное поле для регистраціи, координаціи и классификаціи наблюденій; а эта регистрація, эта координація и эта классификація, основанныя на точномъ и подробномъ анализѣ обнаруживаемыхъ явленіями сходствъ и различій, и составляютъ собственно то, что называется научнымъ описаніемъ явленій.

Отсюда вытекаетъ второе, производное изъ перваго правило или обобщеніе, которое можетъ быть формулировано такъ: необходимость научнаго описанія возрастаетъ пропорціонально количеству (конечно не абсолютному, а относительному) наблюденій въ данной наукѣ. Другими словами, чѣмъ болѣе наука вынуждена умножать и разнообразить свои наблюденія, тѣмъ болѣе также видитъ она себя въ необходимости распредѣлять явленія въ извѣстномъ порядкѣ, различать ихъ между собою, опредѣлять и классифицировать, однимъ словомъ—описывать явленія.

12. Простая, по преимуществу, наука механики есть всецѣло наука наблюдательная. Опытъ въ строгомъ смыслѣ слова ей невѣдомъ. Да и дѣлаемыя въ ней—по отношенію къ каждому отдѣльному явленію—наблюденія гораздо менѣе многочисленны и разнообразны, чѣмъ наблюденія, производимыя во всѣхъ прочихъ наукахъ [1]). Наблюденіе и описаніе сливаются

[1]) Кажущееся исключеніе представляютъ нѣкоторыя части астрономіи; тутъ наблюденія, хотя и не могутъ считаться разнообразны-

здѣсь въ одинъ процессъ, какъ производство въ наиболѣе простыхъ видахъ промышленности.

Непосредственно высшія науки—физика и химія—удѣляютъ и соотвѣтственно болѣе мѣста совокупности подготовительныхъ пріемовъ, называемыхъ нами научнымъ описаніемъ. Номенклатура въ химіи представляетъ тому лучшій примѣръ. Номенклатура эта — не что иное, какъ форма описанія, спеціально свойственная химіи. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что химическая номенклатура есть классификація, своеобразно обоснованная и превосходнымъ образомъ приспособленная къ спеціальнымъ нуждамъ и требованіямъ химіи. Въ этой группѣ наукъ, впрочемъ, простое наблюденіе отходитъ на второй планъ, уступая главное мѣсто производству искусственныхъ опытовъ, экспериментаціи.

Экспериментація представляетъ наиболѣе дѣйствительное средство для сокращенія длиннаго пути, который, безъ ея помощи, пришлось бы проходить цѣликомъ съ обыкновеннымъ наблюденіемъ какъ единственнымъ путеводителемъ; и въ этомъ отношеніи экспериментація сходится въ извѣстной сте-

---

ми, такъ-какъ они всегда относятся къ одной и той же сторонѣ наблюдаемаго явленія, однако бываютъ иногда крайне многочисленны. А между тѣмъ, въ астрономіи ровно нечего описывать, въ научномъ смыслѣ слова —такъ несложны астрономическія явленія и до такой степени каждое изъ нихъ есть лишь точное повтореніе всѣхъ другихъ. Тутъ, такимъ образомъ, вполнѣ подтверждается указанный выше основной законъ или главное правило; но побочное правило, повидимому, здѣсь уже не имѣетъ примѣненія. Было бы слишкомъ долго но не слишкомъ трудно объяснить это исключеніе, т.-е. показать, что оно нисколько не подрываетъ теоретическаго значенія или силы нашего второго правила.

пени съ описаніемъ, прямое назначеніе котораго состоитъ также въ искусственномъ облегченіи труда, превышающаго обыкновенныя силы человѣческаго ума. Производство опытовъ легко совмѣстимо съ описательными пріемами; но въ большинствѣ случаевъ оно, очевидно, исключаетъ послѣдніе по той простой причинѣ, что само служитъ имъ выгодною замѣной. Отсюда вытекаетъ еще такое правило: чѣмъ возможнѣе въ данной наукѣ производство опытовъ, тѣмъ менѣе необходимо въ ней описаніе. Впрочемъ, какъ это видно на примѣрѣ химіи и нѣкоторыхъ частей физики, все еще отъ времени до времени прибѣгающихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ чисто описательнымъ пріемамъ, послѣднее правило имѣетъ лишь второстепенное и условное значеніе; оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ вполнѣ нейтрализировать дѣйствіе общаго закона, относящагося къ бо̀льшей или мéньшей сложности явленій.

Въ біологіи съ ея необыкновенно сложными явленіями мы вступаемъ въ настоящее царство описанія, какъ научнаго метода. Тутъ вся наука, съ начала до конца, описательна по преимуществу. И это становится весьма понятнымъ, если принять въ соображеніе, что въ этой области знанія упомянутые выше общій и два производныхъ закона соединяются для произведенія одного и того же результата. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезвычайнымъ усложненіемъ явленій, которое съ одной стороны ведетъ къ необходимости безконечнаго умноженія въ каждомъ данномъ случаѣ самаго числа наблюденій, а съ другой крайне затрудняетъ производство здѣсь правильныхъ опытовъ. Опыты возможны въ біологіи, и даже въ со-

ціологіи, но и въ той и въ другой они лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ рѣшающій характеръ; въ этихъ наукахъ слишкомъ трудно изолировать одну или нѣсколько причинъ отъ всѣхъ остальныхъ, отъ безчисленныхъ постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній.

Поэтому въ біологіи наблюденіе составляетъ единственно возможное основаніе, настоящій фундаментъ, краеугольный камень всего научнаго зданія. Опытъ въ точномъ значеніи слова является въ біологіи лишь одною изъ самыхъ сильныхъ опоръ зданія. А пріемы научнаго описанія суть тѣ вспомогательные лѣса, безъ помощи которыхъ здѣсь и думать нельзя вывесть самое зданіе или достигнуть высшихъ отвлеченій или идеализацій, называемыхъ естественными законами.

Все сказанное о біологіи можетъ быть повторено и по отношенію къ соціологіи. Что справедливо о біологическихъ методахъ, должно въ одинаковой степени быть справедливымъ и относительно методовъ соціологическихъ уже вслѣдствіе тожества или, по крайней мѣрѣ, близкаго сходства объективныхъ условій, характеризующихъ оба разряда явленій.

Послѣднее соображеніе побуждаетъ насъ остановиться нѣсколько долѣе на біологіи, съ цѣлью на примѣрѣ ея ближе выяснить ложность нѣкоторыхъ довольно распространенныхъ взглядовъ на значеніе, которое должно придавать описательнымъ пріемамъ въ области органическихъ наукъ вообще. Замѣчанія, которыя намъ прійдется сдѣлать по этому поводу, естественно приведутъ насъ къ имѣющему общее философское значеніе вопросу о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ *конкретною наукою*, и не считаются ли нынѣ конкретными, между прочимъ и вслѣдствіе

неправильнаго и основаннаго на ложной аналогіи расширенія законнаго смысла этого термина, весьма часто и такія науки, которыя въ сущности суть только науки *описательныя?* Вопросъ этотъ мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

АБСТРАКТНЫЯ И КОНКРЕТНЫЯ НАУКИ.

13. Благодаря сбивчивости понятій и неустановившейся терминологіи, о научномъ характерѣ біологіи преобладаютъ совершенно извращенныя представленія. Наперекоръ основнымъ началамъ всякой раціональной классификаціи, значеніе конкретнаго знанія было придано въ біологіи сначала тѣмъ отдѣламъ ея, въ которыхъ описательные пріемы достигли замѣтнаго перевѣса надъ другими методами изслѣдованія. Но затѣмъ тотъ же характеръ былъ признанъ и за всѣми остальными частями науки, такъ что вскорѣ вся безразлично біологія была включена въ разрядъ наукъ конкретныхъ. Такого именно взгляда стали держаться наиболѣе послѣдовательные умы.

Распространеніе на весь составъ науки конкретнаго характера, приданнаго сначала только нѣкоторымъ частямъ ея, было неминуемымъ логическимъ послѣдствіемъ неисправленія первоначально допущеннаго и затѣмъ все болѣе и болѣе укоренявшагося ошибочнаго взгляда. На этой-то ошибкѣ мы здѣсь нѣсколько и остановимся. По нашему мнѣнію, упо-

мянутыя выше части біологіи—естественная исторія съ подраздѣленіями ея на ботанику, зоологію и т. д.—никогда не были и не будутъ конкретными знаніями, или частями, отрывками, зачатками будущей конкретной науки. Эти подробныя описанія растительныхъ и животныхъ видовъ, съ тщательно выработанными пріемами опредѣленія и классификаціи, суть не иное что, какъ сама біологія—наука вполнѣ отвлеченная; но только біологія въ ея элементарномъ видѣ, въ ея подготовительной фазѣ развитія. Въ генезисѣ или исторіи зарожденія, а затѣмъ и въ исторіи развитія каждой нѣсколько сложной отрасли знанія мы постоянно встрѣчаемся съ такимъ правильнымъ научнымъ наслоеніемъ, въ которомъ нижняя формація или первые слои постепенно покрываются верхними, не растворяясь въ нихъ и не поглощаясь ими.

Первыя наблюденія, всегда болѣе поверхностныя, вырабатываются при помощи первыхъ описательныхъ усилій ума. За ними, но не всегда на смѣну имъ, слѣдуютъ наблюденія болѣе глубокія, анализирующія явленіе съ внутреннихъ, скрытыхъ сторонъ и часто сами уже составляющія обширныя обобщенія. Эти наблюденія становятся въ свою очередь предметомъ новой описательной обработки, строго согласующейся съ измѣнившимся характеромъ научнаго матеріала и образующей какъ бы новый слой знанія, новую формацію въ наукѣ; такъ, напримѣръ, за естественной исторіей отдѣльныхъ видовъ слѣдуютъ сравнительная анатомія и физіологія растеній и животныхъ. Но нужно ли настаивать на истинѣ, очевидной для каждаго, кто когда-либо открывалъ учебникъ общей и сравнительной анатоміи, физіологіи или патологіи, на истинѣ,

что всѣ эти, признаваемые абстрактными отдѣлы біологіи съ самаго начала своего до конца имѣютъ характеръ описательнаго знанія не менѣе, чѣмъ ботаника, зоологія или анатомія и физіологія человѣка и вообще всякаго, взятаго отдѣльно естественнаго вида съ тѣмъ только, методологически несущественнымъ различіемъ, что въ одномъ случаѣ описаніе направлено на признаки позднѣе открытые, менѣе очевидные, болѣе постоянные и уже являющіеся результатомъ многихъ предварительныхъ анализовъ и обобщеній, а въ другомъ — на признаки, съ перваго взгляда приковывающіе вниманіе, болѣе поверхностные, или даже чисто внѣшніе, крайне разнообразные, измѣнчивые и вообще составляющіе результатъ первыхъ робкихъ попытокъ обобщенія или сведенія къ нѣсколькимъ общимъ формамъ и типамъ безконечнаго разнообразія явленій органическаго міра? Правда, можно сказать, что въ послѣднемъ случаѣ описательный анализъ не идетъ далѣе конкретныхъ формъ, называемыхъ органами индивида, и часто даже останавливается ранѣе, на самыхъ агрегатахъ, называемыхъ индивидами; но развѣ описываемыя абстрактной біологіей ткани, распадающіяся на клѣточки, которыя въ свою очередь сводятся къ элементамъ и такъ далѣе до гипотетическихъ атомовъ, не представляютъ непрерывной цѣпи конкретныхъ существованій или агрегатовъ, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ индивидуальностями, въ научномъ смыслѣ этого слова? И гдѣ же тутъ можетъ быть установлено дѣйствительно объективное различіе, проведена твердая логическая грань? Нѣтъ, различные матеріалы, которые служили и служатъ еще до сихъ поръ построенію абстрактной біологіи, могутъ такъ и считаться

матеріалами; имъ можно отказать въ значеніи самостоятельной отрасли знанія, но нельзя, логически, превратить ихъ въ конкретную науку. Какъ матеріалы, такъ-называемыя описательныя естественныя науки прямо входятъ въ составъ абстрактной біологіи; и ужъ конечно не отъ нихъ, а развѣ только отъ этой послѣдней, можно раціонально ожидать когда-нибудь средствъ и данныхъ, необходимыхъ для научнаго синтезиса жизни и для созданія, если это окажется возможнымъ или нужнымъ, конкретной біологіи въ томъ смыслѣ, который придается выраженію «конкретная наука» въ философской классификаціи человѣческаго знанія.

Смѣшеніе, неизбѣжно вызываемое въ умѣ неправильнымъ употребленіемъ термина «конкретная наука» для обозначенія простыхъ матеріаловъ отвлеченной науки, настолько велико, что лучшіе изслѣдователи въ области научной логики пришли, наконецъ, къ простому отрицанію самой возможности абстрактной науки о жизни. Такъ, напримѣръ, Бэнъ въ своемъ трактатѣ объ индуктивной и дедуктивной логикѣ положительно утверждаетъ, что «абстрактная наука біологіи едва ли можетъ существовать». «Законы жизни» поясняетъ онъ «не могутъ быть опредѣлены однимъ общимъ и однообразнымъ способомъ для растеній и животныхъ. Самое большое усиліе, на которое способенъ нашъ умъ по отношенію хотя бы только къ приблизительному различенію абстрактной біологіи отъ конкретной, заключается, повидимому, въ проведеніи грани между физіологіей животныхъ и растеній съ одной стороны и описаніемъ и подробной классификаціей тѣхъ же самыхъ растеній и животныхъ съ другой». Иными словами, по мнѣнію

Бэна, одни лишь результаты біологіи могутъ считаться абстрактными; что же касается самой науки или ея матеріаловъ, то они конкретны. Но если въ этой фразѣ слово біологія замѣнить словомъ наука или обобщить мысль Бэна, которая къ сожалѣнію, какъ намъ кажется, является лишь отголоскомъ общаго мнѣнія въ этомъ вопросѣ, то мы неизбѣжно придемъ къ нѣсколько неожиданному заключенію, что всѣ научные законы абстрактны, а всѣ науки—конкретны.

14. Одно обстоятельство въ особенности, какъ кажется, содѣйствовало распространенію заблужденія, противъ котораго мы здѣсь возстаемъ: именно обстоятельство, что нижній слой или первыя описательныя попытки въ области біологіи сохраняютъ свое значеніе до сихъ поръ и, повидимому, сохранятъ его навсегда и останутся въ наукѣ на ряду съ верхнимъ слоемъ, съ высшею формою научной обработки явленій жизни. Между тѣмъ, ничего подобнаго не происходило въ другихъ отрасляхъ знанія, не смотря на то, что и въ нихъ первые шаги имѣли до нѣкоторой степени тотъ же описательный характеръ; но здѣсь эти описанія частью совершенно смѣшались съ разнороднымъ матеріаломъ, составляющимъ содержаніе отвлеченной науки и, войдя такимъ образомъ въ составъ послѣдней, послужили ей основаніемъ для послѣдующихъ, болѣе выработанныхъ теорій, частью же совершенно исчезли изъ преподаванія и научной традиціи, какъ ненужные болѣе для дальнѣйшихъ успѣховъ науки.

Изъ этого различія между неорганическими науками и наукою о жизни, не объяснивъ себѣ надлежащимъ образомъ его причинъ, обыкновенно спѣшатъ вывесть

заключеніе, что не вошедшій въ отвлеченную науку описательный остатокъ или «реликватъ» біологіи составляетъ именно то, что умъ нашъ, въ силу своей склонности къ симетріи всякаго рода, всегда и всюду старается противопоставить отвлеченной наукѣ: т.-е. составляетъ науку конкретную. При этомъ однако совершенно забываютъ, что переходя отъ наукъ неорганическихъ къ наукѣ о жизни, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вступаемъ и въ новую область, обставленную новыми, ей одной свойственными условіями, при чемъ и видимое различіе, о которомъ идетъ рѣчь, болѣе чѣмъ уравновѣшивается сходствомъ, коренящимся въ глубинѣ вещей.

Въ наукахъ неорганическаго міра описаніе играетъ второстепенную, подчиненную роль; настоящее орудіе этихъ наукъ или методъ, который ведетъ здѣсь къ научнымъ открытіямъ — производство опытовъ. И потому мы никогда не видимъ, чтобы «рѣшающій задачу» опытъ въ физикѣ или химіи исчезалъ безслѣдно или выбрасывался изъ состава отвлеченной науки; опыты Торичелли или Гальвани, Лавуазье или Дюма имѣютъ одинаковую долговѣчность съ истинами, внесенными этими опытами въ науку. Но не трудно также понять, что по самому своему существу или отличительнымъ особенностямъ физическіе или химическіе опыты не представляютъ собою матеріала, пригоднаго для составленія обзоровъ или собраній теорій и фактовъ, отличныхъ отъ тѣхъ отвлеченныхъ истинъ, изъ которыхъ состоятъ соотвѣтствующія теоретическія науки.

Иное видимъ мы въ наукахъ природы органической, заключающей въ себѣ два порядка явленій: порядокъ жизни и порядокъ общества. Дѣйствительно,

разъ допустивъ, что описаніе здѣсь замѣняетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, прямое производство опытовъ или, другими словами, составляетъ спеціальное орудіе изслѣдованія или настоящій методъ этихъ наукъ, уже легко будетъ самымъ характеромъ описательныхъ пріемовъ объяснить образованіе тѣхъ обзоровъ, классификацій, собраній фактовъ и наблюденій, которые накопляются здѣсь на порогѣ отвлеченной науки, по мѣрѣ выдѣленія ихъ изъ послѣдней — выдѣленія, въ свою очередь составляющаго всегда вѣрный признакъ того, что наука сдѣлала новый шагъ на пути отвлеченія или открытія общихъ законовъ, управляющихъ явленіями.

Такимъ образомъ объясняется вообще необходимость научнаго наслоенія, о которомъ шла рѣчь выше и которое имѣетъ неоспоримую философскую важность по отношенію къ наукамъ органической природы. И такимъ же образомъ объясняется, въ частности, и одновременное существованіе историческихъ наносовъ, наглядно свидѣтельствующихъ какъ о необыкновенныхъ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ изслѣдованіемъ крайне сложныхъ явленій жизни и общества, такъ и о значительныхъ побѣдахъ, уже одержанныхъ научною мыслью надъ этими затрудненіями. Такого рода наносами являются: самая древняя «формація» въ области біологическаго знанія— естественная исторія, какъ она понималась еще у грековъ и римлянъ, и новѣйшія образованія—анатомія и физіологія отдѣльныхъ естественныхъ видовъ, палеонтологія, антропологія и т. п., а въ другомъ порядкѣ явленій и истинъ: политическая географія, статистика съ демографіей, антропологія, разсматриваемая съ

соціальной точки зрѣнія или какъ біологическая основа соціологіи, исторія и философія исторіи, политика, политическая экономія, право, наука о языкѣ и т. д. [1]).

15. Въ основаніи всякаго заблужденія лежитъ или произвольное наведеніе, или неправильный силлогизмъ. Но мнѣніе, будто зоологія и ботаника (и вообще всякая описательная наука) суть науки конкретныя, основано не на наведеніи изъ фактовъ, а на логическомъ выводѣ изъ посылокъ, признаваемыхъ обыкновенно за вполнѣ достовѣрныя. Относящееся сюда разсужденіе принимаетъ приблизительно слѣдующую форму: всякая отвлеченная наука дополняется соотвѣтственной конкретною наукою; конкретную форму жизни составляютъ растеніе и животное; и потому науки, описывающія выдающіеся признаки этихъ конкретныхъ явленій, суть сами науки конкретныя. Но въ этомъ разсужденіи все одинаково невѣрно: и посылки и заключеніе.

Конкретная наука есть наука синтетическая, задающаяся цѣлью возсоединить вновь то, что было предварительно разрознено науками аналитическими

---

[1]) Очевидно, впрочемъ, что кромѣ указанной здѣсь общей причины существуютъ и многія другія, побуждающія тщательно сохранять, постоянно пересматривать, дополнять и исправлять прежнія описанія и обозрѣнія въ области біологіи и соціологіи. Многочисленность и разнообразіе естественныхъ видовъ, напримѣръ, является однимъ изъ самыхъ настоятельныхъ поводовъ къ постоянному измѣненію и исправленію существующихъ классификацій растеній и животныхъ. Съ другой стороны и разнообразныя требованія практики, часто не имѣющія ничего общаго съ нуждами науки, также побуждаютъ сохранять и улучшать эти безпрерывно исправляемые объемистые словари, если можно такъ сказать—эти обширные in-folio живой природы.

или отвлеченными: я говорю науками, а не наукою, потому что это различіе имѣетъ въ данномъ случаѣ огромное значеніе. Дѣйствительно, какой смыслъ можетъ имѣть возсоединеніе или синтезъ того, что́ было отвлечено, было анализировано одной абстрактною наукою? Возможно ли возстановить самое простое конкретное явленіе съ помощью одного, хотя бы и основнаго свойства вещества? Для самаго простого синтеза въ области конкретной мысли, очевидно необходимы по крайней мѣрѣ два элемента, два основныхъ свойства изъ числа изслѣдуемыхъ различными отвлеченными науками. Строго говоря, поэтому, не можетъ существовать ни конкретной физики, ни конкретной химіи или біологіи, или соціологіи; и въ дѣйствительности такія науки никогда не существовали.

Правда, каждая основная или отвлеченная наука распадается на нѣсколько отдѣловъ или подраздѣленій и отсюда легко вывесть заключеніе, что въ области одной и той же основной науки возможны внутренніе, такъ-сказать, синтезы, что здѣсь можно пытаться возстановить, какъ одно конкретное цѣлое, явленіе, изучавшееся съ различныхъ точекъ зрѣнія каждымъ изъ развѣтвленій отвлеченной науки. Что это возможно, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но что въ основѣ такой возможности лежитъ характеристическая иллюзія ума, это, какъ мнѣ кажется, можетъ также быть легко доказано. Въ самомъ дѣлѣ, образованный такимъ путемъ синтезъ до такой степени отожествляется съ точкой исхода абстрактной науки, что здѣсь въ сущности за конечный синтезъ выдается собственно сама эта исходная точка. Научнымъ синтезомъ въ этомъ случаѣ называется конкретное явленіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно представ-

лялось взорамъ первыхъ наблюдателей и было ими описано; это вполнѣ очевидно по отношенію къ ботаникѣ и зоологіи и, хотя не такъ ясно, но все-таки справедливо и въ отношеніи къ большей части другихъ описательныхъ наукъ. Не слѣдуетъ забывать, что всякое дѣленіе и подраздѣленіе отвлеченнаго знанія есть лишь проведеніе совершенно идеальныхъ линій, и что ни одна часть отвлеченной науки никогда не теряетъ изъ виду тѣхъ конкретныхъ явленій, анализъ которыхъ составляетъ ближайшую цѣль всей науки. Что же даетъ въ результатѣ всякій такъ называемый синтезъ, не выходящій изъ круга одной науки? Не приводитъ ли онъ по крайней мѣрѣ къ цѣлостному, синтетическому представленію основнаго свойства, анализируемаго отвлеченною наукою, напримѣръ къ представленію общаго свойства жизни какъ совокупности или единства частныхъ свойствъ сокращаемости тканей, усвоенія питательнаго матеріала, нервной дѣятельности и т. д.? Но нѣтъ надобности доказывать, что такой синтезъ жизни составляетъ лишь конечную цѣль отвлеченной науки о жизни и лежитъ слѣдовательно еще въ предѣлахъ послѣдней. Такимъ образомъ, переходя отъ точки исхода къ конечной цѣли абстрактной науки, мы постоянно колеблемся между обоими полюсами абстрактнаго знанія, но не выходимъ изъ области отвлеченной науки и не вступаемъ въ область науки конкретной.

Существенно отличенъ отъ предъидущаго тотъ случай, когда двѣ или нѣсколько отвлеченныхъ наукъ направляютъ добытый каждою изъ нихъ въ отдѣльности свѣтъ на одну и ту же точку объективной дѣйствительности, которую онѣ и ставятъ въ фокусѣ

своихъ комбинированныхъ лучей. Вотъ этотъ-то новый и несомнѣнно синтетическій свѣтъ мы и называемъ конкретною наукою.

Есть одинъ весьма вѣрный критерій для отличенія дѣйствительно конкретной науки отъ науки описательной или вообще отъ начальной фазы всякой отвлеченной науки. Синтезъ, преслѣдуемый конкретною наукою, никогда не совпадаетъ ни съ точкой исхода, ни съ конечной цѣлью соединяемыхъ для образованія конкретнаго знанія отвлеченныхъ наукъ. Каждая изъ послѣднихъ отправляется отъ особой и различной совокупности фактовъ, отъ эмпирической «связи» явленій, которая обнаруживаетъ преобладаніе одного какого-нибудь несводимаго свойства и каждая имѣетъ конечною цѣлью отвлеченное или изолированное познаніе этого самаго свойства. Но преслѣдуемый конкретною наукою синтезъ никогда не совмѣщается въ тѣхъ же самыхъ или даже вообще въ столь же тѣсныхъ предѣлахъ. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на геологію, представляющую настоящій типъ конкретной науки. Геологія не есть ни конкретная физика, ни конкретная механика, или химія, или біологія; но она обязана своимъ происхожденіемъ и существованіемъ большей части этихъ наукъ. Она имѣетъ своимъ предметомъ и цѣлью познаніе или объясненіе объективнаго синтеза, какихъ въ дѣйствительности очень много, но который представляетъ, однако, ту особенность, что онъ не составляетъ ни точки исхода ни конечной цѣли какой бы то ни было общей или отвлеченной науки. Этотъ пунктъ имѣетъ существенное значеніе въ нашемъ опредѣленіи конкретной науки. Такая наука должна удовлетворять двумъ условіямъ: предметомъ

ея не долженъ быть ни исходный ни конечный синтезъ какой бы то ни было отвлеченной науки, и она должна изучать этотъ предметъ, соединяя результаты, добытые нѣсколькими отвлеченными науками. Такимъ путемъ она открываетъ законы особаго рода, составляющіе какъ бы «равнодѣйствующія» законовъ отвлеченныхъ наукъ. И это одинаково справедливо какъ въ томъ случаѣ, когда конкретная наука находитъ свои законы путемъ эмпирическимъ или съ помощью обыкновенной индукціи, такъ и тогда, когда она рядомъ дедуктивныхъ разсужденій выводитъ ихъ изъ элементарныхъ законовъ отвлеченныхъ наукъ. Конкретныя науки суть всегда исключительно науки «продуктовъ», а не факторовъ или элементовъ, и только въ этомъ смыслѣ онѣ и могутъ называться синтетическими, въ противоположность наукамъ аналитическимъ или отвлеченнымъ.

Изъ двухъ только-что указанныхъ условій, которымъ должна всегда удовлетворять конкретная наука, первое очевидно уже содержитъ въ себѣ и подразумѣваетъ второе. Реальный или объективный міръ представляетъ не элементы или факторы, а матеріальные агрегаты, группы качествъ или свойствъ, частные объективные синтезы. Какъ абстрактныя, такъ и конкретныя науки не могутъ слѣдовательно, въ концѣ-концовъ и непосредственно, имѣть дѣло съ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ такихъ группъ или агрегатовъ. Но для проведенія строгой черты раздѣленія между этими двумя родами знанія недостаточно сказать, что аналитическая наука отвлекаетъ отъ изучаемыхъ ею спеціальныхъ агрегатовъ извѣстные элементы или свойства. И конкретная наука, съ своей стороны, также постоянно обобщаетъ и въ ко-

нечномъ результатѣ получаетъ лишь одни идеальныя существованія или отвлеченія. Только при этомъ она всегда имѣетъ дѣло съ агрегатами агрегатовъ, то-есть съ естественными сочетаніями (имѣющими самостоятельное объективное существованіе) уже изслѣдованныхъ и анализированныхъ абстрактными науками соединеній. Но агрегатъ агрегатовъ, какъ всякое цѣлое, разложимое на части, очевидно не можетъ заключать въ себѣ элементовъ или факторовъ, не содержавшихся уже предварительно въ тѣхъ частныхъ агрегатахъ, изъ которыхъ онъ самъ составленъ; такъ-что конкретная наука есть, въ сущности, лишь та связь, посредствомъ которой нѣсколько абстрактныхъ наукъ скрѣпляются и соединяются между собой для достиженія той или другой спеціальной научной цѣли. Вотъ почему мы и говоримъ, что второе изъ двухъ условій всякой конкретной науки есть необходимое слѣдствіе перваго, которое и должно прежде всего приниматься въ разсчетъ при опредѣленіи того, есть ли данное знаніе дѣйствительно конкретное, или оно только кажется намъ таковымъ.

Между тѣмъ въ соображеніе въ этомъ случаѣ обыкновенно принимается лишь одно второе условіе. Конкретную науку видятъ всюду, гдѣ только предполагается или дѣйствительно замѣчается взаимное содѣйствіе нѣсколькихъ отвлеченныхъ наукъ; и при этомъ ни мало не уясняютъ себѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ частнымъ синтезомъ, вполнѣ и со всѣхъ сторонъ разсмотрѣннымъ и, такъ-сказать, уже исчерпаннымъ одной изъ абстрактныхъ наукъ, или же, напротивъ того, намъ приходится наблюдать и анализировать новый, болѣе

обширный синтезъ, неизвѣстное цѣлое, составленное изъ извѣстныхъ частей, подвергая его новымъ опытамъ, если это возможно, или просто описывая его, если, по обстоятельствамъ случая, экспериментація оказывается непримѣнимою. Слѣдованіе по этому ложному пути неизбѣжно приводитъ къ тому, что почти въ каждой изъ абстрактныхъ наукъ видятъ науку конкретную, или же, что̀ еще хуже, къ тому, что въ каждой отвлеченной наукѣ различаютъ двѣ части: одну, совершенно пассивную, никогда не встрѣчающуюся лицомъ къ лицу съ внѣшней природой, которую она вовсе не изучаетъ, не имѣющую ни собственнаго метода или своихъ особенныхъ пріемовъ изслѣдованія, ни дѣятельности, ни жизни—родъ архива, куда складываются результаты, добываемые съ большимъ трудомъ и усиліями второю частью, которая одна только и является дѣятельною и живою, одна только и становится ежедневно на очную ставку съ естественными агрегатами, ею различаемыми и анализируемыми, которая одна только и экспериментируетъ, описываетъ, заблуждается, исправляетъ свои ошибки, открываетъ, обобщаетъ и несетъ свои результаты въ упомянутый выше архивъ, незаконно присваивающій себѣ въ текущей терминологіи принадлежащія ей одной названіе и права отвлеченной науки.

16. Въ основаніи разсматриваемаго заблужденія лежитъ ошибочное опредѣленіе конкретной науки, въ свою очередь объясняемое черезъ-чуръ абсолютнымъ противоположеніемъ понятій конкретнаго и абстрактнаго, какъ признаковъ, характеризующихъ различные роды знанія. Ничто въ дѣйствительности не оправдываетъ такой строгой антитезы, и

ничто въ различныхъ родахъ знанія не соотвѣтствуетъ такой чисто фиктивной противоположности. Самая отвлеченная наука, разъ она основана на апостеріорномъ методѣ, можетъ изучать, классифицировать, описывать, подвергать разнообразнымъ опытамъ и въ конечномъ результатѣ анализировать лишь естественные агрегаты или конкретныя существованія. И если возражаютъ, что она поступаетъ такимъ образомъ, имѣя единственною цѣлью — отвлеченіе отъ этихъ агрегатовъ общихъ законовъ, то на это слѣдуетъ отвѣтить, что и наиболѣе конкретная наука не можетъ имѣть иной цѣли, какъ отвлеченія отъ изучаемыхъ ею фактовъ тѣхъ или другихъ общихъ и постоянныхъ отношеній. Если же хотятъ сказать, что абстрактная наука, въ противоположность къ конкретной, разсматриваетъ всегда извѣстныя свойства вещества, вполнѣ изолируя ихъ отъ всѣхъ другихъ, то на это слѣдуетъ отвѣтить, что истинная цѣль всякой отвлеченной науки прямо противоположна цѣли, подразумѣваемой обычной фразой объ изолированіи одного свойства отъ всѣхъ прочихъ.

Особая отвлеченная наука возможна и необходима всякій разъ, когда мы встрѣчаемся съ свойствомъ матеріи, которое не сводится безъ остатка на какое-либо другое или, если и сводится, такъ единственно съ помощью гипотезы, не подлежащей провѣркѣ. Но если несомнѣнно, что наука не можетъ обойтись безъ анализа объективнаго агрегата, т.-е. безъ превращенія его въ рядъ отвлеченій, имѣющихъ реальное существованіе только въ нашемъ умѣ, и если неоспоримо, далѣе, что каждая отвлеченная наука дифференцируется отъ всѣхъ другихъ тѣмъ

особеннымъ и высшимъ отвлеченіемъ, которое соотвѣтствуетъ новому и еще неизслѣдованному какою-либо отраслью знанія свойству, то съ другой стороны совершенно ясно и то, что единственною цѣлью отвлеченной науки можетъ быть только открытіе необходимыхъ и постоянныхъ отношеній, существующихъ между такимъ новымъ и всѣми другими свойствами объективной дѣйствительности.

При этомъ, конечно, я нисколько не отрицаю необходимости и важности обычнаго изолированія фактовъ, къ которому каждая наука прибѣгаетъ въ своихъ усиліяхъ распутать конкретные узлы явленій. Это изолированіе есть необходимый постулатъ всякаго мышленія, и безъ него не можетъ обойтись ни конкретное ни абстрактное знаніе. Всякая идея или представленіе—какъ справедливо говоритъ англійскій писатель Бэджготъ—есть не что̀ иное, какъ конкретный фактъ или рядъ фактовъ, минусъ что̀-то, что̀ выбрасывается или исключается изъ реальной дѣйствительности. Фактъ или рядъ фактовъ даны природой, но что̀ и сколько нужно выбросить изъ реальнаго факта, и что̀ и сколько нужно сохранить въ немъ для цѣлей науки, опредѣляется каждый разъ самимъ изслѣдователемъ. Я готовъ также признать вѣрность дѣлаемаго Бэджготомъ сравненія открытія закона природы съ открытіемъ преступленія: въ одномъ случаѣ задерживается заподозрѣнное лицо, а въ другомъ изолируется заподозрѣнная причина. Но въ обоихъ случаяхъ пріемъ этотъ является только первымъ, предварительнымъ шагомъ, только временною, мимолетной мѣрою: слѣдователь долженъ спѣшить къ очной ставкѣ съ другими лицами, а изслѣдователь—къ очной ставкѣ съ другими

причинами и явленіями. Самое выраженіе «изолированіе» подаетъ поводъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ и ведетъ къ ложнымъ представленіямъ о сущности научнаго процесса. Многіе въ настоящее время такъ же склонны вѣрить въ силу и научное значеніе «изолированія», какъ великій канцлеръ королевы Елизаветы вѣрилъ въ свое время въ силу и научное значеніе простого собиранія фактовъ. Лучшимъ примѣромъ тому служатъ экономисты, все еще льстящіе себя надеждой создать свою науку путемъ простаго изолированія одного почти стремленія человѣка къ наживѣ отъ всѣхъ другихъ его стремленій и отъ вліяній, которыя на языкѣ научной логики называются «посторонними»—хотя эти вліянія суть, на самомъ дѣлѣ, столь мало постороннія, что до полнаго ихъ изслѣдованія и до точнаго установленія ихъ отношеній къ эгоистическимъ побужденіямъ политическую экономію едва ли можно будетъ считать положительною наукою. Ньютонъ сдѣлалъ свои открытія не потому, что изолировалъ притяженіе, а очевидно потому, что связалъ его со всѣми извѣстными ему количественными свойствами и явленіями вещества, и этой связью, этимъ рядомъ отношеній объяснилъ множество фактовъ, остававшихся необъясненными прежними гипотезами. Сказать, что была такая минута въ процессѣ ньютоновской мысли, когда притяженіе явилось въ его умѣ одинокимъ звеномъ, безъ всякаго отношенія къ другимъ свойствамъ и явленіямъ дѣйствительности, значитъ только сказать, что Ньютонъ подчинился присущимъ человѣческой мысли ограниченіямъ и недостаткамъ; но видѣть въ изолированіи, этомъ простомъ акидентѣ или вспомогательномъ средствѣ научной мысли, глав-

ную причину и прямой источникъ успѣховъ человѣческаго знанія представляется столь же разумнымъ, какъ если бы кто въ перьяхъ и бумагѣ, безъ помощи которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ писатель, усмотрѣлъ причину успѣховъ литературы. Центръ тяжести научнаго процесса лежитъ не въ томъ или другомъ, внутреннемъ или внѣшнемъ пріуроченіи или приспособленіи изслѣдователя къ трудностямъ своей задачи, а въ безконечномъ и разнообразномъ сочетаніи фактовъ и признаковъ, причинъ и слѣдствій, съ цѣлью открытія постоянныхъ и однообразныхъ отношеній между различными свойствами вещества. Эта-то высшая цѣль знанія и представляетъ единственное основаніе для взаимной зависимости различныхъ наукъ и для раціональной классификаціи ихъ въ іерархическомъ порядкѣ.

Физикъ изучаетъ физическія свойства не съ исключеніемъ всѣхъ другихъ свойствъ матеріи, а скорѣе исключительно съ точки зрѣнія однообразныхъ и постоянныхъ отношеній, открываемыхъ наблюденіемъ между одной категоріей естественныхъ свойствъ и всѣми другими. Но въ числѣ результатовъ изслѣдованій физика однимъ изъ первыхъ и весьма важнымъ является открытіе, что физическія свойства относятся, такъ сказать, «безразлично» къ болѣе сложнымъ и менѣе общимъ свойствамъ вещества, каковы химическія, жизненныя и т. п., или, другими словами, что здѣсь существуетъ лишь одно общее и всегда неизмѣнное отношеніе. Физикъ, слѣдовательно, вполнѣ правъ, оставляя всѣ эти свойства въ сторонѣ, игнорируя ихъ и ограничиваясь свойствами, представляющими болѣе чѣмъ одно отношеніе въ связи съ свойствами физическими. Таковы свойства количе-

ственныя или математическія—пространство и число; и физикъ поэтому задается цѣлью найти отношенія, существующія между физическими свойствами и свойствами протяженія (разстояніе, движеніе и проч.) и числа (масса и т. п.).

Но отсюда вытекаетъ одно важное послѣдствіе. Изслѣдователь физическихъ явленій не встрѣчаетъ надобности въ спеціальномъ изученіи химическихъ тѣлъ (за исключеніемъ небольшого числа случаевъ), органическихъ тканей или союзовъ живыхъ существъ: онъ знаетъ напередъ, что физическія свойства даютъ начало совершенно тожественнымъ и неизмѣннымъ явленіямъ и тогда, когда они неразрывно соединены съ свойствами химическими, и тогда, когда они связаны съ жизнью или общественностью; при чемъ сложность агрегатовъ, въ которыхъ совмѣщаются всѣ эти свойства, можетъ быть только серьозною помѣхою для его собственныхъ изслѣдованій. А потому онъ благоразумно и съ чуткимъ пониманіемъ практическихъ трудностей, неразлучныхъ со всякимъ научнымъ анализомъ, ограничивается изслѣдованіемъ естественныхъ агрегатовъ, представляющихъ, по большей части, лишь простое соединеніе физическихъ свойствъ съ свойствами протяженія и числа. Но эти агреґаты онъ уже изучаетъ вполнѣ, со всѣхъ сторонъ; и я не думаю, чтобы затѣмъ предстояла еще какая-нибудь надобность въ изученіи вновь тѣхъ же самыхъ агрегатовъ въ какой бы то ни было конкретной наукѣ. Конечно, тѣ же агрегаты могутъ снова появиться въ одной изъ конкретныхъ наукъ какъ существенныя составныя части болѣе обширныхъ или сложныхъ агрегатовъ, изслѣдованіе которыхъ составляетъ спеціальный объектъ конкретной

науки; но здѣсь они не подвергнутся «переизученію» или вторичному анализу, а будутъ лишь, употребляя терминъ, заимствованный у логики, «соотмѣчены» или «коннотированы», что̀ уже вовсе не то же самое и безъ чего не можетъ обойтись, по отношенію къ предмету ближайшихъ къ ней отраслей знанія, ни одна отвлеченная наука.

То же можно сказать и о химіи, о біологіи, о соціологіи. Химикъ долженъ проникнуться сознаніемъ, что цѣлью его должно быть изслѣдованіе химическихъ свойствъ не самихъ по себѣ и независимо отъ всѣхъ другихъ свойствъ изучаемыхъ имъ тѣлъ, а въ ихъ различныхъ постоянныхъ отношеніяхъ къ этимъ свойствамъ. Подобно физику, онъ начинаетъ съ открытія, что химическія свойства относятся вполнѣ безразлично къ болѣе частнымъ и сложнымъ свойствамъ вещества, называемымъ жизнью и общественностью; и вотъ вслѣдствіе этого, онъ совершенно исключаетъ жизнь и общество изъ своей спеціальной области, вводя въ нее тотчасъ же, напротивъ того, представленія числа, протяженія, массы, разстоянія, вѣса, теплоты, свѣта, электричества и т. д. По той же причинѣ, онъ изучаетъ основательно и со всѣхъ сторонъ извѣстные агрегаты—естественныя и искусственныя химическія соединенія—которые, по его мнѣнію, лучше другихъ могутъ служить для открытія искомыхъ отношеній; и на этомъ пути онъ доходитъ до элементовъ и органическихъ тканей, включая и ихъ въ область своего изслѣдованія; но онъ останавливается передъ агрегатомъ, называемымъ органомъ, который не можетъ научить его ничему, чего бы онъ уже не зналъ. Біологъ находится

въ существенно одинаковомъ положеніи: онъ изучаетъ извѣстные естественные агрегаты, клѣточку, ткань, органъ, растительныя и животныя особи съ единственною цѣлью вывѣдать тайну однообразныхъ и постоянныхъ отношеній, связывающихъ свойство, которымъ они одарены—жизнь, съ прочими свойствами матеріи. Но слишкомъ очевидно, что агрегатъ, называемый обществомъ, точно такъ же, какъ агрегатъ, называемый минеральною породою или кристалломъ, не могутъ научить его ровно ничему въ этомъ отношеніи онъ, поэтому, одинаково исключаетъ изъ своей программы оба разряда явленій. Какъ нельзя болѣе ясно, наконецъ, что невозможно, не впадая въ очевидный абсурдъ, видѣть въ соціологіи иное что, кромѣ изслѣдованія отношеній общественности къ остальнымъ свойствамъ въ природѣ или, другими словами, ясно, что невозможно изучать общество, изолируя его отъ земного шара и его обитателей, то есть отъ физическихъ и біологическихъ условій, которымъ подчинено человѣчество. Замѣчу еще разъ, что агрегаты — организмы и общественные союзы—однажды изслѣдованные въ отвлеченныхъ наукахъ о жизни и обществѣ, не могутъ уже послѣ того, по моему мнѣнію, быть «переизучаемы» съ какой бы то ни было *теоретической* точки зрѣнія; хотя они могутъ, конечно, сдѣлаться еще предметомъ или цѣлью многихъ практическихъ изслѣдованій.

17. Желая провѣрить защищаемую нами точку зрѣнія, мы послѣдовательно провели ее чрезъ всѣ звенья длинной цѣпи наукъ, за исключеніемъ перваго звена—математики. Опущеніе это было сдѣлано нами не безъ намѣренія: мы не опасались, что мнѣніе наше не выдержитъ критерія, неоднократно уже

оказывавшагося роковымъ для несравненно болѣе выработанныхъ теорій, но хотѣли и здѣсь дать математикѣ особое мѣсто, соотвѣтствующее особому положенію ея въ научной логикѣ.

Математика всегда была и останется наукою единственною въ своемъ родѣ. Извѣстна роль, которую она играла въ исторіи философіи. Математика или, лучше сказать, обманчивые аргументы, почерпнутые изъ ея примѣра, служили долгое время главнымъ основаніемъ для ложной теоріи врожденныхъ идей; математика же была послѣднимъ убѣжищемъ новѣйшей метафизики, благодаря двери, оставленной открытою апріорному методу Кантомъ, великимъ сокрушителемъ старой метафизики: именно такъ называемымъ необходимымъ истинамъ или логическимъ формамъ познанія; наконецъ математика, уже въ наши дни и въ рукахъ нѣкоторыхъ современныхъ философовъ, обратилась въ орудіе, посредствомъ котораго хотѣли поколебать въ самыхъ ея основахъ контовскую классификацію наукъ. Однимъ словомъ, о логическія затрудненія, порождаемыя математикой и заключающіяся главнымъ образомъ въ необыкновенной простотѣ изучаемыхъ ею явленій, разбилось уже столько различныхъ теорій, что нисколько не было бы удивительно, еслибъ то же случилось и съ нашимъ мнѣніемъ объ абстрактныхъ и конкретныхъ наукахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда не можетъ не казаться, что примѣръ математики подрываетъ въ корнѣ всѣ наши выводы. Мы имѣемъ тутъ передъ собой отвлеченную науку, которая уже дѣйствительно ограничивается изслѣдованіемъ одного свойства вещества, разсматриваемаго ею въ полномъ смыслѣ слова отвлеченно, съ совершеннымъ исключе-

ніемъ какихъ бы то ни было отношеній его къ другимъ признакамъ, свойствамъ и силамъ. Такимъ образомъ въ математикѣ, повидимому, осуществляется на самомъ дѣлѣ типъ абстрактной науки въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ онъ обыкновенно рисуется научному воображенію; а отсюда не далеко до заключенія, что и другія науки должны стремиться, каждая въ своей области, къ возможно полному достиженію того же идеала. Весьма соблазнительнымъ съ этой точки зрѣнія представляется, далѣе, и соображеніе, что единственной помѣхой къ осуществленію этого типа во всѣхъ прочихъ отвлеченныхъ наукахъ было до сихъ поръ главнымъ образомъ недостаточно полное и строгое отдѣленіе въ нихъ абстрактной части отъ конкретной. Всѣ эти возраженія, однако, кажутся мнѣ столь же мало состоятельными, какъ и тѣ, которыя были направляемы нѣкогда противъ опытнаго или экспериментальнаго характера самой математики. Оба рода возраженій принадлежатъ къ одной категоріи и проистекаютъ изъ одинаковаго, уже указаннаго нами источника: именно, чрезвычайной простоты количественныхъ или математическихъ явленій. Крайности сходятся, повидимому, и въ сферѣ науки и философіи. Необыкновенная простота порождаетъ столько же логическихъ затрудненій, какъ и чрезвычайная сложность. Не далекъ уже, можетъ быть, день, когда соціологія, выйдя изъ своего зачаточнаго состоянія, крайней сложностью своихъ явленій произведетъ въ рядахъ философовъ и ученыхъ не менѣе смятенія и разногласій, чѣмъ производила до сихъ поръ математика по причинѣ прямо противоположной—вслѣдствіе крайней простоты своихъ явленій. Въ соціологіи

чрезвычайная сложность общественныхъ явленій, одновременное дѣйствіе множества причинъ и одновременное появленіе безчисленныхъ послѣдствій мѣшаютъ ясному зрѣнію или различенію новаго основного свойства вещества, которое здѣсь скорѣе предполагается или вводится въ науку какъ полезная гипотеза, чѣмъ считается имѣющимъ реальное существованіе. Въ математикѣ, напротивъ того, не ясно различается первоначальный, опытный источникъ, откуда вытекаютъ всѣ наши количественныя понятія, потому что наблюденіе, принимающее во всѣхъ прочихъ областяхъ знанія форму болѣе или менѣе сложныхъ представленій, здѣсь является въ самомъ элементарномъ видѣ—какъ непосредственное воспріятіе. Но та же причина затемняетъ и ясное пониманіе того, что и математика, въ сущности, только строго и во всемъ слѣдуетъ выведенному нами для всѣхъ прочихъ отвлеченныхъ наукъ закону. Изучаемыя въ математикѣ свойства такъ всеобщи и просты, что нѣтъ и не можетъ быть явленія или естественнаго агрегата, который бы не обнаруживалъ ихъ, и притомъ всегда въ одинаковой степени и однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ способомъ. Отношенія этихъ свойствъ ко всѣмъ прочимъ остаются неизмѣнно тожественными, съ какими бы явленіями мы ни имѣли дѣло, и при какихъ бы обстоятельствахъ мы ихъ ни разсматривали. Такимъ образомъ, и совершенно согласно съ объясненіемъ, даннымъ выше относительно физики, химіи и проч., и математика не имѣетъ никакой надобности изучать эти отношенія въ агрегатахъ, составляющихъ спеціальный предметъ другихъ наукъ.

Но наука, какъ мы знаемъ, изучаетъ не изолированное отъ всѣхъ прочихъ свойство, а однообраз-

ныя отношенія, существующія между одной категоріей свойствъ и всѣми остальными. И очевидно, что математика не можетъ составить исключенія въ этомъ отношеніи, не теряя тѣмъ самымъ своего характера отвлеченной науки. Съ другой стороны, конечная цѣль математики, какъ отвлеченной науки, вполнѣ достигается избраніемъ объектомъ ея научнаго наблюденія нѣсколькихъ естественныхъ агрегатовъ изъ числа такихъ, которые ежедневно встрѣчаются въ природѣ на каждомъ шагу, и которые такъ несложны и такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что наблюденіе или изслѣдованіе ихъ математикой совершается путемъ непосредственнаго воспріятія, становится «интуитивнымъ» и подъ конецъ вовсе не сознается нами на ряду съ исполненными трудностей наблюденіями и изслѣдованіями въ другихъ отрасляхъ знанія. Агрегаты эти образуютъ опытное основаніе какъ геометріи трехъ измѣреній, такъ и науки чиселъ. Результатомъ наблюденія и изученія ихъ, внимательнаго на первыхъ порахъ, а теперь являющагося дѣломъ несознательнаго воспріятія, были немногія аксіомы, на которыхъ, какъ на непоколебимомъ основаніи, возвысилась съ теченіемъ времени извѣстная всѣмъ блестящая логическая надстройка, состоящая изъ нескончаемаго ряда дедуктивныхъ выводовъ. Но надстройка эта многими—и, какъ мнѣ кажется, совершенно правильно—признается не за настоящую науку, открывающую однообразныя взаимныя отношенія между различными свойствами вещества, и заключающуюся всецѣло въ упомянутыхъ выше немногихъ аксіомахъ съ ближайшими ихъ послѣдствіями, а за могучее и достойное удивленія орудіе общей научной логики. Эта логическая

надстройка встрѣчается въ одной математикѣ; но едва ли можно считать очевиднымъ абсурдомъ мнѣніе, признающее и за другими науками ту же способность къ логическимъ построеніямъ, въ зависимости хотя бы только отъ приблизительнаго осуществленія въ нихъ условій, полное совмѣщеніе которыхъ всегда останется преимуществомъ математики; всеобщее и простое явленіе, изучаемое механикой — движеніе, могло-бы, согласно съ этой гипотезой, послужить когда-нибудь основаніемъ для логическаго надстроенія такого же рода, хотя, конечно, и менѣе совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ.

18. На предыдущихъ страницахъ мы старались выяснить, что описательная наука — потому только, что она описательна — не есть еще наука конкретная или что описаніе не есть признакъ, непремѣнно указывающій на конкретный характеръ науки, а составляетъ особый научный методъ, соотвѣтствующій особеннымъ свойствамъ наблюдаемыхъ явленій. Мы старались показать также, что методъ этотъ оказываетъ извѣстнымъ наукамъ такія же услуги, какія оказываетъ другимъ наукамъ методъ экспериментальный; наконецъ мы признали, что описательные пріемы могутъ быть одинаково и безразлично примѣняемы въ области абстрактнаго и въ области конкретнаго знанія. Мы приходимъ такимъ образомъ къ слѣдующимъ опредѣленіямъ отвлеченной и конкретной науки. Отвлеченная наука анализируетъ, при помощи простого наблюденія, экспериментаціи или описанія, извѣстные естественные агрегаты, избираемые ею въ массѣ существующихъ въ природѣ соединеній какъ отчетливѣе и полнѣе

другихъ обнаруживающіе какое-нибудь основное свойство матеріи; и конечная цѣль такого анализа заключается въ опредѣленіи однообразныхъ отношеній (естественныхъ законовъ) между данной категоріей свойствъ и всѣми другими, анализируемыми такимъ же точно образомъ и съ тою же цѣлью, но уже въ другихъ агрегатахъ и другими абстрактными науками. Конкретная наука, съ другой стороны, изучаетъ сложные агрегаты, составленные изъ агрегатовъ уже изслѣдованныхъ различными отвлеченными науками. Ближайшая цѣль ея, слѣдовательно, совпадаетъ съ ближайшей цѣлью отвлеченной науки: она заключается въ возможно-полномъ анализѣ данныхъ агрегатовъ. Но для достиженія одинаковой цѣли лучше всего служатъ и одинаковыя средства; а потому и методы конкретной науки вполнѣ совпадаютъ съ методами науки отвлеченной. Существенное и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое различіе открывается между этими двумя родами знанія лишь по отношенію къ конечнымъ результатамъ ихъ усилій. Мы видѣли, къ чему неизбѣжно приводитъ изслѣдователя точный анализъ извѣстныхъ агрегатовъ въ такъ-называемыхъ отвлеченныхъ наукахъ. Бо̀льшая или мéньшая простота или сложность агрегатовъ, разумѣется, не имѣетъ при этомъ никакого особеннаго значенія. Весь вопросъ сводится къ тому, состоятъ или нѣтъ эти агрегаты изъ частей, въ которыхъ путемъ предварительнаго анализа уже найдены и опредѣлены однообразныя отношенія явленій. Въ первомъ случаѣ, какъ бы просты ни были данные агрегаты, они могутъ быть предметомъ только конкретной науки. Во второмъ, и какъ бы сложны они ни были, они будутъ предметомъ науки отвлеченной. Другими словами,

различіе между отвлеченной и конкретной наукою заключается въ томъ, что послѣдняя никогда не достигаетъ ни познанія новаго основного свойства матеріи (что, очевидно, невозможно уже потому, что она изучаетъ соединенія, всецѣло распадающіяся на агрегаты, всѣ основныя свойства которыхъ уже были предварительно изслѣдованы различными науками), ни болѣе совершеннаго познанія этихъ основныхъ свойствъ и элементарныхъ соединеній (ибо въ такомъ случаѣ задача конкретной науки слилась бы съ различными задачами, преслѣдуемыми отвлеченными науками). Но отвлеченныя науки, всецѣло занятыя своими спеціальными агрегатами и обнаруживаемыми ими свойствами, оставляютъ совершенно въ сторонѣ изслѣдованіе разнообразныхъ условій, необходимыхъ какъ для образованія, такъ и для сохраненія, измѣненія и вообще развитія всякихъ другихъ, болѣе сложныхъ соединеній. Этотъ-то пробѣлъ и пополняется такъ называемымъ конкретнымъ изслѣдованіемъ. Можно сказать поэтому, что конечное назначеніе конкретной науки заключается въ познаніи не однообразныхъ отношеній между основными свойствами матеріи, а спеціальныхъ условій, управляющихъ образованіемъ, сохраненіемъ и измѣненіемъ такихъ встрѣчающихся въ природѣ спеціальныхъ агрегатовъ, изученіе которыхъ, не смотря на представляемый ими не только практическій, но и теоретическій интересъ, не могло, по той или другой причинѣ, быть совмѣщено съ изслѣдованіемъ одного изъ основныхъ свойствъ въ какой-либо изъ отвлеченныхъ наукъ.

Два послѣдствія вытекаютъ изъ такого опредѣленія конкретной науки. Во-первыхъ, конкретная наука составляетъ, не менѣе отвлеченной, науку чисто тео-

ретическую. Она можетъ, конечно, служить источникомъ для различныхъ практическихъ отраслей знанія, т.-е. можетъ порождать различныя искусства, переставшія быть чисто эмпирическими и признавшія верховное руководство научной теоріи; но преобладающая въ конкретной наукѣ цѣль заключается всегда въ объясненіи генетическаго процесса въ природѣ, а цѣль эта — существенно теоретическая. Во-вторыхъ, конкретная наука не можетъ быть противопоставляема наукѣ абстрактной какъ необходимая или логическая ея противоположность. Я уже не говорю объ очевидной невозможности основать конкретную науку на какой-либо одной отвлеченной, но и основанная одновременно на нѣсколькихъ отвлеченныхъ наукахъ, конкретная наука обязана своимъ происхожденіемъ не логической (или субъективной) необходимости, а необходимости объективной или такому совпаденію внѣшнихъ условій, которое дѣлаетъ полезнымъ, желательнымъ или необходимымъ дополнительное изслѣдованіе, съ точки зрѣнія представляемой ими естественной совокупности, тѣхъ или другихъ агрегатовъ. Я уже указывалъ выше, какъ на причину смѣшенія понятій въ этомъ отношеніи, на слишкомъ абсолютное противоположеніе терминовъ, обыкновенно употребляемыхъ для обозначенія этихъ двухъ родовъ знанія, изъ которыхъ ни одно не является ни исключительно абстрактнымъ ни исключительно конкретнымъ. Въ обычной терминологіи вѣрно не это противопоставленіе, а лишь указаніе на то, что въ одномъ порядкѣ знаній главное и существенное — изученіе основныхъ свойствъ вещества, а въ другомъ, напротивъ того, причину существованія науки составляетъ объективный син-

тезъ, образуемый уже изслѣдованными и извѣстными свойствами матеріи. И потому, можетъ быть, было бы не безполезно къ освященнымъ употребленіемъ терминамъ прибавлять дополнительную квалификацію и говорить, напримѣръ, абстрактная или *основная* и конкретная или *производная* наука [1]).

---

[1]) Подробный обзоръ наукъ, обыкновенно включаемыхъ въ разрядъ конкретныхъ, былъ бы здѣсь, безъ сомнѣнія, не лишнимъ; за недостаткомъ мѣста однако, я вижу себя вынужденнымъ ограничиться въ этомъ отношеніи немногими краткими замѣчаніями. Мы уже сказали, что въ геологіи осуществляется истинный типъ конкретной науки То же можно сказать и о метеорологіи, которая изучаетъ объективный синтезъ, не составляющій предмета какой-либо другой науки атмосферу, разсматриваемую отдѣльно отъ земной коры; впрочемъ, очевидно, что на метеорологію можно смотрѣть и какъ на простое подраздѣленіе геологіи. Конкретная астрономія или сидерологія невозможна, пока небесныя физика и химія не сдѣлаютъ бо́льшихъ успѣховъ, и это одна изъ причинъ, почему Контъ могъ включить астрономію въ число отвлеченныхъ наукъ, хотя она, какъ абстрактное знаніе, составляетъ очевидно лишь часть механики. Переходя къ описательнымъ наукамъ по преимуществу, къ естественной исторіи, зоологіи и ботаникѣ, можемъ лишь снова выразить удивленіе по поводу того, что эти науки были сочтены за конкретныя, т.-е. за науки, основанныя на содѣйствіи нѣсколькихъ отвлеченныхъ наукъ. Можно ли сказать, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ нѣсколькими отвлеченными науками только потому, что мы описываемъ цвѣтъ тычинки или лепестка, окраску шерсти животнаго или указываемъ на вѣсъ, величину и т. п. физическіе признаки? Самая абстрактная наука не обходится безъ такой „соотмѣтки“ или „коннотаціи“ признаковъ и свойствъ изъ области другихъ наукъ. Но объясняетъ ли зоологія генезисъ цвѣта животныхъ, напримѣръ, съ помощью физики, и не видимъ ли мы, напротивъ того, что этимъ вопросомъ занимается самая отвлеченная часть біологіи — теорія развитія видовъ? А въ чемъ состоитъ участіе химіи въ зоологіи? Какъ всякій знаетъ, химія не играетъ тутъ ровно никакой роли, и химической стороной явленій, представляемыхъ растеніями и животными, опять-таки занимается самая абстрактная

19. Высказанныя выше соображенія даютъ намъ право, не останавливаясь на ея опроверженіи, отмѣтить здѣсь ложную аналогію, приведшую многіе умы къ убѣжденію, что соціологія — наука конкретная. Изъ того что соціологія представляетъ наиболѣе сходства съ отраслями знанія, обыкновенно, хотя и неправильно, считаемыми конкретными, спѣшили заключить «согласно разуму» (ανα — по, и λόγος — разумъ), что соціологія принадлежитъ къ категоріи наукъ конкретныхъ. Между тѣмъ, сказанное выше позволяетъ намъ утверждать, что соціологія есть лишь существенно описательная наука, самая описательная, несомнѣнно, изъ всѣхъ отвлеченныхъ наукъ. Правильность такого заключенія, надѣемся, не возбудитъ серьозныхъ сомнѣній въ тѣхъ,

---

часть науки о жизни. Далѣе, и минералогія и кристаллографія, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, также не удовлетворяютъ, какъ мнѣ кажется, всѣмъ условіямъ конкретной науки. Минералогія—эта естественная исторія неорганическаго міра—есть довольно древнее научное наслоеніе, которое, описывая наружные признаки неорганическихъ субстанцій, служило нѣкогда базисомъ для химіи; а съ тѣхъ поръ, какъ развилась послѣдняя, къ наружному описанію въ минералогіи присоединяется и описаніе химическихъ признаковъ. Но въ ней не преслѣдуется никакого научнаго синтеза при помощи всей совокупности наукъ міра неорганическаго, въ ней даже не объясняютъ съ помощью физики вѣса, цвѣта, теплоемкости и т. д. различныхъ субстанцій, и ни мало не занимаются изученіемъ ихъ генезиса. Кристаллографія является позднѣйшею научною формаціею; она можетъ быть разсматриваема либо какъ подготовительная вѣтвь физики, относящаяся къ законамъ частичнаго притяженія и отталкиванія, либо какъ дополненіе къ химіи, если окажется, что химическое сродство играетъ преобладающую роль въ явленіяхъ кристаллизаціи, либо наконецъ (что однако представляется мнѣ весьма мало вѣроятнымъ) какъ начало или зачатокъ будущей конкретной науки, если можно будетъ доказать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ такимъ

кто, помня указанные въ началѣ настоящаго труда законы, управляющіе употребленіемъ описательныхъ пріемовъ изслѣдованія въ различныхъ наукахъ въ тѣсномъ согласіи съ специфическими особенностями наблюдаемыхъ явленій, примѣнитъ эти законы и къ новой наукѣ объ обществѣ.

Здѣсь, очевидно, нѣтъ надобности возвращаться къ исчерпанному уже предмету, но резюмируя кратко наше мнѣніе, мы можемъ сказать, что общественная наука представляется намъ наукою существенно описательною по слѣдующимъ двумъ главнымъ основаніямъ и съ слѣдующихъ двухъ главныхъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ — потому, что такой методъ обусловливается въ ней самымъ характеромъ общественныхъ явленій, которыя не могутъ быть

общимъ синтезомъ неорганическаго міра, важность и сложность котораго обусловливаютъ необходимость отдѣльнаго и самостоятельнаго изученія его въ конкретной наукѣ. Вѣроятнѣе всего однако второе предположеніе, на которое указываютъ новѣйшія изслѣдованія относительно кристаллоидовъ, коллоидовъ и тѣхъ переходныхъ формъ между этими двумя видами частичнаго сцѣпленія, которыя были названы Фогельзангомъ кристаллитами; различіе между кристаллоидами и органической противоположностью ихъ—коллоидами, если вѣрны законы, выведенные Гинрихсомъ (что чѣмъ проще химическая формула вещества, тѣмъ совершеннѣе симетрія его кристаллической формы, и чѣмъ совершеннѣе симетрія кристалла, тѣмъ легче получить его) зависитъ, повидимому, единственно отъ большей сложности химическаго состава органическихъ тѣлъ. Вообще конкретную науку не слѣдуетъ искать въ началѣ процесса научнаго развитія. Дополненіе—а конкретная наука есть всегда дополненіе—не можетъ открывать собою ряда развитія, не можетъ быть зачаткомъ эволюціи. Въ теоріи, нельзя оспаривать возможности всякаго рода конкретныхъ наукъ; но нельзя также, на практикѣ, предвидѣть, когда научная эволюція достаточно подвинется впередъ для того, чтобъ стало возможно дополнительное образованіе или конкретная научная формація.

ни наблюдаемы непосредственно, какъ явленія небесной механики, ни подвергаемы изолирующимъ пріемамъ физической, химической или даже физіологической экспериментаціи; откуда слѣдуетъ, что соціологія всегда останется описательною наукой, и притомъ въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ сходная съ ней по своимъ методологическимъ условіямъ біологія; и во-вторыхъ—потому, что наука объ обществѣ только выступаетъ на путь правильнаго развитія, а начало и первые шаги науки всегда легче соединяются съ описательными пріемами изслѣдованія. Предметомъ наблюденія прежде всего становятся явленія въ полномъ ихъ объемѣ и преимущественно наружные признаки ихъ, явныя или осязательныя сходства и различія; и вотъ этотъ-то первый видъ наблюденія одинъ только и называется, въ обычной рѣчи, описаніемъ, при чемъ болѣе позднему описанію, которое намѣчаетъ внутренніе и скрытые признаки явленій, сходства и различія, болѣе глубокія и невидимыя глазу, не изощренному частыми наблюденіями, обыкновенно дается названіе анализа. Но названіе не измѣняетъ сущности дѣла; и какимъ бы способомъ ни открывались и ни обнаруживались скрытые или внутренніе признаки предметовъ, при помощи ли микроскопа, или посредствомъ неоднократно повторяемыхъ и искусно измѣняемыхъ наблюденій, счастливыхъ догадокъ и доступныхъ повѣркѣ гипотезъ, и наконецъ даже сознанныхъ и исправленныхъ ошибокъ и заблужденій — всякій разъ, когда удостовѣренные тѣмъ или другимъ путемъ признаки не будутъ «поддаваться» прямымъ опытамъ, ихъ по неволѣ придется описывать, т.-е. довольствоваться ихъ классификаціей, опредѣленіемъ и вообще

расположеніемъ въ такомъ порядкѣ, который бы прямо и непосредственно способствовалъ открытію существующихъ между ними однообразныхъ отношеній или законовъ. Научное описаніе, точно такъ же, какъ и анализъ, есть лишь процессъ, посредствомъ котораго умъ нашъ разлагаетъ явленія съ цѣлью схватить и удержать въ памяти представляемыя ими сходства и различія. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же методомъ, съ существенно одинаковымъ пріемомъ изслѣдованія; но о вещахъ видимыхъ обыкновенно говорятъ описаніе, а о невидимыхъ—анализъ. Впрочемъ, я первый охотно признаю, что установленное обычной рѣчью различіе между двумя терминами — описаніе и анализъ — не вовсе лишено основанія. Этому различію соотвѣтствуетъ нѣчто реальное и легко наблюдаемое въ дѣйствительности. Какъ уже было указано нами, всякая отвлеченная и вмѣстѣ съ тѣмъ *описательная* наука, достигнувъ положительной фазы развитія, представляетъ всегда два послѣдовательныхъ наслоенія или двѣ научныя формаціи. чисто описательную, которой можно дать родовое названіе «естественной исторіи» явленій и которая служитъ какъ бы вступленіемъ или приготовленіемъ къ аналитической, которую можно назвать «естественной наукою» явленій. Крайняя степень сложности явленій органическаго міра составляетъ, очевидно, единственную причину, производящую въ соотвѣтствующихъ наукахъ— біологіи и соціологіи — это, такъ-сказать, научное «удвоеніе» или усложненіе, почти вовсе неизвѣстное другимъ наукамъ, въ которыхъ оно встрѣчается лишь изрѣдка и въ весьма неполной степени.)

20. Современная положительная или опытная шко-

ла въ психологіи, во главѣ которой стояли или стоятъ такіе ученые, какъ Милль, Спенсеръ, Бэнъ, Льюисъ и др., ясно—по крайней мѣрѣ по отношенію къ психологіи—поняла неизбѣжность этого научнаго «удвоенія» и даже довольно близко подошла къ его истинному объясненію. Такимъ образомъ, напримѣръ, одинъ изъ послѣдователей этой школы, Морелль, прямо заявляетъ требованіе, что бы «естественная наука о духѣ была основана на естественной исторіи психологическихъ явленій; при чемъ цѣль послѣдней должна заключаться преимущественно въ томъ, чтобы классифицировать, а цѣль первой—преимущественно въ томъ, чтобы анализировать эти явленія», «и только когда это будетъ сдѣлано», говоритъ онъ далѣе, «когда психологическія явленія будутъ одновременно и анализированы и классифицированы, мы будемъ имѣть о нихъ точныя научныя познанія» [1]). Въ томъ же смыслѣ высказывается и Бэнъ: «какъ-бы несовершенна» говоритъ онъ «ни была первая попытка построить естественную исторію чувствъ съ помощью описательнаго метода, вопросы психологическіе не могутъ получить дѣйствительно научнаго характера, пока не подвинется впередъ самое осуществленіе такой естественной исторіи» [2]). Наконецъ и Гербертъ Спенсеръ соглашается съ тѣмъ же взглядомъ; онъ говоритъ о капитальномъ трудѣ Бэна—трактатѣ о психологіи: «утверждать, что изслѣдованія натуралиста, собирающаго, подвергающаго анатомическому изслѣдованію и описывающаго естественные виды, имѣютъ такое-же отношеніе къ работамъ въ сравнительной анатоміи, направленнымъ къ открытію законовъ растительной и животной орга-

[1]) An introduction to mental philosophy. 1865.

[2]) The senses and the intellect.

низаціи, какое работы г. Бэна имѣютъ къ трудамъ отвлеченной психологіи, значило бы нѣсколько удалиться отъ истины, такъ-какъ сочиненіе г. Бэна не сплошь описательно. Тѣмъ не менѣе, такое сравненіе даетъ самое точное понятіе о томъ, что̀ сдѣлано этимъ изслѣдователемъ, и показываетъ ясно, до какой степени эта работа была необходима» [1]).

Тѣ же истины смутно сознавались и нерѣдко даже высказывались и по отношенію къ соціальной наукѣ. Ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, знаменитый авторъ «Экономическихъ Противорѣчій» писалъ слѣдующее: «Соціальная наука есть систематическое и раціональное знаніе не того, чѣмъ *было* общество или чѣмъ оно *будетъ*, а того, чѣмъ оно *есть* на всемъ пути своего развитія, то-есть во всей совокупности своихъ послѣдовательныхъ проявленій.... Соціальная наука должна обнимать весь строй человѣчества не только въ томъ или другомъ періодѣ его существованія или въ нѣкоторыхъ изъ его элементовъ, но во всѣхъ его началахъ и въ полномъ синтезѣ его бытія: она должна обнимать этотъ строй такъ, какъ будто-бы разбросанная во времени и въ пространствѣ соціальная эволюція была разомъ собрана и закрѣплена на одной картинѣ, которая показывала бы преемство и послѣдовательность явленій и открывала бы ихъ сцѣпленіе и единство. Таковою должна быть наука всякой живой и прогрессивной реальности; и такова, безспорно, наука объ обществѣ» [2]). Нѣсколько страницъ далѣе, имѣя въ виду одну лишь часть общественной науки, политическую экономію,

[1]) Essays, t I.

[2]) Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère.

тотъ же писатель говоритъ: «Каждая наука должна прежде всего обозначить свои границы, опредѣлить и собрать свои матеріалы: системамъ предшествуютъ факты, а вѣку искусства—вѣкъ эрудиціи. Подчиненная, на-равнѣ съ другими знаніями, закону времени и условіямъ опыта, экономическая наука, прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ того, что̀ и ка́къ должно происходить въ средѣ человѣческихъ обществъ, должна была объяснить намъ, что̀ дѣйствительно происходитъ въ нихъ; и вся общественная рутина, громко называемая въ книгахъ законами, принципами и теоріями, не смотря на свою несвязность и противорѣчивость, должна была быть собрана самымъ добросовѣстнымъ образомъ и описана съ самымъ строгимъ безпристрастіемъ. Для выполненія этой задачи нужно было, можетъ быть, болѣе генія, въ особенности болѣе самопожертвованія, чѣмъ того потребуетъ весь дальнѣйшій прогрессъ науки».

Къ сожалѣнію, трудная и высокая задача, о которой говоритъ Прудонъ, никогда не была ни ясно понята, ни выполнена такъ, какъ требовалъ этотъ писатель; немногое, что́ было сдѣлано въ этомъ направленіи, хотя и достаточно для объясненія научнаго значенія, безспорно принадлежащаго современной политической экономіи, однако еще не можетъ дать намъ права ни видѣть въ этой отрасли соціологіи, вмѣстѣ съ Прудономъ, «собранія всѣхъ сдѣланныхъ до-сихъ-поръ наблюденій надъ явленіями производства и распредѣленія богатства», ни полагать вмѣстѣ съ нимъ, что экономисты дѣйствительно «классифицировали эти наблюденія, описали соотвѣтствующія явленія, опредѣлили ихъ условія и отношенія, такъ-что эта совокупность познаній, схваченныхъ на самыхъ наивныхъ,

такъ-сказать, проявленіяхъ общества, и составляетъ политическую экономію, которая такимъ образомъ является естественной исторіей самыхъ видныхъ, авторитетныхъ и распространенныхъ обычаевъ и преданій человѣчества въ области производства и распредѣленія богатства». Кое-что въ этомъ родѣ, дѣйствительно, разбросано во всѣхъ углахъ политической экономіи, но главное и видное мѣсто въ ней всегда принадлежало безсодержательнымъ дедуктивнымъ разсужденіямъ, безплоднымъ упражненіямъ ума, однимъ словомъ, болѣе или менѣе безсознательному апріоризму. Цитируя здѣсь въ пользу моего мнѣнія автора «Экономическихъ Противорѣчій», я долженъ однако замѣтить, что съ свойственными ему быстротою и неожиданностью логическихъ переходовъ, онъ черезъ нѣсколько страницъ послѣ признанія неотложной необходимости описанія въ области соціальной науки уже восклицаетъ: «о! монографіи, историческіе обзоры! мы пресыщены ими со времени Ад. Смита и Ж. Б. Сея; историческій и описательный методъ, съ успѣхомъ употреблявшійся пока нужно было производить только опознанія и развѣдки, теперь уже безполезенъ».

Въ настоящее время теченіе, влекущее изслѣдователей въ области соціальной науки къ познанію ея истиннаго метода, безъ сомнѣнія уже значительно выиграло и въ силѣ и въ быстротѣ. Между многочисленными, указывающими на это признаками, отмѣчу здѣсь одинъ или два; такъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ современныхъ мыслителей, Гербертъ Спенсеръ, задумалъ и приводитъ въ исполненіе энциклопедическій трудъ, значеніе котораго еще не можетъ быть вполнѣ оцѣнено, но уже одинъ планъ и заглавіе котораго—Описательная Соціологія—знаменатель-

ны. Недавно вышедшее въ свѣтъ большое сочиненіе нѣмецкаго экономиста Шеффле стремится къ той-же цѣли, хотя къ сожалѣнію уже съ первыхъ страницъ этой книги видно, что ея авторъ не избѣгъ общаго увлеченія ложнымъ методомъ реальной аналогіи. Но главнымъ препятствіемъ, лежащимъ на пути правильнаго развитія соціальной науки, остается извращеніе истиннаго характера соціальныхъ явленій, состоящее въ изображеніи ихъ простыми продуктами или результатами совокупнаго дѣйствія силъ неорганическихъ и свойствъ организованной матеріи — съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого взгляда, оспариваніемъ у соціологіи характера и значенія отвлеченной науки. Во главѣ этого ложнаго направленія мы снова встрѣчаемъ имя Спенсера, создавшаго особую школу признаніемъ соціологіи конкретною наукою, но Спенсеръ все-таки исправляетъ въ извѣстной степени свою ошибку, обобщая ее или распространяя тотъ же взглядъ и на біологію, въ которой онъ также видитъ конкретную науку, и отчасти и на всѣ остальныя теоретическія науки, признаваемыя имъ, за исключеніемъ одной лишь математики, науками абстрактно-конкретными. Менѣе послѣдовательные мыслители усиливаютъ значеніе этого основного заблужденія, ограничивая его предѣлами одной соціологіи, которую они обращаютъ или въ простое дедуктивное приложеніе къ психологіи, или въ конкретное дополненіе къ болѣе обширной совокупности знаній, обнимающей, на ряду съ наукою о жизни, и науки міра неорганическаго. Не свободенъ отъ этого упрека и Д. С. Милль, который если и не раздѣлялъ вполнѣ указаннаго выше взгляда на соціологію, то своимъ восхваленіемъ де-

дуктивнаго метода въ примѣненіи къ общественно-научнымъ изслѣдованіямъ много содѣйствовалъ его упроченію и распространенію. Бэнъ, котораго, говоря вообще, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ дедуктивному методу, также считаетъ соціологію наукою конкретною; но и у Бэна можно выслѣдить вліяніе той же предвзятой идеи о преобладающемъ значеніи дедукціи въ области обществовѣденія. Другой писатель, извѣстный англійскій экономистъ Кэрнсъ, видитъ въ соціологіи своего рода геологію, объясняющую общественные факты сведеніемъ ихъ всецѣло на физическіе, физіологическіе и психическіе причины и мотивы, подобно тому какъ геологія объясняетъ строеніе земной коры при посредствѣ законовъ механики, химіи и біологіи. Но я не скоро-бы кончилъ, еслибъ захотѣлъ привести нѣсколько полный списокъ писателей, уже высказавшихся и ежедневно высказывающихся въ томъ же смыслѣ.

21. Въ заключенье повторю здѣсь вкратцѣ главныя положенія, разсмотрѣнію и уясненію которыхъ были посвящены предыдущія три главы. Вопросъ сводится къ тому, чтобы поднять соціологію на степень естественной науки объ обществѣ; но для достиженія этой цѣли прежде всего необходимо освободиться отъ нѣкоторыхъ распространенныхъ заблужденій относительно условій, свойственныхъ наблюдаемымъ въ области соціальной науки явленіямъ. Разсматривая общественность какъ особое свойство организованной матеріи, и включая поэтому соціологію въ число отвлеченныхъ или основныхъ наукъ, мы кромѣ того признаемъ, что явленія общественности до такой степени сложны, что ни чистое наблю-

деніе наукъ наиболѣе простыхъ явленій, ни экспериментація наукъ явленій непосредственно болѣе сложныхъ не могутъ быть исключительно или правильно примѣняемы къ ихъ изученію; и такимъ образомъ мы видимъ себя вынужденными прибѣгнуть къ единственному, еще остающемуся и возможному способу изслѣдованія, который, впрочемъ, уже нашелъ широкое и полезное примѣненіе въ сосѣдней и сходной характеромъ своихъ явленій наукѣ—біологіи: а именно къ методу, который можетъ быть названъ методомъ сравнительнаго и аналитическаго описанія. Въ зависимости отъ той же причины, крайней степени сложности общественныхъ явленій, мы признаемъ, наконецъ, и необходимость въ области соціологіи характеристическаго раздѣленія научнаго труда, въ силу котораго подготовительная научная работа отличается отъ повершительной или окончательной, и сама наука распадается на естественную исторію общества и естественную науку объ обществѣ.

Современная соціологія нуждается главнымъ образомъ въ научной классификаціи и цѣлесообразномъ распредѣленіи огромнаго числа фактовъ и наблюденій, составляющихъ результатъ накопленнаго опыта прошедшаго, переданный намъ путемъ традиціи, и ежедневнаго опыта настоящаго, въ которомъ значительная часть, а именно наслѣдственныя приспособленія къ психологическому и соціологическому наблюденію, несомнѣнно также принадлежитъ прошедшему. Но въ этой работѣ, само собою разумѣется, должны преслѣдоваться исключительно теоретическія или научныя цѣли. Множество аналитическихъ трудовъ, масса описаній остались у насъ отъ прежняго времени; но ими можно пользоваться развѣ только какъ сборни-

ками фактовъ. Говоря же вообще, прежніе анализы и описанія являются теперь очень часто помѣхой научному изслѣдованію. Они предпринимались съ цѣлями, не имѣвшими ровно ничего общаго съ наукою, если даже не прямо враждебными ей (напримѣръ съ цѣлями теологическими).

Такимъ образомъ, анализъ и классификація уже извѣстныхъ фактовъ должны по большей части быть начаты сызнова. Но нужно помнить, что дѣло не идетъ здѣсь ни о классификаціи aere perennius, ни объ анализѣ, который бы не боялся исправленій и измѣненій, неизбѣжно вносимыхъ временемъ въ самыя лучшія научныя работы. Положить прочное основаніе сравнительной и аналитической соціологіи можно только начавъ съ самаго непритязательнаго общаго описанія, сравненія и анализа общественныхъ фактовъ, которые при этомъ слѣдуетъ наблюдать и распредѣлять самымъ экономическимъ, такъ сказать, способомъ: то-есть способомъ, который, проливая всего болѣе свѣта на факты и подробности, всего менѣе однако отягощаетъ и тѣми и другими нашу память, и называется естественнымъ порядкомъ расположенія событій и наблюденій. Словомъ, прежде всего нужна хорошая естественная исторія общества.

Естественная наука объ обществѣ, «соціологія» въ томъ видѣ, въ какомъ она рисовалась воображенію лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ умовъ, не заставитъ тогда долго ждать себя. Разъ вступивъ на настоящій путь, соціологія уже не собьется съ него, а будетъ правильно развиваться, совмѣстно съ естественной исторіей общества, которая явится самой надежной опорой ея первыхъ шаговъ, а впослѣдствіи

будетъ оказывать и ей такія же точно услуги, какія до сихъ поръ еще оказываютъ біологіи ея чисто описательные и историческіе притоки. Соціологическая задача сводится такимъ образомъ на болѣе скромные, но за то и болѣе реальные размѣры.

МѢСТО СОЦІОЛОГІИ ВЪ РЯДУ НАУКЪ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

Вопросы, которые, начиная съ этой главы, мы намѣрены разсмотрѣть въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ настоящаго труда, близко соприкасаются между собою и тѣсно связаны съ основною (методологическою) задачею соціологіи, общему выясненію которой были посвящены три предшествующія главы. Вопросы эти обнимаютъ собою: внѣшнюю классификацію соціологіи или мѣсто, занимаемое ею въ іерархическомъ ряду наукъ; внутреннюю ея классификацію или подраздѣленія на внутренніе отдѣлы; отношенія ея къ біологіи и, наконецъ, отношенія ея къ психологіи.

Мы разсмотримъ эти вопросы, придерживаясь указаннаго сейчасъ порядка; но предварительно замѣтимъ, что и въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы по необходимости ограничимся довольно общими указаніями и будемъ часто довольствоваться положеніями, за которыми можемъ признать только гипотетическое значеніе. Соціальная наука еще не достаточно подвинулась впередъ, чтобы прямо приступить къ разрѣшенію всѣхъ трудностей, присущихъ

основнымъ задачамъ обществознанія; съ помощью данныхъ, имѣющихся на лицо, можно, въ благопріятномъ случаѣ, надѣяться достигнуть только приблизительныхъ результатовъ.

---

1. Истинное мѣсто соціологіи среди наукъ было указано ей еще основателемъ позитивной философіи. Соціологія есть наука абстрактная, изучающая явленія особаго порядка, отличающіяся отъ всѣхъ другихъ относительно-бо̀льшею сложностью своей и относительно-мѐньшею общностью.

Какъ извѣстно, однако, противъ установленной Контомъ классификаціи наукъ были сдѣланы возраженія съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Большая часть этихъ возраженій не заслуживаютъ того, чтобы на нихъ останавливаться или оспаривать ихъ серьозно; но между ними есть и такія, которыя сами по себѣ—независимо отъ авторитета знаменитаго ученаго, ихъ впервые высказавшаго — представляютъ значительный философскій интересъ. Я разумѣю критику, которой подвергъ классификацію Конта Гербертъ Спенсеръ, философъ, съ которымъ по-неволѣ приходится перевѣдываться въ каждомъ серьозномъ философскомъ спорѣ нашего времени. Положеніе, занятое Контомъ въ вопросѣ о классификаціи наукъ—превосходно; это признается въ настоящее время лучшими умами. Но превосходныя положенія, подобно неприступнымъ крѣпостямъ, сохраняются лишь тогда, когда всѣ серьозныя нападенія на нихъ немедленно отражаются. Спенсеръ въ своихъ сочиненіяхъ и въ особенности въ очеркѣ, озаглавленномъ «Генезисъ науки», отвергаетъ основ-

ной принципъ концепціи Конта, относящейся къ распредѣленію наукъ въ іерархическомъ порядкѣ. Спенсеръ не хочетъ признать, что начало убывающей общности явленій, изучаемыхъ различными науками, есть въ то же время и начало, лежащее въ основаніи развитія нашихъ знаній; и вмѣсто послѣдовательнаго ряда или историческаго преемства, обусловливаемаго этимъ началомъ, онъ въ прогрессѣ знаній видитъ неправильное развитіе, относительно котораго ничего нельзя отгадать заранѣе, и которое слѣдовательно не допускаетъ какой бы то ни было классификаціи, опирающейся на историческую основу. Развитіе это, по мнѣнію англійскаго философа, опредѣляется исключительно взаимною зависимостью наукъ между собою или, другими словами, содѣйствіемъ или поддержкой, оказываемою другъ другу различными отраслями человѣческаго знанія.

Смѣшеніе понятій, лежащее въ основѣ направленныхъ Спенсеромъ противъ классификаціи Конта нападокъ, не разъ уже было разоблачаемо. Между прочимъ и наиболѣе извѣстный изъ учениковъ Конта, Литтре, не замедлилъ отвѣтить на вызовъ, брошенный англійскимъ философомъ всей позитивной доктринѣ. Въ немногихъ страницахъ Литтре съ обычной ясностью осязательно указываетъ на смѣшеніе Спенсеромъ такихъ близкихъ, но все-же отличныхъ другъ отъ друга понятій, какъ понятія: ряда, эволюціи, установленія науки и взаимной зависимости наукъ. Вѣскія доказательства Конта онъ подкрѣпляетъ новыми доводами; отличая эволюцію науки отъ ея обоснованія или установленія, онъ относитъ первую къ началу взаимной зависимости наукъ, а установленіе къ началу убывающей общности

или возрастающей сложности явленій. Развивая это положеніе, онъ далѣе объясняетъ, выражаясь собственными его словами, что «тогда какъ рядъ и установленіе представляютъ объективное условіе, коренящееся въ природѣ вещей, взаимная зависимость наукъ представляетъ субъективное условіе познаванія; двойное условіе, которое исторически проявляется съ одной стороны—именно въ послѣдовательности моментовъ установленія или обоснованія наукъ—какъ рядъ или преемственная связь наукъ, а съ другой стороны—именно въ содѣйствіи, оказываемомъ всѣми частями человѣческаго знанія одной какой-нибудь части и одной какой-нибудь частью всѣмъ остальнымъ—какъ эволюція или преемственное развитіе наукъ» [1]).

Впрочемъ, и въ полемикѣ Литтре одинъ пунктъ представляется совершенно ненужною уступкою Спенсеру и въ то же время возраженіемъ, которое идетъ далѣе спорнаго вопроса или остается внѣ его предѣловъ, но не имѣетъ къ нему прямого и непосредственнаго отношенія. И Спенсеръ въ позднѣйшемъ отвѣтѣ доставляетъ себѣ нѣкоторое подобіе побѣды, останавливаясь на одномъ этомъ пунктѣ и умалчивая объ остальныхъ, прямо бившихъ въ цѣль доводахъ противника. Рѣчь идетъ о проводи момъ Литтре различіи между общностью объективною и общностью субъективною. Это различіе, взятое само по себѣ, можетъ имѣть свое основаніе и даже не лишено извѣстнаго философскаго значенія. Но оно — не отвѣтъ на возраженіе, представленное Спенсеромъ; оно обходитъ, если даже не признаетъ за-

[1]) Auguste Comte et la philosophie positive.

трудненіе, но ни мало не разрѣшаетъ и не устраняетъ его.

Главный доводъ Спенсера противъ предложенной Контомъ классификаціи наукъ является ударомъ направленнымъ если и не вовсе въ пустое пространство, то во всякомъ случаѣ въ логическую сферу смежную, а не совпадающую съ тою спеціальною областью, которой принадлежатъ понятія о классификаціи, рядѣ и исторической эволюціи наукъ. Убывающей общности Конта Спенсеръ противополагаетъ общность возрастающую и утверждаетъ, что дѣйствительность выражается лишь сочетаніемъ или такого рода сліяніемъ этихъ двухъ началъ, при которомъ нельзя вывести изъ нихъ ни групировки наукъ въ послѣдовательный рядъ, ни развитія знанія путемъ преемства отъ одной науки къ другой; и это потому, что начала эти, какъ діаметрально противоположныя, взаимно уничтожаются въ вытекающихъ изъ нихъ послѣдствіяхъ. Но такая аргументація основана на легко разоблачаемомъ софизмѣ. Спенсеръ въ сущности не отрицаетъ что по мѣрѣ осложненія явленій все труднѣе и труднѣе становится схватывать въ нихъ тѣ постоянно однообразныя отношенія, которыя мы называемъ законами природы и которыя составляютъ единственную цѣль науки. Но и въ Контовскомъ принципѣ развитія, вполнѣ объясняющемъ и оправдывающемъ его классификацію, не заключается ничего, кромѣ этого простого положенія. Я говорю: въ Контовскомъ принципѣ, а не въ той или другой отдѣльной мысли или томъ или другомъ текстѣ его сочиненій, потому-что я слишкомъ высокаго мнѣнія о философской добросовѣстности Спенсера, чтобы предположить, что послѣдній, заявивъ о своемъ на-

мѣреніи возражать противъ общаго духа даннаго ученія и опровергнуть его въ корнѣ, въ дѣйствительности имѣлъ въ виду только напасть на отдѣльныя противорѣчія или недосмотры, неизбѣжно проскальзывающіе во всякомъ, сколько-нибудь подробномъ изложеніи отвлеченныхъ теорій. Къ чему же, въ сущности, сводится главное возраженіе англійскаго философа? Просто-на-просто къ слѣдующему:

Спенсеръ утверждаетъ, и мы утверждаемъ вмѣстѣ съ нимъ, что въ области наукъ имѣется превосходный методъ, который состоитъ въ умозаключеніи отъ частнаго къ общему и примѣненіемъ котораго обусловливаются всѣ успѣхи, достигнутые по настоящее время въ бо́льшей части отраслей человѣческаго знанія. Мы назвали индуктивный методъ. Но если мы захотимъ въ одной сжатой формулѣ указать на сущность этого метода и на его результаты, т.-е. на успѣхи знанія, мы будемъ имѣть полное основаніе для утвержденія, что развитіемъ человѣческаго знанія управляетъ именно начало возрастающей общности. Какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ ничто не можетъ быть справедливѣе такого неизбѣжнаго вывода; и очевидно, что Спенсера нельзя было-бы упрекнуть въ смѣшеніи понятій или въ невѣрно направленной критикѣ, еслибъ онъ противопоставилъ свой принципъ возрастающей общности противоположному началу общности убывающей, которое было-бы, въ свою очередь, выведено Контомъ изъ подобныхъ же соображеній о роли или значеніи различныхъ научныхъ методовъ. Такъ, допустимъ, что Контъ выставилъ-бы неоспоримыя посылки, — что дедуктивный методъ примѣняется съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ во всѣхъ отдѣлахъ человѣческаго знанія, и что науч-

ный прогрессъ зависитъ въ значительной степени отъ употребленія въ различныхъ наукахъ пріемовъ повѣрки, сущность которыхъ состоитъ въ умозаключеніи отъ общаго къ частному; идопустимъ далѣе, что Контъ изъ этихъ посылокъ дѣлалъ-бы такой выводъ, что начало убывающей общности одно управляетъ развитіемъ человѣческаго знанія. Тогда Спенсеръ поступилъ-бы только логично, возразивъ Конту, что выводъ этотъ очевидно невѣренъ, такъ-какъ онъ содержитъ въ себѣ по меньшей мѣрѣ одинъ признакъ или одно утвержденіе, котораго нѣтъ въ самыхъ посылкахъ; и Спенсеръ имѣлъ-бы полное право сказать, выражаясь собственными его словами: «Обобщеніе Конта есть лишь половинная истина. Дѣло въ томъ, что ни та, ни другая гипотеза не точна сама по себѣ; реальная истина выражается лишь сочетаніемъ обѣихъ. Прогрессъ науки двойственъ; онъ одновременно направляется и отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному; онъ въ одно и то же время и аналитиченъ и синтетиченъ». Разсматривая развитіе нашихъ знаній исключительно съ точки зрѣнія метода, можно придти только къ тому результату, къ которому въ дѣйствительности и пришелъ Спенсеръ.

Но ошибочно думать, что точка зрѣнія метода есть единственно возможная въ данномъ вопросѣ, или даже что она необходимо должна преобладать во всякой теоріи развитія знанія. Справедливо какъ разъ обратное. Законы развитія человѣческаго знанія нельзя выводить изъ простого разсмотрѣнія научныхъ методовъ. Только наблюденіе реальныхъ фактовъ, доступныхъ исторической повѣркѣ, можетъ дать всѣ элементы или данныя, необходимыя для обобщеній такого рода. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ,

что ни одинъ изъ противниковъ классификаціи Конта—и Спенсеръ менѣе, чѣмъ кто-либо другой—не могъ поколебать историческаго преемства наукъ, установленнаго этою классификаціей, указаніемъ на факты, изъ которыхъ явствовало бы, что въ дѣйствительности развитіе наукъ происходило въ какомъ-либо иномъ порядкѣ. Утверждать, что біологія организовалась какъ наука ранѣе химіи, или химія ранѣе физики, столь же невозможно, какъ утверждать, напримѣръ, что Бородинское сраженіе предшествовало Аустерлицкой битвѣ. Еще бо́льшимъ заблужденіемъ является попытка отрицать самое развитіе наукъ въ преемственномъ порядкѣ или доказывать какъ, повидимому, склоненъ къ тому Спенсеръ, что науки не развиваются послѣдовательно, одна за другою. Въ такомъ случаѣ какъ же онѣ развиваются? Нельзя въ одно и то же время и отвергать очевидные факты и впадать въ такія логическія противорѣчія. При этихъ условіяхъ вполнѣ естественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристичнымъ является слѣдующій фактъ, подтверждаемый Спенсеромъ въ предисловіи къ новому изданію его «Опытовъ». Спенсеръ жалуется, что никто въ Англіи не подвергалъ обстоятельному обсужденію представленныхъ имъ противъ классификаціи Конта возраженій. «До сихъ поръ» говоритъ онъ «я встрѣчалъ лишь постоянно повторяемое утвержденіе, что науки, какъ логически, такъ и исторически, слѣдуютъ другъ за другомъ въ порядкѣ, въ какомъ онѣ распредѣлены у Конта; на доказательства же, приведенныя мною въ пользу того, что онѣ съ этимъ порядкомъ не сообразуются, никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія».

Преемственный порядокъ въ развитіи знаній, или

существованіе такъ-называемаго научнаго ряда. доказывается неопровержимыми фактами; и въ этомъ только смыслѣ мы и имѣемъ право сказать, со свойственной обычному языку неточностью выраженій, что самый рядъ этотъ есть неоспоримый фактъ, и притомъ фактъ общій и постоянный, а не индивидуальный или частный. Строго говоря, преемство наукъ или образованіе ими ряда составляетъ уже однообразное отношеніе между неопредѣленнымъ количествомъ фактовъ, которые сами нерѣдко являются довольно широкими обобщеніями; преемство это есть законъ природы, такъ-какъ исторія — та же природа, и законъ весьма общій, если принять въ разсчетъ естественное ограниченіе сферы двухъ смежныхъ областей психологіи и соціологіи. Огюстъ Контъ именно такъ и понималъ это отношеніе или законъ, который онъ поэтому и выразилъ общею формулою, могущей быть сведенной на два равнозначущіе термина: возрастающую сложность и убывающую общность явленій. Говоря, что сложность явленій возрастаетъ, мы хотимъ сказать, что новыя свойства матеріи проявляются въ наблюдаемыхъ нами агрегатахъ сверхъ или помимо тѣхъ свойствъ, которыя въ другихъ естественныхъ агрегатахъ проявляются равнымъ образомъ и внѣ этого сочетанія.

Такъ, сложность явленій возрастаетъ, когда въ организованныхъ тѣлахъ жизненныя свойства соединяются съ физическими и химическими. Но такъ-какъ физическія свойства, напримѣръ, одинаково проявляются и въ неорганической, и въ организованной матеріи, то очевидно, что они проявляются въ несравненно бо́льшемъ количествѣ случаевъ, чѣмъ свойства жизненныя, присущія исключительно фактамъ

органической жизни. Но *проявленіе въ большомъ числѣ случаевъ*, какъ совершенно вѣрно говоритъ Спенсеръ, если выразить эту мысль въ одномъ словѣ, даетъ *общность*. Слѣдовательно Контъ былъ правъ, утверждая, что общность въ научномъ рядѣ постоянно убываетъ или уменьшается; таково строгое значеніе этого термина въ формулѣ, служащей для выраженія закона развитія нашихъ знаній. Но тотъ же терминъ, не утрачивая вполнѣ своего первоначальнаго значенія, можетъ и долженъ неизбѣжно уклоняться отъ него и принимать различные оттѣнки каждый разъ, когда онъ примѣняется къ разсужденіямъ другого порядка или переносится цѣликомъ въ какую-нибудь частную область мышленія. Это именно и случается, когда терминъ общность употребляется въ области логики. Въ логикѣ, подъ общимъ положеніемъ или понятіемъ все еще разумѣется такое положеніе или понятіе, которое относится къ большому количеству случаевъ, или истинность котораго проявляется во множествѣ случаевъ; но въ сферѣ логики мы напрасно стали-бы искать той равнозначности между понятіями убывающей общности и возрастающей сложности, которая на каждомъ шагу бросается въ глаза въ области феноменальнаго или объективнаго развитія. Частная концепція въ силу того только, что она частная, не есть еще нѣчто болѣе сложное, чѣмъ понятіе общее. Отнюдь не играя словами и сознавая вполнѣ, что мы употребляемъ здѣсь одни и тѣ же термины для обозначенія различныхъ вещей, мы можемъ однако сказать, что въ сферѣ логики справедливо какъ разъ обратное: тутъ, чѣмъ общѣе понятіе или положеніе, тѣмъ многочисленнѣе и сложнѣе и тѣ умственные процес-

сы, продуктомъ которыхъ оно является. И такъ, мы видимъ, что въ двухъ различныхъ, хотя и смежныхъ сферахъ—логики, въ которой трактуется о научныхъ методахъ, и исторіи научнаго развитія, въ которой говорится о преемственномъ порядкѣ появленія и обоснованія различныхъ наукъ — терминъ· «общность» принимается въ двухъ различныхъ, не смотря на свою близость другъ къ другу, значеніяхъ. Это различіе мы можемъ выразить въ общихъ чертахъ, сказавъ, что въ методологіи общность или проявленіе въ большомъ количествѣ случаевъ есть свойство, опредѣляемое безотносительною численностью случаевъ или этою численностью вообще, при чемъ сами случаи берутся безразлично въ любомъ порядкѣ явленій или свойствъ, тогда какъ въ теоріи эволюціи общность или проявленіе въ большомъ количествѣ случаевъ есть свойство, опредѣляемое относительною численностью случаевъ, т.-е. численностью ихъ, разсматриваемою какъ бо́льшая или мѐньшая доля во всей совокупности явленій природы и во всемъ безконечномъ разнообразіи свойствъ матеріи: но отсюда получаетъ свое начало и строго соотвѣтственное понятію общности понятіе сложности.

И такъ, настоящимъ ядромъ критики, направленной знаменитымъ англійскимъ философомъ противъ теоріи эволюціи Конта, является простая двойственность въ значеніи словъ. Удивляться этому нѐчего. Двузначность терминовъ — вотъ два слова, которыя исторія медленно, но крупными буквами выводитъ на фронтонѣ философскаго зданія прошлыхъ вѣковъ; и я сильно опасаюсь, что бо́льшая часть нашихъ самыхъ серьозныхъ философскихъ споровъ, нашихъ самыхъ ожесточенныхъ полемикъ и

непримиримыхъ разногласій будетъ рано или поздно включена въ ту же категорію и отмѣчена тою же надписью. Смѣшеніе, въ которое впалъ Спенсеръ, представляется вполнѣ очевиднымъ. Точкою отправленія его аргументаціи служитъ ошибочное предположеніе, что абстрактный терминъ есть нѣчто, разъ навсегда строго-установленное и не подвергающееся колебаніямъ, различному примѣненію и употребленію въ различныхъ значеніяхъ. Спенсеръ забываетъ, что еслибъ это было справедливо, наука и философія не имѣли бы надобности такъ тщательно опредѣлять, почти для каждаго отдѣльнаго случая, значеніе употребляемыхъ ими терминовъ. Онъ забываетъ, что языкъ есть орудіе, далеко не совершенное. Тотъ же упрекъ можетъ быть обращенъ и къ мыслителямъ, по меньшей мѣрѣ столь же глубокимъ и проницательнымъ, какъ и Спенсеръ; и, конечно, нѣсколько тысячъ страницъ капитальнаго творенія Огюста Конта заключаютъ въ себѣ не мало такихъ же погрѣшностей. Но въ разсматриваемомъ вопросѣ основатель позитивной философіи свободенъ отъ всякаго подобнаго упрека. Чтобы выразить законъ, открытый имъ не въ собственномъ умѣ, а въ дѣйствительныхъ фактахъ, Контъ употребилъ единственные подходящіе термины, которые давалъ ему философскій языкъ. Но онъ точно опредѣлилъ смыслъ употребленнаго имъ выраженія: убывающая общность, на которомъ исключительно вращается полемика его противника. И тѣни сомнѣнія не можетъ существовать на этотъ счетъ въ виду того, что у Конта убывающая общность является синонимомъ возрастающей сложности, и что оба выраженія постоянно употребляются имъ вмѣстѣ, какъ взаимно дополняющія и поясняющія одно другое. Тре-

бовать бо́льшаго нельзя. Дѣломъ самого Спенсера уже было не сбиваться съ обставленной такимъ обиліемъ предостереженій дороги и не смѣшивать общности возрастающей или убывающей, которая есть методъ или пріемъ мышленія, съ общностью, возрастающею или убывающею, которая есть степень осложненія свойствъ въ явленіяхъ.

2. Я отложилъ до сихъ поръ, что́ имѣлъ сказать по поводу различенія общности субъективной отъ объективной. Различеніе это, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ реальнаго основанія и ни мало не совпадаетъ съ различіемъ, указаннымъ въ предыдущемъ параграфѣ. Субъективная общность постоянно и неизбѣжно сопровождаетъ объективную, къ какому бы порядку идей ни относилась послѣдняя. Объективная или существующая въ самыхъ вещахъ общность по необходимости отражается въ нашемъ умѣ какъ общность субъективная или отвлеченная; и строго говоря, та и другая образуютъ одно неразрывное цѣлое, какъ мысль и ея содержимое. понятіе и реальный, имъ выражаемый предметъ; возрастающая субъективная общность не можетъ сопровождать убывающую объективную и наоборотъ. Слѣдовательно нѣтъ нужды и различать ихъ, по крайней мѣрѣ для объясненія смѣшенія, въ которое впалъ Спенсеръ. И Спенсеръ, какъ мнѣ кажется, совершенно правъ, обращая противъ Литтре тотъ самый доводъ, который, въ глазахъ послѣдняго, долженъ былъ всего болѣе убѣдить противника. Доводъ этотъ взятъ изъ области біологіи; именно, англійскій философъ возражаетъ Литтре, что, переходя отъ изученія о́ргановъ къ изученію тканей, представляющихъ явленія болѣе общія, чѣмъ о́рганы, и отъ

тканей къ еще болѣе общимъ анатомическимъ элементамъ, біологія слѣдуетъ по пути не одной только возрастающей субъективной общности, сопровождающейся уменьшеніемъ общности объективной, а скорѣе двойной возрастающей общности, и субъективной и объективной въ одно и то же время. Явленія, представляемыя строеніемъ какой-нибудь ткани, напримѣръ слизистой оболочки, поясняетъ онъ, имѣютъ болѣе общій характеръ, нежели явленія, представляемыя любымъ органомъ, въ составъ котораго входитъ названная оболочка; и такой болѣе общій характеръ принадлежитъ явленіямъ перваго рода просто въ томъ смыслѣ, что они повторяются ежедневно въ бо́льшемъ числѣ случаевъ, нежели явленія второго рода. Впрочемъ, все это чисто-словесныя различенія, и намъ лучше оставить ихъ и сосредоточиться исключительно на однообразномъ соотношеніи или томъ естественномъ, управляющемъ явленіями научнаго развитія законѣ, который вытекаетъ изъ фактовъ и доказывается ими. Позволимъ себѣ здѣсь еще только одно замѣчаніе. Если приведеннымъ возраженіемъ Спенсера вполнѣ удовлетворительно доказывается, что въ области метода объективная общность неразлучна съ субъективною, то совершенно то же самое и по тѣмъ же причинамъ справедливо и въ области эволюціи или порядкѣ, опредѣляющемъ послѣдовательность явленій съ точки зрѣнія ихъ суммы или совокупности. Такъ, любой общественный фактъ составляетъ, объективно, одно изъ наиболѣе частныхъ явленій; но спрашивается, какимъ образомъ такой фактъ можетъ сдѣлаться, субъективно, болѣе общимъ, чѣмъ любое жизненное или химическое явленіе? Мнѣ кажется очевиднымъ, что если не мѣнять произвольно угла нашего умственнаго

зрѣнія и не переходить внезапно изъ одной сферы мышленія въ другую, то между идеальнымъ или субъективнымъ представленіемъ и реальнымъ или объективнымъ явленіемъ всегда будетъ существовать полное соотвѣтствіе и основное тожество.

3. Точки зрѣнія метода и эволюціи—не единственныя, которыя обыкновенно смѣшиваются въ занимающемъ насъ вопросѣ. Новая точка зрѣнія открывается при разсмотрѣніи внутренней классификаціи или подраздѣленія на части каждой науки, и эту точку зрѣнія также необходимо тщательно отдѣлять отъ смежныхъ съ нею. Но не такъ поступаетъ Спенсеръ: однимъ изъ любимыхъ аргументовъ его въ спорѣ съ Контомъ является смѣшеніе эволюціи наукъ, въ результатѣ которой получается связный рядъ ихъ преемственныхъ построеній, съ прогрессомъ, совершающимся внутри каждой науки и влекущимъ за собою спеціализацію научной работы и соотвѣтствующее подраздѣленіе науки на части. Какъ извѣстно, Контъ находилъ возможнымъ распространить законъ, управляющій порядкомъ возникновенія или историческою преемственностью наукъ, и на ихъ внутреннее развитіе, т.-е. на то прогрессивное и постоянное пополненіе рубрикъ каждой изъ нихъ, которое вызываетъ необходимость отдѣльной разработки входящихъ въ эти рубрики ученій или теорій. Но, сколько извѣстно, Контъ никогда не основывалъ своего ряда отвлеченныхъ наукъ на исключительномъ наблюденіи того, что происходитъ внутри каждой изъ нихъ, взятой отдѣльно; слѣдовательно и классификація его не можетъ быть поколеблена доказательствомъ ея неполной примѣнимости ко всѣмъ подраздѣленіямъ отвлеченныхъ наукъ. А между тѣмъ такой именно вы-

водъ и предполагаетъ, съ самаго начала своего до конца, вся аргументація Спенсера.

Доводы, которыми Контъ оправдываетъ расширеніе найденнаго и формулированнаго имъ закона, могутъ не удовлетворять его открытаго противника, какъ они не убѣждаютъ и меня, его открытаго послѣдователя; но отсюда конечно не слѣдуетъ, чтобы его законъ не былъ вѣрнымъ выразителемъ тѣхъ точныхъ фактовъ, объясненію которыхъ онъ служитъ. Скорѣе можно защищать какъ разъ обратное положеніе:—что законъ Конта вѣренъ относительно исторической эволюціи наукъ лишь по стольку, по скольку онъ не можетъ служить объясненіемъ постепенныхъ успѣховъ, достигаемыхъ внутри каждой отдѣльной науки. Это положеніе можетъ казаться заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и тѣмъ болѣе нуждается въ объясненіи, что привычка смѣшивать точки зрѣнія, имѣющія всего менѣе общаго между собою, сильно укоренилась въ области высшаго отвлеченія.

4. Рядъ или преемственный порядокъ наукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ всѣмъ извѣстенъ и, можно сказать, всѣми признанъ въ настоящее время, вытекаетъ самъ собою изъ внимательнаго и точнаго наблюденія фактовъ; это пока—только эмпирическое обобщеніе. Но тѣ же факты открываютъ намъ и существованіе однообразнаго и постояннаго соотношенія между порядкомъ, въ которомъ слѣдуютъ другъ за другомъ частные факты — построенія различныхъ наукъ, и однимъ общимъ, проходящимъ чрезъ всю природу фактомъ, который мы обозначаемъ терминомъ: осложненіе явленій. Это уже законъ или теорія. Но это соотношеніе или законъ выражаетъ истину только до тѣхъ поръ, пока мы ничего не измѣняемъ въ дан-

ныхъ, входящихъ въ составъ его и соединяемыхъ имъ связью причинности, то-есть пока эти данныя остаются строго идентичными и мы не расширяемъ и не съуживаемъ значенія, спеціально придаваемаго нами каждой категоріи фактовъ въ отдѣльности.

Все это вполнѣ очевидно, и наиболѣе вѣрные законы природы перестали бы выражать истину, еслибъ въ отношеніи къ нимъ было допущено малѣйшее нарушеніе этого основного предположенія. А между тѣмъ этой необходимой опоры и лишаютъ законъ Конта, когда распространяютъ его за первоначальные его предѣлы и включаютъ въ него понятія и факты, отличные отъ тѣхъ, которые онъ объясняетъ; когда изъ области развитія знанія его переносятъ въ область внутренняго дѣленія частныхъ наукъ; однимъ словомъ, когда стараются сдѣлать его болѣе общимъ, чѣмъ онъ есть или можетъ быть на самомъ дѣлѣ.

Въ занимающемъ насъ вопросѣ, многіе вмѣстѣ съ Контомъ и послѣ него неправильно расширили первоначальное и строгое значеніе тѣхъ двухъ категорій данныхъ, между которыми его законъ устанавливаетъ постоянное соотношеніе. Первый разрядъ данныхъ, относящійся лишь къ появленію наукъ на исторической сценѣ или къ великимъ измѣненіямъ въ нихъ, называемымъ ихъ построеніемъ или обоснованіемъ, былъ приравненъ въ своемъ значеніи къ развитію человѣческаго знанія вообще, т.-е. къ полю, до того обширному и содержащему такое громадное разнообразіе фактовъ, что одна причина, выраженная однимъ закономъ, какъ бы общи ни были эта причина и этотъ законъ, очевидно не въ состояніи обнять всей совокупности этихъ фактовъ или объяснить всѣ ихъ разнообразныя и сложныя соотношенія. Еще бо̀льшему иска-

женію подверглось точное значеніе второй половины данныхъ, входящихъ въ законъ Конта и относящихся къ возрастающей сложности изучаемыхъ различными науками явленій. По точному смыслу выраженія — возростающая сложность, одно явленіе считается болѣе сложнымъ, чѣмъ другое, когда кромѣ свойствъ, проявляемыхъ послѣднимъ, оно обнаруживаетъ еще новыя свойства, которыя уже не могутъ быть сведены ни на одно изъ ранѣе изслѣдованныхъ; и въ такомъ случаѣ новая наука, называемая высшею, возникаетъ для изслѣдованія новаго свойства, то-есть того «остатка или реликвата», объяснить который низшая наука уже не въ состояніи. Но если это такъ, то какимъ образомъ можно, не измѣняя значенія словъ, говорить о сложности явленій, будто бы возрастающей въ предѣлахъ одной и той же науки? Въ этихъ предѣлахъ появленіе свойства, несводимаго на изслѣдованныя ранѣе, имѣло бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ распаденіе соотвѣтствующей отрасли знанія на двѣ отдѣльныя отвлеченныя науки. Такой именно случай представляетъ, между прочимъ, и психологія, по крайней мѣрѣ у тѣхъ философовъ, которые разсматриваютъ ее какъ самостоятельную науку, упорно закрывая глаза на всѣ доказательства въ пользу мнѣнія, что психологическія явленія составляютъ только особое видоизмѣненіе отправленій жизни, отнюдь не обнаруживающее новаго свойства матеріи и не представляющее новаго осложненія въ естественномъ ряду явленій.

Обыкновенный языкъ, который не можетъ быть языкомъ ни частной науки, ни общей науки или философіи, придаетъ весьма широкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сбивчивый и неопредѣленный смыслъ слову «ослож-

неніе». Подъ этимъ словомъ разумѣется всякое многообразіе какъ причинъ, такъ и слѣдствій, а также всякаго рода трудность, возникающая изъ приращенія въ количествѣ предметовъ или фактовъ, которые приходится одновременно принимать въ соображеніе; при чемъ не разбирается, относятся ли эти предметы и факты лишь къ различнымъ сторонамъ одного и того же явленія, или они представляютъ самостоятельныя явленія, сопровождающія другія явленія, или же, наконецъ, они составляютъ явленія, обнаруживающія совершенно новыя свойства матеріи, не сводящіяся на прежде изслѣдованныя. Такъ, напримѣръ, въ химіи соединенія, въ составъ которыхъ входятъ четыре элемента, или такъ-называемые амиды, считаются болѣе сложными, чѣмъ алкоголи, алдегиды и органическія кислоты, изъ которыхъ они образуются черезъ соединеніе съ амміакомъ и которыя сами представляютъ соединенія, составленныя изъ трехъ элементовъ и въ свою очередь уже болѣе сложныя, чѣмъ углеродистые водороды, какъ напримѣръ этиленъ или маслородный и форменъ или болотный газъ, не говоря уже о простѣйшемъ углеводородѣ—ацетиленѣ, который получается черезъ непосредственное соединеніе, подъ вліяніемъ электрическаго тока, свободныхъ углерода и водорода.

И такъ, крайне необходимо строго отличать то особое и, такъ-сказать, техническое значеніе, которое терминъ «сложность» имѣетъ въ законѣ Конта, отъ значенія его въ обыкновенной рѣчи. Здѣсь мы снова имѣемъ дѣло съ двумя различными точками зрѣнія, смѣшивать которыя не слѣдуетъ. Только забвеніемъ этого различія объясняется распространеніе закона междунаучной эволюціи на раздѣленіе

научнаго труда внутри науки; но при этомъ тотчасъ же возникаютъ со всѣхъ сторонъ безчисленныя исключенія и противорѣчія, грозящія подорвать, вмѣстѣ съ неправильнымъ расширеніемъ закона, и самый законъ, несомнѣнно вѣрный въ его собственныхъ и строгихъ предѣлахъ. Не теряя изъ виду послѣдніе, мы имѣемъ право сказать, что законъ Конта можетъ быть признанъ точнымъ выраженіемъ однообразнаго соотношенія послѣдовательности между науками, лишь при условіи не выражать въ то же время подобнаго же соотношенія и между различными частями каждой, отдѣльно взятой науки. Внѣ этого условія, классификація Конта представляла бы собою колеблющуюся и постоянно ускользающую подъ нами почву; пограничныя линіи между различными науками тотчасъ же сгладились бы или сдѣлались совершенно произвольными, и мы снова впали бы въ хаотическое созерцаніе единаго и недѣлимаго человѣческаго знанія и его развитія, о которомъ, правда, мы все бы еще могли сказать въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что оно есть постоянно прогрессирующее, но о точномъ направленіи котораго мы врядъ ли могли бы имѣть какое-нибудь понятіе. Словомъ, мы вернулись бы къ тому самому хаотическому созерцанію, изъ котораго вывелъ насъ законъ Конта, въ чемъ очевидно и заключалось его прямое назначеніе какъ закона.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОБЩІЯ ДАННЫЯ О МЕЖДУНАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦІИ СОЦІОЛОГІИ.

---

5. Въ предыдущей главѣ мы коснулись возраженія, которое, по всей вѣроятности, будетъ намъ сдѣлано и которое состоитъ въ томъ, что наука только отражаетъ въ себѣ природу, не знающую рѣзкихъ переходовъ, а потому все справедливое по отношенію къ крупнымъ отдѣламъ знанія, называемымъ науками, должно неминуемо и въ одинаковой степени быть вѣрно и въ отношеніи къ болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ, образующимся внутри главныхъ отдѣловъ. Не останавливаясь на нѣсколько метафизическомъ оттѣнкѣ этого возраженія, мы отвѣчаемъ на него, что непрерывность явленій въ природѣ составляетъ особую точку зрѣнія, совершенно отличную отъ той, которая обнимаетъ исключительно факты, выражаемые закономъ Конта. Точка зрѣнія непрерывности приводитъ логически къ основному тожеству явленій. Но какъ бы кто ни былъ твердо убѣжденъ въ этомъ тожествѣ или въ его значеніи въ области философіи, т.-е. обобщеннаго человѣческаго знанія, все-

таки, основываясь на немъ, невозможно всецѣло отбросить различія и несходства, составляющія причину возникновенія и реальный объектъ науки, т.-е. спеціализированнаго знанія. Точки зрѣнія непрерывности и тожества — философскія вершины, съ высоты которыхъ человѣческій умъ не видитъ ничего, кромѣ сплошного однообразія, не замѣчаетъ никакихъ различій и разграничительныхъ линій. Но назначеніе отдѣльныхъ наукъ состоитъ именно въ такомъ увеличеніи угла зрѣнія — посредствомъ приближенія наблюдателя къ наблюдаемымъ предметамъ — которое позволило бы нашему умственному взору обнять всѣ реальныя несходства явленій. *Общее* тожество явленій относится къ ихъ *частному* тожеству, какъ погоня за единой общей причиной къ отысканію многообразныхъ частныхъ причинъ. Первое ведетъ къ метафизической систематизаціи природы, извѣстной подъ именемъ философіи тожества, а второе составляетъ сущность и истинную цѣль частной науки.

Законъ природы есть отношеніе тожества между двумя рядами явленій, которые до установленія закона могли казаться вовсе несходными и изъ которыхъ одинъ считается причиной или групой явленій предшествующихъ, а другой дѣйствіемъ или групою явленій послѣдующихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что законъ тѣмъ болѣе вѣренъ и тѣмъ важнѣе для науки, чѣмъ онъ яснѣе раскрываетъ подъ наружнымъ несходствомъ основное тожество двухъ членовъ отношенія, его составляющихъ, т.-е. чѣмъ очевиднѣе онъ обнаруживаетъ внутреннее тожество причины и слѣдствія. Таковы теоремы математики, большинство законовъ движенія и наиболѣе общіе и простые законы во всѣхъ областяхъ научнаго изслѣдованія. Таковъ также и

Контовскій законъ научнаго развитія, если очистить его отъ чуждыхъ ему элементовъ, играющихъ въ немъ роль настоящихъ «замѣшательствъ», т.-е. новыхъ отношеній, зависящихъ отъ другихъ законовъ. Искомое тожество здѣсь выступаетъ при одномъ взглядѣ на члены отношенія, связанные между собою закономъ, какъ причина и слѣдствіе: причиной является возрастающая сложность явленій, понимаемая какъ постепенное наростаніе новыхъ и самостоятельныхъ свойствъ матеріи, а слѣдствіемъ — рядъ или послѣдовательное установленіе наукъ, которое, въ свою очередь, должно пониматься какъ признаніе новаго основного свойства матеріи и построеніе на этомъ свойствѣ абстрактной доктрины, способной къ развитію.

6. Важность намѣченнаго выше различія не ускользнетъ отъ вниманія читателя. Различіе это имѣетъ двоякое значеніе: почти исключительно теоретическое—по отношенію къ наиболѣе изслѣдованнымъ областямъ знанія, внутреннія дѣленія которыхъ уже ясно обозначились; здѣсь оно только объясняетъ, почему внутреннее раздѣленіе науки не подчиняется закону, служащему основаніемъ для междунаучной классификаціи; и одновременно и теоретическое и практическое — по отношенію къ новымъ областямъ человѣческаго знанія, какъ, напримѣръ, къ соціологіи, правильное развитіе которой едва только начинается и будущія дѣленія которой выступаютъ еще въ неясныхъ очертаніяхъ. Здѣсь оно предупреждаетъ о полнѣйшей безуспѣшности усилій, направляемыхъ къ раздѣленію частной науки по принципу убывающей общности и возрастающей сложности явленій. *Науки* могутъ быть *классифицированы*, т.-е. разсматриваемы

какъ разнородныя совокупности знаній, но *наука* можетъ быть только *раздѣлена*, т.-е. разсматриваема какъ одно цѣлое, части котораго вполнѣ однородны между собою. Словомъ, развитіе частной науки не слѣдуетъ началу междунаучной эволюціи, а въ полномъ своемъ объемѣ обусловливается постепеннымъ переходомъ отъ познанія частныхъ или индивидуально-конкретныхъ отношеній къ познанію отношеній общихъ или абстрактныхъ, т.-е. происходитъ въ дѣйствительности лишь съ точки зрѣнія метода. Но очевидно также, что и эта точка зрѣнія не можетъ служить основаніемъ для какого бы то ни было раздѣленія частной науки, такъ какъ она одинаково и безразлично примѣняется ко всѣмъ частямъ послѣдней.

Спеціальныя и бо́льшею частью совершенно различныя точки зрѣнія рѣшаютъ вопросъ о внутреннемъ раздѣленіи частной науки, наиболѣе соотвѣтствующемъ особому характеру изучаемыхъ ею явленій. Такъ, въ математикѣ получаетъ силу основное различеніе между числомъ и протяженіемъ; въ механикѣ—различеніе между групами явленій космическихъ и земныхъ, а также между ихъ статикой и динамикой; въ физикѣ—эмпирическое различеніе между свойствами матеріи, обладающими одинаковой степенью общности и наблюдаемыми въ однихъ и тѣхъ же естественныхъ агрегатахъ. Далѣе, въ химіи простое наблюденіе факта, что только нѣкоторые элементы, за исключеніемъ всѣхъ остальныхъ, входятъ въ составъ организованныхъ или живыхъ агрегатовъ, обусловливаетъ раздѣленіе этой науки на химію органическую и неорганическую; наконецъ въ біологіи, новыя точки зрѣнія структуры

и функціи, нормальнаго состоянія и разстройства дають начало важному тройственному дѣленію этой науки на анатомію, физіологію и патологію.

Что касается соціологіи, то остававшіяся безплодными до сихъ поръ попытки классифицировать ее ясно показываютъ, что въ самой постановкѣ вопроса кроется коренная ошибка. Для раздѣленія какой бы то ни было отрасли знанія необходимо, чтобы ея собственное развитіе само выдвинуло впередъ спеціальный принципъ, который могъ бы служить основаніемъ для различенія и группировки изслѣдуемыхъ частныхъ явленій. Низшія наслоенія въ образованіи соціологіи или то, что мы назвали естественною исторіею общества, уже представляютъ собою эмпирическія дѣленія, которыя необходимо будетъ принять въ соображеніе при раздѣленіи высшаго наслоенія или естественной науки объ обществѣ. Но послѣдняя, какъ показываетъ примѣръ біологіи, можетъ и въ свою очередь выдвинуть новый принципъ, который дастъ начало иному дѣленію. Обширное поле остается, такимъ образомъ, открытымъ для всевозможныхъ гипотезъ, пока опытъ не подтвердитъ окончательно одну изъ нихъ или не опровергнетъ всѣхъ.

По этому поводу я попрошу у читателя позволенія коснуться одного личнаго вопроса. Вмѣстѣ со многими позитивистами, я долго вѣрилъ въ возможность классификаціи соціальной науки согласно началу убывающей общности и возрастающей сложности соціальныхъ явленій. Я старался выдѣлить изъ общей массы этихъ явленій не только наипростѣйшіе элементы, на которые они разлагаются, но и цѣлыя группы конкретныхъ фактовъ, представляв-

шихся мнѣ болѣе простыми и общими, чѣмъ другіе факты, тоже конкретные, но уже болѣе частные и сложные. И долгое время я думалъ, что нашелъ основаніе для прочной классификаціи, принявъ за точку отправленія групу экономическихъ фактовъ, которые казались мнѣ наиболѣе простыми и общими изъ всѣхъ соціальныхъ явленій и которые я охотно сравнивалъ поэтому съ аналогичной групой явленій растительной жизни. Но это различеніе въ соціологіи, какъ и въ біологіи, не вытекаетъ изъ дѣйствительнаго осложненія явленій, въ смыслѣ обнаруженія новаго и несводимаго свойства матеріи, а основано на идеальной и условной сложности, являющейся результатомъ естественнаго взаимодѣйствія тожественныхъ силъ природы, въ этомъ-то идеальномъ и чисто условномъ смыслѣ политическія явленія считаются болѣе сложными, нежели экономическія, нервныя явленія болѣе сложными, нежели остальныя проявленія жизни, полевой шпатъ болѣе сложнымъ чѣмъ калій или кремній и т. д. Но и помимо того, я не вижу, чтобы точка зрѣнія внутренняго усложненія дѣйствительно взяла верхъ при раздѣленіи уже установившихся отраслей знанія; я поэтому сильно сомнѣваюсь, чтобы она оказалась плодотворнѣе въ области соціологіи.

7. Въ заключенье этой части нашего изслѣдованія, резюмируемъ его еще разъ въ краткихъ словахъ. Дѣло идетъ, въ сущности, объ обширной категоріи фактовъ, которые всѣ могутъ быть подведены подъ одну общую рубрику прогресса человѣческаго знанія. Но на этомъ почти безконечномъ пути слѣдуетъ различать по крайней мѣрѣ три отдѣльныя области, три различные порядка идей: во-первыхъ, успѣхи, зави-

сящіе отъ развитія знанія, или обнаруживаемые этимъ развитіемъ; во-вторыхъ, прогрессъ, зависящій отъ примѣненія логическихъ методовъ; наконецъ прогрессъ, зависящій отъ научнаго раздѣленія труда внутри каждой отдѣльной отрасли знанія и обнаруживаемый этимъ же дѣленіемъ. Мы имѣемъ здѣсь три различныя отношенія, изъ которыхъ каждое соединяетъ собою два члена, одинъ остающійся постояннымъ, а другой—послѣдовательно измѣняющійся. Неизмѣнный во всѣхъ трехъ отношеніяхъ членъ есть прогрессъ человѣческаго знанія, а три измѣняющіеся:—развитіе, методъ и внутреннее дѣленіе. Первое отношеніе связываетъ научный прогрессъ съ общимъ взглядомъ, обнимающимъ совокупность всѣхъ явленій природы, отличая ихъ другъ отъ друга посредствомъ одного реальнаго признака: послѣдовательнаго проявленія новыхъ и самостоятельныхъ свойствъ матеріи въ различныхъ естественныхъ групахъ или агрегатахъ. Законъ Конта выражаетъ собою только одно это отношеніе. Второе отношеніе связываетъ прогрессъ знанія съ стремленіемъ человѣческаго ума къ все бо̀льшему и бо̀льшему объединенію и обобщенію пріобрѣтенныхъ познаній—стремленіемъ, которому мы обязаны существованіемъ главныхъ логическихъ методовъ въ наукѣ. Наконецъ, третье отношеніе связываетъ прогрессъ знанія съ спеціальными и многообразными условіями, которыя проявляются внутри каждой отрасли знанія, тотчасъ вслѣдъ за прочнымъ обоснованіемъ ея, и бываютъ объективными или субъективными, смотря по тому, относятся-ли они къ наблюдаемому объекту или къ наблюдающему субъекту.

8. До сихъ поръ мы имѣли въ виду одну отрицательную сторону критики Спенсера; намъ остается

познакомиться теперь съ положительной стороной его ученія или съ собственными его построеніями; такъ какъ попытавшись доказать, что научный рядъ въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ положительной философіей, составляетъ только гипотезу и притомъ не выдерживающую критики, англійскій философъ не безъ основанія находитъ, что этого недостаточно, что простое разрушеніе не можетъ удовлетворить человѣческій умъ, и поэтому дополняетъ свое изслѣдованіе изложеніемъ собственно ему принадлежащей классификаціи наукъ [1]). Классификація эта настолько противорѣчитъ классификаціи Огюста Конта, что если признать ее вѣрною, послѣдняя должна неминуемо пасть, и въ настоящую минуту двѣ только эти классификаціи и могутъ оспаривать другъ у друга право на всеобщее признаніе. Таково мнѣніе самого Спенсера, и съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Конечно, послѣ всего сказаннаго выше не подлежитъ сомнѣнію, какой именно классификаціи мы отдаемъ предпочтеніе; но въ интересѣ вопроса, который мы стараемся здѣсь разъяснить—вопроса о мѣстѣ, занимаемомъ соціологіей въ ряду наукъ—будетъ цѣлесообразно подкрѣпить наше мнѣніе еще нѣкоторыми доводами, почерпнутыми изъ разсмотрѣнія классификаціи англійскаго философа.

Прежде всего, вотъ въ главныхъ чертахъ доктрина Спенсера. Науки, по мнѣнію его, не образуютъ ряда, воспроизводящаго какой-либо порядокъ въ явленіяхъ или обнаруживаемыхъ ими свойствахъ. Это впрочемъ не мѣшаетъ различенію между способами нашего познаванія, а стало быть и группировкѣ наукъ въ ту или другую категорію, словомъ, класси-

[1]) Essays. III, Classification of the Sciences. London, 1874.

фикаціи знанія. Но на какомъ началѣ будетъ основываться новая классификація, если отвергнуть точку зрѣнія ряда или послѣдовательнаго развитія? Начало это всецѣло заключается въ различеніи двухъ понятій, смѣшиваемыхъ Контомъ и большинствомъ философовъ: понятій объ *отвлеченномъ* и *общемъ*. Понятія эти не равнозначущи, какъ обыкновенно думаютъ. Отвлеченіе или абстракція означаетъ *отдѣленіе* признаковъ *отъ* частныхъ случаевъ (цитирую буквально). Общность означаетъ *проявленіе во* множествѣ случаевъ. Съ одной стороны мы разсматриваемъ только существенныя свойства явленія, мы имѣемъ дѣло лишь съ голымъ понятіемъ, независимо отъ всякихъ частныхъ реальностей; съ другой— мы имѣемъ въ виду только повто́рность феномена, т.-е. число случаевъ, въ которыхъ онъ проявляется.

Изъ этого слѣдуетъ, что бываетъ двоякаго рода истина. «абстрактная или не воспринимаемая чувствами ни въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, къ которымъ она относится, и общая или воспринимаемая чувствами въ каждомъ изъ случаевъ, относительно которыхъ она утверждается». Такъ, напримѣръ, истина, что уголъ, заключенный въ полукругѣ, есть прямой, составляетъ абстрактную истину, ибо она не можетъ быть никогда осуществлена въ дѣйствительномъ кругѣ и справедлива только относительно идеальныхъ математическихъ круговъ и угловъ; но эта же истина не можетъ быть названа общею, такъ какъ она никогда не осуществляется на самомъ дѣлѣ въ природѣ. Напротивъ того, истина, что всякое позвоночное животное обладаетъ двойною нервною системою, есть истина общая, такъ какъ она осуществляется въ каждомъ изъ отдѣльныхъ случаевъ, къ

которымъ относится; но это же послѣднее обстоятельство и мѣшаетъ ей быть абстрактной. Но существуютъ науки, которыя только абстрагируютъ и содержатъ въ себѣ однѣ абстрактныя истины: таковы математика и логика въ ея субъективной формѣ. Существуютъ также науки, которыя только обобщаютъ и содержатъ однѣ общія истины: таковы астрономія, геологія, біологія, психологія и соціологія. Наконецъ, существуютъ науки, которыя абстрагируютъ и обобщаютъ въ одно и то же время, и содержатъ вмѣстѣ и абстрактныя и общія истины: таковы механика, физика и химія. Такимъ-то образомъ получается тройственная классификація, которую Спенсеръ и противополагаетъ классификаціи Конта. И такъ, мы имѣемъ три класса, три групы или три категоріи наукъ; Спенсеръ называетъ ихъ абстрактными, абстрактно-конкретными и конкретными, хотя, по справедливости, ему слѣдовало бы назвать ихъ абстрактными, абстрактно-общими и общими. Но если Контъ не отличаетъ абстрактнаго отъ общаго, Спенсеръ имѣетъ право не отличать общаго отъ конкретнаго.

Но оставимъ это; мы хотимъ обнять однимъ взглядомъ весь путь, пройденный Спенсеромъ, а не останавливаться на всѣхъ камняхъ преткновенія, которыми путь этотъ усѣянъ. Вотъ какъ Спенсеръ подробнѣе характеризуетъ три означенныя выше категоріи. Науки абстрактныя занимаются формами, подъ которыми мы воспринимаемъ явленія. Формы эти суть: пространство или абстрактъ многоразличныхъ отношеній сосуществованія, и время или абстрактъ многоразличныхъ отношеній послѣдованія. Науки абстрактныя могутъ быть названы, слѣдовательно, науками о законахъ феноменальныхъ формъ, и между

двумя науками (математикой и логикой), занимающимися абстрактными отношеніями сосуществованія и послѣдованія, и науками, занимающимися самымъ бытіемъ во времени и пространствѣ — существуетъ цѣлая пропасть. Вторая група, науки посредствующія или абстрактно-конкретныя, изучаетъ уже не кадры бытія, не идеальныя и ничѣмъ реальнымъ незанятыя формы отношеній, но самое бытіе, т.-е. дѣйствительныя явленія и обнаруживаемыя ими реальныя отношенія, при чемъ явленія разсматриваются только съ точки зрѣнія ихъ составныхъ элементовъ, а это значитъ, что «упуская изъ виду все случайное въ частномъ явленіи, мы направляемъ наши старанія на отысканіе закона каждаго видоизмѣненія силы въ отдѣльности, совершенно оставляя въ сторонѣ всѣ прочія ея видоизмѣненія». *Сила* есть концепція, отсутствіе которой въ абстрактной групѣ наукъ и появленіе въ групѣ абстрактно-конкретной проводитъ рѣзкую границу между обоими разрядами знаній.

Идеализація или абстракція въ области наукъ абстрактно-конкретныхъ спускается на одну ступень сравнительно съ отвлеченіемъ въ наукахъ абстрактныхъ и въ такой же мѣрѣ подымается сравнительно съ тѣмъ же процессомъ въ наукахъ конкретныхъ. Науки, входящія въ эту среднюю групу, могутъ быть названы еще науками о законахъ элементовъ или *факторовъ*, въ противоположность конкретнымъ отраслямъ знанія, изучающимъ законы явленій *производныхъ*. Эта послѣдняя група, наконецъ, также изучаетъ явленія и ихъ реальныя отношенія; но въ ней уже болѣе не идеализируются ни явленія ни отношенія. Отъ аналитическаго объ-

ясненія природы здѣсь переходятъ къ синтетическому; это значитъ, что, «принимая во вниманіе всѣ акциденты или обстоятельства, сопровождающія данное явленіе, мы стараемся объяснить себѣ его въ цѣломъ, какъ продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ одновременно въ опредѣленномъ случаѣ». Эти три главные отдѣла человѣческаго знанія могутъ подраздѣляться самымъ различнымъ образомъ, и каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ разныя групы и подъгруппы, различающіяся между собою по степенямъ общности содержащихся въ нихъ истинъ: «такъ какъ бываютъ общія абстрактныя истины и абстрактныя истины спеціальныя; общія абстрактно-конкретныя и спеціальныя абстрактно-конкретныя истины, наконецъ общія конкретныя и спеціальныя конкретныя». Но главные три класса истинъ не различаются другъ отъ друга по степени своей общности; они всѣ одинаково общи или, точнѣе, всеобщи, такъ какъ для достиженія ихъ всѣ предметы и явленія въ природѣ могутъ и должны служить изслѣдователю объектомъ или матеріаломъ. Классы эти отличаются только степенью, до которой доведена въ нихъ абстракція или процессъ отвлеченія. Здѣсь я заключаю изложеніе доктрины Спенсера, не вдаваясь во всѣ частности развитія, приданнаго ей самимъ авторомъ.

9. Ложное ученіе всегда ложно уже въ своемъ основаніи: послѣднее поэтому и должно прежде всего стараться освѣтить критически. Частности всякаго ученія представляютъ нѣчто весьма разнообразное и смѣшанное; заимствованныя у самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, онѣ сами по себѣ бо̀льшею частью вызываютъ такъ же мало возраженій, какъ много ихъ вызываетъ ученіе, съ которымъ онѣ соединены

чисто внѣшней связью; онѣ похожи на орнаментацію безупречнаго стиля, придающую внѣшнее изящество зданію, но нисколько не способствующую его прочности. Но различеніе между абстрактнымъ и общимъ составляетъ именно основу ученія, которое я оспариваю. Это различеніе не можетъ быть оправдано, съ какой бы стороны на него ни смотрѣть и какое бы изъ него ни дѣлать употребленіе. Различаемыя понятія въ дѣйствительности нельзя противополагать одно другому; они не только не исключаютъ, а, напротивъ того, взаимно предполагаютъ и дополняютъ другъ друга. Противоположеніе, формулированное Спенсеромъ, есть простая софистикація, измѣненіе реальнаго значенія предметовъ съ помощію выводовъ, построенныхъ на всегда произвольномъ и условномъ значеніи терминовъ и оборотовъ обыкновеннаго языка; это игра словъ во вкусѣ древнихъ грековъ и средневѣковыхъ схоластиковъ. Я не могу достаточно настаивать на этой сторонѣ бо́льшей части философскихъ разногласій даже въ нашу эпоху; но по этому вопросу я лучше предоставлю слово Юэллю, и приведу нѣкоторыя мѣста изъ первыхъ главъ его «Исторіи индуктивныхъ наукъ». Читатель уже самъ съумѣетъ примѣнить ихъ къ занимающему насъ случаю. «Есть два способа философствованія и опредѣленія смысла высшихъ абстракцій, употребляемыхъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ», говоритъ этотъ безпристрастный историкъ науки: «одинъ изъ нихъ состоитъ въ разсмотрѣніи словъ и вызываемыхъ ими въ умѣ представленій; другой—въ обращеніи вниманія на факты и предметы, вводящіе въ языкъ и въ общее употребленіе абстрактные выраженія и термины. Только этотъ послѣдній путь, методъ *реальнаго*

изслѣдованія, ведетъ къ успѣху. Греки слѣдовали по первому пути, обращали вниманіе исключительно на словесныя различія и абстрактныя понятія, и потерпѣли неудачу... Убѣжденные въ томъ, что философія должна явиться результатомъ изученія отношеній, существующихъ между понятіями, скрытыми въ терминахъ обыкновеннаго языка, греки стремились выводить свои философскія доктрины изъ разсмотрѣнія этихъ понятій. Вмѣсто того, чтобы почерпать ясныя представленія о вещахъ изъ міра этихъ послѣднихъ, при помощи индуктивныхъ пріемовъ мышленія, они выводили свои знанія изъ изученія того или другого разряда ходячихъ, всѣмъ знакомыхъ понятій... Наклонность почерпать философскіе принципы изъ словъ и терминовъ языка замѣчается въ самую раннюю эпоху, чему примѣромъ можетъ служить приписываемое Ѳалесу, основателю греческой философіи, слѣдующее разсужденіе: когда его спросили, что̀ больше всего, онъ, говорятъ, отвѣчалъ: «пространство, ибо всѣ вещи заключаются во вселенной, а сама вселенная заключена въ пространствѣ». Съ Аристотелемъ этотъ методъ изслѣдованія достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта. Большая часть фактическихъ ошибокъ, въ которыя впалъ великій Стагиритъ, объясняются простыми словесными софизмами. Обыкновенный его методъ состоитъ въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ естественной философіи, возбуждавшихся тонкими спекулятивными умами, путемъ простого развитія значенія словъ и фразъ, употребляемыхъ для выраженія наиболѣе общихъ понятій о предметахъ и ихъ отношеніяхъ. Другимъ способомъ разсужденія, получившимъ широкое примѣненіе въ этихъ первыхъ философскихъ попыткахъ, былъ ло-

гическій пріемъ противоположеній, въ которомъ исходили изъ предположенія, что признаки или атрибуты, постоянно противополагаемые другъ другу въ обыкновенной рѣчи или при всякомъ абстрактномъ способѣ разсужденія, должны необходимо быть разсматриваемы какъ заключающіе въ себѣ безошибочныя указанія на основную, весьма важную для изученія антитезу или противоположность въ самой природѣ. Нужно замѣтить, что наклонность ума предполагать существованіе одного общаго элементарнаго свойства во всѣхъ случаяхъ, къ которымъ мы обыкновенно прилагаемъ одинъ общій атрибутъ, пережила вліяніе Аристотелевой философіи, которой она предшествовала по времени» [1]).

Но какъ бы твердо мы ни были убѣждены въ томъ, что классификація Конта прямо выведена изъ дѣйствительныхъ фактовъ, а классификація Спенсера основана на словесныхъ различеніяхъ, мы, однако, не можемъ надѣяться заставить читателя раздѣлить такое убѣжденіе, пока не встрѣтимъ Спенсера на его собственной почвѣ и не разобьемъ его аргументаціи его же оружіемъ. Со временъ Ѳалеса, который, какъ для всѣхъ очевидно теперь, лишь игралъ словами, противополагая понятіе о величинѣ или объемѣ понятію о пространствѣ, до Спенсера, тонко различающаго между абстрактнымъ и общимъ, философія прошла длинный путь; и никому, конечно, не придетъ въ голову проводить близкую параллель между методомъ философа, гадательное существованіе котораго относится къ XI вѣку до христіанской эры, и методомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей XIX столѣтія. Но въ виду того,

---

[1]) Whewell History of the inductive sciences

что Спенсеръ и до сихъ поръ приписываетъ реальное и преобладающее значеніе разсмотрѣнію абстрактныхъ терминовъ, употребляемыхъ въ философскомъ языкѣ, намъ предстоитъ провѣрить, можетъ ли истолкованіе имъ этихъ терминовъ быть оправдано даже съ исключительно-логической точки зрѣнія. Съ своей стороны, мы въ этомъ сильно сомнѣваемся. Различеніе между абстрактнымъ и общимъ представляется намъ и въ логическомъ отношеніи столь же произвольнымъ и неосновательнымъ, какъ и отожествленіе общаго съ конкретнымъ, которое, повидимому, вытекаетъ у Спенсера изъ перваго различенія. Я охотно допускаю всѣ посылки Спенсеровскаго разсужденія, т.-е. принимаю его опредѣленіе абстрактнаго и общаго; но съ какой бы стороны я ни смотрѣлъ на эти посылки, я не могу вывесть изъ нихъ того заключенія, къ которому приходитъ Спенсеръ. Допустимъ, что абстрактное есть нѣчто выдѣленное изъ частныхъ случаевъ, а общее нѣчто обнаруживающееся во множествѣ случаевъ; но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что абстрактное есть противоположность или логическое отрицаніе общаго, или даже что эти термины выражаютъ два существенно различныхъ понятія. Эти опредѣленія абстрактнаго и общаго, напротивъ, легко могутъ быть согласованы съ противоположнымъ взглядомъ, утверждающимъ, что признакъ, или атрибутъ, проявляемый во множествѣ случаевъ, т.-е. общій признакъ, по этому самому—неизбѣжно, необходимо, логически—есть и признакъ выдѣленный изъ частныхъ случаевъ, т.-е. признакъ абстрактный. Объективно или въ реальной дѣйствительности признакъ не можетъ быть отдѣленъ отъ частнаго случая, въ которомъ онъ проявляется. Изъ него нельзя

дѣлать предиката не только множества, но даже нѣсколькихъ случаевъ за разъ, не отнимая у него реальнаго или конкретнаго существованія, не идеализируя его, хотя бы въ самой незначительной степени, не абстрагируя его отъ всѣхъ проявляющихъ его съ разнообразными и неуловимыми оттѣнками частныхъ случаевъ, не превращая его въ общее понятіе или абстракцію. Вотъ почему со временъ самыхъ отдаленныхъ, лишь только началось первое серьезное развитіе въ области человѣческаго мышленія, философы никогда не сомнѣвались въ полнѣйшей равнозначности абстрактнаго и общаго, и всегда утверждали, что общее явленіе, свойство, признакъ или понятіе совершенно однозначущи съ абстрактнымъ явленіемъ, свойствомъ, признакомъ или понятіемъ, въ томъ самомъ спеціальномъ смыслѣ, какой придаетъ послѣднему термину Спенсеръ, т.-е. какъ нѣчто такое, что̀ никогда не можетъ быть осуществлено или воспринято чувствами ни въ одномъ изъ частныхъ случаевъ дѣйствительности; и обратно, что всякое абстрактное понятіе есть въ то же время и понятіе общее въ спеціальномъ значеніи этого термина у Спенсера, т.-е. какъ нѣчто такое, что̀ всегда проявляется одновременно болѣе чѣмъ въ одномъ частномъ случаѣ.

Все это справедливо въ смыслѣ еще болѣе тѣснымъ и ближе касающемся предмета настоящаго разсужденія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ многочисленнѣе случаи проявленія извѣстнаго свойства, тѣмъ болѣе это свойство можетъ считаться общимъ; но въ тоже время оно и болѣе абстрактно, ибо въ каждомъ частномъ случаѣ все меньше и меньше можно ожидать встрѣтиться исключительно съ нимъ однимъ: такое свойство все менѣе и менѣе отожествляется

съ частнымъ случаемъ, все болѣе и болѣе изъ него выдѣляется. Такъ, свойства числа и протяженія наиболѣе общи, ибо они проявляются во всѣхъ возможныхъ и воображаемыхъ случаяхъ, но въ то же время они и наиболѣе абстрактны, такъ какъ одни и въ отсутствіи другихъ свойствъ они не проявляются ни въ одномъ конкретномъ случаѣ: *они не образуютъ собою ни одного частнаго случая*. Общность, составляющая объективную сторону отвлеченности, измѣряется и, слѣдовательно, познается легче, нежели отвлеченность, составляющая субъективную сторону общности; но, въ сущности, мѣрило очевидно должно быть одно и то же для отвлеченности и общности; въ концѣ-концовъ этимъ мѣриломъ можетъ быть только число конкретныхъ случаевъ — въ которыхъ проявляется, или изъ которыхъ выдѣляется то или другое явленіе, свойство, признакъ или понятіе.

Я могъ бы ограничиться настоящимъ краткимъ объясненіемъ; но, въ виду нѣкоторой его отвлеченности, я постараюсь подкрѣпить и пояснить его нѣсколькими примѣрами, которые я возьму предпочтительно у Спенсера же. Такъ, для послѣдняго явленіе, что всѣ позвоночныя животныя имѣютъ двойную нервную систему, составляетъ весьма общую, но отнюдь не отвлеченную истину. Для позитивистовъ—и въ этомъ они не расходятся съ философами всѣхъ другихъ школъ—это эмпирическая истина; что значитъ такая истина, которая хотя и абстрагирована отъ реальныхъ и конкретныхъ фактовъ, но еще недостаточно, и хотя составляетъ обобщеніе, но еще не такое, которое бы вполнѣ удовлетворяло объединительныя стремленія нашего ума. Эмпирическая истина и теоретическая или, какъ ее называетъ Спен-

серъ, абстрактная, различаются между собою только одной степенью, и притомъ исключительно степенью научнаго совершенства, достигаемаго каждымъ изъ этихъ двухъ типовъ истины, абсолютно противополагать которыя другъ другу отнюдь не слѣдуетъ. Эмпирическую истину можно назвать еще истиной несовершенно отвлеченною или обобщенною —она есть абстракція или обобщеніе въ періодѣ роста, развитія; между тѣмъ какъ теоретическая истина есть совершенно отвлеченная или обобщенная, есть абстракція или обобщеніе, достигшее предѣловъ своего естественнаго развитія. Но эмпирическая истина неизбѣжно, неминуемо ведетъ къ теоретической. Самый узкій эмпиризмъ становится въ свое время теоріей, поражающей своею глубиною и широкимъ кругозоромъ. Всѣ науки начинаютъ съ эмпирическихъ истинъ и приходятъ къ теоретическимъ. Сама математика, которую Спенсеръ справедливо приводитъ какъ типъ абстрактной науки, не миновала этого общаго закона: аксіомы, составляющія почти все реальное содержаніе строго-опытной части математическаго знанія, до сихъ поръ объ этомъ свидѣтельствуютъ. Но возвратимся къ нашему примѣру. Двойная нервная система у позвоночныхъ животныхъ, являющаяся эмпирическою истиною, выдаваемою Спенсеромъ за весьма общую (хотя ее и нельзя считать таковою по сравненію со многими другими, также эмпирическими истинами естественной исторіи и біологіи), въ точныхъ предѣлахъ своего формулированія очевидно такъ же мало способна быть реализирована или воспринята чувствами въ каждомъ данномъ животномъ, какъ мало можетъ быть осуществленъ, въ реальныхъ углахъ и кругахъ природы, идеальный уголъ въ 90°,

вписываемый математикомъ въ не менѣе идеальной четверти круга. Было бы излишне предпринимать здѣсь полное доказательство этого столь очевиднаго положенія, и я поэтому къ сказанному прибавлю еще только одно замѣчаніе. Естествоиспытатель можетъ держать въ рукахъ позвонокъ, принадлежавшій какому-нибудь млекопитающемуся, птицѣ, пресмыкающемуся или рыбѣ, и геометръ, принявши нѣкоторыя обыкновенныя предосторожности, можетъ начертать круги и построить углы если и не вполнѣ совершенные, то все-таки поражающіе своею правильностью. Но остеологическій обломокъ въ рукахъ натуралиста кажется мнѣ гораздо далѣе отстоящимъ отъ позвонка, о которомъ можетъ идти рѣчь во всякомъ, нѣсколько общемъ предложеніи естественной исторіи или анатоміи, чѣмъ реальный уголъ, построенный математикомъ, отъ идеальнаго угла, къ которому исключительно относятся геометрическія теоремы. Очень вѣроятно даже, что геометрическія очертанія, осуществляемыя природой, не болѣе удаляются отъ идеальныхъ линій математики, чѣмъ біологическія реальности отъ абстрактныхъ типовъ, къ которымъ исключительно относятся законы біологіи [1]). Выраженіе типъ, только-что нами употребленное, имѣетъ въ біологіи спеціальное, хотя и близкое къ приданному ему выше значеніе; такъ, напримѣръ, въ остеологіи позвонкомъ-типомъ называютъ «абстрактную организацію, не встрѣчающуюся въ совер-

[1]) „Снѣжные кристаллы, по совершенной правильности своихъ формъ, обращаютъ въ конкретныя реальности самыя идеальныя абстракціи геометріи“, справедливо замѣчаетъ, между прочимъ, Тиндаль въ одной изъ статей своихъ въ „Forthnightly Review“ (Ноябрь 1875 г.).

шенномъ видѣ ни у рыбъ, ни у другихъ позвоночныхъ, но приближающуюся, вообще говоря, къ теоретическому образцу у высшихъ позвоночныхъ гораздо болѣе, чѣмъ у низшихъ» [1]). Эти нѣсколько строкъ ясно показываютъ, съ какого рода обобщеніями мы часто имѣемъ дѣло въ органическихъ наукахъ, но если въ приведенномъ опредѣленіи одинаково принадлежащаго всѣмъ отдѣламъ науки о жизни понятія отбросить все то, что относится до приближенія къ типу со стороны высшаго класса животныхъ (а таковъ спеціальный смыслъ этого термина), то въ словахъ: «абстрактная организація, не встрѣчающаяся въ совершенномъ видѣ ни у одного изъ организованныхъ существъ», мы имѣемъ вѣрное и точное изображеніе истиннаго характера всѣхъ, безъ исключенія, понятій, входящихъ въ составъ законовъ жизни и въ своей совокупности образующихъ абстрактную науку біологіи.

10. Въ этомъ, не выдерживающемъ критики различеніи общаго отъ абстрактнаго слышится, впрочемъ, какъ бы дальній отголосокъ другого различенія — общеизвѣстнаго и принятаго всѣми, въ томъ числѣ и позитивистами· именно различенія *реальныхъ* законовъ природы отъ *идеальныхъ*, которое основано исключительно на разницѣ въ степени свойственной тѣмъ и другимъ отвлеченности, и которое, въ свою очередь, повторяетъ только другое различіе—эмпирической истины отъ теоретической. При этомъ, однако, идеальными называются лишь тѣ теоретическіе законы, въ которыхъ не только игнорируются какія

[1]) Robin et Littré Dictionnaire de médecine, article Vertèbre. Paris, 1879.

бы то ни было замѣшательства и постороннія вліянія, но и вообще абстрагируется отъ всякаго реальнаго процесса въ природѣ, и которые, такимъ образомъ, въ своемъ чисто-идеальномъ характерѣ, выражаютъ лишь то, что̀ *неизбѣжно должно было бы случиться* при условіяхъ завѣдомо иныхъ, чѣмъ существующія въ объективномъ мірѣ. Но идеальные законы, встрѣчающіеся всего чаще въ области математики и механики, не составляютъ исключительной принадлежности этихъ наукъ; законы съ подобнымъ же характеромъ устанавливаются во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, въ біологіи и соціологіи точно такъ же, какъ въ самыхъ общихъ и абстрактныхъ отдѣлахъ механики. Въ этомъ отношеніи я сошлюсь здѣсь только на слѣдующія строки въ послѣдней книгѣ Льюиса, одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей умѣренной лѣвой новой философіи. «Движеніе, говоритъ Льюисъ, никогда не бываетъ однообразно и прямолинейно; тычинка или пестикъ никогда не бываетъ листомъ; кости черепа никогда не бываютъ позвонками; планета никогда не описываетъ эллиптической орбиты; эти и всѣ другіе идеальные законы представляютъ истины абстрактныя и не иначе могутъ служить къ объясненію конкретныхъ фактовъ, какъ только при условіи постояннаго исправленія послѣдствій естественнаго стремленія нашего ума къ принятію отвлеченій за реальности» [1]).

Но въ ученіи Спенсера можно отыскать не одинъ только этотъ отголосокъ позитивной философіи. Такъ, напримѣръ, приступая къ объясненію взаимной связи образованныхъ имъ трехъ научныхъ группъ, Спен-

[1]) Problems of Life and Mind, I.

серъ говоритъ: «первая группа, абстрактная, служитъ орудіемъ (открытія, изслѣдованія) для двухъ слѣдующихъ группъ; а вторая, абстрактно-конкретная, орудіемъ для третьей или конкретной группы. Никакое перемѣщеніе этихъ ролей или функцій немыслимо, въ виду характеристическихъ отличій и особенностей каждой группы». Но то же самое, въ сущности, если не въ одинаковыхъ выраженіяхъ, всегда громко утверждалось и Контомъ со всей позитивной школою, съ тою только разницею, что методологическая зависимость наукъ другъ отъ друга выставлялась ими какъ необходимое слѣдствіе убывающей общности и возрастающей сложности явленій. Вообще нельзя не замѣтить, что если основанія, составляющія, такъ сказать, внѣшнюю рамку классификаціи Спенсера, и ложны или, говоря точнѣе, если они, при первомъ прикосновеніи критики, превращаются въ чисто-словесныя различенія, то самое содержаніе его классификаціи есть почти буквальное воспроизведеніе научнаго ряда по ученію Конта. Въ самомъ дѣлѣ, первая група Спенсера обнимаетъ собою только математику и наиболѣе отвлеченные отдѣлы механики: кинематику (теорію движенія) и то, что́ Спенсеръ называетъ геометріей движенія [1]), вторая обнимаетъ всю остальную часть механики, а также физику и химію, въ третьей, наконецъ, на ряду съ такими конкретными науками, какъ геологія и метеорологія, мы встрѣчаемъ біологію и соціологію. Но освѣщенное выше-

[1]) Логика также помѣщена въ этой групѣ; но Спенсеръ согласенъ съ тѣмъ, что объективно психологія должна идти послѣ біологіи; и только субъективно, т.-е въ видѣ логики, можетъ эта наука (единственная въ своемъ родѣ и составляющая прямую антитезу по отношенію ко всѣмъ другимъ) стоять во главѣ научнаго ряда

приведеннымъ объясненіемъ Спенсера относительно назначенія каждой групы служитъ орудіемъ для послѣдующей, не является-ли подобное распредѣленіе уже само по себѣ достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ вполнѣ призрачнаго характера классификаціонныхъ рамокъ Спенсера? Болѣе состоятельныя начала не могли бы, конечно, разрѣшиться простымъ воспроизведеніемъ въ своихъ выводахъ самыхъ выдающихся послѣдствій началъ, имъ діаметрально противоположныхъ. Я, впрочемъ, очень хорошо знаю, что между рядомъ наукъ у Конта и классификаціей ихъ у Спенсера существуетъ по крайней мѣрѣ одно различіе, состоящее въ томъ, что тогда какъ у перваго химія, напримѣръ, подчинена физикѣ, а соціологія біологіи, у второго это подчиненіе одной науки другой отпадаетъ, исчезая совершенно въ подчиненіи одной групы наукъ другой групѣ. Это, безспорно, весьма важное различіе.

Правда, это нововведеніе или эту поправку Спенсера весьма трудно защищать ссылкою на факты или на то, что дѣйствительно происходитъ въ средѣ наукъ. Мы были бы въ правѣ потребовать, чтобъ намъ показали, такъ-сказать, на дѣлѣ Спенсеровскаго химика, пользующагося математикой и теоріей движенія, какъ необходимыми орудіями для своихъ работъ и отвергающаго помощь физики; еще болѣе интересно было бы видѣть его соціолога, разсматривающаго общество какъ простой продуктъ физическихъ и химическихъ свойствъ матеріи, и прямо выводящаго изъ этихъ послѣднихъ, не пропуская ихъ черезъ горнило фактовъ и законовъ біологіи, — спеціальные законы общественныхъ явленій. Но я безъ сомнѣнія заблуждаюсь: факты сильнѣе всякихъ

теорій, и методъ, употребленный самимъ Спенсеромъ въ его соціологическихъ изслѣдованіяхъ, хотя косвенно и только окольнымъ путемъ, но возстановляетъ всѣ наиболѣе существенные практическіе результаты того взгляда на научный рядъ или на непрерывную связь наукъ, котораго придерживаются Контъ и его школа. Дѣйствительно, мы знаемъ, что Спенсеръ, болѣе нежели кто-либо, способствовалъ установленію самой тѣсной связи между соціологіей и біологіей; такимъ образомъ, разногласіе, существующее между Контомъ и Спенсеромъ въ теоріи, исчезаетъ въ значительной степени на практикѣ. Однако въ виду того, что теорія всегда важнѣе практики, и теоретическая точка зрѣнія должна всегда подчинять себѣ практическую, я не считаю нужнымъ измѣнять что-либо въ сказанномъ выше относительно существенной разницы между научнымъ рядомъ Конта и классификаціей Спенсера. И вотъ главнымъ образомъ съ цѣлью утвердить занятое имъ положеніе на непоколебимомъ логическомъ основаніи, Спенсеръ и прибѣгаетъ къ своему, надѣюсь, уже безвозвратно осужденному читателемъ различенію между отвлеченнымъ и общимъ. Намъ кажется даже, что разногласіе между Контомъ и Спенсеромъ должно было въ умѣ послѣдняго предшествовать логическому оправданію, которое онъ уже пріискалъ ему впослѣдствіи. Настоящая мысль Спенсера, однако, лежитъ въ другомъ направленіи, и къ обнаруженію ея мы теперь и обращаемся. Мы могли бы не касаться здѣсь этого предмета, еслибъ преслѣдовали однѣ полемическія цѣли. Но рядомъ съ полемикой мы имѣемъ еще другую цѣль, мы желаемъ по возможности содѣйствовать правильной оцѣнкѣ системы философа, который, если

вѣрить Миллю, «имѣетъ право быть признаннымъ равнымъ Конту».

11. Спенсеръ—философъ, который, по словамъ его поклонниковъ, «воскресилъ гипотезу Лейбница о непрерывности прогресса въ природѣ, очистилъ ее отъ глубоко засѣвшихъ въ нее метафизическихъ примѣсей и подкрѣпилъ ее результатомъ двухъ вѣковъ опыта и научнаго развитія» [1]). Гегель пытался сдѣлать то же въ своемъ ученіи о развитіи бытія; но тамъ, гдѣ нѣмецкій философъ потерпѣлъ полную неудачу, англійскій, по мнѣнію его учениковъ, имѣлъ полный успѣхъ. Онъ создалъ новую философскую систему, положилъ твердое основаніе «философіи эволюціи». Я не оспариваю правъ Спенсера на удивленіе и признательность современниковъ или потомства; права эти не подлежатъ сомнѣнію. Напоминаю только, что этотъ самобытный мыслитель много занимался вопросомъ о генезисѣ или порядкѣ возникновенія въ космосѣ различныхъ разрядовъ явленій. Спенсеръ представляетъ себѣ этотъ порядокъ или «космическую эволюцію» точно такъ же, какъ и позитивисты; какъ на его взглядъ, такъ и на нашъ, пять космическихъ фазъ слѣдуютъ другъ за другомъ, постепенно увеличивая собою сумму міровыхъ явленій. Сначала обнаруживаются астрономическія явленія, потомъ геологическія, и непосредственно за ними біологическія; далѣе наступаютъ явленія психологическія и, наконецъ, въ заключеніе ряда, соціологическія. Никакой перерывъ и никакое измѣненіе невозможны въ этомъ порядкѣ послѣдовательности и очевидной зависимости (съ двойной точки зрѣнія генезиса и научнаго объясненія), устанавливающихся между каждымъ изъ по-

[1]) Ribot. La psychologie anglaise contemporaine.

именованныхъ разрядовъ явленій и разрядами ему предшествующими. Такъ думаетъ Спенсеръ, и такъ думаютъ позитивисты, за однимъ лишь исключеніемъ несущественнаго здѣсь вопроса о генетическомъ значеніи психологическихъ явленій. Но если, не взирая на общность исходныхъ точекъ, обнаруживается несходство въ результатахъ, то это значитъ, что самый путь или методъ, которому слѣдовали, былъ различенъ въ обоихъ случаяхъ. Въ двухъ занимающихъ насъ случаяхъ дѣло идетъ о такъ-называемомъ дедуктивномъ разсужденіи: и потому либо выводъ Спенсера, либо выводъ позитивистовъ долженъ быть ошибоченъ. Я думаю, что подобный упрекъ нужно сдѣлать именно Спенсеру: въ своемъ заключеніи онъ допускаетъ нѣчто, чего вовсе не было въ посылкахъ. Спенсеръ и позитивисты знаютъ одно только, и совершенно одно и тоже. а именно, что научный анализъ конкретныхъ агрегатовъ или явленій, соотвѣтствующихъ двумъ первымъ космическимъ фазамъ, астрономическому и геологическому періодамъ, привелъ къ различенію трехъ категорій свойствъ—количественныхъ, физическихъ и химическихъ; откуда и три различныя абстрактныя науки. Изъ этого безспорнаго свидѣтельства опыта позитивисты заключаютъ, что нужно положиться на аналогичный опытъ для разрѣшенія вопроса о томъ, проявляются или нѣтъ новыя свойства въ конкретныхъ агрегатахъ и явленіяхъ, соотвѣтствующихъ другимъ космическимъ фазамъ (біологической и соціологической эпохамъ); а также, что всякое предсказаніе a priori въ этомъ направленіи, очевидно, безполезно; словомъ, что признаніе или отверженіе новыхъ свойствъ матеріи, дѣйствующихъ или проявляющихся въ новыхъ космиче-

скихъ фазахъ и въ новыхъ агрегатахъ, совершенно неизвѣстныхъ первымъ фазамъ, можетъ, въ концѣ концовъ, быть только результатомъ опыта или, что то же, опытнымъ фактомъ. Спенсеръ, напротивъ, думаетъ, что это признаніе или отверженіе можетъ стать логическимъ фактомъ или результатомъ простой дедукціи. По крайней мѣрѣ въ данномъ вопросѣ человѣческій умъ, по его мнѣнію, лучшій путеводитель, а разумъ разсуждаетъ такъ: въ первую эпоху космическаго бытія дѣйствуютъ только механическія, физическія и химическія силы; но чего нѣтъ въ началѣ, того не можетъ быть ни въ срединѣ, ни въ концѣ процесса; стало быть, біологическія и соціальныя свойства могутъ быть только продуктами свойствъ механико-физико-химическихъ или, вѣрнѣе, самыми этими свойствами. Но, скажу прямо, это разсужденіе только въ такомъ случаѣ имѣло бы значеніе и могло бы меня убѣдить, еслибъ было доказано, что въ началѣ уже существовали и органическіе и соціальные агрегаты, но что, не смотря на то, на лицо были только силы механическія, физическія и химическія: ибо дедуктивное разсужденіе правильно только въ той степени, въ какой оно ограничивается вѣрнымъ воспроизведеніемъ въ своемъ заключеніи того, что уже содержалось въ посылкахъ.

Новое во взглядѣ Спенсера, въ этомъ направленіи, сводится исключительно къ изгнанію біологіи и соціологіи изъ ряда абстрактныхъ наукъ, къ отрицанію ихъ значенія, какъ наукъ основныхъ.

Спенсеръ вполнѣ признаетъ всѣ остальныя части доктрины Конта; серьозное разногласіе существуетъ между нимъ и основателемъ позитивной философіи только въ этомъ единственномъ пунктѣ. Но что но-

ваго вноситъ въ философію это разногласіе, и вполнѣ ли увѣренъ Спенсеръ, что съ его стороны въ этомъ спорѣ нѣтъ безсознательнаго возвращенія къ прошедшему, нѣтъ простого обновленія мнѣнія, когда-то бывшаго очень распространеннымъ? У Литтре я нахожу слѣдующее описаніе состоянія біологіи въ эпоху, непосредственно предшествовавшую ея научному обоснованію, т.-е. въ эпоху сравнительно недавнюю; я привожу здѣсь эти строки, имѣющія свое значеніе. «Со времени отдаленнѣйшихъ свидѣтельствъ о занятіи наукою, мы видимъ, что біологія ревностно изучается. Ею занимаются Демокритъ и Гиппократъ; Аристотель посвящаетъ ей много важныхъ трудовъ; развитію ея, прямо или косвенно, способствуютъ всѣ врачи; въ области ея дѣлаются чрезвычайно важныя открытія, какъ, напримѣръ, открытіе кровообращенія; и однакоже, я, не колеблясь, скажу, что, не смотря на все это, біологія еще не была наукою. Каковъ бы ни былъ характеръ открываемыхъ фактовъ, изъ нихъ не вытекало ни одного основного начала, которое могло бы догматически отдѣлить біологію отъ другихъ, низшихъ знаній; я пользуюсь здѣсь словомъ, которое вмѣстѣ съ понятіемъ, имъ выражаемымъ, впервые было употреблено Контомъ; и какъ можно легко въ томъ убѣдиться, я имѣю полное право употребить здѣсь именно это выраженіе. Біологія оставалась *приложеніемъ къ физикѣ и химіи;* и всякій разъ, когда хотѣли теоретически обосновать ее, неминуемо приходилось группировать факты вокругъ какого-нибудь принципа, заимствованнаго, смотря по времени, изъ наукъ уже вполнѣ обоснованныхъ. Ученые, возстававшіе противъ подобныхъ физическихъ и химическихъ объясненій, не могли

ровно ничего предложить взамѣнъ ихъ. Ясно, что біологіи недоставало, такъ-сказать, догматической устойчивости, которая могла явиться только тогда, когда бы, наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, обладаютъ-ли клѣточка, мускульное волокно, нервное волокно и т. д. особыми, имъ однимъ принадлежащими свойствами, или же они представляютъ лишь видоизмѣненія различныхъ силъ неорганической матеріи» [1]). Строки эти объясняютъ спорный вопросъ настолько, что я нахожу излишнимъ настаивать на примѣненіи, которое можетъ быть сдѣлано изъ нихъ къ воззрѣнію, представляемому Спенсеромъ.

Ясно, что еслибъ послѣдній писалъ до появленія безсмертныхъ трудовъ Биша, онъ имѣлъ бы полное основаніе противопоставить анимизму, витализму и другимъ распространеннымъ въ то время теоріямъ свой взглядъ на возможность чисто физическаго и химическаго объясненія жизненныхъ явленій. Но болѣе пятидесяти лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ переворота, совершившагося въ біологіи, постановка вопроса совершенно измѣнилась, а между тѣмъ Спенсеръ и теперь занимаетъ то же положеніе, какое занимали въ прошломъ столѣтіи противники (которые въ этомъ отношеніи были настоящими позитивистами эпохи) придерживавшихся болѣе метафизическихъ воззрѣній предшественниковъ Биша. Какъ объяснить это явленіе, составляющее настоящій анахронизмъ въ исторіи философіи? Что до меня касается, то когда я встрѣчаю упорное отрицаніе абстрактнаго характера біологіи и соціологіи и ихъ полнаго научнаго равенства съ науками неорганической природы, я не могу не видѣть въ этомъ новомъ появленіи ста-

[1]) E Littré. La science au point de vue philosophique. Paris 1873.

рой доктрины (безспорно очень распространившейся въ послѣднее время) прямого слѣдствія того, что въ соціологіи называется естественной реакціей; т.-е., въ сущности, слѣдствія усталости мысли, наступающей послѣ всякаго сильнаго умственнаго напряженія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно усталость эта овладѣваетъ, повидимому, сперва лучшими умами, естественными вожаками человѣчества какъ въ поступательныхъ, такъ и въ реактивныхъ его движеніяхъ. Поступательное движеніе было осуществлено великой концепціей Конта о соціологіи; реакція же представлена нынѣ доктриною Спенсера. Законы чрезвычайно капризныхъ явленій соціологической реакціи еще не изслѣдованы; замѣчено только вообще, что реакціонная волна то остается позади «активной» и не достигаетъ крайнихъ предѣловъ произведеннаго послѣднею перемѣщенія, то, повидимому, даже переступаетъ за эти предѣлы; въ среднемъ же выводѣ и въ большинствѣ случаевъ, эти два противоположныя движенія, какъ кажется, могутъ быть измѣрены волнами одинаковой величины. Примѣняя сказанное къ занимающему насъ случаю, мы увидимъ, что здѣсь мы имѣемъ примѣръ реакціи второго или третьяго рода, смотря по тому, припишемъ ли мы *дѣйствію*, произведенному Контомъ—введеніе въ іерархію или рядъ наукъ одной только соціологіи, или соціологіи и біологіи вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, весьма знаменателенъ фактъ, что Спенсеръ останавливается на порогѣ химіи, т.-е. не переступаетъ крайнихъ предѣловъ управляющаго умственными движеніями закона, хотя ничто, казалось бы, ни въ логикѣ, на которую онъ опирается, ни въ древней метафизикѣ, изъ которой онъ, очевидно,

почерпаетъ свои идеи о *формѣ* явленій, объ единой и нераздѣльной *силѣ* и т. д., ничто, говоримъ мы, не должно было помѣшать ему распространить свою теорію не только на химію, но и на физику. Логика и метафизика, наоборотъ, одинаково должны были побуждать его къ превращенію его произвольной научной трилогіи въ широкую унитарную теорію и къ уничтоженію сперва химическаго «несократимаго остатка», а потомъ и физическаго, подобно тому, какъ имъ уже были уничтожены «несократимые остатки» біологіи и соціологіи; къ перемѣщенію содержанія химіи въ готовыя формы физики, а содержанія этой послѣдней въ готовыя формы теоретической механики, къ поискамъ за первичнымъ началомъ, единою силою, основной энергіей и—можетъ быть даже, кто знаетъ?—за конечной причиной. Однимъ словомъ, логика и метафизика прямо говорили ему о необходимости направить философію эволюціи въ русло болѣе послѣдовательной полу-научной, полу-метафизической системы, зародившейся въ Германіи и въ послѣднее время производящей, повидимому, настоящія опустошенія въ философскихъ умахъ этой страны [1]).

---

[1]) Два слова по поводу этого новаго компромисса между современною наукою и древней метафизикой. Монизмъ (который можно назвать еще панэнергизмомъ—прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ умирающаго пантеизма) возникъ въ Германіи вслѣдъ за замѣчательными трудами, внушенными нѣмецкимъ ученымъ быстро распространившимися по всей Европѣ идеями Дарвина и Уоэллеса Новая доктрина, подобно многимъ метафизическимъ системамъ, заявляетъ, прежде всего, притязаніе примирить философію съ такъ-называемымъ послѣднимъ словомъ современной науки, въ дѣйствительности же съ нѣсколькими изъ послѣднихъ научныхъ гипотезъ, по выбору самихъ философовъ. Конечно, „разработывать“ научныя гипотезы полезно, и гипотеза

12. Выше я сказалъ, что ученіе Спенсера объ абстрактныхъ или основныхъ наукахъ является продуктомъ усталости ума. За отрицаніемъ жизненныхъ или соціальныхъ свойствъ кроется своего рода инерція мысли, не допускающая другихъ спеціальныхъ свойствъ матеріи, сверхъ завоевавшихъ уже себѣ мѣсто въ наукѣ. Гипотеза жизни безполезна: въ области жизни нѣтъ ничего, кромѣ спеціализированныхъ физики и химіи; еще менѣе нужна общественная гипотеза: ибо развѣ не ясно, что въ обществѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ спеціальнымъ видоизмѣненіемъ обыкновенныхъ физическихъ и химическихъ фактовъ? Какъ не вспомнить при этомъ опредѣленія жизни однимъ современнымъ ученымъ: двойная метаморфоза солнечныхъ лучей! Не то, чтобы мы видѣли тутъ малѣйшую ошибку и хотя бы тѣнь заблужденія; опредѣленіе это—чистѣйшая истина; но для насъ невыносима поверхностная и пустая тавтологія, которую стараются выдать за философскую глубину и, что еще хуже, за научную точность.

Генезисъ (или потенціальная реальность) явленій—

Дарвина несомнѣнно превосходна. Она для науки такое же цѣнное пріобрѣтеніе, какъ гипотеза эфира напримѣръ, и стала уже одною изъ составныхъ частей современнаго міросозерцанія. Такая роль ей вполнѣ могла удовлетворить, и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно удовлетворяетъ умы строго позитивные. Но философы, не порвавшіе окончательно всѣхъ связей съ метафизикою, не желаютъ видѣть въ ней только составную часть основаннаго на всей наукѣ міросозерцанія, или простое расширеніе научнаго горизонта въ одномъ направленіи. Они хотятъ не болѣе и не менѣе, какъ построить на ней „новое“ міровоззрѣніе. Наука и превосходные труды Дарвина—здѣсь большею частью только предлогъ. Метафизическая жажда неутолима; сегодня онъ пьетъ изъ чаши Дарвина, а завтра, бросивъ ее, ухватится за первую попавшуюся гипотезу,—послѣднее слово науки.... будущаго!

одно, ихъ актуальная реальность—совсѣмъ другое. Съ генетической точки зрѣнія можетъ быть вполнѣ законнымъ выводить животную и растительную жизнь изъ всей совокупности свойствъ неорганической природы; и съ той же точки зрѣнія не менѣе правильно выводить химическія свойства матеріи изъ ея физическихъ свойствъ и, основываясь на доказанныхъ превращеніяхъ и дознанной эквивалентности свойствъ матеріи, стремиться къ приведенію всѣхъ ихъ къ одному идеальному типу силы или энергіи. Все это можетъ быть наукою, и даже болѣе того—точною наукою. Но достаточно легкой перемѣны, незамѣтнаго измѣненія, чтобъ такая наука внезапно превратилась въ метафизику; допустите только въ эти высшія умозрѣнія понятіе о сущности, и метаморфоза уже совершилась. Идея сущности, введенная въ науку, немедленно вызываетъ въ ней острое метафизическое броженіе; преграды, которыя объективная дѣйствительность ставитъ знанію, перейдены однимъ разомъ: изъ области познаваемаго мы вдругъ вступили въ область непознаваемаго; но здѣсь у насъ уже не можетъ быть другого путеводителя, кромѣ безподобнаго метода a priori. Наука знала только о превращеніи однихъ свойствъ или силъ въ другія; но достовѣрный фактъ этотъ самъ представлялся ей непроницаемой тайною. Изъ него она выводила одно заключеніе: что свойства матеріи, при извѣстныхъ условіяхъ, превращаются одни въ другія; что одно изъ нихъ появляется въ тотъ самый моментъ, когда другое исчезаетъ и обратно, и что между *количествами* проявляющихся и поглощаемыхъ такимъ образомъ силъ существуютъ извѣстныя постоянныя соотношенія. Но наука никогда не утверждала ни тожества, ни полной сводимости одного

свойства къ другому, и если что-нибудь подобное говорилось и писалось, то только вслѣдствіе неопредѣленности и неточности научнаго языка или философской терминологіи. Эта конечная сводимость всегда оставалась въ глазахъ науки недоступною, непостижимою тайною. Это настолько вѣрно, что никогда ни одно, даже самое позитивное или научное умозрѣніе въ этой области мышленія не могло обойтись безъ гипотезы *скрытыхъ* свойствъ или силъ матеріи. Жизнь (но почему не общественность?—она не болѣе недоступна чувственному воспріятію, чѣмъ жизнь или химическое сродство) можетъ предполагаться въ скрытомъ состояніи въ первыхъ космическихъ агрегатахъ, въ которыхъ еще нѣтъ никакихъ организмовъ, подобно тому какъ химическое сродство предполагается въ скрытомъ состояніи въ матеріальныхъ агрегатахъ, въ которыхъ наши чувства воспринимаютъ одни физическія свойства. Но метафизика знаетъ гораздо больше этого, и знаніе свое она черпаетъ изъ источниковъ несравненно болѣе чистыхъ, нежели мутныя воды опыта. Она познаетъ основное «тожество» свойствъ (или силъ) матеріи; останавливаться на однихъ превращеніяхъ силы представляется ей глубоко нераціональнымъ; на такое добровольное воздержаніе она готова смотрѣть какъ на жестокое оскорбленіе, нанесенное логикѣ, если не самой проницательности мыслящаго и отожествляющаго субъекта.

Какъ, исходя изъ превращенія свойствъ и явленій, не быть въ состояніи сдѣлать заключенія объ ихъ существенномъ тожествѣ? Бѣдные позитивисты! Какъ, послѣ всѣхъ знаменательныхъ открытій послѣдняго времени, все еще упорно настаивать на томъ, что законы жизни нужно искать въ явленіяхъ жизни,

а не въ явленіяхъ частичнаго притяженія и отталкиванія, что, признаемся, было бы гораздо проще? Какое упрямство и, простите за выраженіе, какое тупоуміе! Я очень хорошо сознаю, что наука при извѣстныхъ условіяхъ неминуемо обращается въ метафизику: но отсюда я вовсе не заключаю, чтобы эти два способа мышленія были тожественны. При этомъ переходѣ науки въ метафизику генезисъ (или потенціальная реальность) превращается въ живую дѣйствительность, и точка зрѣнія генетическая становится точкой зрѣнія изслѣдованія и анализа явленій. Нельзя себѣ представить болѣе радикальнаго превращенія. Но въ такомъ случаѣ, какой остатокъ научной стыдливости еще удерживаетъ ученыхъ, столь горячо философствующихъ на эту излюбленную въ наше время тему, отъ скромнаго признанія, что они познали, наконецъ, самую сущность вещей?

Какая смѣлая гипотеза утверждать, что жизнь есть продуктъ, а химическія свойства тѣлъ—элементъ или факторъ? При изученіи явленій жизни вполнѣ сообразно съ раціональнымъ методомъ отводить возможно болѣе мѣста химическимъ и физическимъ свойствамъ: но если за всѣмъ тѣмъ получается еще нѣкоторый остатокъ, прямо необъяснимый этими свойствами, — что съ нимъ дѣлать? Слѣдуетъ-ли, вопреки очевидности, отрицать его существованіе, опираясь на доводы, подобные характеризованнымъ выше? Слѣдуетъ ли смотрѣть на біологію какъ на науку производную, основанную на механикѣ, физикѣ и химіи, т.-е. какъ на конкретную или прикладную отрасль знанія, во всемъ подобную геологіи, которая, дѣйствительно, не имѣетъ дѣла съ какимъ бы то ни было остаткомъ или новымъ свойствомъ, не изслѣдо-

ваннымъ цѣлымъ рядомъ абстрактныхъ наукъ? Оставаясь строго послѣдовательнымъ, не иначе слѣдуетъ смотрѣть на химію и на физику; но такимъ образомъ не трудно дойти, пожалуй, и до пиѳагорейскихъ грёзъ о числѣ—принципѣ вселенной. Во всемъ этомъ очевидно всегда смѣшивали двѣ вещи: вопросъ о методѣ, о превосходномъ принципѣ научнаго изслѣдованія, въ силу котораго надо всегда по возможности объяснять неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго, и чисто философскій вопросъ о классификаціи и раздѣленіи человѣческаго знанія. Но на той философской высотѣ, куда поднимаются наши противники, въ трудно доступной области послѣднихъ отвлеченій, упомянутый методологическій принципъ видимо обращается противъ нихъ же. На этой кружащей голову высотѣ, въ самомъ дѣлѣ, все одинаково неизвѣстно; тутъ уже не можетъ быть рѣчи объ объясненіи неизвѣстнаго извѣстнымъ, а что касается объясненія неизвѣстнаго неизвѣстнымъ же (напримѣръ, объясненія неизвѣстнаго, называемаго жизнью, посредствомъ неизвѣстнаго, называемаго химическимъ сродствомъ), то разрѣшеніе такой задачи—по плечу только метафизикѣ.

Позитивная философія первая открыто провозгласила единство науки, метода и философіи, тройное единство, которое, очевидно, можетъ быть основано только на единствѣ матеріи въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и свойствахъ. Было бы крайне несправедливо поэтому ставить въ вину позитивной школѣ нарушеніе этого единства, изъ-за того только, что она отвергаетъ ложный методъ, ошибочный пріемъ изслѣдованія.

13. Надѣюсь, что меня не упрекнутъ за то, что я

слишкомъ долго остановился на доктринѣ Спенсера, какъ не упрекнутъ, полагаю, и за то, что я придалъ слишкомъ много значенія догматическимъ послѣдствіямъ этого ученія. Но я былъ-бы несправедливъ къ Спенсеру и къ прогрессивному движенію, постоянно, чрезъ многочисленныя препятствія и реакціонныя теченія, ведущему къ лучшему и болѣе точному познанію вещей, еслибъ, разставаясь здѣсь съ ученіемъ англійскаго философа, не указалъ на заключающійся въ немъ плодотворный зародышъ истины, въ настоящее время только съ трудомъ и медленно пробивающійся сквозь толстую кору предразсудковъ и старыхъ умственныхъ привычекъ. Глубоко убѣжденный въ томъ, что нѣтъ того грубаго заблужденія, которое не содержало бы въ себѣ крупинокъ истины, я сравниваю заблужденіе со стекломъ, окрашеннымъ въ мѣшающій ясному зрѣнію предметовъ темный цвѣтъ; но сотрите краску, и свѣтъ, ничѣмъ не удерживаемый, свободно проникаетъ сквозь прозрачную поверхность. И такъ, на мой взглядъ, одна сторона, по крайней мѣрѣ, въ оспариваемой мною доктринѣ вполнѣ справедлива. И эта сторона, пожалуй, такъ важна, что ею съ лихвой выкупается все глубоко ошибочное въ совокупности взглядовъ Спенсера. Между науками неорганическаго міра съ одной стороны, и біологіей и соціологіей съ другой, существуетъ, дѣйствительно, рѣзко очерченная естественная граница, неизгладимая черта раздѣленія. Спенсеръ всецѣло помѣщаетъ эту границу въ столь близко знакомую ему область эволюціи или генезиса явленій: — и простая черта раздѣленія тотчасъ же превращается въ непроходимую пропасть. На мой же взглядъ, граница эта все-

цѣло лежитъ въ области метода [1]). Наука одной половины природы не составляетъ абсолютной противоположности по отношенію къ наукѣ другой половины, а есть только ея продолженіе, при чемъ переходъ отъ одной къ другой нечувствителенъ. И только человѣческій умъ, одновременно сдерживаемый и возбуждаемый своей потребностью анализа, повсюду въ природѣ проводитъ раздѣлительныя линіи, распредѣляя и заключая всѣ подмѣчаемыя явленія въ замкнутыя области, называемыя имъ науками.

Но нельзя достаточно настаивать на соблюденіи этихъ границъ; ибо только такимъ способомъ можетъ человѣческій умъ овладѣть природой, понять ея явленія, изучить ея законы. И между отдѣломъ или областью мысли (въ первоначальномъ значеніи обладанія, dominium'a), называемой организованнымъ міромъ, и обнимающей явленія жизни и общества, и другой областью (неорганическимъ міромъ), настолько обширной, что границы ея, когда, покидая почву точной науки, мы вступаемъ въ излюбленное философами умозрѣніе, теряются во мглѣ «безпредѣльнаго пространства» и «безконечной цѣпи причинъ», существуетъ, безъ сомнѣнія, болѣе глубокая черта раздѣленія, нежели какую можно предположить при простомъ переходѣ отъ одной абстрактной науки къ другой. Абстрактныя науки слѣдуютъ другъ за дру

---

[1]) Я не говорю здѣсь о рядѣ наукъ и Контовскомъ законѣ развитія знаній, являющихся совершенно чуждыми точкѣ зрѣнія метода. Я говорю не объ усложненіи явленій, объективномъ или субъективномъ, но о послѣдствіи этого усложненія, заставляющаго прибѣгать, въ различныхъ областяхъ знанія, къ различнымъ способамъ изслѣдованія Внимательный читатель остережется отъ смѣшенія этихъ двухъ близкихъ между собою порядковъ мыслей.

гомъ въ порядкѣ, указанномъ Контомъ, и согласно закону, имъ открытому и установленному; но науки эти образуютъ изъ себя групы, и есть полное основаніе различать эти групы. Вотъ здѣсь-то и должна заявить о своихъ правахъ точка зрѣнія метода, потому что здѣсь-то она и призвана оказать нашему уму множество услугъ. Здѣсь, между групами наукъ, различія въ способахъ и методахъ изслѣдованія выступаютъ съ несравненно большей силой и очевидностью, нежели внутри каждой науки, взятой отдѣльно. Біологія и соціологія составляютъ одну групу, физика и химія—другую, математика и общая часть механики—третью; и каждая изъ нихъ изслѣдуетъ свою область явленій иначе, чѣмъ объ остальныя. Представленное въ этомъ видѣ, тройственное дѣленіе Спенсера теряетъ свою несообразность: темное стекло становится снова прозрачнымъ, истина пробивается сквозь заблужденіе. Я достаточно ясно высказался объ этомъ предметѣ въ первыхъ главахъ, чтобы здѣсь нужно было снова возвращаться къ тому же вопросу; и я поэтому ограничусь немногими замѣчаніями, внушаемыми мнѣ существованіемъ между Спенсеромъ и мною, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, одной общей точки соприкосновенія.

Мы оба смотримъ на соціологію и біологію какъ на описательныя науки по преимуществу; но, по мнѣнію Спенсера, это науки конкретныя, по-моему— абстрактныя. Вотъ какъ я понимаю этотъ вопросъ, насъ одновременно соединяющій и раздѣляющій. Описаніе, какъ научный методъ, не можетъ служить для опредѣленія абстрактнаго или конкретнаго характера науки; оно есть не болѣе какъ средство, которое можно безразлично употреблять для достиженія цѣлей аб-

страктной науки и совершенно отличныхъ отъ нихъ цѣлей науки конкретной. Смѣшеніе порождается этою общностью или единствомъ, что̀ касается средствъ, и этою двойственностью, что̀ касается цѣлей изслѣдованія. Явленіе описывается (когда нельзя прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ способамъ изслѣдованія) для отысканія законовъ той или другой групы свойствъ природы, при чемъ съ описаніемъ неразрывно связанъ процессъ научнаго отвлеченія, и само описаніе служитъ лишь подготовленіемъ къ этому процессу; описывая, мы, въ сущности, уже анализируемъ. Въ другихъ случаяхъ явленіе описывается не для того, чтобы изслѣдовать новое свойство въ природѣ или открыть законы, имъ управляющіе — такъ какъ все это уже сдѣлано и уже заранѣе извѣстно, что въ данномъ агрегатѣ не заключается никакихъ еще не изслѣдованныхъ свойствъ матеріи, — но для того, чтобы возстановить во всемъ его объемѣ (и найти спеціальные законы, свойственные этой совокупности) явленіе, раздробленное на части отвлеченною и, по необходимости, уже предшествовавшею аналитическою работою; словомъ, чтобы слить результаты многихъ абстрактныхъ наукъ въ одно цѣлое, которому, въ отличіе отъ составляющихъ его частей или элементовъ, дается названіе агрегата конкретнаго, хотя, въ сущности, это есть лишь агрегатъ синтетическій. Такова конкретная наука, которая, очевидно, возможна лишь подъ условіемъ предварительнаго существованія нѣсколькихъ абстрактныхъ наукъ. Конкретная наука является наукою существенно прикладною, но приложеніе въ ней имѣетъ чисто теоретическій характеръ, тогда какъ въ собственно или строго прикладныхъ наукахъ приложеніе преслѣдуетъ

уже прямо практическія цѣли. И такъ, повторяемъ: описаніе можетъ и должно имѣть мѣсто какъ въ абстрактной, такъ и въ конретной наукѣ. И если непремѣнно требуется установить въ этомъ отношеніи какое-либо различіе, то съ нашей точки зрѣнія мы можемъ сдѣлать только слѣдующую уступку. мы можемъ признать, что въ абстрактной наукѣ описаніе составляетъ преимущественно начало, вступленіе, первые шаги научнаго процесса. Я уже старался выяснить это въ одной изъ первыхъ главъ. Здѣсь же я только замѣчу, что предметомъ нашихъ заботъ долженъ быть прежде всего настоящій періодъ развитія или современное состояніе наукъ органическаго міра. Какъ говоритъ одинъ, кажется, китайскій философъ, не слѣдуетъ никогда забывать, что не нами міръ начался, и не нами онъ кончится. Что станется съ біологіей и соціологіей въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—вопросъ особый, оставляемый нами въ сторонѣ. Описаніе, какъ методъ наблюденія, можетъ быть или не быть равносильно опыту, составляющему тоже методъ наблюденія; во всякомъ случаѣ оно его замѣняетъ. Оно исполняетъ одинаковое назначеніе въ наукахъ о жизни и обществѣ. Правда, въ современной физикѣ, напримѣръ, экспериментальный методъ видимо стремится уступить мѣсто методу болѣе высокаго логическаго порядка, математической дедукціи. Но это не мѣшаетъ и никогда не помѣшаетъ физикѣ быть экспериментальной наукой. Опытъ остается, и, полагаю, всегда останется въ физикѣ единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ, всякій разъ, когда въ этой наукѣ нужно будетъ начинать новый рядъ наблюденій. Аналогическое развитіе можетъ стать конечною цѣлью біологіи и соціологіи. Науки эти мо-

гутъ, въ свою очередь, сдѣлаться сначала экспериментальными (какъ нѣкоторые отдѣлы біологіи въ наше время), а потомъ и дедуктивными. Но описаніе всегда останется ихъ основнымъ методомъ, ихъ послѣднимъ методологическимъ прибѣжищемъ. Возвратимся къ нашей параллели между наукою абстрактною и конкретною. Въ этой послѣдней описаніе обыкновенно составляетъ начало, средину и конецъ, т.-е. все изложеніе науки. Описаніе здѣсь не идетъ далѣе описанія, и имѣетъ ближайшею цѣлью синтезъ. Въ абстрактной наукѣ, напротивъ того, описаніе имѣетъ цѣлью анализъ, и постоянно обнаруживаетъ стремленіе подняться выше простого описанія.

Вотъ почему описаніе всегда кажется, такъ-сказать, болѣе интенсивнымъ въ конкретныхъ наукахъ, всегда является какъ бы ихъ истиннымъ элементомъ, ихъ настоящею областью. Такимъ образомъ впадаютъ въ обыкновенную ошибку—считаютъ описательными только конкретныя науки. И тогда естественно, вслѣдствіе продолженія той же интеллектуальной иллюзіи, каждый разъ, когда въ научной области замѣчается преобладаніе описанія, сейчасъ же поспѣшно выводится заключеніе о конкретномъ характерѣ этой области знанія. Иначе я не могу объяснить себѣ происхожденія доктрины Спенсера, а также и генезиса идей у многочисленныхъ авторовъ, которые, слѣдуя по стопамъ Спенсера или независимо отъ него, причисляли къ конкретнымъ наукамъ то соціологію и біологію вмѣстѣ, то (случай чаще повторяющійся) одну соціологію. Я нахожу совершенно естественнымъ, что эти науки, какъ находящіяся въ первой, существенно описательной фазѣ развитія, показались болѣе конкретными, нежели ихъ предшественницы, ко-

торыя во всѣхъ отношеніяхъ ушли далеко впередъ; и дали уже нѣсколько дѣйствительно конкретныхъ развѣтвленій. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, доктрина Спенсера является въ совершенно новомъ свѣтѣ: это чистый эмпиризмъ, не принимающій вовсе въ разсчетъ субъективной ошибки или *психологическаго уравненія*, и классифицирующій науки такъ, какъ онѣ кажутся, а не какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Математика представляетъ самую развитую вѣтвь человѣческаго знанія: это единственная дѣйствительно абстрактная наука; физика и химія уже менѣе развиты: это науки только абстрактно-конкретныя; біологія и соціологія не вышли еще изъ младенческаго состоянія: это науки конкретныя.

Перехожу теперь къ вопросу о раздѣленіи труда въ соціологіи, или къ вопросу о внутренней ея классификаціи.

ДѢЛЕНІЕ СОЦІОЛОГІИ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

1. Только съ крайнею осторожностью и многими оговорками можно въ настоящее время касаться такого предмета, какъ внутреннее дѣленіе соціологіи. Вопросъ о мѣстѣ соціологіи среди другихъ наукъ имѣлъ общее или философское значеніе; вопросъ же о ея внутреннемъ дѣленіи есть вопросъ спеціальный, принадлежащій частной наукѣ, — самой соціологіи. И если, пока рѣчь шла о вопросѣ общемъ, положительная философія ярко освѣщала нашъ путь, то теперь, когда дѣло идетъ о спеціально-соціологическомъ вопросѣ, мы по необходимости должны довольствоваться тѣми рѣдкими проблесками свѣта, которые хотя и предвѣщаютъ приближеніе дня, но все еще не даютъ распознать настоящую дорогу. Немногихъ объясненій будетъ достаточно, чтобъ показать всю трудность предстоящей намъ задачи.

Въ своемъ извѣстномъ опытѣ о методѣ въ поли-

тической экономіи, Милль говоритъ объ опредѣленіи науки: «Подобно стѣнѣ города, и опредѣленіе науки имѣетъ назначеніемъ служить оградой только для существующихъ уже зданій, но отнюдь не для всѣхъ построекъ, какія могутъ возникнуть впослѣдствіи. Человѣчество не размежевывало вдоль и поперекъ поля умственной культуры, прежде чѣмъ приступило къ его расчисткѣ. Факты складываются сами собою въ особыя групы помимо всякой предвзятой классификаціи, групируются въ нашемъ сознаніи сообразно общимъ признакамъ своимъ и очевиднымъ сходствамъ. Подобныя агрегаціи многократно бросаются всѣмъ въ глаза и такимъ образомъ получаютъ общее обозначеніе». Но то, что̀ справедливо по отношенію къ опредѣленію цѣлой научной области, à fortiori должно быть справедливо и по отношенію къ опредѣленію ея различныхъ частей или отдѣловъ; и нѣтъ также надобности настаивать на необходимой равнозначности этихъ двухъ дѣйствій ума: дать опредѣленіе частямъ или отдѣламъ науки, и раздѣлить ее на части.

Извѣстный англійскій экономистъ Кернсъ высказывается по тому же поводу еще категоричнѣе. «Явленія», говоритъ онъ [1]), «которыми занимается наука, должны быть классифицированы, и отдѣльныя групы ихъ должны быть обозначены особыми наименованіями. Эти два дѣйствія ума и составляютъ то, что̀ называется опредѣленіемъ въ положительной наукѣ, при чемъ, само-собою разумѣется, первое изъ нихъ, или классификація, составляетъ важнѣйшую и труднѣйшую часть задачи. Назначеніе классификаціи заключается въ такомъ подборѣ и распредѣленіи частныхъ

[1]) The character and logical method of political economy. London, Macmillan. 1875.

явленій въ области спеціальнаго знанія, которые соотвѣтствовали-бы отношеніямъ между явленіями и особенностямъ ихъ, наиболѣе важнымъ въ виду намѣченной цѣли. Но тутъ, съ первыхъ же шаговъ, мы встрѣчаемся съ затрудненіемъ особаго рода. Для того, чтобы распредѣлить такимъ образомъ явленія, необходимо, очевидно, точное знаніе всѣхъ этихъ отношеній и особенностей, а равно и степени принадлежащаго имъ значенія въ общемъ составѣ науки; но это-то и недоступно изслѣдователю въ самомъ началѣ его работы, къ какой-бы области послѣдняя ни принадлежала. Но какъ выйдти изъ этого затрудненія? Надо сдѣлать то, чего требуютъ обстоятельства даннаго случая: набросать предварительную, грубую классификацію, какая, въ виду избранной цѣли, можетъ быть выведена изъ поверхностнаго знакомства съ фактами; затѣмъ и по мѣрѣ того, какъ въ процессѣ изслѣдованія выяснятся новыя соотношенія, раскроются болѣе рѣзкія отличія, надо приложить вновь пріобрѣтенное знаніе къ исправленію и улучшенію первоначальнаго плана. Но если таковы неизбѣжныя условія, присущія всякому научному изслѣдованію, то понятно, что въ первой фазѣ развитія положительной науки ея классификація должна быть весьма несовершенною, и научный изслѣдователь долженъ быть всегда готовъ къ измѣненію сдѣланныхъ имъ первоначально опредѣленій и принятой имъ первоначально классификаціи». При этомъ Кернсъ ссылается еще на мнѣніе Джона Гершеля, — что терминологія, или номенклатура, данной науки есть скорѣе слѣдствіе, чѣмъ причина достигнутыхъ ею успѣховъ; что для обозначенія явленій такъ, чтобы они сами-собою распредѣлялись въ извѣстныя категоріи, необходимо сперва основательно

изучить ихъ свойства; и что, наконецъ, весьма сомнительно, чтобы, въ интересахъ науки, слѣдовало стремиться въ этомъ отношеніи къ достиженію особенно высокой степени совершенства, которая можетъ явиться причиной застоя или задержки научнаго развитія. «Очевидно» продолжаетъ Кернсъ «что всякая слишкомъ заботливая отдѣлка научныхъ опредѣленій въ первомъ періодѣ развитія науки является ошибкою. Это не только, по бо́льшей части, напрасный трудъ, который въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ придется начинать сызнова, это весьма часто, какъ объясняетъ Гершель относительно физическихъ наукъ, настоящая помѣха дальнѣйшимъ успѣхамъ знанія; искусственная неподвижность создается въ такое время, когда для науки всего важнѣе сохранить всю свою гибкость, всю способность къ прогрессивнымъ видоизмѣненіямъ. Такъ, писатели, болѣе всего содѣйствовавшіе первоначальнымъ успѣхамъ политической экономіи, очень мало заботились о научныхъ опредѣленіяхъ. Число опредѣленій, которыя можно насчитать, напримѣръ, въ произведеніяхъ Тюрго, Смита и Рикардо, до крайности ограничено». Въ заключеніе, Кернсъ справедливо замѣчаетъ, что приведенныя возраженія не исключаютъ пользы установленія, въ началѣ развитія науки, временныхъ опредѣленій съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи постоянно и постепенно ихъ совершенствовать. Такія попытки не только свидѣтельствуютъ о достигнутыхъ успѣхахъ и отмѣчаютъ пройденныя ступени развитія; онѣ, кромѣ того, служатъ будущимъ зодчимъ науки лѣсами, при помощи которыхъ постепенно расширяется и увеличивается научное зданіе.

2. Не трудно сдѣлать приложеніе этихъ умѣрен-

ныхъ и трезвыхъ взглядовъ, — качество цѣнное въ наше полное философскихъ и научныхъ увлеченій время,—къ занимающему насъ предмету. Описательная соціологія имѣетъ прямою и непосредственной цѣлью—описаніе общества, или «соціальнаго явленія». Но что̀ такое послѣднее? По существу своему, общественное явленіе есть фактъ ассоціаціи, союза живыхъ организмовъ. Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы, оставаясь въ точныхъ предѣлахъ опыта, описать общества, и преимущественно человѣческія, какъ нынѣ существующія, такъ и существовавшія прежде. Но работа такого рода, распространенная на всѣ конкретныя общества прошедшаго и настоящаго, вѣроятно превысила-бы силы человѣческаго ума; болѣе того, ею нисколько-бы не достигалась истинная цѣль науки, которая состоитъ въ обобщеніи или отвлеченіи отъ конкретныхъ агрегатовъ только крупныхъ сходствъ и различій, и преимущественно сходствъ, ведущихъ къ познанію соотношеній причинности, т.-е. тожества между групами неизмѣнныхъ предыдущихъ и групами неизмѣнныхъ же послѣдующихъ явленій. Необходимо прежде всего, слѣдовательно, свести безчисленныя, дѣйствительно существующія ассоціаціи къ какому-бы то ни было, можетъ быть еще и очень большому, но ужъ ограниченному числу типовъ, основныхъ формъ человѣческаго общежитія. Такимъ образомъ получится первоначальная, конечно, весьма несовершенная классификація соціальныхъ явленій; ей непремѣнно будетъ сопутствовать и первая попытка опредѣленія этихъ явленій; а такъ какъ классификація и опредѣленіе суть составныя части всякаго описанія, то можно сказать, что будетъ сдѣлано первона-

чальное, конечно далеко не совершенное, описаніе общественныхъ явленій. Личный тактъ наблюдателя, аналитическія способности его и въ особенности основательное знакомство съ предметомъ, — вотъ условія, значительно облегчающія установленіе этой первоначальной классификаціи, планъ которой долженъ по возможности обнимать всю совокупность подлежащихъ будущему описанію и анализу соціальныхъ явленій. Другими словами, наилучшею классификаціей соціологіи будетъ то предварительное раздѣленіе ея, которое получится какъ результатъ перваго приступа къ работѣ, явится слѣдствіемъ самого процесса научнаго описанія. Такое построеніе очевидно будетъ гораздо болѣе соотвѣтствовать требованіямъ описательнаго метода, чѣмъ попытка сразу достигнуть окончательной систематизаціи, которая, какъ Прокустово ложе, можетъ только искажать факты, насильно вгоняемые въ ея рамки.

Понимаемая и разрабатываемая такимъ образомъ, описательная соціологія легко обходится безъ тѣхъ будто бы основныхъ раздѣленій и классификаціонныхъ схемъ à priori, которыя сыплются теперь со всѣхъ сторонъ и относятся скорѣе къ идеальной наукѣ, къ формамъ, лишеннымъ всякаго реальнаго содержанія, чѣмъ къ соціальнымъ явленіямъ уже анализированнымъ въ общихъ чертахъ и описаннымъ въ безсистемной массѣ существующихъ знаній, образующихъ собою нижній слой соціальной науки или естественную исторію общества. Опираясь на широкое и твердое основаніе, представляемое естественною исторіею соціальныхъ явленій, обширною областью, гдѣ классификація и спеціализація господствуютъ по праву, естественная наука тѣхъ же

явленій должна, по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ, оставаться нераздѣльною и образовать одну доктрину, одинъ комплексъ знанія. За неточными и безплодными различеніями, несогласными съ объективною дѣйствительностью и несоотвѣтствующими ея полному научному объясненію, не должна теряться изъ виду идея единства науки, и сама наука не должна превращаться въ такія свои составныя части, которыя принадлежатъ исключительно начальной и подготовительной фазѣ научнаго развитія, какъ-то: политическая экономія, право, исторія и проч. Это не значитъ, чтобъ мы не признавали пользы раздѣленія труда въ этой области человѣческаго знанія, какъ и во всѣхъ другихъ; но, «найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону и желая выпрямить его, мы естественно перегибаемъ его въ другую» [1]). Другими словами, мы находимъ, что границы между различными областями соціальнаго изслѣдованія на практикѣ достаточно рѣзко очерчены, благодаря, между прочимъ, и тому обстоятельству, что разбросанность соціологическаго знанія и примѣненіе его къ разнообразнымъ практическимъ цѣлямъ далеко опередили полное сознаніе научныхъ значенія и единства общественныхъ фактовъ. По нашему мнѣнію, раздѣленіе соціологіи будетъ совершеннѣе и дастъ лучшіе плоды, когда оно разовьется естественно и само собою изъ основного единства соціологическаго знанія.

3. Сравненіе, въ этомъ отношеніи, соціологіи съ другими науками не лишено значенія. Оно можетъ способствовать разъясненію нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ вопроса, хотя, конечно, и не даетъ права изъ того, что происходило въ другихъ наукахъ, дѣлать

[1]) Отвѣтъ Мальтуса одному изъ своихъ критиковъ.

заключеніе къ тому, что́ должно произойти въ новой наукѣ объ обществѣ.

При этомъ сравненіи сначала кидаются въ глаза многочисленныя аналогіи. Во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, основное единство науки всегда господствовало надъ раздробленіемъ ея на отдѣльныя спеціальности; если же случайныя изслѣдованія и открытія и выдвигали порою на первый планъ одну какую-нибудь часть науки, то основное единство ея всегда возстановлялось очень скоро. Всѣ науки всегда могли быть излагаемы въ видѣ законченныхъ системъ, — науки опытныя, равно какъ и наука о жизни, которая, какъ мы знаемъ, есть наука уже существенно описательная. Въ біологіи, предшествовавшее ей искусство, медицина, первоначально также почти успѣло совершенно выдѣлить изученіе анатоміи и физіологіи человѣка изъ всего состава науки; но это ложное направленіе, мѣшавшее развитію біологіи, не могло восторжествовать окончательно. И такихъ сближеній мы могли бы сдѣлать множество.

Но не менѣе многочисленны и вѣроятно не менѣе существенны тѣ различія, которыя знаменуютъ переходъ отъ одной основной науки къ слѣдующей за нею, равно какъ отъ одной групы наукъ къ другой [1]). Перечислять всѣ эти различія было бы и слишкомъ долго и безполезно; достаточно будетъ указать на одно или на два изъ нихъ, болѣе непосредственно относящіяся къ спеціальному вопросу о раздѣленіи соціологіи.

[1]) Напомню читателю, что рядъ отвлеченныхъ наукъ распадается на слѣдующія групы: науки непосредственнаго воспріятія, науки чисто наблюдательныя, науки опытныя и науки описательныя

Таково, во-первыхъ, слѣдующее общее различіе. Легко замѣтить, что чѣмъ выше мы поднимаемся въ іерархической лѣстницѣ наукъ, тѣмъ труднѣе становится раздѣленіе науки на части, сколько-нибудь самостоятельныя, и отдѣльное изученіе этихъ частей. Тѣсная связь между различными частями науки, какъ кажется, быстро возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ наукъ, изучающихъ явленія сравнительно болѣе простыя, къ наукамъ, изслѣдующимъ явленія болѣе сложныя. Здѣсь замѣчается, и притомъ въ возрастающей прогрессіи, какъ-бы стремленіе высшихъ наукъ оставаться нераздѣльными. Это явленіе можно объяснить сравнительно болѣе высокою степенью развитія, достигнутою такъ называемыми низшими науками: по мѣрѣ того какъ мы спускаемся въ лѣстницѣ наукъ отъ біологіи къ математикѣ, мы, на каждой новой ступени, встрѣчаемся съ ученіями, ранѣе другихъ вошедшими въ составъ науки и долѣе и интенсивнѣе разрабатывавшимися.

Это объясненіе совершенно вѣрно, но оно не указываетъ ни на единственную, ни даже на главную причину явленія, о которомъ идетъ рѣчь; оно представляетъ не болѣе какъ одну сторону параллелограма причинъ, имѣющихъ своею равнодѣйствующею — разсматриваемое явленіе. Другая причина, весьма общая, дѣйствуетъ въ одинаковомъ смыслѣ и сильно способствуетъ образованію той же равнодѣйствующей; это—относительно бо́льшая простота или несложность явленій и естественныхъ агрегатовъ, изучаемыхъ низшею наукой. Очевидно, что чѣмъ проще явленіе или агрегатъ, тѣмъ легче, при объясненіи дѣйствія образующихъ его естественныхъ свойствъ

и опредѣленіи ихъ соотношеній, отдѣльно разсматривать и анализировать и тѣ, и другія. Мы не подвергаемся тутъ ни опасности пропустить что либо существенное, ни возможности все смѣшать; и хотя здѣсь дѣйствующія причины и распредѣлены по различнымъ отдѣламъ науки, но онѣ и въ каждомъ частномъ случаѣ всегда находятся на виду и не могутъ обременить собою памяти наблюдателя. Раздѣленіе и подраздѣленіе предмета изслѣдованія въ простой наукѣ никогда не является непреодолимымъ препятствіемъ къ осуществленію того, что́ можно назвать «синоптизмомъ» науки, т.-е. къ необходимому и законному, во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, преобладанію обозрѣнія общаго надъ обозрѣніемъ частностей.

Очевидно также, что изъ двухъ причинъ—болѣе ранней обработки науки и несложности ея явленій—которыми можетъ быть объяснена удободѣлимость такъ называемыхъ низшихъ наукъ, вторая причина должна одна быть разсматриваема, какъ дѣйствительно существенная во всѣхъ случаяхъ и во всѣ періоды научнаго развитія. Съ теченіемъ времени, низшія науки исчерпываютъ весь, подлежащій ихъ изученію циклъ свойствъ матеріи; но болѣе сложныя явленія остаются все-таки необъясненными. Чтобы и ихъ, въ свою очередь, подчинить закону, является наука высшая, и высшая въ строго условномъ и переносномъ смыслѣ, указывающемъ, что она не зиждется на исключительно ей принадлежащей основѣ, а опирается на базисъ болѣе простыхъ наукъ; такъ какъ во всякомъ другомъ смыслѣ изученіе сложныхъ явленій стоитъ неизмѣримо ниже изученія явленій простыхъ. Но въ самомъ началѣ и на всѣхъ

дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія, высшая наука постоянно встрѣчаетъ на своемъ пути одно, почти непреодолимое препятствіе: — именно, возрастающую трудность, испытываемую нами при изолированномъ разсмотрѣніи различныхъ сторонъ сложнаго явленія такимъ образомъ, чтобы при этомъ не упускались изъ виду ни внутренняя ихъ связь, ни конкретное единство.

4. Результатъ, къ которому привелъ насъ предъидущій краткій анализъ, мало согласуется съ телеологическимъ и оптимистическимъ взглядомъ на прогрессъ человѣческаго знанія. Дѣйствительно, этотъ результатъ почти равносиленъ безотрадному заключенію, что чѣмъ сильнѣе запутанность причинъ и слѣдствій въ извѣстномъ разрядѣ явленій, тѣмъ для насъ труднѣе бываетъ прибѣгнуть къ единственному, соотвѣтствующему природѣ человѣческаго ума средству разобраться въ этомъ хаосѣ, т.-е. тѣмъ менѣе становится возможнымъ изолированное изученіе различныхъ категорій причинъ и слѣдствій. Или еще: чѣмъ болѣе наука, вслѣдствіе чрезвычайной сложности анализируемыхъ ею явленій, повидимому нуждается въ строго спеціализированномъ изученіи ихъ, тѣмъ менѣе такой ходъ изслѣдованія—раздѣленіе науки на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ—приводитъ въ дѣйствительности къ открытію управляющихъ такими явленіями законовъ.

Съ одной стороны, мы имѣемъ дѣло съ настоятельными и несомнѣнными потребностями высшей науки, а съ другой—съ дѣйствительной или только воображаемой невозможностью удовлетворить ихъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи эта антиномія (дѣйствительная или кажущаяся) приводитъ насъ логи-

чески къ отрицанію возможности высшей науки или, по крайней мѣрѣ, къ заключенію, что науки болѣе сложныхъ явленій всегда останутся тѣмъ, что нѣкоторые писатели называютъ полу-науками, знаніями гипотетическими, у которыхъ всегда будетъ недоставать точнаго предвидѣнія, свойственнаго наукамъ простыхъ явленій. Но, спрашивается, нѣтъ ли выхода изъ такого положенія?

Одно вполнѣ достовѣрно· если такой выходъ существуетъ, какъ мы убѣждены въ томъ, его нужно искать не въ теоретическихъ измышленіяхъ и произвольныхъ построеніяхъ ума, а въ фактахъ, въ дѣйствительномъ ходѣ развитія наукъ сложныхъ явленій, въ борьбѣ высшихъ отраслей человѣческаго знанія съ громадными, встрѣчаемыми ими на каждомъ шагу затрудненіями. Но лучшимъ средствомъ, чтобы понять значеніе этой борьбы и оцѣнить ея результаты, будетъ сравнить то, что дѣйствительно произошло въ этомъ отношеніи въ группѣ наукъ явленій наиболѣе сложныхъ (признаваемыхъ нами науками описательными), съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ сосѣдней группѣ наукъ экспериментальныхъ. Мы предпочитаемъ сравнивать между собою цѣлыя группы наукъ, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться обычнымъ сравненіемъ одной основной науки съ другою, потому что различія, существующія между такими группами, только рельефнѣе и въ увеличенномъ видѣ представляютъ различія отъ одной науки къ другой. Но прежде, однако, скажемъ два слова въ отвѣтъ нынѣшнимъ защитникамъ весьма старой, въ сущности, теоріи полу-наукъ.

Взглядъ, обрекающій нѣкоторыя отрасли знанія на вѣчное младенчество, на неравноправность въ

средѣ другихъ наукъ, отжилъ свое время. Онъ былъ продуктомъ того метафизическаго сумрака, въ которомъ полу-наука химіи соприкасалась съ отрывочною, нисколько не научною, въ современномъ смыслѣ, физикою, а эта послѣдняя опиралась на полунаучную механику. Наука о жизни, въ которую входятъ и жизненныя и психическія явленія, наука объ обществѣ въ настоящее время—положительныя науки въ самомъ строгомъ значеніи слова. Понимаемые такимъ образомъ, единство науки и метода — совершившіеся факты. Съ другой стороны, однако, нельзя отрицать и дѣйствительнаго несовершенства наукъ явленій болѣе сложныхъ въ сравненіи съ науками явленій болѣе простыхъ. Если относительная сложность извѣстныхъ группъ естественныхъ явленій есть нѣчто болѣе, чѣмъ простая риторическая фигура, подъ которою скрывается наше временное незнаніе управляющихъ этими явленіями законовъ, если эта сложность, какъ все заставляетъ думать, есть объективная реальность, коренящаяся въ непознаваемой сущности вещей, — она постоянно и необходимо будетъ выражаться въ субъективномъ мірѣ мысли и познаванія бо́льшею, сравнительно, трудностью, постоянно и необходимо сопряженною съ научнымъ объясненіемъ сложныхъ явленій. Но трудность, испытываемая познающимъ субъектомъ, должна, какъ всякая причина, несомнѣнно сопровождаться слѣдствіемъ, и въ данномъ случаѣ это слѣдствіе и будетъ очевидно,—относительное несовершенство самыхъ сложныхъ наукъ или, въ частности, отсутствіе точности (но отнюдь не достовѣрности) въ предвидѣніи наиболѣе сложныхъ сочетаній событій и фактовъ.

Но возвратимся къ раздѣленію научной работы

въ двухъ смежныхъ групахъ — наукъ чисто экспериментальныхъ и наукъ, въ значительной степени замѣняющихъ всегда трудную и часто невозможную экспериментацію болѣе сподручными пріемами научнаго описанія. Раздѣленіе это, повидимому, различно организуется въ каждой изъ этихъ двухъ группъ.

Уже въ первомъ отдѣлѣ настоящаго труда мы указали на коренное различіе, существующее между упомянутыми групами наукъ, и выражающееся въ двойственности знанія въ описательной групѣ, въ раздвоеніи сложной науки на часть существенно подготовительную—естественную исторію, и часть, такъ сказать, заключительную — естественную науку явленій.

Но это раздвоеніе описательной науки и даетъ намъ тотъ выходъ, котораго мы искали. Въ этомъ раздвоеніи мы, во всякомъ случаѣ, находимъ могущественный противовѣсъ трудностямъ, присущимъ анализу самыхъ сложныхъ явленій; и противовѣсъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ самъ собою развился изъ неоднократныхъ усилій ума въ борьбѣ съ многообразными препятствіями, которыми усѣяна эта часть научнаго пути. Но искупается-ли этимъ въ полной мѣрѣ коренной недостатокъ всякаго научнаго анализа въ приложеніи его къ явленіямъ чрезвычайной сложности, недостатокъ, заключающійся въ явной невозможности, иначе какъ на самое короткое время, изолировать многочисленныя причины отъ ихъ различныхъ слѣдствій, и одинъ рядъ причинъ отъ всѣхъ другихъ? Это вопросъ, окончательное разрѣшеніе котораго, очевидно, принадлежитъ будущему: до-сихъ-поръ возмѣщеніе, о которомъ идетъ рѣчь, было, конечно, только условное и

весьма неполное. Вотъ, въ общихъ чертахъ, въ какомъ видѣ представляется намъ положеніе наукъ, допускающихъ указанное раздвоеніе.

Явленія, изучаемыя этими науками, прежде чѣмъ сдѣлаться предметомъ тѣхъ широкихъ обобщеній, которыя приводятъ къ открытію управляющихъ конкретными фактами теоретическихъ законовъ, подвергаются предварительной обработкѣ въ фазѣ научнаго анализа, которую обыкновенно называютъ естественной исторіею явленій. Здѣсь не ограничиваются простымъ перечнемъ или общимъ описаніемъ фактовъ: ихъ подвергаютъ анализу настолько глубокому и подробному и—что̀ особенно важно—изолированному и одностороннему, насколько то позволяютъ условія даннаго случая и научныя цѣли наблюдателя или экспериментатора. Въ естественной исторіи явленій, анализъ доходитъ до крайнихъ своихъ предѣловъ; онъ господствуетъ тутъ безраздѣльно. Здѣсь не имѣетъ значенія, если ошибки и крупныя погрѣшности вкрадываются въ выкладки или выводы науки; погрѣшности эти по бо̀льшей части сознательныя; онѣ — необходимое слѣдствіе безпомощности нашего ума въ борьбѣ съ безконечными трудностями, представляемыми гипотетическимъ разложеніемъ очень сложныхъ агрегатовъ. Но, повторяемъ, это нисколько не важно; пробѣлы будутъ пополнены, ошибки будутъ исправлены въ слѣдующей фазѣ, гдѣ законный «синоптизмъ» науки окончательно вступаетъ въ свои права, и естественная наука сложныхъ явленій сама собою развивается изъ матеріаловъ уже подготовленныхъ и научно обработанныхъ въ естественной исторіи тѣхъ же самыхъ явленій.

Мы поэтому считаемъ возможнымъ выставить слѣ-

дующее общее правило: чѣмъ дальше подвинуты раздѣленіе и спеціализація въ области естественной исторіи сложныхъ явленій, тѣмъ менѣе это раздѣленіе и спеціализація становятся необходимыми для успѣховъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью открытіе общихъ законовъ тѣхъ же явленій, изслѣдованій, которыя во всѣхъ болѣе сложныхъ наукахъ составляютъ отдѣльную область—естественную науку явленій. Въ этой послѣдней нельзя обойтись безъ классификаціи, или безъ дѣленія, но ни та, ни другое не получаютъ въ ней того развитія, которое, казалось бы, должно было бы быть прямымъ послѣдствіемъ чрезвычайной сложности явленій, подлежащихъ и здѣсь отдѣльному и болѣе или менѣе самостоятельному изученію. Классификація здѣсь не будетъ вдаваться въ частности и останется очень общею; дѣленіе не будетъ такимъ многосложнымъ, какимъ оно несомнѣнно было бы безъ упомянутаго выше корректива, т.-е. неограниченной дѣлимости естественной исторіи. Раздѣлительныя грани будутъ весьма немногочисленны и только слегка намѣчены. онѣ явятся лишь отдаленнымъ отраженіемъ конкретной дѣйствительности, обобщеніями ума или тѣсно связанными другъ съ другомъ отвлеченіями. Вслѣдствіе этого, онѣ не будутъ теряться изъ виду наблюдателемъ, который всегда будетъ въ состояніи обнять однимъ взглядомъ существенные признаки или общія очертанія сложныхъ явленій и, такимъ образомъ, будетъ въ состояніи найти ихъ причины, вычислить ихъ среднія величины, опредѣлить ихъ равнодѣйствующія. Безконечное разнообразіе: предметовъ изслѣдованія, частныхъ точекъ зрѣнія, изолированныхъ отъ всякихъ реальныхъ осложненій причинъ и слѣдствій, гипотетическихъ обобщеній и за-

коновъ, однимъ словомъ хаосъ естественной исторіи сдѣлается порядкомъ и единствомъ естественной науки, стремящейся къ познанію общихъ, идеальныхъ равно какъ и реальныхъ, законовъ сложныхъ явленій.

Замѣтимъ, что выводъ, къ которому мы сейчасъ пришли, вовсе не такъ далекъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, отъ общепринятаго или весьма распространеннаго мнѣнія о томъ же предметѣ. Въ сущности, между изложенными выше воззрѣніями и общепринятымъ взглядомъ очень много общаго. Мы настаиваемъ на констатированіи этого совпаденія, потому что видимъ въ немъ извѣстную гарантію или предохранительное средство противъ невольныхъ ошибокъ съ нашей стороны. Вѣрнымъ представителемъ ходячихъ мнѣній по занимающимъ насъ вопросамъ вообще и, въ частности, по вопросу о томъ, какъ должно изучать сложныя явленія соціологіи, можетъ служить г. Фискъ, послѣдователь Спенсера скорѣе чѣмъ позитивистъ, и авторъ весьма недурного сочиненія подъ названіемъ: «Of cosmical philosophy». Но вотъ что говоритъ г. Фискъ: «Сложныя изслѣдованія соціологіи могутъ быть ведены успѣшно только по одному пути, именно слѣдуя методу, состоящему въ томъ, чтобы отбрасывать все несущественное, какъ это дѣлается, впрочемъ, и въ болѣе простыхъ наукахъ. Элементы замѣшательства, имѣющіе второстепенную важность, должны быть временно оставляемы въ сторонѣ подобно тому, какъ при опредѣленіи общихъ законовъ тяготѣнія откидывались неравномѣрности движенія, происходящія вслѣдствіе взаимнаго притяженія планетъ. Изученіе безконечно малыхъ частностей исторіи слѣдуетъ отложить до того времени, когда законъ соціальныхъ измѣненій будетъ выведенъ изъ явленій

наиболѣе постоянныхъ, и индуктивная повѣрка его сдѣлается возможною. Законъ, достаточно общій, чтобы служить основою соціальной наукѣ, неизбѣжно долженъ быть абстрактнымъ, въ самомъ широкомъ значеніи слова, онъ можетъ быть найденъ только при помощи изслѣдованія самыхъ общихъ и выдающихся признаковъ соціальныхъ явленій. Первое условіе, которому должна удовлетворять искомая формула, заключается въ указаніи существеннаго характера соціальной эволюціи». [1])

Въ приведенной выпискѣ, представляющей какъ бы отголосокъ того, что обыкновенно говорится по этому вопросу, почти каждая фраза подаетъ поводъ критикѣ. Но, не желая затруднять послѣднею читателя, мы ограничимся однимъ возраженіемъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ приравнивать во всѣхъ отношеніяхъ пріемы, употребляемые въ наукахъ сложныхъ явленій, къ пріемамъ наукъ явленій простыхъ. Осложненіе явленій есть условіе, которое не можетъ не отражаться на внутреннемъ строѣ соотвѣтствующихъ наукъ и не дифференцировать этого строя отъ научной организаціи болѣе простыхъ изслѣдованій. Но за исключеніемъ этого возраженія, изъ котораго очевидно и вытекаетъ наше различеніе между естественною исторіею и естественною наукою сложныхъ явленій, прочія желанія г. Фиска кажутся намъ довольно близко подходящими къ нашимъ собственнымъ требованіямъ: чтобы при изслѣдованіи

[1]) Авторъ прибавляетъ далѣе· „Такъ, О. Контъ былъ совершенно правъ, ограничивая свое изслѣдованіе общаго хода цивилизаціи почти исключительно изученіемъ той цивилизаціи, которая зародилась на прибрежьяхъ Средиземнаго моря и оттуда перешла въ Европу и частью въ Америку“.

наиболѣе сложныхъ явленій общіе взгляды строго отдѣлялись отъ частныхъ, и анализъ или, вѣрнѣе, спеціальные анализы частей, отъ по существу своему синоптическаго анализа цѣлаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОБЩІЯ ДАННЫЯ О ВНУТРЕННЕЙ КЛАССИФИКАЦІИ СОЦІОЛОГІИ.

5. Въ послѣдней главѣ, говоря объ отрывочныхъ изслѣдованіяхъ, составляющихъ въ настоящее время оффиціальную науку о жизни человѣка въ обществѣ, мы употребили выраженіе.—хаосъ естественной исторіи обществъ. Въ ученыхъ кружкахъ теперь часто возстаютъ противъ такого, на нашъ взглядъ, вполнѣ нормальнаго характера подготовительныхъ соціологическихъ изслѣдованій; часто употребляютъ эпитетъ «печальный», говоря о порядкѣ вещей, который, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія нѣсколько отличной отъ общепринятой, долженъ неизбѣжно представляться не только скорѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ, но даже просто необходимымъ, въ виду достиженія предположенной цѣли: созданія общей науки соціальныхъ явленій.

Одинъ изъ послѣдователей положительной философіи, г. Гарэнъ-де-Витри, представилъ недавно читателямъ «Revue positive» яркую картину современной разбросанности соціологическаго знанія или отсутствія всякой системы въ соціальныхъ наукахъ.

«Экономисты—говоритъ онъ—изслѣдуютъ условія производства, распредѣленія и потребленія предметовъ, необходимыхъ для человѣческой жизни, того, что́ они называютъ богатствомъ.

«Юристы и моралисты изучаютъ условія, осуществленіе которыхъ должно обезпечить взаимность и безопасность въ отношеніяхъ людей между собою.

«Психологи изслѣдуютъ порядокъ происхожденія и способы сочетаній чувствъ и понятій.

«Этнологи въ антропологіи, въ языкознаніи, въ изученіи нравовъ и преданій стремятся отыскать тайну образованія различныхъ народовъ, населяющихъ землю.

«Историки въ послѣдовательномъ разсказѣ говорятъ намъ объ измѣненіяхъ въ судьбѣ народовъ, о борьбѣ ихъ за собственное существованіе, о преуспѣяніи ихъ и упадкѣ, о сліяніи расъ и его результатахъ.

«Политики упорно пытаются разрѣшить неразрѣшимую задачу — управлять какъ можно болѣе, для бо́льшей выгоды управляемыхъ и правителей.

«Каждая доктрина: политическая экономія, право, психологія, исторія, политика, проводитъ свою отдѣльную борозду, пренебрегая параллельными ученіями, и присвоивая себѣ значеніе всей соціальной науки. Чистая иллюзія! Всѣ эти отдѣльныя ученія—только отрасли или корни соціальной науки. Всѣ они сложились подъ вліяніемъ метафизики и даже первобытнаго супранатурализма, и было бы преждевременно утверждать, что всѣ они вполнѣ освободились отъ этого вліянія...

«Однако, современныя вѣянія проникаютъ и въ это послѣднее убѣжище метафизики; изслѣдованія въ

области сравнительнаго законодательства, сравнительной психологіи и этики, попытки философскаго объясненія исторіи и другіе симптомы указываютъ ясно на существующее рѣшительное стремленіе ввести, наконецъ, экспериментальный методъ въ такъ-называемыя нравственныя и политическія науки, область, до сихъ-поръ всецѣло принадлежавшую апріорному мышленію. Множество другихъ отраслей соціальнаго знанія, являющихся дополненіями или подраздѣленіями предыдущихъ, также вступили въ послѣднее время на путь наблюденія и сравненія: этнологія, эстетика, археологія, изученіе нравовъ и обычаевъ, языкознаніе и наука о религіяхъ собираютъ данныя со всѣхъ сторонъ, а статистика, постоянно совершенствуя свои пріемы, обѣщаетъ дать скоро возможность приложить въ извѣстной степени количественный методъ къ изслѣдованію соціальныхъ явленій.

«Но всѣ эти работы, повторяемъ, являются отдѣльными, отрывочными изслѣдованіями, безъ всякой связи между собою. Тотъ же характеръ имѣли и труды ботаниковъ, зоологовъ, анатомовъ и проч. до установленія біологіи. Кажется, что видишь передъ собою толпу каменьщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ, кровельщиковъ, столяровъ, слесарей, маляровъ и стекольщиковъ, усердно работающихъ каждый надъ своимъ отдѣльнымъ дѣломъ и приготовляющихъ разнаго рода матеріалы, безъ всякаго порядка и плана.— Явится зодчій и зданіе будетъ воздвигнуто.

«Это зданіе—соціологія.

«О. Контъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, заложилъ ея незыблемыя основанія и опредѣлилъ ея общія черты; «Revue positive» продолжаетъ его дѣло во Франціи, тогда какъ въ Англіи Гербертъ Спенсеръ ста-

рается ввести изученіе соціальнаго развитія въ общую доктрину міровой эволюціи, доктрину, завершеніемъ которой должна быть соціологія.

«Каковы бы ни были до-сихъ-поръ результаты этихъ различныхъ попытокъ, идея соціологіи уже носится въ воздухѣ; научная атмосфера все болѣе и болѣе насыщается ею, и наше столѣтіе вѣроятно не пройдетъ безъ того, чтобы ученый міръ не призналъ оффиціально новой науки». [1])

Картина эта вѣрна въ своихъ общихъ очертаніяхъ, но это только картина, т.-е. болѣе или менѣе точное воспроизведеніе дѣйствительности. Это не ключъ, облегчающій пониманіе основаній и причинъ наблюдаемой въ явленіяхъ групировки. Составляетъ ли зло— и въ особенности легко предотвратимое—такая изолированность и крайняя спеціализація подготовительныхъ соціологическихъ изслѣдованій? Или же всѣ эти характеристичныя черты, которыя, хотя и въ меньшей степени, но все еще очень замѣтно проявляются и въ исторіи развитія групы біологическихъ наукъ, составляютъ только необходимыя условія существованія общей соціологіи:—неизбѣжный фактъ генезиса науки или даже общій статическій фактъ, относящійся ко всей групѣ описательныхъ наукъ? Изложенныя въ предыдущей главѣ соображенія побуждаютъ насъ высказаться въ послѣднемъ смыслѣ.

Здѣсь не лишнимъ будетъ привести еще одно мнѣніе автора, у котораго мы только-что заимствовали цѣлую страницу. Упоминая объ остановкѣ, происшедшей въ настоящее время въ развитіи соціологіи, Гарэнъ-де-Витри приписываетъ ее, говоря его

[1]) La Philosophie Positive, revue dirigée par E. Littré et G. Wyrouboff, T. XIV, стр. 415.

словами, «попыткѣ обосновать абстрактную соціологію прежде доведенія до надлежащей степени полноты систематическаго объясненія явленій, которыя она должна включить въ свои обобщенія». «Біологія», продолжаетъ онъ, «могла сдѣлаться наукою только тогда, когда естественная исторія органическаго міра достигла извѣстной степени развитія. Развитіе общей соціологіи зависитъ точно также отъ успѣховъ естественной исторіи обществъ; но этой послѣдней еще не существуетъ. Въ тысячахъ томовъ излагаются событія всемірной исторіи и факты изъ жизни героевъ и монарховъ, но остается еще создать морфологію, физіологію и составить классификацію различныхъ типовъ существующихъ и уже угасшихъ обществъ».

Трудно яснѣе выразить мысль, которую мы считаемъ совершенно вѣрною, и которая, какъ мы уже на то указывали, раздѣляется нынѣ многими недюжинными мыслителями. Нельзя не согласиться съ Гарэномъ-де-Витри, пока онъ только указываетъ на главную причину замѣчаемой въ настоящее время пріостановки въ развитіи общей соціологіи, разсматриваемой какъ біологія или естественная наука обществъ. Но мы не можемъ также пройти молчаніемъ основного различія во взглядахъ, существующаго между нами и касающагося одного изъ общихъ тезисовъ, выставленныхъ въ настоящемъ сочиненіи. Дѣло въ томъ, что, вслѣдъ за цитированнымъ мѣстомъ, почтенный авторъ еще прямо ставитъ на видъ, придавая такому мнѣнію особенную важность, что такъ-называемая имъ естественная исторія обществъ входитъ въ составъ не абстрактной, а конкретной соціологіи; другими словами, что конкретная соціологія необходимо предшествуетъ абстрактной. «Абстрактная

соціологія», говоритъ онъ, «должна состоять изъ обобщеній, выведенныхъ изъ дѣйствительныхъ наблюденій надъ обществами, и потому можетъ быть обоснована только послѣ *конкретнаго изслѣдованія*, описательнаго анализа и предварительной классификаціи главныхъ типовъ человѣческихъ обществъ». [1]) «Это вполнѣ очевидно»—прибавляетъ авторъ; но не менѣе очевидно и то, что такое мнѣніе радикально расходится съ высказанными нами на тотъ же предметъ взглядами.

Для насъ, описательный анализъ и предварительная классификація главныхъ типовъ человѣческихъ обществъ составляютъ групу изслѣдованій, правда, крайне спеціализированныхъ и отрывочныхъ, но все-таки сохраняющихъ столь же существенно абстрактный характеръ, какъ и упрощенныя, обобщенныя и объединенныя изслѣдованія, которыя мы называемъ естественною наукою обществъ. Мы ни мало не отрицаемъ различія въ степени отвлеченности, свойственной этимъ двумъ, соотвѣтствующимъ двумъ различнымъ фазамъ научнаго развитія, разновидностямъ изслѣдованія соціальныхъ явленій. Вполнѣ очевидно, дѣйствительно, что широкія обобщенія второй фазы требуютъ болѣе интенсивнаго усилія абстрагирующей мысли, чѣмъ частныя, ограниченныя и гипотетическія обобщенія первой или подготовительной фазы. Но различіе въ степени не можетъ быть превращено въ различіе по существу, т.-е. въ данномъ случаѣ, въ различіе методологическое. Тотъ же самый методъ господствуетъ въ двухъ, взаимно дополняющихъ другъ друга, частяхъ абстрактной соціологіи: въ такъ-называемой исторической части, имѣющей цѣлью спеціализацію или предварительное обобщеніе соціальныхъ

[1]) Phil. pos. T. XV, стр. 172.

изслѣдованій, и въ общей части, имѣющей цѣлью суммированіе или окончательное обобщеніе результатовъ, добытыхъ этими изслѣдованіями. Это раздвоеніе абстрактной науки составляетъ явленіе, замѣчаемое во всей групѣ описательныхъ наукъ; и оно само есть только результатъ основного закона человѣческаго познаванія, который мы старались выяснить въ предыдущихъ главахъ.

Конкретное изслѣдованіе соціальныхъ явленій, предшествующее изслѣдованію ихъ абстрактныхъ законовъ, представляется, на нашъ взглядъ, совершенною невозможностью. Чтобы найти общіе законы какой-либо категоріи явленій, необходимо, анализируя конкретную реальность этихъ явленій, сначала абстрагировать отъ нихъ достаточное количество (возможно бо́льшее въ данное время) законовъ отдѣльныхъ случаевъ, всегда болѣе гипотетическихъ и условныхъ, чѣмъ общіе законы, открытіе которыхъ происходитъ именно посредствомъ постепеннаго выдѣленія гипотетическаго и условнаго элемента, преобладающаго въ законахъ отдѣльныхъ случаевъ. Но анализъ конкретной реальности, приводящій къ ряду гипотетическихъ отвлеченій, не долженъ быть смѣшиваемъ съ анализомъ той же реальности, имѣющимъ цѣлью объясненіе этой послѣдней въ ея синтетической полнотѣ, какъ естественнаго сложнаго агрегата, составленнаго изъ совокупности явленій или свойствъ, уже отдѣльно изслѣдованныхъ такъ-называемыми абстрактными науками. Анализъ конкретной науки ведетъ къ познанію условій, необходимыхъ для того, чтобы сложный конкретный агрегатъ могъ образоваться изъ агрегатовъ болѣе простыхъ, составляющихъ естественную точку исхода различныхъ аб-

страктныхъ изслѣдованій, — а также и къ знанію необходимыхъ условій сохраненія, видоизмѣненія и окончательнаго распаденія на составные элементы этого сложнаго агрегата. Но не таковъ, конечно, характеръ массы подготовительныхъ аналитическихъ изслѣдованій, которыя въ своей совокупности образуютъ естественную исторію общественныхъ формъ, и доставляютъ естественной наукѣ обществъ нужный ей матеріалъ. И по этому поводу, мы считаемъ полезнымъ обратить еще вниманіе читателей на слѣдующее мнѣніе О. Конта, высказанное въ 58-й главѣ его «Курса положительной философіи»: «Нельзя приступать къ раціональному изученію конкретной науки (которую Контъ, впрочемъ, также неправильно смѣшиваетъ съ естественной исторіей явленій) до тѣхъ поръ, пока абстрактная наука не будетъ доведена до надлежащей степени развитія во всемъ, что̀ касается различныхъ порядковъ элементарныхъ явленій, полнаго и постояннаго возсоединенія которыхъ требуетъ, по самому существу своему, всякое конкретное изслѣдованіе». Гарэнъ де-Витри въ этихъ словахъ, понимаемыхъ буквально, видитъ косвенное поощреніе преждевременной попытки обоснованія абстрактной соціологіи. Но опасенія относительно этой преждевременности, какъ могъ убѣдиться читатель, исчезаютъ, если только остеречься обыкновенной ошибки, которой, къ сожалѣнію, не избѣгъ и Контъ, и которая состоитъ въ смѣшеніи анализа и описанія частныхъ свойствъ конкретнаго явленія съ конкретнымъ (то-есть синтетическимъ или прямо противоположнымъ подготовительному изслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь въ первомъ случаѣ) изученіемъ того же явленія. Кромѣ того, какъ кажется, Гарэнъ де-Витри впадаетъ въ

противорѣчіе съ самимъ собою, объясняя слѣдующимъ образомъ настоящее значеніе словъ Конта· «Очевидно, что О. Контъ предлагаетъ намъ разлагать явленія на ихъ составныя части, прежде чѣмъ разсматривать ихъ въ ихъ совокупности, изучать сперва анатомію отдѣльныхъ органовъ, заниматься тщательнымъ анализомъ, прежде чѣмъ выставлять смѣлыя синтетическія заключенія, и въ особенности освѣщать всегда наши изслѣдованія хотя бы временной только теоріей, основанной на суммѣ уже пріобрѣтенныхъ положительныхъ знаній. Онъ хотѣлъ предостеречь насъ также и отъ пріемовъ такъ-называемой философіи исторіи, которая считаетъ возможнымъ объяснять развитіе того или другого отдѣльнаго народа до полнаго ознакомленія съ общими условіями развитія обществъ» [1]). Дѣйствительно, Контъ могъ имѣть все это въ виду; но разложеніе явленій на ихъ составные элементы, но анатомическое изслѣдованіе малѣйшихъ органовъ, но тщательные анализы частностей и т. д., представляемые намъ какъ черты, характеризующія абстрактную науку соціальныхъ явленій, не замѣчаются ли въ одинаковой степени и въ подготовительныхъ изслѣдованіяхъ, которыя, подъ именемъ естественной исторіи обществъ, такъ часто и неправильно смѣшиваются съ конкретною наукою? Полагаемъ, что въ этомъ отношеніи не можетъ возникнуть никакого серьознаго сомнѣнія.

6. Повторимъ вкратцѣ сказанное выше. Одна изъ наиболѣе выдающихся особенностей естественной науки обществъ или общей соціологіи — ея относительно бо́льшее единство, относительно болѣе

[1]) Phil. pos. T. XV, стр. 174.

постоянный синоптизмъ, сравнительно съ другими главными отдѣлами абстрактнаго изученія законовъ природы. Эта характеристическая черта является необходимымъ слѣдствіемъ чрезвычайной сложности соціальныхъ явленій. Научный пріемъ особаго рода можетъ однако отчасти устранить несомнѣнныя и многочисленныя, проистекающія отсюда при изученіи этихъ явленій неудобства. Пріемъ этотъ состоитъ въ усиленіи дѣленія, въ спеціализаціи изслѣдованій въ области естественной исторіи. Необходимость прибѣгать къ этому пріему чувствуется во всей группѣ наукъ описательныхъ, въ наукѣ, изучающей законы жизни точно такъ же, какъ и въ изслѣдующей столь мало извѣстную область соціальныхъ явленій; но въ соціологіи эта необходимость еще болѣе настоятельна, чѣмъ въ біологіи. Уже общая біологія стремится къ интеграціи условій существованія (статика), условій развитія (динамика), къ интеграціи растительности и животности, нормальнаго и патологическаго состояній, не считая значительнаго числа меньшихъ дифференцированій, дающихъ начало многочисленнымъ біологическимъ спеціальностямъ. Но только при изученіи соціальныхъ явленій это стремленіе къ единству въ общей или высшей половинѣ науки достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта. Здѣсь, чѣмъ болѣе пользы приноситъ гипотетическое разложеніе сложныхъ агрегатовъ, образуемыхъ соціальными явленіями, и изолированный анализъ этихъ явленій въ отдѣльныхъ или монографическихъ изслѣдованіяхъ, при предварительномъ изученіи соціальнаго міра, — тѣмъ менѣе эти же пріемы отдѣленія и изолированія становятся необходимыми въ виду успѣха изслѣ-

дованій, имѣющихъ цѣлью открытіе общихъ законовъ соціальныхъ явленій. [1])

Но, какъ я уже замѣтилъ въ настоящей главѣ, основной синоптическій характеръ (стремленіе обнять въ одно и то же время всѣ части одного цѣлаго) общей соціологіи, точно также какъ и естественный коррективъ этого синоптизма — чрезвычайная раздробленность подготовительнаго анализа—представляются существенно относительными понятіями, вовсе не исключающими ни необходимости—для общей соціологіи—классифицировать явленія, законы которыхъ она формулируетъ, и прибѣгать, въ извѣстныхъ границахъ, къ раціональному дѣленію своихъ работъ; ни полезности—для естественной исторіи соціальныхъ явленій—стремиться къ достиженію болѣе высокихъ обобщеній, чрезъ соединеніе сосѣднихъ изслѣдованій и уничтоженіе произвольныхъ или слишкомъ близкихъ между собою разграничительныхъ линій.

Дѣленія и подраздѣленія той части соціальной науки, которую въ настоящее время уже нерѣдко называютъ естественной исторіей обществъ, слишкомъ многочисленны и въ то же время общеизвѣстны, чтобы представлялось необходимымъ приводить ихъ

---

[1]) Уже Огюстъ Контъ дѣлаетъ совершенно справедливое замѣчаніе, что „самыя свойства предмета соціологіи, въ которой солидарность изучаемыхъ фактовъ гораздо полнѣе, чѣмъ въ другихъ разрядахъ явленій, самопроизвольно придаютъ этой наукѣ, *въ самомъ началѣ ея развитія, и въ видѣ необходимаго уравновѣшенія большей сложности ея явленій,* раціональный характеръ, превышающій раціональность всѣхъ предшествующихъ наукъ, въ томъ числѣ и біологіи, и достигаемый тѣмъ, что въ соціологіи *тотчасъ же устанавливается нормальный перевѣсъ общихъ взглядовъ надъ частными или спеціальными точками зрѣнія*“. „Cours de philosophie positive“, t. VI, стр. 334 пер изданія.

здѣсь въ отдѣльности или дѣлать имъ подробный перечень. Намъ поэтому, согласно съ задачею этой главы, остается теперь только высказать нашъ взглядъ на дѣленія, возможныя во второй части соціальной науки—общей соціологіи.

7. Наиболѣе замѣчательное изъ предлагавшихся до сихъ поръ раздѣленій соціологіи—дѣленіе Конта, которое впослѣдствіи было принято многими ученыки. Заимствованный у другихъ областей знанія и въ особенности у обширной области физики, основной принципъ этого раздѣленія превосходенъ. Онъ, какъ извѣстно, состоитъ въ различеніи, въ соціальныхъ явленіяхъ, условій существованія, равновѣсія, строенія или организаціи, отъ необходимо соотвѣтственныхъ условій движенія, роста, видоизмѣненія и вообще развитія. Соціальныя явленія, подобно всѣмъ другимъ, могутъ быть разсматриваемы съ этихъ двухъ сторонъ; и эта точка зрѣнія, теоретически или субъективно, безспорно самая общая. Но и допуская это, нужно еще спросить, въ какой мѣрѣ возможно практическое приложеніе этого принципа къ удовлетворенію настоящихъ потребностей соціальныхъ наукъ; нужно разсмотрѣть, не уступаетъ ли его практическая плодотворность высокому теоретическому значенію, и даже не находится ли эта плодотворность въ какомъ-либо отношеніи къ возрасту науки, т.-е. не увеличивается и не уменьшается ли она по мѣрѣ того, какъ наука проходитъ чрезъ различныя фазы своего развитія?

Практика отчасти уже отвѣтила на эти вопросы. Не смотря на неоднократно повторявшіяся усилія, до сихъ поръ не удавалось не только обосновать окончательно, но даже и начертать въ общемъ видѣ ста-

тику обществъ, сколько-нибудь независимую отъ ихъ динамики. Въ лучшихъ опытахъ соціологическаго анализа эти двѣ, теоретически столь различныя точки зрѣнія постоянно смѣшиваются. Никакого новаго свѣта не пролило это различеніе, ни одного основного закона не было найдено при помощи этого аналитическаго пріема, нужно прибавить, однако, что, какъ средство открытія, это раздѣленіе не было еще серьозно испытано. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что такой отрицательный результатъ долженъ быть отнесенъ скорѣе къ низкой степени развитія соціальной науки, къ состоянію младенчества, въ которомъ она находится въ настоящее время, чѣмъ къ коренному недостатку самаго принципа раздѣленія. Богатая частными фактами и разсѣянными наблюденіями, настоящая фаза соціальной науки почти не имѣетъ общихъ теорій, могущихъ служить этимъ фактамъ связующимъ началомъ. При столкновеніи старыхъ и новыхъ воззрѣній, въ хаосѣ всякаго рода предразсудковъ, въ пестрой смѣси смутно различаемыхъ соціальныхъ структуръ и функцій, систематическое распредѣленіе или классификація которыхъ принадлежитъ еще къ области благихъ пожеланій, — искатели общихъ теорій, изобрѣтатели объяснительныхъ гипотезъ, созидатели временныхъ системъ завалены слишкомъ трудною работою, положительнаго и отрицательнаго свойства, чтобы не черпать своего матеріяла безразлично въ области статики и динамики обществъ и, такимъ образомъ, не упускать вполнѣ изъ виду важнаго различенія, намѣченнаго О. Контомъ. Но научная плодотворность этого различенія и соотвѣтствующаго ему дѣленія науки только отсрочены. Рано или поздно, эта точка зрѣнія опять всту-

питъ въ свои права, и тогда въ естественной наукѣ или біологіи обществъ мы будемъ имѣть настоящую общую анатомію или ученіе о строеніи общественныхъ организмовъ, которое послужитъ основаніемъ для общей физіологіи или ученія объ общественныхъ отправленіяхъ; эти двѣ части науки будутъ въ свою очередь дополнены двойною общею патологіею, анатомическою и физіологическою.

Но самое вѣрное средство, можетъ быть, скорѣе достигнуть указанной цѣли, состоитъ въ томъ, чтобы до времени держаться пути, хотя и менѣе правильнаго, но за то болѣе удобнаго или плодотворнаго. Строго унитарной системѣ должно еще нѣкоторое время принадлежать господство въ соціологическомъ описаніи. Въ такой системѣ, по мѣрѣ параллельнаго описанія устройства и отправленій данной формы ассоціаціи—семейства, родственнаго союза, общественнаго класса, расы, различныхъ религіозныхъ, политическихъ, лингвистическихъ, литературныхъ, научныхъ, эстетическихъ и т. п. соціальныхъ группировокъ—неизбѣжно обнаружится, что та или другая структура болѣе спеціально приспособлена къ выполненію той или другой функціи, и явится возможность съ нѣкоторою точностью опредѣлить наиболѣе постоянныя отношенія между извѣстными разрядами соціальныхъ формъ и извѣстными категоріями соціальныхъ отправленій; но такимъ образомъ незамѣтно достигнется и раціональная и естественная классификація соціальныхъ явленій. Слѣдуя по этому пути, мы встрѣтимъ на немъ то политическую экономію, то правовѣдѣніе, политику, исторію, антропологію и проч., и такимъ образомъ эти освященныя опытомъ дѣленія или части соціальной науки естественно сгруппируются, обна-

руживъ всю пустоту педантическихъ споровъ о преобладаніи одной изъ нихъ надъ другими. Различныя вѣтви естественной исторіи обществъ найдутъ каждая свое настоящее мѣсто, не посягая на чужую область, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сохраняя полное сознаніе своей зависимости другъ отъ друга.

Изслѣдованіе различныхъ соціальныхъ вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ громадную важность для будущности современныхъ обществъ, естественно примыкаетъ также къ изученію основныхъ общественныхъ формъ, въ нормальномъ и патологическомъ ихъ состояніи, и соотвѣтственныхъ имъ функцій. Но очевидно, что и эти вопросы не могутъ въ настоящее время быть сколько-нибудь удовлетворительно изслѣдованы иначе, какъ на основаніи дѣйствительно синоптическаго описанія всѣхъ составныхъ элементовъ общественнаго организма.

Указанное раздѣленіе является единственнымъ между многочисленными опытами классификаціи соціологіи, который заслуживалъ бы серьезнаго вниманія. Исключеніе составляетъ только тройственное дѣленіе соціологіи на анатомію (морфологію или біостатику), физіологію (біодинамику) и патологію соціальныхъ организмовъ. Но не трудно видѣть, что это послѣднее дѣленіе есть въ дѣйствительности только простое воспроизведеніе, въ заимствованныхъ у біологіи терминахъ, двойственнаго дѣленія Конта. [1])

---

[1]) Описательная наука біологіи состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей анатоміи, физіологіи и патологіи. Тѣ же дѣленія появляются снова и въ по преимуществу описательной наукѣ — соціологіи. По отношенію къ анатоміи и физіологіи, справедливость этого положенія подтверждается уже многочисленными, встрѣчающимися на каждомъ шагу аналогіями между жизненными и соціальными явленіями. Но

8. Дальнѣйшія подраздѣленія статики и динамики обществъ, представляющія собою развитіе этого перваго основного дѣленія, конечно, еще менѣе послѣдняго могутъ сопровождаться плодотворными послѣдствіями для науки, — науки въ настоящемъ, разумѣется, періодѣ ея развитія. Изслѣдованіе вопросовъ, касающихся отдаленнаго будущаго, возможно только тогда, когда на лицо имѣются всѣ данныя или элементы, необходимые для ихъ разрѣшенія; въ противномъ случаѣ такое изслѣдованіе по меньшей мѣрѣ излишне. Но въ такомъ именно положеніи и находится соціологія.

Я поддерживаю это воззрѣніе съ тѣмъ бо́льшею увѣренностью, что самъ прежде раздѣлялъ и защищалъ мнѣніе, которое считаю въ настоящее время ошибочнымъ. Въ критической статьѣ по поводу мемуара, представленнаго г. Вырубовымъ въ соціологи-

---

еще лучше—основаться на томъ общемъ законѣ мышленія, по которому мы всегда можемъ разсматривать всякаго рода явленія по крайней мѣрѣ съ двухъ различныхъ сторонъ Этотъ качественный психологическій законъ напоминаетъ другой психологическій законъ—количественный, изъ котораго сдѣлали аксіому эмпирической математики, именно, что всѣ предметы имѣютъ три измѣренія. Если, въ количественномъ отношеніи, всѣ предметы имѣютъ три измѣренія, то въ качественномъ — они представляютъ по крайней мѣрѣ двѣ различныя стороны. Эта двойственность проходитъ черезъ весь рядъ наукъ, отъ простыхъ фактовъ механики до сложныхъ явленій біологіи, и выражается, въ неорганическомъ мірѣ, различеніемъ между состояніемъ покоя или равновѣсія и состояніемъ движенія какъ массъ, такъ и атомовъ, что̀ даетъ начало статическимъ и динамическимъ изслѣдованіямъ, а въ органическомъ мірѣ—различеніемъ между структурою и функціею организма, откуда проистекаютъ анатомическая и физіологическая точки зрѣнія. Явленія соціальнаго міра подчинены тому же закону и представляютъ ту же двойственность. Безразлично признавать эту двойственность подъ именемъ статики и

ческое общество, основанное въ Парижѣ французскими позитивистами, я предлагалъ классификацію или раздѣленіе общей части соціологіи, которая въ общихъ чертахъ выражается слѣдующею діаграммою.

СОЦІОЛОГІЯ.

I. Статика.

1. *Семейство.* (Соціальная эмбріологія).	2. *Классъ.* (Простыя структуры).	3. *Народъ.* (Внутреннія сложныя структуры).	4. *Раса.* (Внѣшнія сложныя структуры).

II. Динамика.

1. *Соціальная эмбріогенія.* (Законы образованія обществъ).	2. *Соціальная экономія.* (Законы элементарныхъ ассоціацій).	3. *Право и соціальныя учрежденія.* (Законы сложныхъ ассоціацій).	4. *Общая этнографическая исторія.* (Общіе законы цивилизацій).

динамики, или анатоміи и физіологіи, хотя послѣднее наименованіе и представляется болѣе удобнымъ, отчасти вслѣдствіе многочисленныхъ аналогій, существующихъ между біологическими и соціальными явленіями, но въ особенности вслѣдствіе необходимости введенія въ соціологію, подъ именемъ патологіи, третьяго разряда изслѣдованій. Патологическая точка зрѣнія привходитъ въ область теоретическаго знанія вмѣстѣ съ біологіею Предшествующія науки удобно обходятся безъ этого усложненія въ точкахъ зрѣнія, на которыя становится изслѣдователь. Науки эти сводятъ всѣ явленія къ простому противоположенію между сторонами статическою или анатомическою и динамическою или физіологическою. Такое упрощеніе составляетъ также идеалъ біологіи, а слѣдовательно и соціологіи. И если онъ никогда не можетъ быть достигнутъ, то единственною причиною тому является чрезвычайная сложность явленій, изслѣдуемыхъ біологами и соціологами. Эта сложность требуетъ спеціальнаго описанія всѣхъ явленій, которыя не входятъ непосредственно въ обѣ обыкновенныя категоріи нормальности и представляются наблюдателю уклоненіемъ отъ обычнаго порядка вещей.

Я не привожу здѣсь подробнаго объясненія этой діаграммы; для лицъ, слѣдившихъ за тѣмъ, что было говорено и печатано въ этой области идей, діаграмма моя не представляетъ ничего неяснаго и можетъ обойтись безъ всякихъ комментарій. Я долженъ однакоже упомянуть о причинѣ, заставившей меня впослѣдствіи отказаться отъ плана, который я развивалъ прежде. Причина эта всецѣло заключается во взглядахъ, образовавшихся у меня позднѣе на употребленіе описательнаго метода при всякомъ раціональномъ изученіи сложныхъ соціальныхъ явленій, и въ особенности въ теоріи стратификаціи или предварительнаго раздвоенія абстрактной науки соціологіи на естественную исторію и естественную науку общественныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, разъ признана дѣйствительность и необходимость этого раздвоенія,—вытекающаго изъ метода и приводящаго къ нему, независящаго ни отъ какой системы классификаціи и не ведущаго къ ней,—становится излишнимъ заботиться о возможномъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, раздѣленіи совокупности ученій еще не существующихъ, по крайней мѣрѣ иначе какъ въ состояніи невидимыхъ зародышей; напротивъ того, дѣлается необходимымъ заняться хорошимъ дѣленіемъ или классификаціей подготовительныхъ и плодотворныхъ изслѣдованій, назначеніе которыхъ—способствовать образованію и развитію упомянутыхъ выше ученій. Во всякомъ случаѣ ошибочно было бы думать, что здѣсь дѣло идетъ о простомъ перемѣщеніи даннаго раздѣленія или классификаціи изъ одной научной области въ другую. Классификація, назначенная для естественной науки обществъ, не могла бы — безъ большихъ и радикальныхъ измѣненій—быть полезною въ

естественной исторіи соціальныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи, потребности этихъ двухъ частей науки значительно различаются и по своему существу и по своей интенсивности.

Естественная исторія соціальныхъ явленій не могла бы удовольствоваться нѣсколькими широкими дѣленіями, которыя были бы вполнѣ достаточны для болѣе обширныхъ обобщеній естественной науки. Въ этой первой категоріи изслѣдованій, лучше — какъ намъ кажется—придерживаться многочисленныхъ подраздѣленій, вошедшихъ въ обычай между спеціалистами и могущихъ считаться какъ бы самостоятельнымъ продуктомъ самой природы соціологическихъ изысканій. Нужно только раціонально распредѣлить эти подраздѣленія и развить ихъ настолько, насколько это окажется возможнымъ или необходимымъ.

Что же касается опытовъ классификаціи общей части соціологіи, то ихъ можно держать въ запасѣ для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Но было бы, конечно, самонадѣянностью думать, что самостоятельное развитіе науки не измѣнитъ до неузнаваемости этихъ первыхъ попытокъ. Въ ожиданіи послѣдующихъ успѣховъ, необходимо, при высшихъ изслѣдованіяхъ въ общей соціологіи, держаться на стражѣ противъ всякаго рода предвзятой идеи о взаимной зависимости различныхъ разрядовъ соціальныхъ явленій.

Въ этихъ отвлеченныхъ изслѣдованіяхъ, для того, чтобы обладать твердою точкою опоры, достаточно будетъ постоянно имѣть въ виду то простое соображеніе, что соціальное явленіе, съ своей структуральной или статической стороны, есть всегда фактъ ассоціаціи живыхъ существъ, а съ своей функціональной или

динамической—фактъ постояннаго отношенія различныхъ силъ какъ личныхъ (біодинамическихъ), матеріальныхъ (физическихъ, химическихъ, климатическихъ и пр.), такъ и экономическихъ—вслѣдствіе вмѣшательства человѣка и измѣненій, вносимыхъ имъ въ природу. Всегда и вездѣ, слѣдовательно, въ этой высшей области науки, нужно будетъ разсматривать и имѣть въ виду ассоціацію и различныя ея формы, соціальную дѣятельность и ея различные роды.

Одна черта дополнитъ этотъ очеркъ стремленій общей соціологіи. Послѣдняя, какъ мы ее понимаемъ, представляетъ собою болѣе высокую научную форму, чѣмъ чисто описательныя, уже существующія соціальныя ученія, которыя должны быть сохранены въ виду подготовленія и разработки соціологическихъ матеріаловъ по мѣрѣ ихъ собиранія. Вслѣдствіе этого, общая соціологія будетъ заниматься только фактами и отношеніями, уже достаточно описанными и разъясненными спеціальными изслѣдователями, и ограничитъ свою долю научной работы описаніемъ и классификаціей самыхъ существенныхъ и наиболѣе общихъ типовъ ассоціацій и категорій соціальной дѣятельности.

9. Прежде чѣмъ разстаться съ такимъ важнымъ вопросомъ, какъ раздѣленіе научнаго труда въ области соціологіи, я считаю нелишнимъ представить нѣсколько замѣчаній: во-первыхъ, по вопросу о малой пользѣ—въ соціологіи, какъ и въ біологіи—обращать преимущественное вниманіе на изслѣдованіе наиболѣе замѣтныхъ функцій и органовъ, являющихся также и наиболѣе сложными, и отсюда уже выводить классификацію или раздѣленіе науки; и во-вторыхъ, по вопросу о томъ, должно ли быть, въ раціональной классификаціи соціологіи, отведено особое мѣсто ста-

тистикѣ, исторіи и новой наукѣ, спеціально изучающей общественную среду—мезологіи.

Нѣсколько разъ уже дѣлались попытки классифицировать соціологію по тѣмъ функціямъ соціальнаго организма, которыя признавались наиболѣе важными, при чемъ каждой изъ этихъ главныхъ функцій соотвѣтствовало то, что̀ по аналогіи называлось соціальнымъ о́рганомъ. Но уже въ біологіи различеніе между о́рганами, тканями и клѣточками колеблется до крайности, такъ-какъ всякая клѣточка и всякая ткань выполняютъ, въ извѣстной мѣрѣ, опредѣленную функцію и становятся, такимъ образомъ, настоящими о́рганами. Только бо́льшая или меньшая степень сложности отличаетъ въ дѣйствительности такіе непризнанные о̀рганы отъ о̀ргановъ признанныхъ. Точно также и въ соціальномъ организмѣ всякая ассоціація или група соціальныхъ элементовъ выполняетъ свою спеціальную функцію, а въ столь часто встрѣчающихся случаяхъ функціональной замѣстимости (викаріата) и функцію всякой другой ассоціаціи или общественной групы, и сложныя функціи здѣсь большею частью также только объясненныя или необъясненныя равнодѣйствующія простыхъ функцій. Истинный научный прогрессъ, слѣдовательно, заключался бы не въ раздѣленіи по сложнымъ функціямъ и о̀рганамъ, а въ классификаціи, которая оставляла бы въ сторонѣ всѣ чисто кажущіяся различія, какъ это достаточно ясно доказано примѣромъ Биша, Клодъ Бернара, Вирхова и переворотомъ, сдѣланнымъ этими учеными въ біологіи. Необходимо анализировать явленія какъ можно глубже; но для этого нѣтъ никакой надобности раздѣлять науку на нѣсколько большихъ областей и изучать каждую отдѣльно и неза-

висимо отъ другихъ. Единство науки и синоптическое или сравнительное описаніе всѣхъ извѣстныхъ ассоціацій или общественныхъ групъ будетъ въ этомъ случаѣ лучше отвѣчать требованіямъ анализа, описанія и классификаціи, не останавливающихся на поверхности вещей.

Изъ исторіи и статистики желали иногда сдѣлать болѣе или менѣе независимыя части соціальной науки. Но самая возможность такого взгляда является новымъ доказательствомъ глубокой нераціональности ходячихъ понятій о соціальной наукѣ, ея методѣ и предметѣ. Ни одна изъ двухъ названныхъ отраслей знанія не составляетъ науки, въ единственно правильномъ смыслѣ этого слова. Эти такъ-называемыя общественныя науки—только средства изслѣдованія или методы, одинаково свойственные всѣмъ частямъ и подраздѣленіямъ соціологіи. Не нужно много вниманія для того, чтобы убѣдиться, что въ исторіи и статистикѣ нѣтъ методологическаго элемента, дѣйствительно новаго и неизвѣстнаго или такого, который могъ бы сравняться съ основными методами наблюденія, экспериментаціи и описанія. Въ дѣйствительности, историческій и статистическій методы, не безъ основанія спеціально приписываемые общественной наукѣ, суть только особыя формы описанія, хорошо приспособленныя къ характеру матеріаловъ, разработкѣ которыхъ онѣ служатъ. Исторія можетъ быть опредѣлена какъ описаніе во времени, или описаніе атрибутовъ послѣдовательности (филіаціи, эволюціи); статистика какъ описаніе въ пространствѣ или описаніе атрибутовъ сосуществованія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое статистика, какъ не *классификація посредствомъ исчисленія,* и что̀ такое исторія, какъ не *клас-*

сификація причинъ и слѣдствій? Но кто говоритъ классификація—говоритъ *описаніе*. Примѣненіе этихъ двухъ родовъ описанія столь же полезно и удобно въ біологіи, какъ и въ соціологіи, что доказывается примѣромъ палеонтологіи, теоріи развитія и проч.; можно, въ извѣстной мѣрѣ, пользоваться ими даже и въ низшихъ наукахъ. Кромѣ того, каждый изъ этихъ методовъ — необходимое и обязательное дополненіе другого; внѣ совмѣстнаго ихъ употребленія всякое описаніе остается одностороннимъ и неполнымъ. Не смотря на то, однако, почти никогда не заботятся объ ихъ соединеніи, и въ этомъ заключается одно изъ серьознѣйшихъ препятствій, мѣшающихъ болѣе быстрымъ успѣхамъ соціологіи.

Наконецъ, что касается мезологіи, то это такой побочный или вспомогательный родъ описанія, который имѣетъ мѣсто при всякомъ раціональномъ изученіи біологическихъ и соціологическихъ явленій; это—аналитическое и сравнительное описаніе «среды» или внѣшнихъ жизненныхъ и соціальныхъ условій, вліяющихъ такъ или иначе на внутреннее устройство и отправленія біологическихъ индивидовъ и ихъ соціальныхъ группировокъ, и находящихся съ этимъ устройствомъ и функціями въ постоянномъ и опредѣленномъ отношеніи. Эти вспомогательныя изслѣдованія имѣютъ цѣлью облегчить разрѣшеніе весьма общей задачи, выпадающей на долю какъ біологіи, такъ и соціологіи, и могущей быть формулированною слѣдующимъ образомъ: когда даны среда и строеніе (или органъ), опредѣлить неизвѣстную функцію; или. при извѣстныхъ функціи и средѣ найти соотвѣтствующее имъ устройство; или наконецъ: опредѣлить среду, когда органъ и функція извѣстны.

ОТНОШЕНІЯ СОЦІОЛОГІИ КЪ БІОЛОГІИ И ПСИХОЛОГІИ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОБЪ АНАЛОГІИ КАКЪ МЕТОДѢ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЯВЛЕНІЙ ВООБЩЕ И О Т. Н. РЕАЛЬНОЙ АНАЛОГІИ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

1. Порядокъ или естественная послѣдовательность въ распредѣленіи вопросовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію въ ихъ связи между собою и съ основною задачею общественныхъ наукъ, приводитъ насъ теперь къ изслѣдованію соотношеній, существующихъ или долженствующихъ существовать между соціологіей съ одной стороны и смежными съ нею областями человѣческаго знанія съ другой.

Предметъ этотъ весьма важенъ. Правильное развитіе соціальной науки и быстрота ея успѣховъ, очевидно, въ значительной степени зависятъ отъ правильнаго разграниченія между предметами изученія, входящими въ кругъ ея исключительнаго вѣдѣнія, и вопросами, всецѣло принадлежащими біологіи и

психологіи. И это потому, между прочимъ, что, лишь разграничивъ между собой, хотя бы только приблизительно и въ общихъ чертахъ, эти смежныя области знанія, можно ожидать, что примѣненіе къ изученію общественныхъ явленій спеціальнаго метода, свойственнаго этому разряду изслѣдованій, принесетъ всѣ свои плоды.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ разрѣшенію предстоящей намъ теперь задачи, необходимо ближе ознакомиться съ имѣющей прямое отношеніе къ ней общей теоріей, которая при томъ же, въ глазахъ извѣстной части ученаго міра, пользуется значительнымъ авторитетомъ. Мы говоримъ о такъ-называемой реальной аналогіи, ученіи, стремящемся сгладить всякое дѣйствительное разграниченіе между теоріями о жизни, законами мышленія и законами, управляющими обществами.

Вопросъ о значеніи и законныхъ предѣлахъ аналогіи, разсматриваемой какъ особый методъ въ наукѣ, тѣсно связанъ съ наиболѣе отвлеченнымъ и труднымъ изъ всѣхъ вопросовъ, съ какими только имѣютъ дѣло наука и философія — именно, съ гипотезой единства или основной однородности матеріи и единства или однородности энергіи или силы.

Первая половина этой гипотезы составляетъ химическую теорію, которая, безъ сомнѣнія, должна быть предпочтена построенному на грубомъ эмпиризмѣ предположенію объ основной разнородности матеріальной субстанціи, разсматриваемой въ ея различныхъ элементахъ. Вторая половина той же гипотезы составляетъ философское ученіе, оказывающее уму большія услуги въ качествѣ могучаго орудія междунаучнаго или философскаго обобщенія.

Различныя свойства матеріи, разсматриваемыя въ генетическихъ отношеніяхъ ихъ между собою, представляются, конечно, скорѣе какъ измѣняемости (модальности) одного и того же основного свойства, нежели какъ нѣчто разнородное по существу и происхожденію. Но, оставляя въ сторонѣ генетическія отношенія, по меньшей мѣрѣ очевидно, что указанная выше гипотеза не заключаетъ и не можетъ заключать въ себѣ утвержденія, что свойства матеріи, разсматриваемыя какъ способы дѣйствія, не разнствуютъ между собою. Очевидно также, что эта гипотеза, необыкновенно облегчая интеграцію или установленіе основного единства знанія, нисколько не препятствуетъ при этомъ дифференцированью науки, или расчлененію ея на отдѣльныя области. Ученіе объ однородности матеріи отнюдь не влечетъ за собою, какъ свое логическое послѣдствіе, отрицанія существованія экспериментальнаго ряда реальныхъ способовъ бытія (модальностей) единой субстанціи; способовъ бытія—неразрывно связанныхъ съ соотвѣтствующимъ экспериментальнымъ рядомъ способовъ проявленія единаго основного свойства. Этотъ двойной рядъ измѣняемостей всегда будетъ объективироваться или мыслиться предметно въ видѣ различныхъ тѣлъ или агрегатовъ явленій, между которыми умъ нашъ будетъ отмѣчать однообразныя и постоянныя соотношенія: — законы этихъ явленій. Но отсюда слѣдуетъ, что всякая измѣняемость въ природѣ, съ признаками особаго или специфическаго свойства, т.-е. свойства, исключительно принадлежащаго той или другой экспериментально обособляющейся групѣ явленій, даетъ мѣсто и особой отрасли научныхъ изслѣдованій, имѣю-

щей цѣлью собрать и обособить законы, выражающіе взаимныя отношенія явленій этой групы.

2. Тотъ же взглядъ можетъ быть представленъ и объясненъ иначе, отчего нисколько не измѣнятся его дѣйствительное значеніе или выводы, логически изъ него вытекающіе. Такъ, всѣ измѣняемости вещества и силы могутъ быть размѣщены въ постоянномъ и прочномъ порядкѣ, опредѣляемомъ однимъ изъ концептовъ ума:—идеей осложненія явленій. Тогда рядъ измѣняемостей будетъ представляться въ видѣ непрерывной цѣпи все болѣе и болѣе возрастающихъ осложненій въ тѣхъ агрегатахъ явленій, которые, выражаясь языкомъ философскихъ школъ, служатъ этимъ измѣняемостямъ *субстратомъ*. Различіе въ степени сложности явленій будетъ постояннымъ признакомъ, указывающимъ на новую измѣняемость вещества или силы.

Ученіе объ основномъ тожествѣ силъ или свойствъ, проявляемыхъ матеріей, есть гипотеза, вытекающая изъ ученія объ эквивалентности силъ, въ которомъ доказывается, что силы природы никогда не теряются и не уничтожаются, а превращаются въ равнозначныя суммы другихъ силъ. Теорія эта, какъ извѣстно, вполнѣ согласуется съ фактами, добытыми путемъ опыта, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторымъ свойствамъ, лучше изслѣдованнымъ, чѣмъ другія. Гипотеза тожества лишь развиваетъ и доводитъ до крайнихъ ея предѣловъ теорію эквивалентности. Она съ этой цѣлью прибѣгаетъ къ обобщенію, стремящемуся представить всѣ свойства въ природѣ какъ формы или внѣшнія проявленія одного и того же опытнаго факта: движенія, происходящаго внутри матеріи. Но въ томъ же порядкѣ понятій существуетъ одна

група фактовъ, которая не можетъ быть включена въ категорію движенія, а выражается обобщеніемъ, очевидно болѣе широкимъ, чѣмъ названная категорія; это — опытные факты, которые могутъ быть подведены подъ общую рубрику количества. Количество, т.-е. свойство протяженія и числа, не можетъ быть постигаемо умомъ какъ движеніе въ той или другой формѣ. въ формѣ-ли притяженія массъ или атомовъ, или въ формѣ физическихъ, химическихъ, жизненныхъ или соціальныхъ свойствъ. Но за то движеніе во всѣхъ своихъ формахъ всегда сопровождается количественными атрибутами или свойствами. Движеніе есть отношеніе между предметами, проявляющееся въ пространствѣ (протяженіе) и во времени (отношеніе послѣдованія—дающее начало счисленію); это и побудило нѣкоторыхъ философовъ утверждать, что понятіе движенія должно быть само отнесено къ числу производныхъ количественныхъ понятій. И съ этой точки зрѣнія трудно отрицать, что теорія единства силъ и тѣсно связанное съ нею общее ученіе о космической эволюціи только подтверждаютъ, что явленія разнятся между собою количественно, но нисколько не уменьшаютъ густого мрака, облекающаго вѣчную химеру всѣхъ философій: качественное тожество явленій.

Но возвратимся къ движенію, неразлучному съ количествомъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать: безъ протяженія, безъ числа, нѣтъ матеріи; а слѣдовательно—нѣтъ и движенія. Таковъ точный и выраженный въ своей наиболѣе элементарной формѣ смыслъ, придаваемый нами идеѣ осложненія, когда мы говоримъ, что явленія, обнаруживающія отношеніе или свойство, называемое движеніемъ, болѣе

сложны, чѣмъ тѣ же явленія, разсматриваемыя единственно съ точки зрѣнія количества.

Посмотримъ теперь, не сохраняетъ-ли понятіе осложненія того же значенія и по отношенію къ каждой изъ сторонъ, формъ или къ каждому изъ болѣе или менѣе полныхъ превращеній движенія. Движеніе небесныхъ тѣлъ, называемое тяготѣніемъ, движеніе земныхъ предметовъ, называемое тяжестью, и наконецъ движеніе атомовъ, воспринимаемое нашими чувствами, какъ различныя степени сцѣпленія или плотности въ тѣлахъ, постоянно осложняются количественными атрибутами. Далѣе тотъ частный видъ молекулярнаго движенія, который воспринимается нашими чувствами какъ теплота, неизбѣжно осложняется, кромѣ количественныхъ атрибутовъ, еще свойствами тяжести и простого молекулярнаго движенія по меньшей мѣрѣ. То движеніе, которое мы ощущаемъ какъ свѣтъ, повидимому, невозможно безъ сосуществованія извѣстнаго количества теплоты, не переходящей въ свѣтовыя вибраціи. То же самое справедливо и относительно электричества, магнетизма и т. п. Всѣ эти явленія имѣютъ, по меньшей мѣрѣ, одинаковую степень сложности съ тепловыми и, по всѣмъ вѣроятіямъ, они даже сложнѣе ихъ. Идя еще далѣе, мы видимъ, что для возникновенія химическихъ явленій необходимо сосуществованіе нѣкоторыхъ и вѣроятно даже всѣхъ физическихъ свойствъ. Слѣдовательно, химическія явленія сложнѣе тѣхъ, въ которыхъ процессы абстракціи, совершающіеся въ нашемъ умѣ, указываютъ лишь на такъ-называемыя физическія свойства. Очевидно также, что безъ существованія химическихъ свойствъ жизнь невозможна; наконецъ, соціальная группировка или явленія ассоціаціи неизбѣж-

но осложняются явленіями жизни, обнаруживаемыми существами, групирующимися въ общества или образующими ассоціаціи. И такъ, даже подъ вліяніемъ такого широкаго обобщенія, какъ движеніе, умъ нашъ, въ полномъ согласіи съ постояннымъ свидѣтельствомъ нашихъ чувствъ и добытаго черезъ нихъ опыта, упорно отказывается допустить превращеніе одного въ другое свойствъ природы, при которомъ не получалось-бы никакого остатка и которое, слѣдовательно, не вносило-бы никакого различія въ степень сложности явленій. То же постоянное отношеніе сосуществованія, которое связываетъ между собою количество и движеніе—свойства, не превращающіяся одно въ другое—проявляется и между различными видами или формами движенія.

Конечно, многое въ наукѣ и въ философіи, на ней основанной, указываетъ на существованіе въ природѣ одного основного процесса, обыкновенно, хотя совершенно не-философски, называемаго физико-химическимъ; раціональнѣе и послѣдовательнѣе, съ точки зрѣнія объединительной гипотезы, было бы называть его просто физическимъ. Но, съ другой стороны, и самые сангвиническіе приверженцы унитарныхъ теорій не могутъ отрицать, что процессъ этотъ, въ достигнутой нами космической фазѣ развитія, проявляется въ непрерывной цѣпи постоянно возрастающихъ усложненій, цѣпи, которая представляетъ двѣ особенности. Во-первыхъ, каждое предъидущее звено ея незамѣтно—не производя въ нашемъ сознаніи рѣзкаго отпечатка—сливается съ каждымъ послѣдующимъ: и этого вполнѣ достаточно, чтобы философія могла создавать свои объединительныя гипотезы. И, во-вторыхъ, все протяженіе цѣпи дѣлится

не только условно или удобства ради, но и раціонально, по необходимости, въ которой мы не властны, на нѣсколько обширныхъ и въ цѣломъ рѣзко отпечатлѣвающихся въ нашемъ сознаніи областей; раціональное основаніе этого дѣленія заключается въ томъ, что на протяженіи этой цѣпи встрѣчается нѣсколько такихъ точекъ или центровъ осложненія, которые умъ нашъ, очевидно, безсиленъ свести безъ остатка къ болѣе простымъ типамъ или, говоря языкомъ математики, которые онъ не можетъ сократить. Основаніе дѣленія можетъ быть названо объективнымъ, если причинно связывать его съ конкретною сущностью явленій, или субъективнымъ, если ставить его въ исключительную зависимость отъ естественныхъ границъ познаванія. Но какъ бы то ни было, а указанной второй особенности достаточно для того, чтобы могъ получить начало и развиваться, независимо отъ общей научной философіи, цѣлый рядъ спеціальныхъ наукъ. Новое, отличное отъ всѣхъ другихъ осложненіе основного процесса природы, воплощающееся въ рядѣ доступныхъ опыту конкретныхъ формъ или явленій, мы и называемъ новымъ и несократимымъ *свойствомъ* вещества, въ смыслѣ произведенія, которое мы не въ состояніи разложить на его производителей. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ конечномъ анализѣ или тогда, когда достигается послѣдняя грань объединительныхъ стремленій ума, упомянутая невозможность сопряжена еще съ логическимъ затрудненіемъ особаго рода; ибо задача, которую большинство философовъ такъ безплодно порывается разрѣшить, едва ли, въ концѣ концовъ, не превышаетъ средствъ обыкновенной или математической логики. Только повинуясь по-

слѣдней, говорятъ о настоящемъ случаѣ, что требуется разложить произведеніе на его производителей. На самомъ же дѣлѣ преслѣдуемая задача едва ли не состоитъ въ томъ, чтобы разложить произведеніе на одного производителя, чтобы свести осложненіе къ одному слагающему элементу. Вѣчно скрытая отъ насъ совокупность первыхъ и послѣднихъ причинъ явленій (составляющая, такъ-сказать, объективную логику природы), быть можетъ, заключаетъ въ себѣ, на ряду съ другими—и эту возможность; но отъ яснаго постиженія ея не можетъ не отпрянуть наша субъективная логика, какъ она не можетъ не отпрянуть отъ реальнаго постиженія такихъ возможностей, какъ безконечность, безпричинность, вѣчность и т. п.

3. Наконецъ, не выходя изъ того же порядка идей, можно достигнуть еще болѣе абстрактной точки зрѣнія. Положительный анализъ обширнѣйшихъ обобщеній, на какія только способенъ умъ нашъ по отношенію къ явленіямъ, познаваемымъ опытомъ—анализъ, подобный тому, напримѣръ, который былъ задуманъ и выполненъ въ истинно-научномъ духѣ Льюисомъ въ его «Задачахъ жизни и мысли»—ясно показываетъ, что то, что̀ мы называемъ силою или свойствомъ матеріи, въ смыслѣ ли единой силы и единаго свойства, или же въ смыслѣ различныхъ силъ и свойствъ, составляетъ въ сущности лишь отношеніе между предметами и нашимъ чувственнымъ воспріятіемъ ихъ, и отношеніе между одними предметами и другими; ибо предметы составляютъ сами не что̀ иное, какъ групы отношеній, синтезы свойствъ; предметы не существуютъ сами по себѣ, т.-е. независимо отъ свойствъ, проявляемыхъ ими.

Предметы суть свойства, проявляемыя ими, и не могутъ быть ничѣмъ другимъ. Отсюда—безплодность метэмпирическаго поиска за предметомъ въ самомъ себѣ, т.-е. за сущностью вещей, и высокая важность эмпирическихъ изслѣдованій, направленныхъ къ опредѣленію доступныхъ познанію отношеній между явленіями. Съ этой точки зрѣнія ошибочно даже говорить о свойствахъ, присущихъ явленіямъ, вмѣсто того, чтобы говорить о видахъ или способахъ бытія, опредѣляемыхъ отношеніями между предметами. Другой обычный образъ, проистекающій изъ того же источника, предполагаетъ, что свойства, которыя не проявляются, тѣмъ не менѣе существуютъ въ предметахъ, хотя временно и бываютъ скрыты отъ насъ присутствіемъ другихъ свойствъ; но, строго говоря, мы не имѣемъ никакого права предполагать, что эти скрытыя свойства существуютъ, коль скоро они не проявляются. Когда мы отвлекаемъ отъ явленій ихъ дѣйствительныя отношенія и представляемъ себѣ эти явленія поставленными въ другія отношенія, отличныя отъ первыхъ, мы видимъ только, какія свойства они проявили или проявятъ снова, какъ скоро будутъ поставлены въ тѣ же условія. Но говорить о субстанціи, какъ о чемъ-то остающемся послѣ отвлеченія дѣйствительныхъ отношеній, и представлять эти послѣднія присущими субстанціи — составляетъ логическій пріемъ, справедливый лишь относительно идеальной стороны факта. Такъ, въ фактѣ тяготѣнія все, что опытъ дѣйствительно открываетъ намъ, сводится на отношеніе между явленіями, которое и выражается математически закономъ обратныхъ квадратовъ разстояній. Но, хотя это отношеніе можетъ быть истолковано различнымъ образомъ, оно непре-

мѣнно предполагаетъ наличность двухъ сравниваемыхъ данныхъ, и не можетъ быть мыслимо, какъ существующее само по себѣ, или въ одномъ только данномъ.

Не слѣдовало-бы равнымъ образомъ забывать, что свойства въ предметахъ становятся ощущеніями въ нашемъ сознаніи, и здѣсь подвергаются спеціальному ограниченію, обусловливаемому опытными предѣлами каждаго изъ нашихъ чувствъ. Конечно, можно путемъ опыта открыть и доказать между различными ощущеніями извѣстныя соотношенія сходства и даже полной равнозначности; и это должно существенно облегчить намъ построеніе того, что̀ можно назвать научнымъ единствомъ ощущенія. Но каждый специфическій родъ ощущенія все-таки субъективно остается и навсегда останется непереводимымъ въ другое ощущеніе; такъ, ощущеніе свѣта никогда не будетъ субъективно сведено къ ощущенію тепла или звука, хотя объективно всѣ три рода ощущеній и сводятся на волнообразныя сотрясенія матеріи.

Но разъ мы допустили, что «свойства» вещей состоятъ лишь во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, достаточно постоянныхъ и общихъ, чтобы нельзя было мыслить ихъ иначе, какъ тѣсно связанными съ самими вещами и съ воспріятіемъ ихъ нашими чувствами,—уже начинаетъ выясняться вся суетность бо̀льшей части нашихъ споровъ объ основномъ единствѣ или различіи силъ природы. Дѣйствительно, то, что̀ объективно есть отношеніе, субъективно становится по необходимости представленіемъ ума, абстракціей, обобщеніемъ. Но въ нашемъ умѣ существуетъ въ то же время и естественное стремленіе, являющееся чертою, присущею самой организаціи его,

стремленіе не останавливаться на полдорогѣ въ дѣлѣ обобщенія, а всегда предпочитать, при равенствѣ остальныхъ условій, болѣе обширное обобщеніе, или обобщеніе высшаго порядка,—такому, которое обнимаетъ болѣе тѣсный кругъ явленій. Нашъ умъ всегда восходитъ такъ высоко, какъ онъ только можетъ. Но очевидно, что съ точки зрѣнія логики, мы имѣемъ полнѣйшее право говорить объ единомъ свойствѣ, единой силѣ или энергіи матеріи; во всѣхъ этихъ случаяхъ мы въ дѣйствительности имѣемъ передъ собою лишь логическія формулы, соотвѣтствующія извѣстнымъ умственнымъ концептамъ, достигшимъ послѣдней, доступной мышленію грани: — обобщенія, которое обнимаетъ всѣ безъ изъятія явленія и становится вслѣдствіе того ихъ высшею связью или конечнымъ единствомъ.

Въ этой приспособленности къ потребностямъ мышленія—гораздо болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо данныхъ, опирающихся на опытъ, или въ какомъ-либо дѣйствительно объективномъ основаніи — кроется вся сила, и заключается главная причина успѣха, между учеными и среди публики, большинства современныхъ теорій, касающихся единства матеріи, тожества силы, трансформизма во всѣхъ его видахъ, эволюціи или преемственнаго развитія животныхъ формъ и т. д. Эти гипотезы имѣютъ, безспорно, свою долю пользы. Онѣ связываютъ разрозненные факты дѣйствительности, и притомъ уже не голыми метафизическими концептами, не простыми уклоненіями ума съ пути опыта, какъ было прежде, а теоріями, которыя до нѣкоторой степени являются переводомъ на языкъ отвлеченныхъ символовъ извѣстной категоріи данныхъ, непосредственно добытыхъ наблюде-

ніемъ,—переводомъ, къ которому умъ нашъ прибѣгаетъ для воспроизведенія, по своему усмотрѣнію, въ сознаніи и для удержанія въ памяти тѣхъ или другихъ чувственныхъ воспріятій. Понимаемыя такимъ образомъ, унитарныя теоріи не могутъ стереть границъ, установленныхъ между различными науками непрерывными усиліями и послѣдовательными трудами цѣлаго ряда поколѣній; онѣ не могутъ и нанести серьознаго ущерба принципу раздѣленія научнаго труда, составляющему необходимое условіе всякаго дѣйствительнаго успѣха въ наукѣ; этотъ принципъ и вытекающая изъ него классификація наукъ достаточно ограждены отъ всякой такого рода случайности логическими и психологическими необходимостями особаго порядка. Тѣмъ не менѣе, однако, значительная доля всѣхъ объединительныхъ стремленій современности—а именно все то въ нихъ, что̀ идетъ далѣе отожествленія, съ цѣлью философскаго обоснованія зависимости каждаго разряда явленій отъ всѣхъ другихъ, отдѣльныхъ и бо́льшею частью только количественныхъ признаковъ въ разнородныхъ категоріяхъ явленій—есть не иное что́, какъ возвратная форма уже пережитаго человѣчествомъ фазиса, или возрожденіе, въ новомъ видѣ, стародавней погони за полнотою знанія, за постиженіемъ сущности вещей.

4. Въ своемъ поискѣ за основнымъ единствомъ явленій современное мышленіе, какъ извѣстно, остановилось на представленіи движенія, какъ на обобщеніи, наиболѣе способномъ обнять все реальное разнообразіе въ наблюдаемыхъ фактахъ. Но такая остановка, надо сказать, была вполнѣ произвольною и условною. Она мотивируется не логическою невозможностью подняться выше, достигнуть еще болѣе

обширнаго обобщенія, которое включало-бы въ себѣ движеніе какъ частный случай, но просто соображеніями научной полезности: движеніе представляетъ такое соотношеніе между предметами, которое лучше отвѣчаетъ условіямъ и требованіямъ исключительно физическаго объясненія опытныхъ данныхъ, чѣмъ непосредственно болѣе общее соотношеніе количества, которому съ чисто логической точки зрѣнія слѣдовало бы отдать предпочтеніе. И точно, нисколько не оспаривая практическаго превосходства точки зрѣнія, ставящей движеніе во главѣ естественной лѣстницы явленій, не трудно убѣдиться, что настоящимъ краеугольнымъ камнемъ теоретическаго зданія, воздвигаемаго для помѣщенія гипотетическаго или реальнаго единства явленій, можетъ быть только отношеніе количества. Количество можно опредѣлить: свойство матеріи представлять отношенія сосуществованія или послѣдованія, или просто — сосуществовать и слѣдовать другъ за другомъ; или же, наконецъ, какъ говоритъ Спенсеръ — занимать пространство и время. Занимать пространство значитъ имѣть протяженіе, занимать время — значитъ подлежать счисленію. Но такъ какъ всякое сосуществованіе въ конечномъ анализѣ сказывается нашему сознанію, какъ существованіе въ послѣдовательномъ порядкѣ, то и занимаемое пространство, т.-е. протяженіе, измѣряется тѣмъ же способомъ, какъ и занимаемое время: для этой цѣли служитъ число, счетъ единицъ времени и пространства.

Изъ этого опредѣленія явствуетъ, что количество есть свойство, или отношеніе между явленіями, не имѣющее спеціальной квалификаціи, вслѣдствіе чего оно составляетъ наивысшій абстрактъ, самое послѣд-

нее отвлеченіе, до какого мы только можемъ дойти въ послѣдовательномъ рядѣ понятій, имѣющихъ цѣлью классифицировать различныя свойства матеріи или общія соотношенія предметовъ между собою.

Всякое другое свойство или соотношеніе, чтобы быть менѣе общимъ и менѣе отвлеченнымъ, чѣмъ количество, должно быть квалифицировано или опредѣлено, ограничено извѣстнымъ образомъ; иначе оно опять будетъ не иное что, какъ количество. Противопоставленіемъ понятій квалификаціи и неквалификаціи, ограниченія и неограниченія нѣкоторые философы силятся создать непроходимую пропасть между количествомъ и качествомъ; но бездна эта — только кажущаяся, такъ какъ и логически и въ дѣйствительности мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ двумя послѣдовательными отвлеченіями, изъ которыхъ одно составляетъ лишь непосредственно болѣе высокую степень другого. Въ схематическомъ изображеніи различныхъ естественныхъ свойствъ, количество является лишь первымъ звеномъ въ рядѣ соотношеній между предметами, — рядѣ, который расположенъ въ неизмѣнномъ порядкѣ уменьшающейся общности и возрастающихъ квалификаціи или ограниченія. Въ этомъ рядѣ за количествомъ слѣдуетъ свойство сосуществовать и располагаться въ опредѣленномъ порядкѣ, занимать пространство и время,— представляющее въ отношеніи количества ближайшую низшую ступень обобщенія и абстракціи, то есть являющееся уже квалифицированнымъ или ограниченнымъ извѣстнымъ образомъ. Мы наталкиваемся на физическія грани, на физическую квалификацію вещества. Далѣе слѣдуетъ то же свойство, сохраняющее свое физическое ограниченіе съ при-

соединеніемъ новаго ограниченія или новой квалификаціи, именно—ограниченія или квалификаціи химической. Еще далѣе къ химической квалификаціи—къ химическому *окачествленію*—присоединяется ограниченіе или окачествленіе органическое или жизненное, за которымъ, въ свою очередь, слѣдуетъ ограниченіе, вносимое въ природу общественностью. Само собою разумѣется, все это — лишь наиболѣе рѣзкія грани, квалификаціи кидающіяся въ глаза между безконечнымъ множествомъ наполняющихъ промежуточныя пространства свойствъ или качествъ. Алгебраическая или общая схема этой классификаціи естественныхъ свойствъ должна изображаться слѣдующимъ образомъ:

Неквалифицированное количество.
Количество, квалифицированное черезъ a,
Количество, квалифицированное черезъ a плюсъ b и т. д.

И такъ, въ конечномъ анализѣ, всякое явленіе составляетъ, очевидно, явленіе количественное; потому-то такъ и легко придавать математическую окраску всѣмъ, безъ изъятія, наукамъ. Но каждая отдѣльная наука должна строго держаться изученія одной какой-нибудь спеціальной квалификаціи общаго явленія количества. Количественный или математическій анализъ можно примѣнять въ любой наукѣ лишь съ формальной стороны; но и это методологическое средство, столь сильно упрощающее и облегчающее сложную научную работу, безспорно полезно лишь подъ условіемъ, которому вполнѣ удовлетворяютъ простѣйшія и наиболѣе разработанныя науки, именно—чтобы никогда не терять изъ виду спеціаль-

ной квалификаціи изучаемыхъ явленій, квалификаціи, дѣйствительные законы которой не могутъ быть выведены изъ одного разсмотрѣнія количества уже потому, что спеціальное отношеніе или свойство содержится въ общемъ лишь формальнымъ или чисто логическимъ образомъ. Наконецъ очевидно, что вполнѣ безразлично—допустить-ли нѣсколько свойствъ, различнымъ образомъ квалифицированныхъ, или одно только, квалификація котораго постепенно измѣняется и усложняется. Свойство, иначе квалифицированное и представляющее иную степень общности, есть новое свойство для науки, которая не проникаетъ въ сущность вещей, ни даже въ сущность ихъ проявленій или частныхъ соотношеній.

5. Только что изложенные взгляды могутъ быть вѣрны или ошибочны, построены на прочномъ фундаментѣ науки или выведены произвольно,—этими взглядами, во всякомъ случаѣ, удѣляется максимумъ значенія, совмѣстимаго съ требованіями ограничиваемаго опытомъ разума, той гипотезѣ о коренномъ единствѣ силъ и свойствъ въ природѣ, которая составляетъ настоящую основу и главное оправданіе реальной аналогіи, т.-е. метода разсужденія и философствованія, чрезвычайно распространеннаго въ наше время и получившаго значеніе, съ которымъ нельзя не считаться.

Реальная аналогія можетъ быть опредѣлена въ немногихъ словахъ: методомъ изслѣдованія, который, выводя непосредственно практическія послѣдствія изъ принципа тожества матеріи и ея проявленій, не знаетъ или не хочетъ знать субъективныхъ и объективныхъ ограниченій этого гипотетическаго принципа и ставитъ себя рядомъ, а часто и выше простыхъ

логическихъ методовъ согласованія, различенія, сопутствующихъ измѣненій, выдѣляемыхъ остатковъ и т. п. Методъ этотъ заявляетъ притязаніе въ высокой степени облегчать и упрощать научный трудъ при отысканіи новыхъ отношеній, открытіи новыхъ законовъ и провѣркѣ отношеній и законовъ, прежде установленныхъ: все это—отожествляя уже не только одни явленія, обнаруживающія одинаковыя свойства, какъ дѣлаетъ то въ своей спеціальной области каждая отдѣльная наука, но и отожествляя, тѣмъ же порядкомъ, явленія, представляющія между собою неравныя суммы свойствъ, обнаруживающія нѣкоторыя специфическія свойства и вовсе не проявляющія другихъ,—то-есть отожествляя, напримѣръ, соціальныя явленія съ біологическими, эти послѣднія съ химическими и т. д.

Естественный исходъ и конечный результатъ такого способа сравненія, называемаго реальнымъ, въ противоположность къ обыкновенной или формально-логической аналогіи, заключается въ утвержденіи, что всѣ безъ изъятія явленія природы, отъ песчинки и до такихъ сложныхъ фактовъ, какъ паденіе Римской Имперіи, напримѣръ, или волнующій современную Европу соціальный вопросъ, управляются совершенно тожественными законами. Но такое утвержденіе, очевидно, лишено сколько-нибудь серьознаго значенія, если при этомъ имѣются въ виду лишь наиболѣе общія соотношенія, каковы, напримѣръ, соотношенія количественныя или физическія, и становится глубоко враждебнымъ всякому прогрессу въ отдѣльныхъ наукахъ, коль скоро его распространяютъ на болѣе сложныя и спеціальныя соотношенія, изучаемыя большею частью этихъ наукъ. Само собою раз-

умѣется, впрочемъ, что мы говоримъ здѣсь лишь о болѣе тонкой формѣ реальной аналогіи, формѣ, которая окружаетъ себя, съ одной стороны, всѣмъ арсеналомъ доводовъ высшей метафизики, а съ другой—тщательнымъ подборомъ опытовъ и гипотезъ современной науки. Что же касается той грубой, но довольно распространенной разновидности аналогіи, которая празднуетъ свои побѣды, отожествляя самыя поверхностныя сходства или даже случайныя совпаденія, то на ней, очевидно, намъ нѣтъ нужды останавливаться.

6. Критика, которой мы подвергли философское основаніе реальной аналогіи, какъ мы ее понимаемъ и опредѣлили, чрезвычайно облегчаетъ остающуюся часть нашей задачи,—указаніе на главнѣйшіе внутренніе недостатки этого способа изслѣдованія природы.

Несостоятельность реальной аналогіи, какъ научнаго метода, можетъ быть доказана тремя разрядами доводовъ. Во-первыхъ, реальная аналогія есть методъ, вовсе не отвѣчающій цѣлямъ частныхъ наукъ. Во-вторыхъ, этотъ способъ разсужденія, какъ вообще всякій процессъ сравненія, устанавливаетъ отношенія тожества, имѣющія лишь формальный, чисто-логическій и нерѣдко просто словесный или образный характеръ. Наконецъ, въ-третьихъ, реальная аналогія смѣшиваетъ явленія, или объективныя групы отношеній съ ихъ свойствами или отношеніями, разсматриваемыми порознь и отвлеченно;—другими словами, смѣшиваетъ объективный агрегатъ съ его составными частями. Разберемъ ближе каждый изъ этихъ недостатковъ.

I. Реальная аналогія ставитъ себѣ цѣлью отожествленіе различныхъ «измѣняемостей» единаго бытія. Но

если даже допустить, что подобная цѣль дѣйствительно достижима, — она всецѣло принадлежитъ философіи. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ справедливо, что и частная наука старается доказать или, когда это очевидно невозможно, нерѣдко просто предполагаетъ основную тожественность различныхъ проявленій силы или силъ, ею изучаемыхъ; она обобщаетъ эти проявленія, эти соотношенія между данными объективными агрегатами, и приходитъ такимъ образомъ къ представленію о свойствахъ физическихъ, химическихъ, жизненныхъ и соціальныхъ.

И общая наука или философія, за невозможностью экспериментально доказать основное тожество всѣхъ свойствъ матеріи, можетъ предполагать его: конкретную объективную групу она можетъ превратить въ абстрактную, субъективную единицу. Но нельзя утверждать, что химія, напримѣръ, имѣетъ цѣлью отожествлять химическія явленія и свойства съ физическими съ одной стороны и съ біологическими съ другой. Если даже предположить возможность или необходимость такого отожествленія, оно, во всякомъ случаѣ, будетъ дѣломъ не частной науки. На долю каждой науки выпадаетъ задача, которою она должна довольствоваться, и которая не можетъ простираться далѣе обобщенія спеціальныхъ явленій, ею изучаемыхъ. И потому частная наука должна ограничиваться изслѣдованіемъ однѣхъ внутреннихъ аналогій; она сбивается съ надлежащаго пути, разсматривая аналогіи междунаучныя или внѣшнія. Къ тому же, чтобъ отожествить, напримѣръ, біологическій законъ съ соціологическимъ, то-есть чтобъ сочетать ихъ въ обобщеніи высшаго порядка, которое совмѣщало бы въ себѣ оба закона, недостаточно, какъ полагаетъ

большинство приверженцевъ аналогическаго метода, имѣть точныя познанія объ одной только изъ сочетаемыхъ величинъ, хотя-бы и было доказано, что это единственно извѣстное данное содержитъ въ себѣ количественно и вторую, неизвѣстную величину; такъ, уравненіе: $5+x=y$ есть уравненіе совершенно неопредѣленное, допускающее безконечное множество рѣшеній, хотя-бы мы и знали напередъ, что x меньше 5.

II. Подобно большинству философскихъ заблужденій, и реальная аналогія имѣетъ своимъ источникомъ умственную иллюзію особаго рода. Въ основѣ ея лежитъ склонность нашего ума принимать слова за самые предметы, субъективныя и идеальныя формы за реальныя, объективныя явленія. Такъ, рѣшивъ и доказавъ, что x содержитъ въ себѣ y, а z содержитъ v, или что $x+y=a$, а $z+v=b$, мы въ каждомъ изъ этихъ случаевъ установили тожественныя формулы соотношенія между данными, которыя сами могутъ быть совершенно различны. Въ математикѣ было-бы грубою ошибкою отъ тожества двухъ формулъ или двухъ математическихъ дѣйствій умозаключать о тожествѣ данныхъ, связываемыхъ этими формулами; между тѣмъ эта же ошибка въ философіи весьма часто проходитъ незамѣченною. Сплошь и рядомъ приверженцы аналогіи полагаютъ, что они доказали тожество законовъ, управляющихъ различными явленіями, когда имъ только удалось доказать тожество формулъ, служащихъ для выраженія этихъ законовъ.

Но тожество формъ мысли—одно дѣло, а тожество явленій и соотношеній между ними, сложныхъ и частныхъ, простыхъ и общихъ—другое. Слова и отвле-

ченные термины не воспроизводятъ вещей даже такъ, какъ гладкая поверхность зеркала воспроизводитъ обликъ или внѣшнія очертанія окружающихъ предметовъ. Логика знаковъ и связанные съ ней мыслительные процессы имѣютъ, съ начала до конца, характеръ чисто символическій. Одно тожество знаковъ или символовъ, употребляемыхъ умомъ, далеко не служитъ доказательствомъ тожества вещей или реальныхъ отношеній, существующихъ между предметами. А между тѣмъ нерѣдко цѣлыя теоріи являются построенными на неточномъ значеніи словъ и терминовъ. Такъ, напримѣръ, еще недавно въ одномъ серьозномъ трактатѣ можно было встрѣтить защиту любимаго тезиса аналогистовъ — что тожественные законы управляютъ всѣми явленіями, отъ простѣйшаго до самаго сложнаго — защиту, основанную на простой словесной аналогіи, которую стоитъ привести здѣсь, какъ образчикъ этого способа разсужденія. Авторъ пространно объясняетъ, что всюду во вселенной и подъ всѣми формами, проявляемыми матеріей, мы находимъ спеціальный объектъ изученія соціальной науки,—общество, и выводитъ отсюда, что соціальныя свойства не могутъ быть предметомъ изслѣдованія одной какой-либо науки. Чтобы доказать такое положеніе, авторъ послѣдовательно перебираетъ всѣ науки: онъ указываетъ на ассоціацію ощущеній, идей, желаній и т. д., какъ на истинную основу психологіи; переходя къ біологіи, онъ утверждаетъ, вмѣстѣ съ Вирховомъ, что внутреннее строеніе біологической особи представляетъ всѣ черты, свойственныя соціальному устройству, и есть не иное что, какъ организація или ассоціація, въ нѣдрахъ которой безконечное множество единичныхъ существованій тѣсно

зависятъ другъ отъ друга, хотя въ то же время сохраняютъ каждое свою спеціальную дѣятельность и выполняютъ каждое свое особое отправленіе. Въ химіи авторъ также отыскиваетъ общество, со всѣми его характеристическими признаками — именно въ ассоціаціи химическихъ атомовъ, обособленныхъ другъ отъ друга специфическими свойствами (химическимъ вѣсомъ и т. п.). Въ физикѣ или молекулярной механикѣ онъ усматриваетъ общество физическихъ атомовъ или центровъ силы и энергіи. Наконецъ, въ астрономіи онъ видитъ идеалъ строго уравновѣшеннаго общества небесныхъ тѣлъ. По несчастію для него, однако, авторъ, нагромоздивъ другъ на друга массу любопытныхъ сравненій и поразительныхъ аналогій, совершенно позабылъ, повидимому, объ одномъ отношеніи тожества, наиболѣе простомъ и очевидномъ: —именно, что одни и тѣ же психологическіе законы управляютъ дѣйствіями нашего ума, какъ тогда, когда эти дѣйствія обращаются на простѣйшія явленія, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они направлены на явленія наиболѣе сложныя.

Обозначеніе реальныхъ предметовъ или отношеній и зависимостей посредствомъ отвлеченныхъ терминовъ или знаковъ и символовъ мысли имѣетъ, по справедливому замѣчанію Рибо, подобно математическимъ числамъ, свои степени: такъ, «красный» есть абстрактъ, «цвѣтъ»—абстрактъ болѣе высокаго порядка, а «атрибутъ» или «свойство» — абстракты еще болѣе высокой степени. [1]) Не всегда, однако, такъ легко прослѣдить это возрастаніе отвлеченности, какъ въ только-что приведенныхъ примѣрахъ, и эта труд-

[1]) La Psychologie anglaise contemporaine.

ность нерѣдко служитъ источникомъ большой путаницы въ понятіяхъ. Но въ такое именно смѣшеніе и впалъ ученый, не признававшій за соціальными свойствами никакихъ специфическихъ особенностей на томъ только основаніи, что, какъ ему казалось, онъ находилъ тѣ же свойства во всѣхъ явленіяхъ природы. Дѣйствительно, подвергнувъ даже самому поверхностному анализу понятіе «отношеніе», составляющее отвлеченіе высшаго разряда, мы безъ труда убѣдимся, что этотъ столь общій символъ мысли совмѣщаетъ въ себѣ, «сообозначаетъ» два другихъ отвлеченныхъ понятія: идею зависимости и соотвѣтствующую идею независимости; — не абсолютной зависимости, которая была бы равнозначна тожеству, и не абсолютной независимости, которая была бы отрицаніемъ всякаго отношенія, а идею относительной зависимости и такой же независимости. Но въ то же время ясно, что и наиболѣе обобщенное и отвлеченное понятіе, какое человѣческій умъ только можетъ составить себѣ объ обществѣ, равнымъ образомъ разложимо на тѣ же два абстрактные элемента: — относительныя понятія зависимости и независимости. Такимъ образомъ, повидимому, устанавливается субъективное или идеальное тожество между двумя абстрактными символами — «отношеніемъ» и «обществомъ»; а такъ какъ всякая наука изучаетъ лишь отношенія, то отсюда близко и заключеніе, что всѣ науки имѣютъ своимъ предметомъ явленія ассоціаціи или общества (правильное выраженіе, въ которомъ однако исчезъ бы послѣдній слѣдъ реальной аналогіи и осталась бы только аналогія словесныхъ образовъ, было бы: ассоціаціи или союзы явленій). Но если, основываясь на непосредственномъ свидѣтельствѣ опыта, придать тому

же абстракту «общество» болѣе точное и опредѣленное значеніе, если низвести его хоть на одну степень отвлеченности, то легко видѣть, что онъ служитъ спеціальному обозначенію объективнаго ряда явленій, несравненно менѣе длиннаго, чѣмъ рядъ, обнимаемый отвлеченнымъ понятіемъ отношенія или соотношенія.

Указанная сейчасъ ошибка принимаетъ у многихъ приверженцевъ реальной аналогіи гораздо болѣе трудно раскрываемый софистическій характеръ; и именно въ этомъ видѣ она весьма часто служитъ имъ побѣдоноснымъ аргументомъ въ ихъ спорѣ противъ ученія, утверждающаго научную независимость соціологіи. Быть можетъ, поэтому, не лишнимъ будетъ посвятить этому предмету еще нѣсколько строкъ, приведя на этотъ разъ мнѣніе одного изъ наиболѣе убѣжденныхъ аналогистовъ, нѣмецкаго ученаго Шеффле.

Въ недавно оконченномъ сочиненіи, озаглавленномъ «Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла» Шеффле однимъ изъ краеугольныхъ камней своихъ теорій объ обществѣ выставляетъ мнѣніе, что соціальныя явленія суть наиболѣе универсальныя между всѣми явленіями природы, при чемъ универсальность принимается имъ въ обыкновенномъ своемъ значеніи, близкомъ къ смыслу общности. На взглядъ Шеффле, значитъ, явленіе можетъ быть въ одно и то же время и сложнымъ и общимъ, а слѣдовательно—и простымъ и частнымъ; сложность идетъ у него рука объ руку съ общностью, а простота, наоборотъ, съ частностью: терминологія, по меньшей мѣрѣ, оригинальная и совершенно противорѣчащая общепринятой. Между тѣмъ, вникая въ точный смыслъ терминовъ, употребляемыхъ нѣмецкимъ ученымъ, нельзя не видѣть,

что дѣйствительное ихъ значеніе не идетъ далѣе слѣдующихъ двухъ понятій, которыя, взятыя сами по себѣ, совершенно вѣрны. для того, чтобы соціальное явленіе могло обнаружиться, необходимо, чтобы къ явленіямъ чисто физическаго характера присоединился послѣдовательный рядъ явленій химическихъ, біологическихъ и психологическихъ; между тѣмъ, для возникновенія или обнаруженія всякаго другого порядка явленій, достаточно сосуществованія или одновременной самодѣятельности болѣе короткаго ряда естественныхъ фактовъ. Соціальный фактъ составляетъ, такимъ образомъ, родъ микрокосма, въ которомъ сходятся всѣ законы вселенной и сочетаются всѣ явленія природы; это — собраніе образчиковъ всѣхъ феноменальныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ безъ изъятія. И трактатъ о соціологіи является въ этомъ смыслѣ общею энциклопедіею человѣческаго знанія; соціологія превращается въ космологію.

На этомъ взглядѣ основано опредѣленіе предмета соціологіи—соціальной жизни, о которомъ здѣсь необходимо упомянуть. Соціальная жизнь, по мнѣнію Шеффле, автора этого опредѣленія, есть не иное что́, какъ наименѣе грубо-вещественная и наиболѣе всеобщая интеграція и дифференціація всѣхъ дѣйствующихъ на землѣ силъ, неорганическихъ и органическихъ, физическихъ и химическихъ; она представляетъ ихъ наиболѣе совершенное оживотвореніе, ихъ наиболѣе полную и сознательную индивидуализацію. Ничего подобнаго нѣтъ въ области остальной органической природы и, подавно, въ области природы неорганической. Лишь чрезъ соціальный міръ и въ немъ доходимъ мы до живого цѣлаго, заключающаго въ нѣдрахъ своихъ, въ видѣ междуклѣточнаго вещества,

всѣ роды матеріи, какіе только существуютъ на земномъ шарѣ, а въ качествѣ членовъ живой ассоціаціи, населяющей землю,—всѣ виды индивидуальнаго бытія безъ исключенія. При помощи формъ движенія и матеріи, еще невѣдомыхъ органическому міру въ тѣсномъ смыслѣ, какъ-то: слова, символовъ письма и т. п., скоропреходящая и безпрестанно распадающаяся единица органической жизни превращается въ живую совокупность новаго рода, обнимающую весь земной шаръ и являющуюся, съ исторической точки зрѣнія, столь-же непреходящей, какъ и этотъ послѣдній. Такимъ образомъ получается третья большая сфера, охватывающая и содержащая въ себѣ двѣ первыя: ядро неорганическаго міра и промежуточную сферу міра органическаго. Эта третья сфера можетъ быть опредѣлена какъ сфера универсальная, обнимающая и міръ *лицъ* (такъ какъ недѣлимое, составляющее предметъ наукъ органическихъ, становится въ ней лицомъ или предметомъ науки права) и міръ *имуществъ* (такъ какъ матерія, составляющая предметъ наукъ неорганическихъ, становится въ ней богатствомъ, или предметомъ науки экономической). [1])

Этому представленію о соціальномъ мірѣ полезно противопоставить обычныя представленія о немъ, которыя всѣ, отъ прекрасныхъ словъ Паскаля о человѣчествѣ до болѣе точныхъ понятій основателя позитивной философіи, принимаютъ въ разсчетъ, при опредѣленіи общества, лишь главный элементъ, поглощающій собою всѣ другіе,—т.-е. человѣка, или, вѣрнѣе, совокупность человѣческихъ существъ, именуемую человѣчествомъ. Нѣмецкій ученый непремѣн-

[1]) Bau und Leben des Socialen Korpers. B. I.

но хочетъ обнять въ своей формулѣ одновременно съ человѣчествомъ и все то, что̀ стоитъ позади человѣчества и безъ чего послѣднее было-бы, очевидно, невозможно. Но именно это-то соображеніе и дѣлаетъ представленія Паскаля и Конта, не говоря уже объ ихъ бо́льшей ясности, простотѣ и научной точности, столь же полными, какъ и представленіе, потребовавшее приведеннаго выше безконечнаго опредѣленія.

Всякое соціальное явленіе несомнѣнно совмѣщаетъ въ себѣ и явленія притяженія, химическаго сродства, жизни и т. д. Въ этомъ смыслѣ мы называемъ его сложнымъ, а Шеффле универсальнымъ; но до сихъ поръ и онъ и мы одинаково правы, такъ какъ подъ двумя различными абстрактными терминами мы разумѣемъ совершенно одно и то-же; мы обозначаемъ одну и ту-же объективную дѣйствительность двумя субъективными символами, которымъ можно-бы было придать различное значеніе, но которые для насъ равнозначущи. Въ противность мнѣнію Шеффле однако, мы, кромѣ того, утверждаемъ, что все, что̀ въ соціальномъ явленіи принадлежитъ къ сферѣ явленій притяженія, химическаго сродства, растительной или животной жизни, не представляетъ, вообще говоря, никакихъ другихъ затрудненій, кромѣ уже разрѣшенныхъ или могущихъ быть разрѣшенными различными науками, занимающимися этими условіями sine qua non всякаго бытія въ сферѣ соціальнаго міра. Останавливаться въ соціальной наукѣ на соображеніяхъ, касающихся этихъ условій, значило-бы, по меньшей мѣрѣ, разсматривать сызнова то, что̀ уже было изслѣдовано въ другихъ областяхъ знанія. Свойство универсальности, какъ и свойство сложности,

принадлежитъ совокупности соціальнаго явленія, совокупности, въ которую входятъ какъ извѣстныя намъ, такъ и неизвѣстныя его части, какъ факты, изучаемые во всѣхъ остальныхъ наукахъ, такъ и факты, составляющіе спеціальный предметъ науки объ обществѣ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то они, очевидно, представляютъ нѣчто, какъ разъ обратное универсальности въ смыслѣ общности.

Допустимъ еще, что соціальное явленіе составляетъ, въ сущности, какъ каждое другое явленіе природы, только «движеніе матеріи». Шеффле признаетъ, что это движеніе многоформенно, разнообразно, сложно, универсально. Но среди этой многообразности формъ движенія не трудно отличить другъ отъ друга: 1) движеніе, называемое притяженіемъ или тяготѣніемъ; 2) движеніе, проявляющееся въ свойствахъ чисто физическихъ; 3) движеніе, обнаруживающееся въ химическихъ сочетаніяхъ; 4) движеніе, принимающее форму жизненныхъ и психологическихъ явленій; и наконецъ 5) еще неизслѣдованный и спеціальный видъ движенія, который въ соединеніи со всѣми прочими и порождаетъ многообразное, сложное и универсальное движеніе обществъ. Но если, какъ мы полагаемъ, это предварительное расчлененіе можетъ быть произведено во всѣхъ разрядахъ соціальныхъ фактовъ, то соціальный анализъ долженъ, очевидно, имѣть цѣлью изолировать только тотъ остатокъ или ту специфически соціальную форму движенія, которая одна и составляетъ настоящій предметъ соціальной науки [1]).

[1]) Въ мнѣніи объ универсальности соціальныхъ явленій трудно не видѣть какъ бы отголоска знаменитой мысли Конта о необходимомъ и всеобщемъ преобладаніи соціальной точки зрѣнія.

III. Приведенный сейчасъ примѣръ уже содержитъ въ себѣ указаніе на склонность приверженцевъ реальной аналогіи смѣшивать самое явленіе, т.-е. объективную совокупность отношеній, производящихъ одновременно извѣстнаго рода впечатлѣніе на наши чувства, съ основнымъ свойствомъ или общимъ отношеніемъ, являющимся конечнымъ результатомъ длиннаго ряда анализовъ, произведенныхъ надъ значительнымъ числомъ однородныхъ явленій. Но такое смѣшеніе не можетъ быть оправдано даже ссылкою на общеупотребительный языкъ, на которомъ явленіемъ называется безразлично всякое воздѣйствіе на насъ внѣшняго міра, все то, что подлежитъ нашему чувственному воспріятію, вызывая въ насъ или чисто физическія или также и нравственныя ощущенія. Въ этомъ общемъ значеніи частное отношеніе или частный атрибутъ, чувственные корни или первообразы которыхъ продолжаютъ живо сознаваться нами, могутъ быть еще названы явленіями; но общее отношеніе никогда и никакимъ образомъ не можетъ подлежать непосредственному воспріятію нашими чувствами и, слѣдовательно, существовать какъ настоящее явленіе.

Множественность и различіе суть атрибуты, свойственные реальному или объективному міру. Тожество же есть обобщеніе или отвлеченіе высшаго порядка, которое неизбѣжно возникаетъ въ нашемъ умѣ потому, что рядомъ съ реально ощущаемыми

Контъ часто упоминаетъ, выражаясь его собственными словами, объ *энциклопедическомъ* значеніи, принадлежащемъ соціологіи по причинѣ самаго мѣста ея въ іерархіи наукъ, мѣста, въ силу котораго она резюмируетъ въ себѣ всю совокупность предшествующихъ условій и отношеній. Курсъ Полож. Фил.. т. VI.

различіями, анализъ, т.-е. искусственное расчлененіе того или другого явленія, констатируетъ сходства и производитъ сближенія, которыя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ стать объектомъ конкретныхъ ощущеній, но которыя за то всегда могутъ быть раціонально или абстрактно поняты. Сближенія, производимыя умомъ между реальными или уже отвлеченными частями или элементами одного и того же явленія, совокупность котораго продолжаетъ постоянно дѣйствовать извѣстнымъ образомъ на наши чувства, приводятъ къ тому, что́ мы называемъ доказательнымъ знаніемъ тожества элементовъ, входящихъ въ составъ даннаго явленія, или же только къ предположенію, къ гипотезѣ такого тожества. Послѣдній случай и есть аналогія; между тѣмъ только въ первомъ мы имѣемъ право образовывать субъективныя категоріи или мыслить объ извѣстныхъ явленіяхъ, какъ принадлежащихъ къ одному и тому же научному разряду.

Въ каждой наукѣ, признаваемой относительно высшею, мы имѣемъ дѣло съ явленіями, которыя мы называемъ относительно болѣе сложными, потому что они воспринимаются чувствомъ какъ реально нераздѣлимые агрегаты или групы явленій. Но чисто химическое явленіе, или чисто жизненное объективно вовсе не существуютъ, и суть лишь абстрактные знаки, которыми мы обозначаемъ конечное различіе между впечатлѣніями, производимыми на насъ извѣстными групами явленій, и впечатлѣніями, которыя производятъ извѣстныя другія групы явленій. Понятіе осложненія примѣнимо лишь къ самой групѣ, а отнюдь не къ абстрактному знаку, служащему для обособленія этой групы отъ всѣхъ другихъ. И само

это понятіе сводится на простое количественное представленіе—что извѣстныя групы явленій постоянно и неизмѣнно бываютъ больше, производятъ болѣе разнообразныя впечатлѣнія, а другія бываютъ столь же постоянно и неизмѣнно меньше, или производятъ впечатлѣнія все менѣе и менѣе разнообразныя.

Что же касается абстрактнаго знака, выражающаго конечное различіе между испытываемыми впечатлѣніями, т.-е. что касается идеальнаго химическаго, жизненнаго и т. п. явленія, или, употребляя другую терминологію, что касается химическихъ, жизненныхъ, соціальныхъ и др. свойствъ, то очевидно, что всѣ эти понятія представляютъ одинаковую простоту и составляютъ отвлеченія одной и той же степени. Эти понятія образуются умомъ для обозначенія тѣхъ границъ или предѣловъ нашего познанія природы, далѣе которыхъ мы не можемъ проникнуть съ помощью однихъ строгихъ пріемовъ наблюденія и опыта; когда мы говоримъ, что жизненныя явленія болѣе сложны, чѣмъ явленія химическія, это значитъ только, что первыя образуютъ болѣе обширныя и болѣе разнообразныя групы различно воспринимаемыхъ нашими чувствами свойствъ или соотношеній, чѣмъ соотвѣтствующія групы, образуемыя вторыми; но самая тайна жизни столь же проста, или столь же сложна, какъ и тайна химическаго сродства.

Реальная аналогія нерѣдко празднуетъ воображаемыя побѣды лишь благодаря тому, что не дѣлаетъ достаточнаго различія между двумя вещами: отвлеченіемъ, представляющимъ сумму впечатлѣній, которыя производитъ на насъ какой-нибудь фактъ природы, и отвлеченіемъ, служащимъ знакомъ для обо-

значенія различныхъ крайнихъ границъ опыта. Такое смѣшеніе равняется отрицанію, отчасти или вполнѣ, этихъ границъ или, по крайней мѣрѣ, принятію ихъ за то, чѣмъ онѣ не могутъ быть въ дѣйствительности, за реальныя явленія, которыя можно анализировать, сравнивать, отожествлять. Легкія побѣды, одерживаемыя этимъ путемъ, не могутъ быть прочными: границы опыта не такъ легко перемѣщаются, и никогда не могутъ исчезнуть. И сколько-бы мы ни старались уменьшить ихъ число, отожествляя ихъ однѣ съ другими, онѣ, подобно сказочной гидрѣ, у которой каждый разъ, какъ ей отрубали голову, выростала новая, всегда снова выступаютъ при серьезномъ изслѣдованіи явленій, исчезая вполнѣ лишь тогда, когда изслѣдователь сознательно погружается въ глубокія и таинственныя волны метэмпирическаго знанія.

7. Тѣмъ не менѣе, высшія или занимающіяся изслѣдованіемъ болѣе сложныхъ явленій науки должны опираться на низшія или изучающія явленія сравнительно менѣе сложныя; и зависимость высшей науки отъ низшей всегда тѣмъ сильнѣе, чѣмъ незначительнѣе разница между степенями сложности изучаемыхъ тою и другою явленій. Иначе сказать, высшая наука всегда опирается на ту низшую, которая, въ классификаціи нашихъ знаній, основанной на принципѣ убывающей общности и возрастающей сложности явленій, непосредственно ей предшествуетъ, резюмируя въ себѣ по отношенію къ ней всѣ остальныя отрасли знанія природы. Вслѣдствіе этого, всякая раціональная соціологія, какъ учитъ позитивная философія, должна быть основана непосредственно на біологіи.

Соціальное явленіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только явленіемъ жизненнымъ, къ свойствамъ котораго еще присоединяются извѣстныя новыя свойства. Но такъ какъ объективная група, образуемая этою совокупностью свойствъ, нерасчленима въ дѣйствительности, то искусственный пріемъ, которымъ новыя свойства изолируются отъ всѣхъ прочихъ для отдѣльнаго изученія ихъ—пріемъ, безъ котораго наука остается безсвязною массою непонятныхъ фактовъ—можетъ быть плодотворенъ и полезенъ только при условіи не упускать изъ виду уже изслѣдованныхъ свойствъ и не смѣшивать ихъ съ еще неизслѣдованными; но для этого, очевидно, необходимо обладать полнымъ знаніемъ первыхъ. Чѣмъ лучше мы ихъ знаемъ, тѣмъ болѣе можемъ мы надѣяться достигнуть точнаго знанія новыхъ свойствъ; другими словами, можно безъ парадокса сказать, что чѣмъ мы лучшіе энциклопедисты, тѣмъ болѣе мы имѣемъ вѣроятій сдѣлаться и хорошими спеціалистами.

По тѣмъ-же причинамъ и правильная эволюція или развитіе наукъ совершается не въ безразличномъ порядкѣ. Развитіе наукъ можетъ представлять много случаевъ взаимной зависимости, но, по отношенію къ законченнымъ періодамъ или крупнымъ фазисамъ, оно не можетъ быть ни одновременнымъ въ разныхъ отрасляхъ, ни перемежающимся.

Въ общемъ итогѣ, одна наука основывается на другой прежде всего и главнымъ образомъ, чтобы имѣть возможность, не впадая въ безпрестанныя смѣшенія, различать между собою свойства матеріи, а вовсе не для того, чтобы находить тѣ или другія аналогіи между ними и такимъ образомъ достигать общаго синтеза, въ которомъ вы-

ражалось бы полное тожество всѣхъ свойствъ матеріи. Такой синтезъ, если не такое тожество, мы уже имѣемъ въ самой природѣ; но задача искусства, которое въ настоящемъ случаѣ представлено наукою, состоитъ именно въ уменьшеніи и сокращеніи, путемъ анализа, объективно существующихъ въ явленіяхъ смѣшенія и сліянія.

И такъ, трансцендентальная или реальная аналогія находитъ себѣ осужденіе и въ самомъ принципѣ зависимости высшей науки отъ науки непосредственно ей предшествующей, т.-е. въ томъ началѣ, на которое ученіе это имѣетъ въ особенности притязаніе опираться. Но рядомъ съ трансцендентальной аналогіей существуетъ и такая, которую было бы крайне несправедливо и вредно смѣшивать съ первою. Я разумѣю аналогію, не переступающую или не трансцендирующую за предѣльныя понятія, которыя мы называемъ конечными или несводимыми свойствами матеріи и которыя составляютъ лишь послѣднія грани опыта, основаннаго на чувственномъ воспріятіи. Эта аналогія не гоняется за призракомъ основного тожества явленій, и не упускаетъ изъ-за него реальной добычи: точнаго знанія отношеній различія и отношеній сходства.

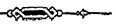
Основныя различія между явленіями разныхъ порядковъ проявляются въ ихъ специфическихъ и несводимыхъ свойствахъ; напротивъ того, отношенія сходства между такими явленіями, отношенія, связывающія ихъ, какъ сомкнутыя звенья огромной естественной цѣпи причинъ и слѣдствій, проявляются главнымъ образомъ въ совокупности явленія, разсматриваемаго какъ група или агрегатъ свойствъ, въ разнообразныхъ формахъ, представляемыхъ разными

агрегатами, и наконецъ въ ходѣ развитія или эволюціи этихъ формъ и агрегатовъ. Здѣсь мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ многочисленныя и поразительныя аналогіи; было бы странно и противно здравымъ научнымъ пріемамъ—закрывать глаза на нихъ или отвергать ихъ безъ всякой повѣрки.

Надлежащимъ образомъ провѣренная аналогія можетъ способствовать установленію отношеній сходства или тожества, и такимъ образомъ можетъ облегчить составленіе раціональныхъ классификацій явленій; она, далѣе, можетъ навести на открытіе частныхъ эмпирическихъ законовъ; наконецъ — и это одна изъ самыхъ важныхъ ея услугъ — она можетъ помочь намъ связать частные или эмпирическіе законы явленій съ ихъ общими или теоретическими законами. Установленіе такой связи составляетъ высшую цѣль аналогіи; но при этомъ не трудно понять, что дѣйствительно достигая такого результата, аналогія отчасти уже измѣняетъ свою сущность, перестаетъ быть простымъ процессомъ сравненія, и становится чисто дедуктивной операціей ума. Никогда аналогія одна и сама по себѣ не будетъ въ силахъ выполнить задачу—вывода эмпирическихъ законовъ одного научнаго разряда явленій изъ аналогичныхъ законовъ другого разряда; она, напримѣръ, не принесетъ никакой пользы при выводѣ соціальныхъ законовъ изъ болѣе общихъ законовъ біологіи, химіи и т. п. Но научно провѣренная аналогія, содѣйствуя отысканію спая, если можно такъ выразиться, соединяющаго вполнѣ однородныя явленія, можетъ, конечно, значительно облегчить выводъ болѣе частныхъ законовъ соціологіи изъ ея болѣе общихъ законовъ. Въ этихъ границахъ польза

и научное значеніе аналогіи не подлежатъ сомнѣнію [1]).

Въ нашей попыткѣ доказать обманчивость свѣта, который трансцендентальная аналогія проливаетъ на до сихъ поръ еще столь темный вопросъ о взаимной зависимости различныхъ областей знанія, мы руководились желаніемъ устранить съ нашего пути главнѣйшее препятствіе, которое, на нашъ взглядъ, мѣшаетъ болѣе точному анализу отношеній, существующихъ между соціологіей и смежными съ ней науками—біологіей и психологіей. Расчистивъ дорогу, мы продолжаемъ нашъ путь, и въ двухъ слѣдующихъ главахъ разсмотримъ сущность и главнѣйшія особенности этого двойнаго соотношенія.



[1]) Относительно роли аналогіи въ области общественныхъ наукъ мы можемъ здѣсь только повторить сказанное нами по тому же поводу въ нашей статьѣ—„Наука и Метафизика“ (Знаніе 1875 г.): „Одна аналогія въ наукѣ ничего не доказываетъ, хотя строгія научныя доказательства могутъ иногда, незамѣтно для всѣхъ, быть скрыты подъ внѣшними формами простой аналогіи Послѣдняя составляетъ лишь превосходное средство нагляднаго представленія предмета сложнаго и мало изслѣдованнаго, или освѣщенія его темныхъ частей свѣтомъ, отражаемымъ уже надлежащимъ образомъ освѣщенною поверхностью другихъ, болѣе простыхъ и лучше изслѣдованныхъ предметовъ; и вотъ, между прочимъ, причина, почему этотъ способъ объясненія такъ употребителенъ въ наукахъ болѣе сложныхъ явленій въ біологіи и въ соціальной наукѣ. Можно сказать вообще, что аналогія замѣняетъ графическій методъ тамъ, гдѣ явленія не могутъ быть удобно представлены геометрическими линіями“.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

БІОЛОГІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

1. Неорганическія науки, изучая наиболѣе общія свойства матеріи, соотношенія количества, движеніе во всѣхъ его формахъ и химическія свойства тѣлъ, стремятся къ положительному познаванію *общей среды*, въ которой совершается и подъ постояннымъ вліяніемъ которой находится эволюція органическаго ряда, имѣющаго своимъ послѣднимъ и высшимъ звеномъ человѣчество,—постоянный предметъ насъ озабочивающихъ помысловъ, конечную цѣль, сосредоточивающую на себѣ всѣ наши усилія въ сферѣ науки, эстетики и практической дѣятельности. Науки органическія, въ свою очередь, стремятся къ положительному познаванію самого *органическаго ряда* и его эволюціи. Изученіе физико-химической среды, которая состоитъ изъ явленій, не зависящихъ отъ нашего воздѣйствія, если не считать нѣкоторыхъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, видоизмѣненій, изъ явленій, такъ-сказать, основныхъ, общихъ всему существующему и, кромѣ того, подлежащихъ наблюденію во множествѣ

случаевъ, гдѣ они изолированы отъ всякихъ осложненій жизненныхъ или соціальныхъ,—изученіе это по необходимости предшествуетъ познанію законовъ, управляющихъ эволюціей какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ организмовъ, самопроизвольно развивающихся въ неорганической средѣ; оно служитъ подготовленіемъ къ такому познанію и одно дѣлаетъ его возможнымъ. Неорганическія науки, такимъ образомъ, образуютъ естественное и прочное основаніе, надъ которымъ возвышается зданіе наукъ органическихъ.

То же отношеніе зависимости, та же тѣсная и неразрывная связь существуетъ и между двумя главнѣйшими отраслями изученія органическаго міра. Индивидуальный и коллективный организмы—лишь названія для двухъ главныхъ формъ, въ которыхъ, по необходимости, отражается въ нашемъ сознаніи безконечное разнообразіе объективной цѣпи живыхъ существъ. Но изъ этихъ двухъ формъ вторая, т.-е. коллективная, есть не что иное, какъ матеріальное и, въ то же время, логическое осложненіе индивидуальной формы: матеріальное, потому что коллективный организмъ матеріально состоитъ изъ извѣстнаго числа организмовъ индивидуальныхъ; логическое, потому что понятіе о коллективномъ организмѣ вытекаетъ изъ понятія объ организмѣ индивидуальномъ, и имѣетъ назначеніемъ представить въ общемъ и отвлеченномъ видѣ простое различіе въ степени сложности соотвѣтствующихъ реальныхъ явленій.

Геніальный авторъ «Курса положительной философіи», среди глубокаго мрака, облекавшаго въ его время эти вопросы, ясно усмотрѣлъ необходимое сцѣпленіе нашихъ знаній и обусловливаемую этимъ

двойную зависимость — наукъ органическихъ отъ наукъ неорганическихъ, и наукъ соціальныхъ, изучающихъ *соціальный способъ* органическаго бытія, отъ біологическихъ, изучающихъ *индивидуальный способъ* этого бытія. По мнѣнію Конта, конечное единство человѣческаго знанія вполнѣ примиряется съ разсудочнымъ разложеніемъ его на двѣ главныя группы наукъ, изъ которыхъ одна относится къ существованію неорганическому или общему, разсматриваемому съ трехъ существеннѣйшихъ сторонъ: во-первыхъ, количественной, затѣмъ физической и, наконецъ, химической,—а другая относится къ существованію органическому или спеціальному, разсматриваемому съ двухъ, ему свойственныхъ сторонъ: индивидуальной и соціальной. Сопоставляя эти двѣ группы наукъ, мы видимъ, что первая составляетъ необходимое введеніе ко второй; а разсматривая одну послѣднюю группу, мы видимъ, что изученіе индивидуальнаго способа органическаго существованія служитъ въ ней необходимымъ подготовленіемъ или истиннымъ базисомъ для изученія соціальнаго способа того же существованія [1]).

Полагаю, впрочемъ, что здѣсь не лишнее будетъ напомнить, какъ Контъ, въ первой половинѣ этого столѣтія, отживающаго уже свои послѣднія десятилѣтія, понималъ двойное осложненіе явленій физико-химическихъ, объясняющее, во-первыхъ, возникновеніе явленій чисто-біологическихъ, а затѣмъ и возникновеніе явленій соціальныхъ, а также, какъ Контъ понималъ тѣсную связь, существующую между послѣдними двумя основными способами органиче-

[1]) Cours de Philosophie positive. T. VI, стр. 789 перв. изд.

скаго существованія. По словамъ Конта, «переходя отъ изученія неорганическихъ наукъ къ изученію наукъ органическихъ, мы живо и съ самою полною очевидностью сознаемъ, что матеріальное существованіе получило громадное приращеніе, гораздо болѣе значительное, чѣмъ пріобрѣтенное имъ при проходѣ черезъ двѣ предшествующія ступени послѣдовательнаго расширенія», т.-е. при повышеніи отъ простыхъ количественныхъ условій къ физическому состоянію и затѣмъ—къ новому осложненію состоянія химическаго. Это приращеніе матеріальнаго существованія есть жизнь,—новая дѣятельность, обнаруживаема я непрерывными движеніями молекулярнаго поглощенія, выдѣленія и размноженія. Одновременно съ этимъ объективнымъ приращеніемъ, наука обогащается основнымъ понятіемъ объ организмѣ, которое до того не различалось отъ понятія о средѣ, и только теперь, обособляясь, пріобрѣтаетъ свойственное ему значеніе въ «разсмотрѣніи длиннаго ряда постепенно усложняющихся органическихъ системъ, существованіе которыхъ видоизмѣняетъ все болѣе и болѣе всемірное существованіе и, въ то же время, само становится все болѣе и болѣе способно видоизмѣняться сообразно съ общею совокупностью внѣшнихъ условій». Отсюда видно, что понятіе объ организмѣ въ свою очередь дополняется понятіемъ объ органическомъ рядѣ или лѣстницѣ существъ. И по этому поводу Контъ дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: «Хотя систематическія понятія о порядкѣ и гармоніи и должны были первоначально возникнуть изъ изученія болѣе простыхъ явленій неорганическаго міра, но понятія о классификаціи и іерархіи, составляющія, безспорно, высшее проявленіе пер-

выхъ, могли, конечно, образоваться лишь въ біологіи, откуда они должны въ концѣ-концовъ распространиться и на соціологію, изъ сферы которой былъ первоначально заимствованъ ихъ основной типъ. Не смотря на громадные пробѣлы современной біологіи, гдѣ въ настоящее время нашей оцѣнкѣ доступна лишь постановка существеннѣйшихъ вопросовъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ еще считаться дѣйствительно разрѣшеннымъ, мы были вправѣ взглянуть на эту великую науку, какъ на получившую, изъ рукъ своихъ наиболѣе выдающихся представителей, истинный характеръ, ей свойственный; что въ наукѣ, гдѣ преобладающее значеніе имѣютъ общія точки зрѣнія, вполнѣ совмѣстимо съ крайнимъ несовершенствомъ частностей». Наконецъ, по мнѣнію Конта, изъ сказаннаго выше явствуетъ еще, что «основное понятіе о самопроизвольномъ, постепенномъ и ступенеобразномъ развитіи жизни, совершающемся въ общихъ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ неизбѣжному и непрерывному выполненію основныхъ законовъ всемірнаго бытія, отнынѣ уже безповоротно установлено въ наукѣ о жизни, согласно съ великимъ іерархическимъ представленіемъ (объ органическомъ рядѣ), господствующимъ надъ всей совокупностью біологическихъ идей».

Переходя къ соціологіи, Контъ объясняетъ, что необходимость этой науки, «единственной, которая можетъ дѣйствительно замыкать собою рядъ наукъ и по отношенію къ которой сама біологія является лишь послѣднимъ необходимымъ введеніемъ», обусловливается «чрезвычайнымъ основнымъ приращеніемъ, которое испытываетъ реальное бытіе, возвышаясь отъ индивидуальнаго организма къ коллек-

тивному». Приращеніе реальнаго бытія выражается здѣсь въ фактѣ ассоціаціи индивидуальныхъ организмовъ,—фактѣ, порождающемъ явленія, которыя, въ сравненіи съ условіями чисто-біологическими, представляютъ нѣчто совершенно новое; таковы, напримѣръ, совмѣстное дѣйствіе элементовъ, вещественно независимыхъ другъ отъ друга, и, въ особенности, историческая преемственность (филіація), или вліяніе общей совокупности прошлаго на настоящее и будущее. Конечное осложненіе явленій, вызывающее необходимость отдѣльнаго изученія ихъ въ спеціальной отрасли знанія, наукѣ объ обществѣ, по сущности своей, различно отъ предшествующихъ осложненій (физическаго, химическаго и біологическаго); но, какъ говоритъ Контъ, «оно выступаетъ наружу не менѣе явственно, чѣмъ осложненія, уже испытанныя при переходѣ отъ начальной математической ступени къ физической въ тѣсномъ смыслѣ слова, затѣмъ — отъ послѣдней къ ступени химической и, наконецъ, отъ химической ступени къ простѣйшей біологической. Осложненіе это, впрочемъ, всегда идетъ рука объ руку съ убывающей общностью въ соотвѣтственномъ рядѣ явленій».

Что касается отношенія, долженствующаго установиться между двумя смежными науками—біологіей и соціологіей, — то Огюстъ Контъ высказывается на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно. Ниже сгруппированы главнѣйшія мнѣнія по этому вопросу основателя позитивной философіи.

Отношенія, устанавливающіяся между двумя науками, по необходимости бываютъ двухъ родовъ: это или отношенія родства и связи, основанныя на существенномъ сходствѣ соотвѣтствующихъ явленій, и

ведущія къ тѣсной солидарности между обѣими науками и къ извѣстной общности или тожественности, которая отъ методовъ распространяется и на результаты, добываемые одинаковыми пріемами изслѣдованія; или же это отношенія обособленія и раздѣльности, вытекающія изъ существенныхъ различій между соотвѣтствующими явленіями и ведущія къ строгому разграниченію областей обѣихъ наукъ и къ противуположенію и дифференцированью, распространяющемуся отъ употребляемыхъ методовъ на получающіеся окончательно результаты. Впрочемъ—и это является общимъ правиломъ—оба рода отношеній могутъ установиться и существовать одновременно между двумя смежными науками, по необходимости соприкасающимися въ одномъ концѣ непрерывной цѣпи изучаемыхъ ими явленій и столь же неизбѣжно расходящимися въ другомъ концѣ.

Огюстъ Контъ вполнѣ допускалъ эту двойственность въ характерѣ отношеній, устанавливающихся между біологіей и соціологіей. Онъ съ одинаковою силою убѣжденія настаивалъ на очевидной необходимости и тѣснаго союза между этими двумя науками, и строгаго разграниченія ихъ областей. Читатель легко убѣдится въ этомъ изъ нижеслѣдующихъ мѣстъ «Cours de philosophie positive», на которыя я и обращаю особенное его вниманіе.

По мнѣнію Конта, научная граница между индивидуальнымъ бытіемъ и соціальнымъ выступаетъ явственно и опредѣленно лишь въ человѣческомъ родѣ. «Тѣмъ не менѣе», говоритъ онъ, «различеніе это требуетъ, какъ я уже обстоятельно и неоднократно доказывалъ, распаденія органической философіи на двѣ отдѣльныя, хотя и тѣсно связанныя между со-

бою науки — біологію и соціологію. Но какъ бы велико ни было вліяніе, которое соціологія можетъ съ теченіемъ времени оказать на біологію, очевидно, что первая все-таки должна опираться на послѣднюю, чтобы достигнуть познанія основного фактора общественныхъ явленій, вслѣдъ за оцѣнкою среды, въ которой этотъ факторъ долженъ развиваться, и прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ изученію дѣйствительнаго хода его развитія».

«На всѣхъ ступеняхъ соціологическаго развитія», продолжаетъ Контъ, «и со всѣхъ статическихъ и динамическихъ точекъ зрѣнія, біологія даетъ о человѣческой природѣ, насколько она можетъ быть познана изъ одного разсмотрѣнія индивида, такія основныя понятія, которыми слѣдуетъ *постоянно* контролировать, и нерѣдко даже исправлять и дополнять, непосредственныя указанія соціологическихъ изслѣдованій. Но, кромѣ того, очевидно, что на низшихъ ступеняхъ развитія (не говоря уже о первобытномъ состояніи, въ примѣненіи къ которому однѣ только біологическія дедукціи и могутъ служить намъ руководящею нитью), біологія, хотя она и тутъ, какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, подчинена соціологической точкѣ зрѣнія, должна спеціально ознакомить насъ съ элементарною и самопроизвольно-возникающею формою ассоціаціи, связывающей чисто-индивидуальное существованіе съ существованіемъ вполнѣ соціальнымъ, и возникающей изъ домашняго быта въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. изъ быта болѣе или менѣе присущаго всѣмъ высшимъ породамъ животныхъ и составляющаго въ человѣческомъ родѣ первоначальную основу самаго обширнаго между коллективными организмами. Тѣмъ не менѣе, первоначаль-

ная разработка новой науки должна была имѣть по преимуществу динамическій характеръ; законы статики почти постоянно разсматривались въ ней какъ подразумѣвающіеся или заключающіеся въ числѣ законовъ динамики. А потому наивысшее научное соотношеніе между соціологіей и біологіей заключается нынѣ въ основной связи, которую я установилъ между рядомъ соціологическимъ и рядомъ біологическимъ, связи, которая съ философской точки зрѣнія, позволяетъ смотрѣть на первый рядъ какъ на простое продолженіе второго, хотя данныя одного ряда представляются главнымъ образомъ сосуществующими, а данныя другого — главнымъ образомъ слѣдующими другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Дѣйствительно, за исключеніемъ этого единственнаго различія, существенный характеръ и направленіе человѣческой эволюціи необходимо обусловливаются постоянно возрастающимъ перевѣсомъ тѣхъ высшихъ атрибутовъ, ставящихъ человѣка во главѣ животной іерархіи, которые и по отношенію къ этой послѣдней служатъ руководящимъ началомъ для раціональной оцѣнки главнѣйшихъ ступеней животности. Такимъ образомъ достигается пониманіе обширной системы органическихъ существъ, какъ одного цѣлаго, въ которомъ самое ничтожное растительное существованіе связано съ высшимъ соціальнымъ длинною прогрессіею промежуточныхъ и все болѣе и болѣе возвышающихся формъ или способовъ бытія. Наконецъ, и такъ какъ основное начало такой непрерывной связи заключается, въ сущности, въ постепенно убывающей общности преобладающаго разряда явленій, то двойной органическій рядъ самъ собою примыкаетъ къ элементарному ряду неорга-

ической природы, въ которомъ три главныя, свойственныя всемірному бытію ступени, математическая или астрономическая, физическая и химическая, уже представляютъ послѣдовательность, коренящуюся въ томъ же основоначалѣ... Съ точки зрѣнія основного закона человѣческой эволюціи (закона трехъ состояній) соціологія опять представляется тѣсно связанной съ біологіей, такъ какъ первобытное состояніе человѣчества естественно совпадаетъ въ ней съ состояніемъ, въ которомъ несовершенство ихъ организаціи удерживаетъ высшихъ животныхъ; у послѣднихъ умозрительная дѣятельность никогда не переходитъ за предѣлы фетишизма, т.-е. состоянія, изъ котораго самъ человѣкъ не могъ бы выйдти безъ могучаго импульса коллективнаго развитія». Съ другой стороны, впрочемъ, «и біологія не можетъ быть окончательно обоснована безъ помощи соціологіи, такъ какъ, примыкая своимъ основаніемъ — изученіемъ растительной жизни — къ наукѣ о неорганическомъ мірѣ, она въ то же время другимъ своимъ концомъ, изслѣдованіемъ умственной и нравственной жизни, примыкаетъ къ завершающей научный рядъ наукѣ соціальнаго развитія. Но изслѣдованіе умственной и нравственной жизни, безъ котораго біологическія познанія о человѣкѣ оставались бы крайне неполными и неудовлетворительными, не можетъ быть надлежаще направлено съ исключительно-индивидуальной точки зрѣнія; оно необходимо требуетъ принятія въ соображеніе нераздѣльнаго и единаго, по своей сущности, коллективнаго развитія».

Но различія между индивидуальнымъ и коллективнымъ способами органическаго существованія чрезвычайно важны и, конечно, не менѣе многочислен-

ны, чѣмъ точки соприкосновенія; совершенно необходимо, поэтому, разграничивать соотвѣтствующія области науки. Низшимъ и сравнительно простѣйшимъ наукамъ свойственно легко объяснимое общими законами нашего мышленія стремленіе вторгаться въ область высшихъ и сравнительно болѣе сложныхъ наукъ, присвоивать себѣ здѣсь первое мѣсто, подчинять себѣ высшія науки и разсматривать ихъ какъ простой придатокъ или дополненіе къ непосредственно предшествующему знанію.

Всѣмъ наукамъ приходилось въ свое время противодѣйствовать этому стремленію, являющемуся послѣдствіемъ природной слабости нашего ума въ борьбѣ съ возрастающими трудностями цѣлаго міра постепенно и безконечно осложняющихся явленій. По мнѣнію Конта, стремиться свести физическое бытіе на простое геометрическое (количественное) и механическое—значитъ сдѣлаться жертвой своеобразной философской аберраціи; но въ совершенно такую же ошибку впадаютъ и многіе замѣчательные умы, которые въ химическихъ явленіяхъ, даже наиболѣе характеристическихъ, усматриваютъ одно лишь дѣйствіе простыхъ физическихъ причинъ. Сама химія, въ эпоху Конта, казалась всего болѣе нуждающеюся «въ строгой разборчивости,. которая оградила бы ее отъ вреднаго преобладанія въ ней физики, перваго источника ея раціональной позитивности или научности, чрезъ который въ химію могло бы, между прочимъ, проникнуть и преобладающее вліяніе математики». «Стремленіе, столь радикально враждебное всякому прогрессу въ химіи,» представлялось Конту «тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно отчасти опирается на несомнѣнное сродство двухъ основныхъ

наукъ, наиболѣе близкихъ другъ къ другу, и является послѣдствіемъ нераціональнаго преувеличенія значенія химической самодѣятельности, очевидно, въ высокой степени свойственной различнымъ физическимъ явленіямъ».

То же ложное направленіе обнаруживалось и въ біологіи. По словамъ Конта, въ наукѣ о жизни «стремленіе низшихъ наукъ къ преобладанію надъ высшими, въ силу того, что онѣ по необходимости предшествуютъ имъ, оказалось еще сильнѣе, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ случаяхъ, такъ какъ жизненныя явленія, безспорно, въ значительной степени состоятъ изъ механическихъ, физическихъ и, главнымъ образомъ, химическихъ явленій: то, что въ нихъ есть дѣйствительно имъ однимъ свойственнаго, помимо различія во внѣшнихъ приспособленіяхъ, слишкомъ трудно поддается съ перваго же раза опредѣленію, а потому понятно, что преобладаніе предшествующихъ наукъ въ этой сферѣ вскорѣ стало представляться дѣломъ совершенно законнымъ, такъ какъ отъ него, казалось, зависѣло окончательное введеніе духа положительнаго мышленія въ область этихъ важныхъ умозрѣній. Но усиленію этой коренной ошибки и продленію вызваннаго ею замѣшательства должно было всего болѣе способствовать то, что, съ цѣлью противодѣйствія могучему физико-химическому и вначалѣ даже математическому вліянію, предъявлявшему, во имя положительнаго мышленія, притязаніе на господство въ біологіи, не было долгое время возможности иначе отстаивать раціональность, независимость и достоинство науки о жизни, какъ поддерживая въ ней темное преобладаніе метафизическаго и даже теологическаго духа. Древній строй

мысли сталъ до такой степени антипатиченъ разуму современнаго человѣка, что за послѣдніе три вѣка мы не разъ бывали свидѣтелями того, какъ строй этотъ, во многихъ отношеніяхъ, все болѣе и болѣе компрометировалъ все, что еще серьозно ставило себя подъ его безплодную защиту; причемъ дальнѣйшее сохраненіе вліянія этого строя представляетъ ту именно опасность, что этимъ даже самому необходимому противодѣйствію придается неизбѣжно характеръ настоящаго движенія назадъ, какъ въ сферѣ науки, такъ и въ сферѣ политики, ибо отнынѣ обѣ эти области равно заинтересованы въ томъ, чтобы основаться на иномъ философскомъ базисѣ, на которомъ условія прогресса примирились бы уже сами собою съ условіями порядка. Начиная съ біологическихъ умозрѣній, условія эти до сихъ поръ представляются несовмѣстимыми, тогда какъ они уже и теперь въ достаточной мѣрѣ совпадаютъ въ начальной части отвлеченной философіи. Это внутреннее противорѣчіе и побудило допустить на время въ біологію всякія представленія, казавшіяся способными и въ ней, какъ это уже было въ низшихъ наукахъ, уничтожить вліяніе метафизики».

Въ другомъ мѣстѣ Контъ указываетъ еще на одну причину (на этотъ разъ чисто практическую, но вполнѣ основательную и на которой нельзя довольно настаивать, въ особенности въ примѣненіи къ соціологіи), объясняющую незаконное вліяніе, такъ часто пріобрѣтаемое нѣкоторыми низшими науками въ области высшихъ. Причина эта заключается просто въ бо̀льшей или меньшей степени невѣдѣнія, иногда доходящаго до полнѣйшаго невѣжества, большинства біологовъ (а тѣмъ болѣе соціо-

логовъ) по отношенію къ методамъ и самому содержанію низшихъ наукъ. Нельзя, повидимому, какъ замѣчаетъ Контъ, сомнѣваться въ томъ, что «біологи до тѣхъ поръ не будутъ въ состояніи противиться неразумному вторженію въ біологію наукъ неорганическихъ, пока они сами достаточно не ознакомятся съ этими науками, чтобы надлежащимъ образомъ приступить къ раціональному ихъ примѣненію въ сферѣ собственныхъ научныхъ изслѣдованій; необходимость такого ознакомленія обусловливается и здѣсь, только еще въ сильнѣйшей степени, тѣми же мотивами, которые уже заставили ученыхъ по другимъ спеціальностямъ подчиниться одинаковому логическому требованію, какъ единственному оплоту противъ незаконныхъ захватовъ низшаго знанія въ области высшаго». Отожествленіе соціальныхъ свойствъ съ жизненными, и послѣднихъ съ свойствами физико-химическими, является, слѣдовательно, какъ по своимъ истиннымъ, хотя и скрытымъ причинамъ, такъ и по своимъ практическимъ результатамъ, прежде всего и главнымъ образомъ грѣхомъ невѣдѣнія.

Рядъ разсужденій, только-что прошедшій передъ глазами читателя, образуетъ общую аргументацію, одинаково примѣнимую ко всѣмъ основнымъ или отвлеченнымъ наукамъ, а въ числѣ ихъ, какъ мы знаемъ, находится и соціологія. По отношенію къ послѣдней, Контъ полагается на убѣдительность своей общей аргументаціи и, въ сущности, только воспроизводитъ ея главныя черты въ слѣдующихъ строкахъ, которыя относятся спеціально къ соціологіи и которыми мы закончимъ здѣсь наши цитаты изъ его Курса: «Необходимость разграниченія двухъ отдѣ-

ловъ органическаго знанія—біологіи и соціологіи—обусловливается, съ чисто-научной точки зрѣнія, очевидною невозможностью вывести послѣдовательный рядъ составляющихъ соціальную эволюцію явленій, независимо отъ прямого наблюденія ихъ, изъ знанія однихъ только законовъ индивидуальной жизни; ибо каждая изъ различныхъ ступеней (соціальной эволюціи) можетъ, согласно съ требованіями положительнаго мышленія, быть связываема лишь съ ближайшей къ ней и предшествующей ей ступенью, хотя общая совокупность ихъ и должна, во всѣхъ отношеніяхъ, постоянно сообразоваться въ своихъ основныхъ чертахъ съ полною системою біологическихъ знаній. Мы знаемъ, къ тому же, что и біологическія теоріи, взятыя сами по себѣ, не могутъ удовлетворять своему высшему индивидуальному назначенію безъ руководящаго пособія соціологическихъ представленій. А потому, при заложеніи основанія соціологіи, чрезвычайно важно было надлежащимъ образомъ выяснить необходимость этого существеннаго разграниченія, въ которомъ, на мой взглядъ, и заключается въ настоящее время главная трудность построенія науки для наиболѣе передовыхъ умовъ; трудность въ одно и то же время научная и логическая, такъ какъ стремленіе, вообще свойственное низшимъ наукамъ, поглощать высшія, въ силу своихъ естественныхъ соотношеній съ ними, а также вслѣдствіе того, что онѣ ранѣе успѣли построиться на положительныхъ началахъ,—стремленіе это, говорю я, нигдѣ не могло быть болѣе опасно, чѣмъ въ этомъ крайнемъ случаѣ, по отношенію къ которому почти ни одинъ изъ выдающихся мысли-

телей нашего столѣтія не могъ избѣгнуть указанной нами крупной аберраціи» [1]).

2. Изложенныя выше мнѣнія Конта заключаютъ въ себѣ всѣ элементы для рѣшенія важнаго вопроса о границахъ, отдѣляющихъ изученіе явленій біологическаго порядка отъ изслѣдованія явленій чисто соціологическихъ. И сверхъ того, какъ намъ кажется, эти мнѣнія основателя позитивной философіи служатъ въ извѣстной степени подтвержденіемъ основныхъ взглядовъ, высказанныхъ въ настоящемъ трудѣ на методологическую задачу соціальной науки. Вотъ почему мы и привели ихъ здѣсь съ такою подробностью, и почему мы считаемъ небезполезнымъ дополнить ихъ еще слѣдующими общими соображеніями.

Что въ природѣ и во всемірной жизни все тѣсно связано, образуя непрерывную цѣпь явленій — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Начертать рѣзкой границы между различными конкретными групами явленій нѣтъ возможности. Но всѣ наши понятія имѣютъ относительное значеніе, придавать имъ абсолютный смыслъ—значитъ извращать ихъ и изъ истинныхъ дѣлать вполнѣ или отчасти ложными. Такъ и идея связности или непрерывности явленій всецѣло относится къ объективному осуществленію или реальному обнаруженію ихъ; ее нельзя, безъ оговорокъ и ограниченій, переносить въ міръ субъективной мысли—міръ идеальный и условный, создаваемый потребностями науки. Условія, опредѣляющія этотъ концептъ ума и придающія ему характеръ безспорной положительности, обозначены явственно и

[1]) Cours de philosophie positive. T. VI стр. 786 до 838.

легко распознаются: это тѣ грани, которыя, для всевозможныхъ цѣлей, отдѣляютъ міръ объективный или реальный отъ міра субъективнаго или идеальнаго. Чтобы наука стала возможною, мы должны разсматривать естественные факты, или агрегаты явленій, какъ нѣчто, изолированное другъ отъ друга, нѣчто, проявляющее специфическія свойства и принадлежащее къ различнымъ порядкамъ явленій. Таково уже устройство нашего ума, что знать—для насъ значитъ абстрагировать, различать, обособлять. И сама наука есть лишь рядъ искусственныхъ пріемовъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ высшее искусство, созданное человѣкомъ; но какъ все, возникшее искусственнымъ путемъ, и наука должна отражать на себѣ тѣ условія, которыя облегчили и сдѣлали возможнымъ ея возникновеніе. Безъ дѣленій въ области знанія, міръ, по прекрасному выраженію Конта, навсегда оставался бы для насъ великою загадкой, которая поразила ужасомъ человѣчество въ періодъ его дѣтства и создала боговъ.

Естественную переходную ступень отъ соціологіи къ біологіи образуютъ, по мнѣнію однихъ, психофизическія и психологическія явленія; по мнѣнію другихъ —явленія стадности или грегаризма у дикарей и элементарныя формы ассоціаціи у животныхъ; переходную ступень отъ біологіи къ химіи образуютъ явленія питанія; отъ химіи къ физикѣ — явленія молекулярнаго притяженія; наконецъ отъ физики къ чистой механикѣ—явленія эквивалентности физическихъ силъ: все—области, состоящія въ смѣшанномъ владѣніи и нейтральныя, все—звенья, связывающія въ неразрывную цѣпь различныя части великаго естественнаго ряда явленій. И вездѣ въ этомъ рядѣ

наиболѣе сложныя явленія низшей группы имѣютъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе сходства съ наименѣе сложными явленіями высшей и непосредственно за ними слѣдующей группы, нежели съ простѣйшими явленіями категоріи, въ которую они сами научно включены. Но можетъ ли эта измѣнчивость и эта подвижность междунаучныхъ границъ, эта явная безполезность всякихъ попытокъ установить ихъ точнымъ образомъ для всѣхъ случаевъ безъ исключенія—служить доказательствомъ несуществованія въ дѣйствительности упомянутыхъ границъ, или даже ненужности ихъ для выполненія цѣлей науки? И чтобъ не ходить далеко за примѣромъ, можно ли заключать отсюда, вмѣстѣ съ нѣкоторыми философами, что біологія—конкретная наука, находящаяся въ непосредственной зависимости отъ абстрактной науки химіи, а соціологія—только особая глава біологіи и даже, строго говоря, лишь простой придатокъ къ зоологіи? Конечно, вѣрность такого вывода представляется въ высшей степени сомнительною.

Раздѣленіе на нѣсколько отдѣльныхъ областей совокупности нашихъ знаній о вселенной и происходящемъ въ ней отнюдь не имѣетъ цѣлью или результатомъ разрушенія объективнаго единства явленій, раздробленія природы на мелкіе куски и собиранія затѣмъ, въ различныхъ наукахъ, этихъ разсѣянныхъ осколковъ. Въ теоріи, какъ и въ дѣйствительности, единство и непрерывность явленій остаются неприкосновенными. Раздѣленіе знанія всецѣло—съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на дѣло—является психологическою необходимостью, неизбѣжнымъ субъективнымъ условіемъ или постулатомъ нашего познаванія. Конечно, субъективному процессу дѣленія со-

отвѣтствуютъ объективныя условія, изслѣдовать которыя необходимо въ области науки не можетъ быть допущено дѣленіе, не принимающее въ разсчетъ этихъ объективныхъ условій. Но очевидное заблужденіе — ставить въ упрекъ научному дѣленію, что оно не строго объективно, или отвергать всякое дѣленіе подъ предлогомъ невозможности найти такое, которому нельзя бы было сдѣлать подобный упрекъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы отвергнуть и всякое отвлеченіе на томъ основаніи, что оно само никогда не можетъ быть объективно, хотя и должно всегда соотвѣтствовать извѣстнымъ, строго-объективнымъ условіямъ.

Совокупность объективныхъ условій, соотвѣтствующихъ субъективному процессу распредѣленія естественныхъ явленій въ особыя категоріи, въ принятой позитивною философіей классификаціи наукъ, резюмируется въ одномъ общемъ понятіи: понятіи о сложности явленій. Извѣстныя групы или реальные агрегаты явленій, сравниваемые сначала между собою, а затѣмъ съ другими групами, представляютъ, въ первомъ отношеніи, замѣтно одинаковую степень сложности (поразительное сходство, относительное тожество), а во-второмъ—различную степень сложности (значительныя различія, относительное нетожество). Отмѣчая только сходства, бросающіяся въ глаза между всѣми групами явленій, мы пришли бы логически къ представленію объ единой, изучающей все разнообразіе явленій природы наукѣ; а напротивъ, останавливаясь лишь на различіяхъ между конкретными явленіями, мы логически пришли бы къ выводу, что каждый реальный агрегатъ въ природѣ долженъ стать предметомъ спеціальной науки.

Но вторая ошибка, лишь изрѣдка совершаемая немногими ультра-спеціалистами, беззавѣтно отдавшимися изслѣдованію тѣхъ или другихъ частностей, отнюдь не болѣе груба и не болѣе опасна для дѣйствительнаго успѣха нашихъ знаній, чѣмъ первая, въ которую такъ часто впадаютъ въ наше время поклонники начала абсолютнаго единства явленій и вообще умы, чрезъ-мѣру склонные къ всеобъемлющимъ философскимъ обобщеніямъ [1]).

[1]) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь слѣдующія строки автора, уже цитированнаго мною въ этой книгѣ „Ослѣпленные яркимъ представленіемъ объ основномъ единствѣ всѣхъ явленій, нѣкоторые мыслители—говоритъ Гарэнъ-де-Витри о современныхъ изслѣдователяхъ въ области общей біологіи—склонны упускать изъ виду другую сторону великой задачи, именно, необходимость отличать, обособлять и характеризовать каждый порядокъ жизненныхъ проявленій. Злоупотребляя обобщеніями, они въ извѣстномъ смыслѣ повторяютъ старую ошибку алхимиковъ; они забываютъ, что простѣйшіе элементы и основоначальные факты, участвуя, каждый по своему, въ образованіи великой міровой комбинаціи, тѣмъ не менѣе неизгладимо сохраняютъ для насъ свой специфическій характеръ и свою индивидуальность. Другіе—и въ наши дни это самая многочисленная категорія—впадаютъ въ обратную крайность. насыщивъ блужданіями метафизики, повергнутые въ недоумѣніе и уныніе крушеніемъ всѣхъ философскихъ построеній, они сосредоточиваются исключительно на фактѣ, замыкаются въ анализѣ одной какой-нибудъ частности факта, тратятъ всю свою жизнь на изученіе раковины, листка, насѣкомаго или уравненія. Они называютъ себя спеціалистами и любятъ присвоивать себѣ монополію положительнаго мышленія. Всякое обобщеніе пугаетъ ихъ, и если вы осмѣлитесь изложить имъ самый скромный общій взглядъ, съ ихъ презрительно складывающихся устъ немедленно срывается горделиво-смиренная фраза: „я философіей не занимаюсь“. Эти люди достойны уваженія и даже поощренія, такъ какъ они добросовѣстно исполняютъ одно необходимое дѣло: безъ ихъ кропотливаго труда наука была бы невозможна Но сознаніе собственной заслуги не должно было бы побуждать ихъ къ несправедливости въ оцѣнкѣ заслугъ другихъ и къ

3. Здѣсь естественно находитъ себѣ мѣсто оговорка, имѣющая, какъ мнѣ кажется, свою долю значенія въ постоянно вновь возникающихъ спорахъ о классификаціи наукъ. Можно всецѣло принимать классификацію Конта, можно признавать и біологію и соціологію за науки отвлеченныя или основныя, непосредственно слѣдующія другъ за другомъ въ іерархіи знанія; но это ни мало не обязываетъ видѣть въ классификаціи Конта какой-то высшій принципъ позитивной философіи, или нѣчто такое, что̀ можетъ стать рядомъ съ единственнымъ основоначаломъ, свойственнымъ этой философіи: основоначаломъ *опыта*. Классификація Конта составляетъ сама лишь одинъ изъ результатовъ этого основного начала, и притомъ результатъ, строго обусловливаемый современнымъ состояніемъ нашихъ знаній. Вполнѣ оправдываемая опытомъ прошлаго и настоящаго, она находитъ себѣ сильную поддержку и въ вытекающей изъ такой двойной санкціи вѣроятности подтвержденія ея и опытомъ будущаго. Но было-бы несправедливо считать ее рѣшеніемъ вопроса, ни въ какомъ случаѣ не допускающимъ дальнѣйшихъ поправокъ или измѣненій.

Назвавъ выше эту оговорку имѣющею свою важность, поясню теперь послѣднюю на примѣрѣ до-

---

забвенію, что для постройки зданія нужны также и архитекторы Наука, одну мельчайшую подробность которой разрабатываетъ спеціалистъ, не существовала бы вовсе, еслибъ великіе учители ея не философствовали, т.-е. не обобщали, и самыя изслѣдованія спеціалиста, на которыя было потрачено столько тяжелаго труда, остались бы безполезными и не имѣли бы ровно никакой цѣны, еслибъ рядъ научныхъ обобщеній не долженствовалъ рано или поздно истолковать ихъ результаты“ (Considérations sur la constitution de la science sociale. Revue pos. T. XIV).

вольно выдающемся. Въ одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ статей своихъ въ «Revue positive», озаглавленной: «De la philosophie positive», Литтре силится изобразить іерархію человѣческаго знанія именно какъ нѣкотораго рода второй незыблемый принципъ, на которомъ опирается и всегда будетъ опираться зданіе новой философіи, или какъ краеугольный камень, который долженъ уцѣлѣть на своемъ мѣстѣ, какъ бы ни сложились возможности будущаго. Но взглядъ этотъ кажется намъ глубоко ошибочнымъ. Классификація наукъ въ томъ видѣ, какъ она установлена Контомъ, можетъ считаться краеугольнымъ камнемъ всей системы позитивной философіи лишь постольку, поскольку она служитъ точнымъ (или положительнымъ) выраженіемъ общихъ результатовъ, уже достигнутыхъ совокупностью человѣческаго знанія, и она можетъ быть представляема какъ незыблемый принципъ нашей философіи — лишь постольку и до тѣхъ поръ, поскольку и пока въ томъ же направленіи не добыто противорѣчащихъ результатовъ. Между учеными и философами, принявшими позитивный методъ, за исключеніемъ всякаго другого, есть и такіе, которые отвергаютъ Контовскую классификацію наукъ; люди эти являютъ зрѣлище мыслителей, которые, оставаясь вѣрными научному методу въ бо̀льшей части своихъ представленій, тѣмъ не менѣе, въ частномъ вопросѣ о классификаціи наукъ, руководятся интуитивнымъ мышленіемъ, т.-е. тѣмъ самымъ философскимъ методомъ, который они такъ строго осуждаютъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Но разъ признавши, что позитивная философія имѣетъ одинъ только основной принципъ, опытъ, и что внѣ этого принципа все остальное въ ученіи позитивизма

есть не болѣе, какъ результатъ, нельзя, не становясь въ прямое противорѣчіе съ основнымъ началомъ доктрины, выдавать какой-либо изъ результатовъ ея за не подлежащій измѣненію или независимый отъ успѣховъ въ области отдѣльныхъ наукъ. И Контовская классификація наукъ есть не болѣе, какъ результатъ, хотя и чрезвычайно важный, опыта многихъ вѣковъ, доказавшаго невозможность сведенія извѣстныхъ свойствъ матеріи, и въ томъ числѣ свойствъ жизненныхъ и соціальныхъ, къ простѣйшимъ и болѣе общимъ началамъ. Отрицать въ настоящее время эту невозможность значило бы грубо пойти наперекоръ существующей нынѣ суммѣ опыта, руководясь вмѣсто нея извѣстнаго рода разсудочнымъ чутьемъ, основаннымъ на предположеніяхъ и гипотезахъ, которыя въ нынѣшнемъ состояніи науки не могутъ быть провѣрены. Но мы заслужили бы тотъ же упрекъ, мы равнымъ образомъ впали бы въ интуитивное мышленіе, еслибъ стали утверждать, что опытъ будущаго не исправитъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, или въ томъ или другомъ данномъ вопросѣ, опыта прошедшаго и настоящаго.

Къ этому я долженъ прибавить, что если позитивная философія и основана лишь на одномъ высшемъ началѣ — началѣ опыта, послѣднее имѣетъ въ свою очередь необходимыя дополнительныя положенія, и одно изъ нихъ гласитъ, что опытъ безсиленъ помочь намъ проникнуть въ сущность вещей. На это-то именно положеніе и опирается теоретическая защита классификаціи Конта противъ нападокъ, направляемыхъ на нее за то мѣсто, которое она отводитъ соціологіи и біологіи въ ряду наукъ. Утверждать или предполагать, въ нынѣшнемъ со-

стояніи нашихъ знаній, возможность сведенія къ простѣйшимъ и болѣе общимъ началамъ специфическихъ свойствъ наиболѣе сложныхъ явленій, значило бы допустить интуитивное разсужденіе, равносильное съ ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ или предположеніемъ относительно сущности этихъ свойствъ, столь мало пока изслѣдованныхъ въ большинствѣ ихъ проявленій. Но изъ недоступности для насъ сущности вещей вовсе не слѣдуетъ, что и на болѣе высокой ступени человѣческаго знанія сохранится таже невозможность сведенія специфическихъ свойствъ къ какимъ-либо болѣе простымъ и общимъ началамъ, такъ какъ еслибъ что-либо подобное даже и удалось, сущность сведенныхъ свойствъ слилась бы съ сущностью простѣйшихъ началъ и продолжала бы оставаться недоступною. Метэмпирическій центръ тяжести, если можно такъ выразиться, перемѣстился бы, но не могъ бы вовсе исчезнуть. Но одинъ только опытъ будущаго можетъ осуществить подобное перемѣщеніе, и это отнюдь не дѣло непосредственнаго («чутьевого») мышленія или гипотезъ настоящаго, какъ думаютъ, повидимому, противники научной классификаціи Конта. Вовсе не отрицая, что гипотеза нерѣдко служитъ въ наукѣ кратчайшимъ путемъ, приводящимъ къ рѣшающему дѣло опыту, или наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ принудить природу раскрыть свои тайны, мы однако думаемъ, что такая въ высшей степени важная услуга можетъ быть оказываема гипотезою лишь тогда, когда она заключаетъ въ себѣ, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторыя данныя, могущія быть тотчасъ же провѣренными. Но ни одно изъ данныхъ основного предположенія, къ которому прибѣгаютъ противники

классификаціи Конта, не подлежитъ немедленной провѣркѣ; и этой одной черты уже вполнѣ достаточно, чтобы показать глубоко нераціональный характеръ всей гипотезы.

4. Выясненію истинной природы отношеній, связывающихъ смежныя науки—біологію и соціологію, могутъ служить еще два другіе разряда соображеній. Во-первыхъ, слѣдуетъ указать на новыя условія или факторы, участвующіе въ произведеніи соціальныхъ явленій и существенно обособляющіе ихъ въ ряду жизненныхъ явленій въ строгомъ значеніи слова; и во-вторыхъ, необходимо указать и на положительную невозможность вывести соціальные условія и законы изъ разсмотрѣнія условій и законовъ индивидуальныхъ, или исключительно біологическихъ. Къ этимъ вопросамъ я теперь и перехожу; изложеніемъ относящихся къ нимъ соображеній я предполагаю закончить настоящую главу.

5. Начнемъ съ *новыхъ факторовъ*. Новѣйшія біологическія изслѣдованія объясняютъ возникновеніе жизненныхъ явленій вмѣшательствомъ въ собственно химическія явленія, или воздѣйствіемъ на нихъ, извѣстныхъ новыхъ вліяній или факторовъ, какъ-то: съ одной стороны, строенія живыхъ тѣлъ, а съ другой—принадлежащихъ клѣточкѣ или, вѣрнѣе, анатомическому элементу свойствъ ассимиляціи, обратнаго выдѣленія и пролиферации или размноженія. Соціологія—наука слишкомъ недавняго происхожденія и слишкомъ мало еще разработанная, чтобы отъ нея можно было разумно требовать такого опредѣленія свойствъ соціальныхъ явленій, которое бы хоть сколько-нибудь приближалось по своей точности и реальности къ соотвѣтствующимъ результатамъ, полученнымъ

въ біологіи чисто опытнымъ путемъ. Самое бо̀льшее, что̀ можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ современной соціологіи, это немногихъ общихъ и неопредѣленныхъ по существу своему указаній относительно наиболѣе важныхъ специфическихъ чертъ, свойствъ или условій, отличающихъ соціальныя явленія отъ жизненныхъ. Но и такія указанія способны придать отнынѣ раціональное направленіе будущимъ изслѣдованіямъ.

Основнымъ фактомъ соціологіи является ассоціація, совокупность матеріальныхъ и нравственныхъ связей, самопроизвольно, при извѣстныхъ условіяхъ, возникающихъ между опредѣленными групами живыхъ существъ, индивидуальныхъ или біологическихъ существованій. Съ точки зрѣнія статики, это ассоціація вообще и безразлично, ассоціація въ пространствѣ; а съ точки зрѣнія динамики, это ассоціація во времени, ассоціація историческая, которая зарождается, растетъ, преобразуется, подвергается цѣлому ряду неизбѣжныхъ видоизмѣненій. Изъ нихъ одни имѣютъ прогрессивный характеръ или ведутъ къ увеличенію знанія и власти надъ природой, другія имѣютъ характеръ прямо противоположный или ведутъ къ уменьшенію силы и могущества, а большинство совершается путемъ болѣе или менѣе правильныхъ колебаній. Другими словами, съ динамической точки зрѣнія, представляющейся, безспорно, наиболѣе важною во всѣхъ сферахъ соціологическаго изслѣдованія, основнымъ фактомъ новой науки является соціальная эволюція. Поэтому мы оставимъ на время въ сторонѣ точку зрѣнія статики, имѣющую второстепенное значеніе, и сосредоточимся на вопросѣ, который самъ собою возникаетъ передъ нами: чѣмъ,

какими исключительно ей свойственными признаками соціальная эволюція отличается отъ эволюціи біологической?

Разграниченіе біологіи съ соціологіей представляется съ перваго взгляда фактомъ чисто эмпирическимъ, другими словами, это фактъ какъ бы исключительно основанный на невозможности построить соціологію единственно изъ матеріала, доставляемаго низшею, непосредственно за нею стоящею наукою— біологіей. Сначала, всю совокупность совершающейся въ человѣческихъ обществахъ эволюціи и представляемые ею разнообразные изгибы, тысячи ломанныхъ и скрещивающихся во всѣхъ направленіяхъ линій, пытались объяснить посредствомъ крупныхъ обобщеній, взятыхъ изъ области біологіи; и такая попытка была въ логикѣ вещей. Она привела однако къ любопытному и неожиданному результату. Съ помощью этого пріема удавалось, и сравнительно даже довольно легко, объяснить половину, три четверти или девять десятыхъ, если можно такъ выразиться, даннаго соціальнаго явленія; но до полнаго его объясненія, до совершеннаго разрѣшенія вопроса этимъ путемъ никогда нельзя было дойти. Всегда оставался болѣе или менѣе значительный необъясненный остатокъ, бросавшій отъ себя тѣнь на самыя остроумныя дедукціи и построенія, мѣшавшій, этою темною стороною, пониманію явленія въ его цѣлости, и не дававшій покоя духу научнаго изслѣдованія, постоянно побуждая его искать и пролагать себѣ новые пути. Этого мало. Многіе умы уже тогда понимали, что полууспѣхи, достигнутые въ области соціальной науки при помощи біологическихъ теорій, имѣли по бо̀льшей части лишь отрицательное зна-

ченіе и нерѣдко даже сильно походили на пораженія. Эти умы ясно отдавали себѣ отчетъ въ послѣдствіяхъ, необходимо вытекавшихъ изъ присущаго всякому соціальному явленію условія, въ силу котораго наибольшая часть, количественно говоря, свойствъ, дѣйствій или атрибутовъ, проявляющихся въ данномъ соціальномъ агрегатѣ, событіи или фактѣ, всегда принадлежитъ къ области біологіи. Справедливость, однако, обязываетъ меня замѣтить, что если біологическія объясненія соціальныхъ фактовъ и равнялись почти что пораженіямъ, что касается философскаго спора, поднявшагося изъ-за притязаній біологіи — править полновластно въ области соціологіи, то эти же самыя объясненія, ограниченныя и понятыя надлежащимъ образомъ, представлялись, безспорно, научными побѣдами и драгоцѣнными пріобрѣтеніями какъ для всей совокупности соціальнаго ученія, такъ и для отдѣльныхъ теорій, изъ которыхъ слагается соціальная наука. Въ этихъ объясненіяхъ выступаетъ съ наибольшею очевидностью естественное подчиненіе соціологіи біологіи, и эти же біологическія объясненія даютъ первое основаніе для положительнаго построенія чисто-соціологическихъ теорій.

Всѣ великія обобщенія и главнѣйшія между основными теоріями біологіи поочередно примѣнялись къ объясненію хода соціологическаго развитія. Преемственность возрастовъ, іерархическій рядъ или лѣстница организмовъ, съ раціональнымъ объясненіемъ ея постепеннымъ измѣненіемъ видовъ, совершающимся путемъ подбора и борьбы за существованіе, наконецъ, вліяніе упражненія, привычки и наслѣдственности, закрѣпляющихъ однажды достигнутые успѣхи въ извѣстныхъ расахъ, — все это при-

зывалось на помощь для объясненія скрытаго начала или отысканія высшаго закона постепенныхъ измѣненій, послѣдовательный порядокъ которыхъ и взаимная связь и составляютъ то, что мы называемъ соціальной эволюціей [1]). Но, какъ бы остроумны и заманчивы ни были эти объясненія, всецѣло почерпнутыя изъ области біологіи, они постоянно оказывались радикально недостаточными для выполненія задачи, которая на нихъ возлагалась. Удерживая умъ въ біологической или внѣшней сферѣ, они не давали ему проникнуть во внутренній

[1]) Контъ самъ не пренебрегаетъ біологическими объясненіями. См. Cours de Philosophie positive, t. IV, стр. 364 — 466 перваго изданія. Это, между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ. „По отношенію ли къ самой наукѣ, или же только къ ея методу, но великое представленіе о соціальной преемственности находитъ въ біологіи свой истинный эквивалентъ не въ аналитическомъ разсмотрѣніи возрастной преемственности, а единственно въ представленіи объ основномъ органическомъ рядѣ".—„Съ научной точки зрѣнія, необходимая преемственность различныхъ состояній общества, принимая, конечно, во вниманіе различіе между обѣими науками, строго соотвѣтствуетъ систематическому распредѣленію организмовъ въ извѣстной постепенности· установленная надлежащимъ образомъ, соціальная преемственность не можетъ быть менѣе реальной и полезной, чѣмъ преемственность собственно органическая".—„Что же касается извѣстнаго постепеннаго и очень медленнаго улучшенія въ человѣческой природѣ, совершающагося въ предѣлахъ, хотя и очень тѣсныхъ, но со временемъ могущихъ быть ближе опредѣленными, то мнѣ кажется раціонально невозможнымъ, съ точки зрѣнія истинной философіи біологіи, не допустить здѣсь, до нѣкоторой степени, неоспоримаго принципа знаменитаго Ламарка, не взирая на значительныя и очевидныя преувеличенія, которыми страдаетъ его теорія. Я разумѣю принципъ, по которому однородное и непрерывное упражненіе должно по необходимости производить въ каждомъ животномъ организмѣ, и въ особенности у человѣка, органическое усовершенствованіе, которое, послѣ продолженія процесса въ теченіе достаточно долгаго времени, можетъ постепенно закрѣпиться за цѣлою расою."

концентрическій кругъ, или въ собственно соціологическую область. Они были свѣтомъ, подносимымъ къ ima fundamenta, къ глубоко лежащему основанію соціальнаго зданія, но никогда не достигавшимъ верхнихъ ярусовъ и самой внутренности его, которые оставались погруженными въ глубокій мракъ.

Существуютъ, конечно, нѣкоторыя элементарныя формы ассоціаціи, которыя могутъ до извѣстной степени быть объяснены чисто біологическимъ путемъ. Таковы ассоціаціи, встрѣчаемыя у низшихъ животныхъ,—ассоціаціи, которыя вовсе не представляютъ дѣйствительно соціальной или, по выраженію Спенсера, сверхорганической комбинаціи, и по всѣмъ вѣроятіямъ, составляютъ не что̀ иное, какъ проявленіе простыхъ рефлексовъ, обусловленныхъ весьма ограниченною сферою опыта, и перешедшихъ въ инстинктъ, благодаря долго продолжавшейся передачѣ и закрѣпленію ихъ путемъ наслѣдственности; таковы также явленія табунности или пекаризма у нѣкоторыхъ породъ животныхъ и у дикаря первобытныхъ лѣсовъ и пещеръ, таковы, наконецъ, и нѣкоторые разрозненные зачатки прогресса, встрѣчающіеся въ обществахъ высшихъ породъ животныхъ и у первобытныхъ человѣческихъ племенъ. Но, пока мы остаемся на этой ступени, соціологія есть, на самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ простой придатокъ къ біологіи, не болѣе, какъ простой сводъ фактовъ и теорій, имѣющихъ исключительно подготовительное значеніе; на этой ступени она едва отличается отъ антропологіи въ тѣсномъ значеніи слова, и часто обозначается въ настоящее время названіемъ доисторической соціологіи (pré-sociologie).

Между тѣмъ, настаетъ моментъ, когда изъ нѣдръ

органическихъ комбинацій возникаетъ комбинація сверхорганическая или, другими словами, соціальная. Тогда совершается тотъ важный процессъ, который Литтре описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Мало по малу первичные элементы прогресса осложняются; строятся города, возникаютъ ремесла, образуются государства, появляются религіи, зарождаются поэзія и искусства, заря наукъ занимается и различные соціальные строи или порядки смѣняютъ другъ друга». И тогда уже, «среди этой безпредѣльной эволюціи, нѣтъ болѣе возможности прослѣдить тѣ факторы, которые вначалѣ выступали такъ явственно; съ этой минуты они возвращаются къ своему истинному назначенію,—служить біологическими пособниками соціальному движенію» [1]). Другими словами, становится очевидно, что соціальная эволюція не можетъ быть смѣшиваема съ эволюціей біологической; что она имѣетъ черты исключительно ей свойственныя; что эти черты не могутъ быть выведены изъ біологическихъ условій, и что, наконецъ, необходимо искать существенныя условія соціальной эволюціи въ самихъ соціальныхъ явленіяхъ, путемъ непосредственнаго наблюденія послѣднихъ. Но разъ это такъ, разграниченіе соціологіи отъ біологіи, первоначально представлявшееся чисто эмпирическимъ и основаннымъ на невозможности, прямо и въ достаточной мѣрѣ доказанной опытомъ, построить соціологію съ помощью однихъ біологическихъ матеріаловъ, — разграниченіе это, говорю я, начинаетъ принимать характеръ раціональности, т.-е. обнаруживаетъ стремленіе опереться на фактъ первичный, присущій одной только наукѣ объ обществѣ. Въ чемъ же заклю-

[1]) Littré. La Science au point de vue philosophique, стр. 367.

чается этотъ первичный фактъ, обособляющійся въ соціологіи, въ чемъ состоитъ это первоначальное и коренное условіе всякой соціологической эволюціи?

Отвѣтить на этотъ капитальный вопросъ старались не разъ; не разъ пытались указать, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ и насколько то позволяло современное, еще младенческое состояніе соціальной науки, на первые существенные и уже небіологическіе признаки самопроизвольной дѣятельности, развивающейся въ нѣдрахъ коллективной формы органическаго бытія, т.-е. среди общества. Я, само собою разумѣется, не говорю здѣсь о метафизическихъ бредняхъ по этому вопросу нѣкоторыхъ писателей, не останавливавшихся передъ измышленіемъ особыхъ сущностей или таинственныхъ силъ, заправляющихъ соціальными организмами. Это осязательное заблужденіе не можетъ даже привести въ свою пользу смягчающихъ обстоятельствъ, въ которыхъ нельзя отказать однородной аберраціи, господствовавшей въ сферѣ біологическихъ идей; тутъ, по крайней мѣрѣ, системы анимизма и витализма въ свое время послужили могущественнымъ орудіемъ для противодѣйствія стремленію химіи и физики вторгнуться въ область науки о жизни. Теперь и біологія предъявляетъ не меньше притязаній, чѣмъ ея предшественницы, и, въ свою очередь, стремится покорить своему господству болѣе юную науку, непосредственно за ней слѣдующую. Но въ настоящее время духъ положительнаго мышленія пустилъ слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было хоть на минуту остановиться на мысли о компрометирующемъ союзѣ, по выраженію Конта, съ древнимъ умственнымъ строемъ. Оставляя поэтому въ сторонѣ подобныя бредни, которыя, къ сожалѣнію,

встрѣчаются лишь слишкомъ часто въ самыхъ лучшихъ изслѣдованіяхъ, я напомню здѣсь о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся попыткахъ, имѣвшихъ цѣлью основать размежеваніе двухъ отраслей знанія органическаго міра на такомъ фактѣ, который былъ бы доступенъ наблюденію, подлежалъ бы точному, обстоятельному опредѣленію и, въ то же время, очевиднымъ образомъ лежалъ бы внѣ сферы біологіи,— словомъ, на фактѣ, который былъ бы такимъ же первичнымъ фактомъ соціологіи, какимъ въ біологіи являются двойной процессъ ассимиляціи и выдѣленія и процессъ молекулярнаго размноженія.

Всего естественнѣе въ данномъ случаѣ, — естественнѣе потому, что такой путь представлялъ всего менѣе видимыхъ трудностей,—было прямо обратиться къ явленіямъ, играющимъ, безспорно, самую важную роль во всѣхъ соціальныхъ фактахъ безъ исключенія, или въ соціальной эволюціи во всѣхъ ея формахъ; — я разумѣю явленія психическія. Въ этомъ-то направленіи и стало уже очень давно работать большинство умовъ, искавшихъ положительнаго рѣшенія упомянутой задачи. Въ настоящее время нѣтъ болѣе распространеннаго мнѣнія, какъ то, которое видитъ въ психическомъ элементѣ истинный quid proprium соціальной науки. Но взглядъ этотъ имѣетъ одинъ весьма важный недостатокъ. Онъ основанъ на предположеніи, что психическій элементъ есть фактъ иного порядка, чѣмъ остальныя біологическія явленія, или фактъ, представляющій новое и высшее осложненіе матеріи; но это естественно ведетъ къ тому, что изъ психологіи дѣлаютъ новую, самостоятельную науку, занимающую промежуточное мѣсто между біологіей и соціологіей. Къ

тому же, при такомъ воззрѣніи, соціологія, выдѣляясь изъ біологіи лишь благодаря преобладанію, которое получаетъ въ ней психическій элементъ, т.-е. нѣчто, составляющее предметъ особой науки, можетъ, очевидно, играть лишь роль простого придатка къ этой послѣдней. Но, повторяю, психологическое объясненіе страдаетъ недостаткомъ, сводящимъ къ крайне ничтожнымъ размѣрамъ заслугу, которую бы мы иначе должны были признать за этой попыткой. Психологическое объясненіе избѣгаетъ одного очень важнаго затрудненія лишь тѣмъ, что создаетъ другое, быть можетъ, еще болѣе серьозное. Оно устраняетъ ни на чемъ не основанное предположеніе о существованіи таинственныхъ силъ, двигающихъ обществами; но при этомъ оно совершенно разбивается о другое, одинаково опасное возраженіе, заключающееся въ томъ, что до сихъ поръ менѣе всего можетъ считаться доказанною гипотеза, на которой исключительно основанъ упомянутый взглядъ и которая касается навсегда скрытой отъ насъ сущности психическихъ явленій.

Психологическое объясненіе построено по чистѣйшему типу сужденія a priori или строго дедуктивнаго, столь часто примѣняемаго въ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ цѣлью познаніе управляющихъ соціальными явленіями законовъ. Мы видимъ передъ собою громадную массу психическихъ фактовъ всякаго рода, которые ежедневно совершаются въ каждомъ обществѣ, сколько-нибудь заслуживающемъ этого названія; и массѣ этой, безспорно, принадлежитъ подавляющее преобладаніе въ ряду различныхъ явленій, участвующихъ въ образованіи самаго ничтожнаго соціальнаго факта. Мы видимъ явное господство влія-

ній психическаго происхожденія въ несмѣтномъ числѣ случаевъ сочетанія причинъ, когда надъ произведеніемъ сложнаго соціальнаго результата работаютъ силы двоякаго рода, частью чисто матеріальныя, частью же умственныя и нравственныя, или, по крайней мѣрѣ, содержащія значительную примѣсь психическаго элемента. Мы ясно сознаемъ, наконецъ, всю важность и все превосходство психическаго фактора, превосходство, частью дѣйствительное, частью же сильно преувеличенное человѣческимъ умомъ, не могущимъ представить себѣ ничего болѣе возвышеннаго и болѣе достойнаго удивленія, чѣмъ способности, которыми человѣкъ выдѣляется изъ ряда прочихъ органическихъ существъ. Но изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно логически сдѣлать лишь одинъ выводъ, и этотъ выводъ по необходимости повлечетъ за собою представленіе о психическомъ элементѣ, какъ о causa causans, реальной и конечной причинѣ всего безпредѣльнаго разнообразія соціальныхъ явленій, центральномъ пунктѣ, къ которому тяготѣетъ вся исторія и вокругъ котораго совершается величественный процессъ эволюціи человѣчества.

А между тѣмъ, не взирая на всѣ логическія гарантіи, представляемыя, повидимому, такимъ выводомъ, онъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ соотношеніямъ между вещами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь примѣнить тотъ же рядъ умозаключеній къ любому порядку явленій, уже изслѣдованныхъ въ наукахъ, окончательно изгнавшихъ изъ своей области всякія сужденія a priori и строго подчинившихъ отвлеченно-разсудочный методъ, свойственный младенческому фазису мысли, непосредственному наблюденію и опыту, свойственнымъ

періоду зрѣлости. Такъ, напримѣръ, въ химіи, основываясь на чисто физической дѣятельности, обнаруживаемой самыми ничтожными явленіями соединенія или разложенія, и нерѣдко оказывающей очевидно преобладающее вліяніе на многообразныя реакціи различныхъ тѣлъ, можно было бы легко прійдти къ заключенью, что основная причина химическихъ явленій лежитъ всецѣло въ физическихъ свойствахъ внезапно сближаемыхъ между собою при извѣстныхъ условіяхъ молекулъ; и точно, многіе между наиболѣе склонными къ строгимъ логическимъ разсужденіямъ умами уже пришли относительно химическихъ явленій къ аналогичному выводу, ни мало не подозрѣвая глубоко обманчиваго и призрачнаго характера подобной дедукціи. Въ біологіи, опять-таки, можно и, логически говоря, даже должно, отправляясь отъ важной въ высшей степени роли, принадлежащей химическимъ процессамъ во всей совокупности органическихъ явленій, прійдти къ заключенію, что химическое сродство есть единственная реальная причина, таинственное дѣйствіе которой вызываетъ наружу, поддерживаетъ и заканчиваетъ жизнедѣятельность всѣхъ существъ. И такъ, дедуктивное или психологическое объясненіе соціальныхъ явленій служитъ лишь новымъ доказательствомъ кореннаго безсилія чистой дедукціи размотать запутанныя нити наиболѣе сложныхъ явленій; тутъ представляется даже единственный въ своемъ родѣ случай убѣдиться въ безусловной справедливости философской аксіомы, утверждающей, что въ дѣлѣ объясненія природы ничто, въ концѣ-концовъ, не можетъ замѣнить намъ опытъ и непосредственное наблюденіе явленій.

6. При изслѣдованіи существенныхъ условій, от-

личающихъ спеціальный предметъ соціологическаго анализа отъ предмета анализа біологическаго, прибѣгали также и къ послѣднему методу, къ непосредственному наблюденію явленій; и результаты, при этомъ полученные, само собою разумѣется, имѣли уже совсѣмъ иной характеръ. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на одно обстоятельство. Въ то время, какъ психическое объясненіе сообщало, такъ сказать, свой собственный отпечатокъ всей соціальной наукѣ, которая, вслѣдствіе одного только допущенія этой гипотезы, неизбѣжно становилась и сама наукою дедуктивною по преимуществу, — противоположное объясненіе, основанное на наблюденіи фактовъ историческихъ или выражающихъ собою эволюцію, сохраняло и даже еще болѣе упрочивало за соціальной наукой характеръ науки строго описательной или, другими словами, науки непосредственнаго наблюденія. Объясненіе, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ Конту; но и нѣкоторые другіе писатели, до и послѣ него, пришли совершенно самостоятельно, какъ мнѣ кажется, къ результатамъ весьма близкимъ къ положеніямъ Конта.

Среди массы разнообразныхъ явленій, которыя, соединяясь между собою и реагируя другъ на друга, обусловливаютъ возникновеніе того или другого соціальнаго движенія, особенно два порядка фактовъ тщательно отмѣчаются этимъ объясненіемъ, которое представляетъ собою настоящую индукцію и которое я буду называть *соціологическимъ*, въ отличіе отъ характеризованнаго выше объясненія, психологическаго. Факты, о которыхъ я говорю, занимаютъ въ исторіи несравненно менѣе видное мѣсто, чѣмъ психическія явленія, бросающіяся въ

глаза на каждой страницѣ, чтобы не сказать на каждой строкѣ историческаго бытописанія; и съ перваго взгляда они представляются даже имѣющими лишь совершенно второстепенное значеніе. Неудивительно поэтому, что они, хотя грубымъ и эмпирическимъ образомъ, но были уже извѣстны за долго до того, когда впервые выяснилась ихъ дѣйствительная важность и та громадная роль, которую по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ играетъ въ общественной эволюціи. Эти два порядка фактовъ суть: совмѣстное участіе въ каждомъ соціальномъ явленіи элементовъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга (между тѣмъ какъ въ явленіяхъ біологическихъ и психологическихъ совмѣстно участвуютъ элементы, матеріально близкіе другъ къ другу и тѣсно связанные между собою), и — историческая филіація (преемство) или вліяніе всей совокупности прошедшаго на настоящее и будущее.

Соціологическое объясненіе общественныхъ явленій состоитъ въ томъ, что эти два разряда фактовъ признаются условіями новыми и неизвѣстными индивидуальной формѣ органическаго существованія, — другими словами, признаются первичными соціальными фактами, дифференцирующими коллективные организмы отъ индивидуальныхъ. Кромѣ того, факты эти, хотя и имѣютъ, подобно всякому другому соціальному явленію, біологическіе корни, тѣмъ не менѣе не могутъ быть непосредственно выведены изъ знанія законовъ, управляющихъ какъ чисто жизненными, такъ и исключительно психическими явленіями.

Но изъ этихъ двухъ неизбѣжныхъ условій всякаго соціальнаго явленія, лишь второе, на мой взглядъ, безспорно обнаруживаетъ достаточно яркій специфи-

ческій характеръ, чтобы можно было признать его за первичный соціологическій фактъ. Что же касается независимости другъ отъ друга элементовъ, совмѣстно участвующихъ въ произведеніи соціальныхъ явленій, то она, строго говоря, сводится лишь къ тому, что между общественными факторами существуетъ относительно меньшая зависимость, если сравнивать ихъ дѣйствіе и, главнымъ образомъ, ихъ взаимное положеніе въ пространствѣ съ дѣйствіемъ и положеніемъ элементовъ, входящихъ въ образованіе индивидуальныхъ организмовъ и обусловливающихъ явленія жизни и мысли; такъ что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ различіемъ не по существу, а только по степени. Но и такому различію не слѣдуетъ придавать слишкомъ много вѣса, пока не представится возможность провѣрить, насколько оно реально, и не есть ли оно въ значительной мѣрѣ только кажущееся. Представленіе о независимыхъ факторахъ, которые тѣмъ не менѣе совокупно участвуютъ въ произведеніи какого-либо ряда сложныхъ слѣдствій, точно такъ же, какъ соотносительное представленіе о дѣйствіи, производимомъ на извѣстномъ разстояніи однимъ тѣломъ на другое, суть представленія, которыя, по всей вѣроятности были подсказаны нашему уму слишкомъ спѣшнымъ и поверхностнымъ опытомъ или неполнымъ наблюденіемъ явленій дѣйствительной жизни. Нужно постоянно быть на стражѣ противъ подобныхъ обмановъ умственнаго зрѣнія, какъ необходимо постоянно исправлять многочисленные обманы зрѣнія физическаго. Индукція, возводящая въ первичный соціологическій фактъ соучастіе въ соціальныхъ явленіяхъ элементовъ, признаваемыхъ независимыми другъ отъ друга, не принимаетъ достаточно въ раз-

счетъ легкости, съ которою человѣческій умъ считаетъ реальными, дознанными наблюденіемъ фактами различныя, имѣющія болѣе или менѣе эмпирическое происхожденіе иллюзіи. Ни одного изъ этихъ возраженій нельзя привести противъ второго условія, служащаго къ дифференцированью соціальныхъ явленій отъ біологическихъ, и заключающагося въ фактѣ «постепеннаго и непрерывнаго вліянія однихъ человѣческихъ поколѣній на другія». Условіе это особенно выдвигается впередъ индукціей, лежащей въ основаніи соціологическаго объясненія общественныхъ фактовъ, и характеризуется Контомъ, какъ «главное явленіе соціологіи, устанавливающее съ наибольшей очевидностью ея научную самобытность». Съ своей стороны, я думаю, что это условіе полезно принять уже теперь — если не окончательно, то, по крайней мѣрѣ, временно — за первичный фактъ соціологіи, играющій въ ней однородную роль съ тою, которая въ біологіи, напримѣръ, принадлежитъ ассимиляціи и обратному процессу органическаго выдѣленія.

Мнѣ кажется, что весьма трудно отвергать важное значеніе для науки того общаго понятія, которое соотвѣтствуетъ этому факту; но, въ то же время, мнѣ кажется невозможнымъ не видѣть, какъ сильно это значеніе уменьшается собственно только вслѣдствіе недостатка точности въ терминахъ, или неопредѣленнаго и сбивчиваго характера формулъ, обыкновенно употребляемыхъ для выраженія всей совокупности фактовъ, изъ которыхъ слагается понятіе объ исторической филіаціи. Такія выраженія, какъ «постепенное вліяніе однихъ поколѣній на другія», и даже болѣе общая и, по тому самому, нѣсколько болѣе точная формула, согласно съ которою рѣчь въ дан-

номъ случаѣ должна идти о «вліяніи всей совокупности прошедшаго на настоящее и будущее», недостаточно опредѣляютъ реальный характеръ или самое содержаніе этого вліянія, и оставляютъ неразъясненнымъ спеціальный способъ его дѣйствія.

Разъясненіе такого рода пытался дать даровитый ученикъ Конта, Литтре; и попыткѣ этой, на мой взглядъ, нельзя отказать въ большихъ достоинствахъ. Развитіе, приданное Литтре представленію Конта о «главномъ явленіи соціологіи», позволяетъ уже теперь, какъ мнѣ кажется, включить это представленіе въ число руководящихъ гипотезъ соціальной науки. Ниже, поэтому, я заключаю настоящій параграфъ изложеніемъ сущности мнѣній Литтре по вопросу о ближайшемъ опредѣленіи способа дѣйствія фактора, на преобладаніе котораго въ соціологіи уже указывали Контъ и другіе мыслители.

По мнѣнію Литтре, «основное условіе исторической эволюціи заключается въ *свойственной человѣческимъ обществамъ способности создавать совокупности такихъ вещей, которыя могутъ и должны быть перенимаемы*. Традиція, памятники и письменность— таковы необходимыя орудія этой способности; въ нихъ она воплощается». Въ этихъ словахъ способъ дѣйствія вліянія, оказываемаго совокупностью прошлаго на настоящее и будущее, описывается какъ накопленіе, сохраненіе и передача результатовъ неорганическихъ или вещественныхъ въ тѣсномъ значеніи слова, и органическихъ или біологическихъ и, преимущественно, психическихъ, т.-е. вообще результатовъ, являющихся естественными и необходимыми продуктами всякой ассоціаціи въ пространствѣ и, главнымъ образомъ, во времени;—ассоціаціи, т.-е.

комбинаціи дѣйствій и реакцій между какимъ бы то ни было числомъ индивидуальныхъ организмовъ.

«Чтобы представить себѣ это явленіе,—поясняетъ Литтре,—достаточно окинуть взглядомъ, въ порядкѣ ихъ іерархической послѣдовательности, тѣ четыре обширныя сферы, которыя обнимаютъ всю нашу дѣятельность. Во-первыхъ, въ сферѣ потребностей, человѣкъ создаетъ орудія, ремесла, пріюты отъ непогоды, ткани для прикрытія и украшенія тѣла; чѣмъ болѣе все это наростаетъ и осложняется, тѣмъ необходимѣе становится для каждаго поколѣнія научить тому же слѣдующее за нимъ поколѣніе; вся первоначальная промышленность зарождается и укрѣпляется такимъ образомъ; но здѣсь нѣтъ надобности прослѣживать далѣе это развитіе. Вторая сфера обнимаетъ отношенія человѣка къ семьѣ и обществу, и отношенія его къ силамъ природы: первыя отношенія порождаютъ управленіе семьи, племени, общины, націи; вторыя даютъ начало религіямъ или представленіямъ о порядкѣ, управляющемъ вселенной. Извѣстно, какъ тщательно охранялись и передавались политическія и религіозныя учрежденія; и очевидно, какое громадное приращеніе получаетъ этимъ путемъ общее достояніе. Третья сфера—область поэзіи и искусствъ, представляетъ намъ то же зрѣлище. Въ ней одновременно вырабатываются и пріемы исполненія, и образцы для подражанія; нужно знать пріемы и нужно изучить образцы. Такимъ путемъ устанавливается традиція, преемственность изящнаго. Наконецъ, сфера сравнительно новѣйшаго происхожденія, область отвлеченнаго знанія, дополняетъ этотъ рядъ и образуетъ послѣднее звено въ цѣпи тѣхъ вещей, которыя могутъ и должны быть перенимаемы».

«Созданіе общаго фонда или складчины вещей, которыя должны быть переняты и выучены, есть фактъ чисто соціологическій... Съ этимъ созданіемъ связано, ему соотвѣтствуетъ преподаваніе, которое вначалѣ бываетъ инстинктивнымъ и безсознательнымъ, затѣмъ получаетъ опредѣленный и сознательный характеръ, и никогда не прерывается. Только общество создаетъ то, что̀ должно быть выучено, и оно одно заставляетъ выучиваться тому, что̀ создало».

Напомнивъ, далѣе, что Контъ придавалъ большое философское значеніе понятію объ историческомъ рядѣ, Литтре, вполнѣ соглашаясь съ Контомъ, замѣчаетъ: «Историческій рядъ у Конта является основаннымъ на опытѣ въ одной части своей, взятой прямо изъ исторіи; по отношенію же къ другой части, рядъ этотъ — чисто раціональный, такъ какъ Контъ образовалъ его, продолживъ различныя цивилизаціи, встрѣчаемыя въ исторіи, и добавивъ къ нимъ, въ качествѣ предшествующей ступени, дикое состояніе и фетишизмъ». Литтре признаетъ такой пріемъ совершенно законнымъ и, пользуясь новѣйшими пріобрѣтеніями науки, только завершаетъ Контовскій рядъ представленіемъ о біологическомъ человѣкѣ, ближайшемъ предкѣ до-историческаго человѣка первобытныхъ пещеръ и каменныхъ и костяныхъ орудій. Онъ возстановляетъ мысленно то состояніе, «въ которомъ это существо не имѣло еще никакихъ пріобрѣтеній, подлежащихъ передачѣ, обладая лишь тѣмъ, что дала ему въ удѣлъ природа. Это первая ступень, та, съ которой началась эволюція». Въ томъ же порядкѣ идей Литтре пользуется представляющимся ему случаемъ сравнить біологическій способъ и соціологическій въ дѣлѣ усовершен-

ствованія расы. «Біологическій способъ — говоритъ онъ—состоитъ, какъ извѣстно, въ подборѣ. Хозяинъ выбираетъ самцовъ и самокъ, обладающихъ извѣстными, ему нужными качествами; приплоду, получаемому такимъ образомъ, онъ также не дозволяетъ случайнаго спариванья и, прилагая эти старанія достаточно долгое время, упрочиваетъ, путемъ наслѣдственности, желательныя для него качества въ искусственной расѣ, имъ созданной [1]). Таковъ характеръ біологическаго способа; но, спрашивается, какіе результаты далъ бы такой подборъ, примѣненный къ человѣку? Онъ далъ бы расы, обладающія извѣстными физическими и нравственными способностями, но онъ не далъ бы ничего, что создаетъ эволюцію; онъ, самое бо́льшее, сдѣлалъ бы людей болѣе способными къ эволюціи тогда, когда бы эволюція уже обнаружилась (рѣчь здѣсь идетъ, разумѣется, о соціальной эво́люціи). Соціологическій способъ усовершенствованія расы, именно потому, что онъ соціологическій, не имѣетъ ничего общаго съ подборомъ. Его дѣло создавать то, что́ подлежитъ выучиванію, и нѣтъ ничего во всей біологіи, что́ могло бы служить ему замѣной. А потому, въ силу свойствъ, присущихъ человѣческимъ обществамъ, онъ образовался самъ собою и осуществилъ всѣ великія перемѣны, ознаменовавшія исторію. Общества подвергаются застою, когда сумма вещей, подлежа-

[1]) Замѣчу, что и природа дѣйствуетъ совершенно такимъ же образомъ въ естественномъ подборѣ. Только устраненіе случайныхъ спариваній тутъ никогда не проводится такъ строго, и осуществляется не индивидуальной волей и не тѣми жалкими средствами понужденія, къ которымъ послѣдняя можетъ прибѣгнуть, а совершается въ силу естественныхъ причинъ и понудительныхъ вліяній несравненно болѣе грознаго характера.

щихъ выучиванію, остается неизмѣнною, они идутъ назадъ. когда эта сумма уменьшается, они прогрессируютъ, когда эта сумма увеличивается».

Въ заключеніе Литтре пытается опредѣлить ту роль, которую въ соціальной эволюціи играютъ упражненіе и наслѣдственность. «Ни упражненіе, ни наслѣдственность, говоритъ онъ, не могутъ ни создавать движенія, свойственнаго эволюціи, ни придавать этому движенію направленія, которое оставалось бы постоянно неизмѣннымъ. Но, разъ эволюція началась и по мѣрѣ того, какъ она развивается, упражненіе, ею вызываемое, улучшаетъ служебные ей органы, а вліяніе наслѣдственности упрочиваетъ въ расахъ тѣ производныя способности, которыя можно назвать способностями къ цивилизаціи. Такими чертами опредѣляется второстепенная, не смотря на свою важность, роль, которую біологія играетъ въ основномъ фактѣ соціологіи» [1]).

7. *Дедуктивность соціологіи.* Теперь я перейду къ многообразнымъ трудностямъ, связаннымъ съ примѣненіемъ въ соціальной наукѣ дедуктивныхъ пріемовъ изслѣдованія. Я называю дедуктивностью науки бо́льшую или меньшую способность ея обогащаться открытіями, вырабатывать теоріи, словомъ, расти и развиваться строго дедуктивнымъ или разсудочнымъ способомъ приращенія и расширенія. Дедуктивность науки—это способность ея расти и развиваться, пренебрегая вовсе непосредственнымъ наблюденіемъ и опытомъ или, по крайней мѣрѣ, разсматривая и прямое наблюденіе и опытъ только какъ вспомогательныя средства для провѣрки, въ сомни-

[1]) La Science au point de vue philosophique. Paris, 1873.

тельныхъ случаяхъ, добытыхъ инымъ путемъ результатовъ. Въ дедуктивномъ знаніи, вмѣсто опыта и наблюденія, постоянно и преимущественно обращаются къ источнику свѣдѣній, почитаемому несравненно болѣе глубокимъ и чистымъ, именно къ выводу, путемъ простого умозаключенія, условій и законовъ явленій данной науки изъ условій и законовъ, принадлежащихъ другимъ областямъ человѣческаго знанія и уже прочно установленныхъ въ нихъ съ помощью либо индукціи, либо дедукціи. Такимъ образомъ, я строго ограничиваю употребленное выше выраженіе примѣненіемъ его къ дедукціи, такъ-сказать, междунаучной или, другими словами, къ такой дедукціи, которая дѣлаетъ заключенія и выводы не изъ общихъ началъ, присущихъ спеціальной наукѣ, расширеніе и развитіе которой имѣется въ виду, а изъ началъ, теорій и законовъ, принадлежащихъ какой бы то ни было другой наукѣ.

Что же касается вопроса о дедукціи, строго ограниченной предѣлами одной и той же науки, я здѣсь не имѣю надобности обсуждать его, но не могу не замѣтить, что такое примѣненіе логическихъ средствъ представляется мнѣ вполнѣ законнымъ. Оно необходимо для правильнаго роста и полнаго развитія спеціальной науки. Все, что̀ существуетъ и способно возрастать и увеличиваться не путемъ приращенія извнѣ, а путемъ развитія и естественнаго расширенія изъ внутри наружу, имѣетъ полнѣйшее право совершать безпрепятственно эту необходимую эволюцію въ полномъ ея объемѣ. Это примѣнимо и къ научнымъ истинамъ, — къ общимъ представленіямъ ума объ явленіяхъ и ихъ условіяхъ: истинамъ этимъ никогда не слѣдовало бы мѣшать приносить всѣ плоды, на

какіе онѣ способны. Къ несчастью, часто смѣшиваютъ дедукцію внутри одной и той же науки съ дедукціей, переступающей естественныя границы между различными науками; такимъ образомъ, безспорная полезность первой и опасность, представляемая второю, постоянно и ошибочно переносятся съ одной на другую, и мы нерѣдко видимъ, что междунаучную дедукцію превозносятъ до небесъ, употребляя доводы, почерпнутые изъ разсмотрѣнія роли дедукціи внутри одной и той же науки, а съ другой стороны, къ дедукціи послѣдняго рода обращаютъ иногда упреки, которые могутъ быть оправданы лишь сознаніемъ пагубнаго вліянія въ области знанія дедукціи междунаучной.

Опредѣливъ точный смыслъ новаго термина, который я былъ вынужденъ употребить, я могу формулировать теперь слѣдующее общее правило: чѣмъ значительнѣе дедуктивность данной науки, тѣмъ болѣе послѣдняя приближается къ типу *конкретной науки*,—типу, существенныя черты котораго были опредѣлены въ началѣ настоящаго труда. И наоборотъ, разумѣется, чѣмъ ограниченнѣе въ извѣстной области знанія возможность обращаться къ дедуктивнымъ пріемамъ, тѣмъ ближе предположеніе, что данная наука представляетъ вполнѣ самостоятельную отрасль, или принадлежитъ къ такъ-называемымъ *отвлеченнымъ наукамъ*. Чтобы убѣдиться въ вѣрности этого положенія, стоитъ только припомнить наши опредѣленія конкретной и абстрактной науки; положеніе это составляетъ лишь естественный выводъ изъ этихъ опредѣленій.

Но руководствуясь этой формулою, мы, по одному бѣглому разсмотрѣнію извѣстныхъ, легко распозна-

ваемыхъ признаковъ, можемъ каждый разъ опредѣлить родъ или видъ въ наукѣ, если можно такъ выразиться, данной группы знаній, и даже мѣсто, занимаемое этою группою въ великомъ научномъ рядѣ, обнимающемъ какъ отвлеченныя, такъ и конкретныя науки, и заключающемъ въ себѣ, сверхъ того, всѣ оттѣнки, служащіе переходными ступенями отъ абстрактной науки въ конкретной и обратно. Эти оттѣнки крайне многочисленны: они незамѣтно, но крѣпко связываютъ между собою различныя звенья научной цѣпи; одни изъ нихъ образуютъ отрасли знанія болѣе абстрактныя, другіе—отрасли, въ которыхъ конкретность преобладаетъ надъ абстрактностью; но всѣ рано или поздно, и какія бы сомнѣнія и колебанія ни возбуждала сначала ихъ классификація, входятъ въ кругъ той или другой, абстрактной или конкретной науки, какъ отдѣльныя ея части или главы. Отсюда слѣдуетъ, что каждая конкретная наука заключаетъ въ себѣ отдѣлы, имѣющіе отвлеченный характеръ, свойственный абстрактной наукѣ, и каждая абстрактная наука содержитъ въ себѣ отдѣлы, имѣющіе характеръ, свойственный наукѣ конкретной [1]).

---

[1]) Всѣ науки изобилуютъ примѣрами такихъ теорій смѣшаннаго характера. Приведу одинъ изъ нихъ, взятый на удачу. Объясненіе броженія, данное Пастеромъ, позволяетъ опредѣлить послѣднее какъ „жизнь безъ воздуха“. Пастеръ доказываетъ, что микроскопическіе организмы, обусловливающіе броженіе извѣстныхъ, изолированныхъ отъ дѣйствія внѣшняго воздуха жидкостей, живутъ на счетъ кислорода различныхъ химическихъ соединеній, заключающихся въ этихъ жидкостяхъ (сахаръ, крахмалъ, казеинъ и т д.). Результатомъ этого раскисленія первоначальныхъ соединеній является образованіе новыхъ, каковы, напримѣръ, алкоголь, бутиловая кислота и т. д. Теорія эта основана на извѣстномъ количествѣ непосредственныхъ на-

Примѣненіе къ устанавливающимся между біологіей и соціологіей отношеніямъ формулированнаго выше общаго правила не представляетъ особыхъ затрудненій. Біологическія и соціологическія явленія связаны тысячью нитей, и нерѣдко такъ переплетены, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга нѣтъ никакой возможности; и каждый соціологическій фактъ извѣстной стороною своего полнаго проявленія всегда принадлежитъ къ разряду жизненныхъ процессовъ въ тѣсномъ значеніи слова. Отсюда слѣдуетъ, что біологическая сторона соціологическихъ явленій должна всегда по возможности быть сводима къ общимъ условіямъ и законамъ, управляющимъ явленіями жизни,— сводима, говорю я, а слѣдовательно, и выводима изъ этихъ законовъ и условій. Но не менѣе очевидно и то, что части или главы соціальной науки, въ которыхъ будетъ происходить этотъ необходимый процессъ сведенія и вывода, всегда останутся отдѣлами, имѣющими простое вспомогательное значеніе, останутся, такъ-сказать, лишь введеніемъ къ соціальному изслѣдованію и будутъ носить характеръ весьма явственно выраженной конкретности, такъ какъ онѣ будутъ только примѣнять результаты абстрактнаго изученія жизненныхъ явленій къ біологической сторонѣ всей

блюденій и разнообразныхъ опытовъ. Этой стороною своей она индуктивна, и мы видимъ, что она вводитъ въ абстрактную біологію понятіе объ особой формѣ животнаго существованія, о жизни въ средѣ, лишенной атмосфернаго воздуха Но эта теорія не могла бы возникнуть безъ помощи предварительныхъ знаній, принадлежащихъ къ области химіи и біологіи; этой послѣдней стороной она дедуктивна, и если мы взглянемъ на нее исключительно съ точки зрѣнія участія въ образованіи ея химическихъ и біологическихъ данныхъ, мы должны будемъ признать, что она можетъ быть одинаково относима къ области двухъ смежныхъ наукъ—біологіи и химіи.

совокупности соціальнаго явленія. Но эта совокупность и чисто соціологическая характеристика явленій будутъ въ нихъ постоянно ускользать отъ изслѣдователя. Позволительно даже думать, что, если не догматически и въ дѣлѣ преподаванія, то логически, такія части или главы не выводятъ насъ изъ сферы прикладной біологіи и не вводятъ насъ въ абстрактную соціологію.

Но по мѣрѣ того, какъ отъ соображеній біологическихъ или смѣшаннаго характера мы подымаемся къ соображеніямъ исключительно соціологическаго порядка, т.-е. по мѣрѣ того, какъ мы проникаемъ въ область дѣйствительно основной или абстрактной науки, дедуктивность изслѣдованій быстро ослабѣваетъ, и мы вскорѣ доходимъ до точки, на которой, можно сказать, ея почти вовсе не существуетъ. Это явленіе неизмѣнно повторяется во всѣхъ абстрактныхъ наукахъ, и повидимому имѣетъ даже мѣсто и въ конкретныхъ наукахъ, съ тою только разницею, что тутъ начинаютъ съ установленія извѣстныхъ абстрактныхъ началъ и общихъ законовъ, и уже кончаютъ примѣненіемъ этихъ началъ и законовъ къ данному цѣлому, къ извѣстной конкретной группѣ фактовъ.

Точка, на которой ощущается въ отвлеченной наукѣ полнѣйшее безсиліе дедукціи,—та именно, съ которой научное зрѣніе начинаетъ охватывать наиболѣе широкій горизонтъ, какой только можетъ развернуть передъ нами извѣстный порядокъ явленій, и откуда передъ изслѣдователемъ открываются, наконецъ, наиболѣе общіе законы, управляющіе этими явленіями. На этой точкѣ, всѣ обращенія человѣческаго ума къ свойственной ему способности сведенія,

дедукціи, примѣненія — термины эти въ данномъ случаѣ однозначущи—остаются тщетными, безплодными усиліями. Общіе законы явленій неизмѣнно познаются лишь съ помощью индуктивныхъ пріемовъ изслѣдованія. Насъ не должно обманывать нерѣдко встрѣчаемое тожество въ формулахъ, служащихъ для выраженія общихъ законовъ, управляющихъ явленіями различныхъ порядковъ, это тожество, какъ было уже указано въ главѣ о реальной аналогіи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ сводимости явленій одного порядка къ явленіямъ другого, или возможности непосредственнаго вывода какого-либо общаго закона въ извѣстной научной области изъ закона, принадлежащаго другой области.

Я могу теперь, въ заключенье, отчетливо формулировать то отношеніе между біологіей и соціологіей, которое касается возможности вывести законы, управляющіе обществами, этими своеобразными организмами, носителями начала коллективности, изъ законовъ, управляющихъ біологическими агрегатами и единицами, — организмами совершенно иного устройства, въ которыхъ преобладаетъ начало индивидуальности.

На долю біологіи выпадаетъ, въ этомъ отношеніи, двойная задача. Знаніе явленій жизни и ихъ законовъ составляетъ, по двумъ причинамъ, необходимое условіе всякаго раціональнаго изученія собственно соціальныхъ явленій. Во-первыхъ, — и въ этомъ заключается положительная часть задачи — знаніе это необходимо, чтобы непосредственно, путемъ простой дедукціи, выдѣлить изъ соціальнаго явленія ходъ и результаты различныхъ, осложняющихъ его біологическихъ процессовъ. И во-вторыхъ, — и въ этомъ

заключается отрицательная часть задачи—знаніе это необходимо, чтобы, вслѣдъ за этой предварительной дедукціей, ведущей къ искусственному или разсудочному обособленію соціологическихъ неизвѣстныхъ отъ біологическихъ данныхъ, и послѣ устраненія такимъ путемъ всякихъ поводовъ къ смѣшенію, — въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, направленныхъ къ открытію специфическихъ (хотя бы и очень общихъ) законовъ, управляющихъ совокупностью соціальнаго явленія, строго остерегаться какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ біологическихъ дедукцій [1]). Безъ глубо-

[1]) Отсылая читателя, что касается философской стороны этого важнаго вопроса, къ первымъ главамъ настоящей книги, я здѣсь замѣчу только, что научная методологія до сихъ поръ еще представляетъ нѣчто въ родѣ вавилонскаго столпотворенія, въ которомъ слова индукція, дедукція, низшая наука, математическій методъ и т. д., употребляются въ самыхъ разнообразныхъ и подчасъ даже совершенно фантастическихъ значеніяхъ. Такъ, напримѣръ, нерѣдко приходится слышать, что открытіемъ физическихъ и химическихъ законовъ мы обязаны математическому методу, и ходъ этой мнимой математической дедукціи едва ли не представляется еще многимъ въ такомъ видѣ, будто она состоитъ въ выводѣ физическаго или химическаго закона изъ закона о квадратѣ гипотенузы или какого-либо другого математическаго положенія. Между тѣмъ совершенно ясно, что физическія и химическія дедукціи были облегчены употребленіемъ, нерѣдко весьма обширнымъ, математическихъ формулъ, но что произведены онѣ были лишь при помощи двоякаго рода данныхъ: широкаго *количественнаго физическаго обобщенія* (вовсе не составляющаго закона математическаго или относящагося къ абстрактному, ничѣмъ не квалифицированному количеству), и случаевъ болѣе частнаго свойства, но равнымъ образомъ принадлежащихъ къ области физики; или же помощью широкаго *количественнаго химическаго обобщенія* и частныхъ химическихъ случаевъ.

Здѣсь также мѣсто высказать мое убѣжденіе, что Контъ ошибся, полагая, что онъ вывелъ эмпирическій законъ трехъ состояній изъ однороднаго закона, принадлежащаго къ области психологіи и, слѣдовательно, какъ онъ говоритъ, имѣющаго болѣе общій харак-

каго знанія біологіи и безъ тѣхъ предварительныхъ анализовъ, которые знаніе это позволяетъ произвести, было бы почти немыслимо избѣгнуть невольнаго смѣшенія между вліяніями, обусловливаемыми чисто физіологическими, и вліяніями, обусловливаемыми

теръ Въ сущности, какъ мнѣ кажется, тутъ вовсе не было дедукціи (*если только я понимаю* этотъ терминъ въ смыслѣ Конта), а было лишь установленіе простой аналогіи То, что происходитъ въ социальной массѣ, происходитъ и въ умѣ каждой отдѣльной личности, входящей въ составъ этой массы. Вѣское возраженіе противъ этой мнимой дедукціи социальнаго закона изъ закона біологическаго представляется уже въ формѣ слѣдующихъ вопросовъ. Дѣйствительно ли къ области біологіи принадлежитъ законъ, имѣющій притязаніе быть болѣе общимъ? Развѣ мы тутъ имѣемъ дѣло съ біологическими индивидами, а *не съ* соціологическими единицами? И не есть ли скорѣе болѣе общій законъ простое отраженіе или *слѣдствіе того* закона, который изъ него выводятъ? Словомъ, не есть ли психическое развитіе, хотя и индивидуальное, но совершающееся въ общественной средѣ, простое слѣдствіе той совокупности социальныхъ причинъ, которая находитъ себѣ выраженіе въ эмпирическомъ законѣ трехъ состояній, или, по крайней мѣрѣ, не есть ли оно явленіе сопутствующее и представляющее одинаковую степень общности?

Вообще, нельзя не замѣтить, что въ вопросѣ объ истинныхъ границахъ соціологической дедукціи мысль Конта представляется колеблющеюся и неопредѣленною, въ особенности въ болѣе позднихъ его произведеніяхъ, въ которыхъ, оцѣнивая современныя явленія, онъ дѣлаетъ по отношенію къ нимъ предсказанія, носящія совершенно апріористическій и даже личный характеръ. Торопливое желаніе покинуть пути эмпиризма и придать новой наукѣ, основателемъ которой онъ по справедливости считалъ себя, характеръ раціональности, уже ставшій удѣломъ старѣйшихъ наукъ, вѣроятно въ значительной степени способствовало злоупотребленію *апріористическими разсужденіями, въ которомъ его можно упрекнуть*, и философской непослѣдовательности, благодаря которой онъ могъ высказать слѣдующіе два діаметрально противоположные взгляда „Соціологія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, допускаетъ пользованіе соображеніями *a priori*, вслѣдствіе ли зависимости отъ предшествующихъ наукъ, или вслѣдствіе коренного единства, свой-

чисто соціальными причинами; или избѣгнуть того, чтобы къ индукціи, къ непосредственному наблюденію и къ научному описанію постоянно не примѣшивались, парализируя значительную часть усилій научнаго изслѣдователя, обманчивыя дедукціи, почерпаемыя изъ области біологіи.

ственнаго ея предмету, или же, наконецъ, вслѣдствіе полноты тѣхъ логическихъ средствъ, которыми она располагаетъ... Зависимость идей наиболѣе сложныхъ отъ наиболѣе общихъ придаетъ въ этой наукѣ величайшую важность соображеніямъ *a priori*, выводимымъ изъ предшествующихъ наукъ; и разборчивое пользованіе въ ней соображеніями этого рода сообщаетъ преимущественно дедуктивный характеръ большинству основныхъ положеній, которыя въ другихъ, болѣе изолированныхъ наукахъ могутъ быть только индуктивными.“ Между тѣмъ въ другомъ, весьма извѣстномъ мѣстѣ Контъ говоритъ: „Очевидно невозможно вывести соціальныя явленія, помимо *прямаго ихъ наблюденія*, изъ одного знанія индивидуальныхъ законовъ, такъ какъ каждая изъ ступеней соціальной эволюціи можетъ быть связываема лишь со ступенью, непосредственно ей предшествующею, хотя общая совокупность ихъ и должна всегда согласоваться съ біологическими понятіями“. („Leçons“ 58me:- et 59-me).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

психологія и соціологія.

1. Въ прошедшей главѣ, говоря о новыхъ факторахъ, привходящихъ въ соціальныя явленія и отличающихъ ихъ отъ явленій біологическихъ, мы въ нѣсколькихъ словахъ коснулись теоріи, которая старается объяснить факты общественной жизни, тѣсно связывая ихъ съ психологическими и разсматривая первые какъ позднѣйшее усложненіе и развитіе послѣднихъ. Мы указывали на естественныя послѣдствія такого рода воззрѣній, превращающихъ соціологію въ рядъ конкретныхъ изслѣдованій, служащихъ дополненіемъ къ абстрактной и основной наукѣ — психологіи, которая, какъ извѣстно, не нашла себѣ мѣста въ научномъ ряду, принятомъ положительною философіею. Мы указывали также на полнѣйшую ошибочность такого взгляда, всецѣло опирающагося на ничѣмъ не подтвержденное предположеніе касательно самой природы психологическихъ явленій. Но замѣчанія наши были отрывочны и случайны, и только поверхностно затрогивали вопросъ.

Въ настоящей главѣ, мы, напротивъ того, остановимся исключительно на разсмотрѣніи этой важной, и естественно примыкающей ко всему предыдущему изложенію, стороны занимающаго насъ ряда вопросовъ.

Отношенія, связывающія соціальныя изслѣдованія съ разработкою психологическихъ данныхъ, составляютъ предметъ задачи столь же интересной, сколько, къ сожалѣнію, еще исполненной множества различныхъ трудностей.

У самаго порога вопроса насъ встрѣчаетъ неизбѣжная дилемма. Одно изъ двухъ: или психическія явленія вполнѣ принадлежатъ къ явленіямъ біологическаго порядка, и тогда отношенія ихъ къ соціальнымъ явленіямъ необходимо управляются законами, регулирующими отношенія этихъ послѣднихъ къ явленіямъ біологическимъ, и самый вопросъ, поставленный нами въ настоящей главѣ, является уже вполнѣ разрѣшеннымъ въ предыдущей; или же — наоборотъ—психическіе факты представляютъ собою особый порядокъ явленій, не совпадающій, во всѣхъ своихъ точкахъ, съ порядкомъ біологическимъ; и тогда необходимо рельефно выставить эти точки, указать на отличительныя черты психическихъ явленій, выяснить настоящее значеніе ихъ въ области общаго знанія или философіи, и изъ всѣхъ этихъ посылокъ сдѣлать заключеніе о новыхъ и особыхъ отношеніяхъ, которыя должны образоваться между психологическими и соціальными изслѣдованіями. Обѣ стороны этой дилеммы должны быть разсмотрѣны.

2. Большія усилія были сдѣланы позитивною школою чтобъ доказать, что психическія явленія должны, для всякаго рода цѣлей, но въ особенности

въ виду ихъ научнаго изслѣдованія, быть отнесены къ числу явленій, разсматриваемыхъ физіологіей мозга. Замѣчательный споръ возникъ на этой почвѣ у позитивистовъ съ психологическою школою, которая хотя и отвергала всеобщія и необходимыя идеи a priori, признавая только относительныя идеи a posteriori, но не рѣшалась сдѣлать изъ психологіи простую главу, отдѣлъ біологіи, и требовала для психологическихъ изслѣдованій особаго, часто даже главнаго мѣста и въ философіи и въ серіи наукъ. Составляющій, собственно говоря, только выведенное изъ опыта обобщеніе основной принципъ біологовъ, что мысль связана съ нервнымъ веществомъ, какъ тяготѣніе и теплота связаны съ матеріею вообще, не затрогивался вовсе въ этой полемикѣ, или, лучше сказать, и съ той и съ другой стороны его одинаково подразумѣвали. Но принятіе того или другого частнаго *субстрата* нисколько не давало еще права предрѣшать философскій и научный характеръ соотвѣтственнаго *свойства*, которое могло быть разсматриваемо или какъ чисто біологическое во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, или же какъ представляющее новое, высшее и несводимое осложненіе въ ряду свойствъ вещества; мнѣнія и тутъ, слѣдовательно, радикально расходились, хотя и это только подразумѣвалось и прямо не высказывалось.

Ниже я резюмирую главныя черты этой полемики, приводя изъ посвященной этому вопросу статьи Литтре [1]) наиболѣе выдающіяся мѣста. Начинаю съ изложенія историческаго хода полемики, такъ какъ

---

[1]) La Philosophie positive. T. I, двѣ статьи, озаглавленныя: „De la méthode en physiologie“.

исторія, во всякаго рода вопросахъ, лучше всего уясняетъ дѣло.

«Когда Декартъ (дальше не для чего восходить)», говоритъ Литтре. «началъ философствовать съ помощью свойственнаго ему дедуктивнаго метода, онъ взялъ за исходную точку аксіому (cogito ergo sum), на-долго сдѣлавшуюся знаменитою, и вывелъ изъ нея всю метафизику. Такимъ образомъ установилось философское преобладаніе психологіи, противъ котораго такъ энергически возсталъ Контъ, сдѣлавъ изъ психологіи часть біологіи. Картезіанская школа скоро, однако, распалась на двѣ вѣтви. въ одной психологія служила основаніемъ метафизики, давая ученіе о врожденныхъ идеяхъ, всеобщихъ и необходимыхъ, которыя являлись ручательствомъ объективнаго существованія сверхъестественнаго міра; другая, со времени Локка и по его примѣру, ограничилась положительнымъ изученіемъ духовной и нравственной природы человѣка, насколько она проявляется въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Много замѣчательныхъ людей работало въ этомъ направленіи: Локкъ, Кондильякъ, шотландская школа и—подъ именемъ антропологіи—Кантъ, его ученики и послѣдователи. Въ чемъ бы ни заключалось, впрочемъ, разногласіе между двумя школами, и въ томъ и въ другомъ лагерѣ были убѣждены, что психологія источникъ первыхъ, основныхъ началъ міра, а слѣдовательно и философіи. Но и возведенная такимъ образомъ на степень основной науки, психологія продолжала страдать скрытымъ, въ то время никѣмъ не замѣченнымъ недугомъ; онъ состоялъ въ томъ, что общее ученіе о мірѣ основывалось на такомъ частномъ явленіи, какъ природа человѣка. При-

знаки внутренняго разложенія этой школы обнаружились скоро. Локкъ и его послѣдователи не переставали колебать основы метафизической психологіи, т.-е. врожденность, всеобщность и необходимость идей; а шотландская школа, ближе всѣхъ стоявшая къ положительному рѣшенію вопроса, не очень-то противилась окончательному устраненію ученія о метафизическихъ сущностяхъ и сосредоточенію философіи на изученіи человѣческой природы, идеологіи и морали [1]). Развитіе этого ученія было прервано, какъ ниже будетъ изложено,— Контомъ; но предположивъ, въ видѣ гипотезы, что оно продолжалось бы, можно спросить, что-бы изъ него вышло: оно оказалось бы настолько-же безплоднымъ какъ и развитіе ученія метафизическаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Не смотря на громкое предъявленіе права быть родоначальницей первыхъ принциповъ, психологія эта оставалась бы безъ всякой

[1]) Психологія, въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, „содержитъ въ себѣ еще цѣлый рядъ другихъ ученій, какъ-то: вопросъ о достовѣрности, теорію причинности, ученіе объ общихъ понятіяхъ, о разсужденіи, о законахъ и формахъ мышленія и т. п. Все это въ срединѣ XVIII-го вѣка называлось метафизикою, а въ концѣ идеологіею, какъ видно изъ слѣдующей фразы д'Аламбера: „Метафизика имѣетъ предметомъ разсмотрѣніе процесса зарожденія идей“, и изъ словъ Дестютта-Траси: „Двѣ не только различныя, но и противоположныя, хотя постоянно смѣшиваемыя науки, именно древняя теологическая метафизика, или метафизика въ тѣсномъ смыслѣ слова, и современная философская метафизика или идеологія“. Литтре даетъ всѣмъ этимъ ученіямъ названіе производной или секундарной психологіи, въ противоположность къ психологіи первичной или основной, заключающей въ себѣ теорію умственныхъ и нравственныхъ способностей; при чемъ идеологію онъ подчиняетъ физіологіи разсудочныхъ способностей, а этику — физіологіи чувствъ.

связи съ науками (вѣское доказательство, что она неправильно поставлена іерархически). Кромѣ того, физіологія мозга, развиваясь, оспаривала бы у нея ея область, и этотъ источникъ первыхъ, основныхъ началъ сдѣлался бы яблокомъ раздора между физіологіею, которая, очевидно, не можетъ обладать знаніемъ этихъ началъ, и психологіею, самое оспариваніе у которой ея области служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что она обладаетъ этимъ знаніемъ только по имени. Вотъ въ какомъ положеніи дѣла Контъ объявилъ, что психологія есть не иное что, какъ отдѣлъ біологіи.... Изъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія физіологіи и психологіи, Контъ, въ замѣчательной книгѣ, положившей основаніе позитивной философіи, призналъ только одну: устраняя психологію во всѣхъ ея формахъ, даже въ той, которая была придана ей Локкомъ и шотландской школой, онъ, въ главѣ о біологіи, далъ мѣсто лишь одной физіологіи мозга. Но психологія тотчасъ-же отвергла приговоръ, произнесенный Контомъ. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ ея представителей, Д. Стюартъ Милль, не смотря на глубокое удивленіе, которое внушали ему систематизація наукъ и историческая теорія О. Конта, заявилъ, что покуда психологія не будетъ введена въ научную серію, система Конта останется несовершенною, и что завершеніе системы позитивной философіи—дѣло будущей, болѣе широкой синтетической разработки. Болѣе того, самъ Контъ измѣнилъ впослѣдствіи свое первоначальное и твердое мнѣніе, и въ послѣдніе годы своей жизни начерталъ, подъ именемъ теоріи нравственности, общую программу психологіи. Книга, которую онъ собирался написать, имѣла въ виду обоснованіе знанія человѣческой при-

роды; но въ обоснованіи такого знанія и заключалась задача психологовъ, которую они такъ или иначе, хорошо или дурно, а выполнили».

Привожу еще слѣдующую характеристику общаго развитія идей о психологіи: «Психологія, исторически предшествовавшая физіологіи мозга и начавшая свои изслѣдованія съ наиболѣе замѣтныхъ явленій разума и чувства, на первыхъ порахъ неизбѣжно должна была придать характеръ независимости, всеобщности и необходимости присущимъ этому роду изысканій понятіямъ и началамъ; и такимъ-то образомъ она и сдѣлалась временною основою философіи. Но начиная съ Локка, возникла новая психологическая школа, которая стала все болѣе и болѣе стремиться доставить и въ психическихъ вопросахъ преобладаніе элементу относительности, окончательно выдѣливъ независимость, всеобщность и необходимость, т.-е. абсолютное. Въ силу этого стремленія, историческіе мотивы котораго не могутъ не быть ясны для всякаго, кто знакомъ съ философіей Конта, новая школа значительно приблизилась къ біологической школѣ, которая, выдвигая впередъ физіологію мозга, довершаетъ тѣмъ торжество относительныхъ началъ; ибо относительная точка зрѣнія, преслѣдуемая психологіей Локка и его преемниковъ — не иное что, какъ введеніе физіологіи мозга въ область психологіи. Относительность и физіологія мозга — соотвѣтственные и равнозначущіе термины».

Перехожу теперь къ постановкѣ спорныхъ вопросовъ, сдѣланной Литтре. «Первый пунктъ спора, говоритъ онъ, касается мѣста, которое, съ философской точки зрѣнія, слѣдуетъ дать ученію о человѣ-

ческой природѣ». Нужно-ли, какъ сдѣлалъ Контъ въ первомъ своемъ сочиненіи, сократить все это ученіе въ нѣсколько общихъ положеній, которыя найдутъ свое мѣсто въ философіи біологіи, или же должно, съ психологами всѣхъ оттѣнковъ, обратить эту доктрину въ основную науку, которая будетъ вѣроятно первенствующею, или главнымъ основаніемъ философскаго зданія? «Второй пунктъ спора касается соперничества между физіологіею мозга и психологіею». Какая существуетъ разница между физіологическимъ анализомъ и анализомъ психологическимъ? Который изъ двухъ даетъ болѣе вѣрныя и могучія средства для открытія законовъ, управляющихъ психическими явленіями? Можно ли соединить эти два способа, и можно ли пользоваться однимъ изъ нихъ, не прибѣгая къ другому? И на самомъ дѣлѣ, не подвигается ли современная физіологія къ психологіи, а психологія не возвращается ли къ физіологіи?

Наконецъ, ниже я представляю, въ общемъ очеркѣ, главнѣйшія заключенія Литтре, являющіяся отвѣтами на поставленные выше вопросы. Заключенія эти онъ подкрѣпляетъ неопровержимыми доказательствами, въ изобиліи доставляемыми ему физіологіей мозга и позитивною психологіею, не идущей далѣе простого наблюденія и не пренебрегающей, какъ прежнія школы, помощью физіологіи. Къ крайнему моему сожалѣнію, однако, самыя доказательства эти я здѣсь принужденъ выпустить.

Литтре начинаетъ съ напоминанія о томъ основномъ принципѣ положительной философіи, по которому требуется различать между абстрактнымъ знаніемъ и знаніемъ конкретнымъ. «Безъ этого разли-

ченія, имѣющаго первостепенную важность, было бы невозможно построить на наукахъ какую-либо философію; ибо въ этомъ случаѣ произошло бы неминуемо полнѣйшее смѣшеніе всякихъ общихъ и частныхъ началъ. Согласно этому основному положенію, одно абстрактное можетъ быть включаемо въ философію». Литтре здѣсь случайно затрогиваетъ существеннѣйшую, какъ мы увидимъ ниже, сторону всего вопроса, но не выводя изъ поставленныхъ положеній главнѣйшихъ ихъ слѣдствій, онъ довольствуется констатированіемъ того, «что философская разработка ученія о человѣческой природѣ скоро приводитъ къ сознанію полной принадлежности этого ученія къ біологіи, которая одна можетъ опредѣлить его основы, главныя черты, мѣсто въ ряду наукъ и вообще его характеръ и значеніе. Философія біологіи содержитъ въ себѣ общую теорію мозга, въ которой теорія человѣческаго мозга является только частнымъ случаемъ». «Но—продолжаетъ Литтре—если вѣрно, что общія начала ученія о человѣческой природѣ содержатся въ біологіи, то какимъ образомъ могутъ они быть изъяты изъ послѣдней, чтобы въ другомъ мѣстѣ играть роль начальной или заключительной науки? Какъ могутъ они за разъ занимать два мѣста? Тутъ есть погрѣшность противъ метода, а положительная философія не можетъ быть отдѣлена отъ своего метода. Поставить послѣ чего-нибудь еще не значитъ включить во что-нибудь. Никто не оспариваетъ того, что отъ положительной философіи должны зависѣть теорія нравственности, эстетика, идеологія, ей одной свойственныя и еще ожидающія своего обоснованія. Но эти различныя отрасли знанія не входятъ въ со-

ставъ философіи, а подобно политикѣ, праву, педагогіи, только подчиняются ей».

Тотъ-же авторъ весьма здраво оцѣниваетъ значеніе умственнаго переворота, совершеннаго Контомъ, когда онъ указалъ психологіи ея настоящее мѣсто въ области человѣческаго знанія. «Переворотъ этотъ, говоритъ онъ, былъ направленъ не столько противъ психологіи (такъ какъ человѣческая природа, какъ бы ни смотрѣли на такой трудъ, должна была, въ концѣ-концовъ, все-таки быть изслѣдована, и психологическіе пріемы были не ошибочны, а только не полны), сколько противъ всей господствовавшей тогда философіи. Когда мы философствуемъ въ позитивной школѣ, это значитъ, что мы обнимаемъ въ іерархическомъ порядкѣ общіе принципы математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и исторіи, т.-е. стремимся подвести общіе итоги всей совокупности человѣческаго знанія. Когда же философствуютъ въ психологической школѣ, это значитъ, что занимаются построеніемъ теоріи идей, т.-е. стремятся обнять совокупность условій мысли, подъ которыми мы познаемъ вещи. До Конта никто не думалъ, чтобы можно было построить философію, основоначала которой шли бы отъ объекта (включая сюда и человѣка, разсматриваемаго какъ живое существо) къ субъекту. Всякая философія была въ то время субъективною, въ томъ смыслѣ, что начала ея шли отъ субъекта къ объекту. Но, противопоставляя такимъ образомъ эти двѣ философіи, можно спросить, которая изъ нихъ есть истинная, и можно логически доказывать превосходство одной изъ нихъ надъ другой. Я вполнѣ убѣжденъ, что съ помощью умѣло веденной аргументаціи не трудно доказать преимущества

объективной точки зрѣнія надъ субъективной. Я однако предпочитаю сослаться на опытныя доказательства, всегда гораздо болѣе убѣдительныя, чѣмъ абстрактныя разсужденія. Но опытъ показываетъ, что психологія или физіологія человѣческаго мозга составляетъ только частный случай общей физіологіи мозга, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ біологическихъ, химическихъ, физическихъ и математическихъ условій существованія матеріи. Субъективныя начала являются всегда началами необходимо подчиненными. Весь споръ разрѣшается такимъ образомъ съ помощью одной позитивной іерархіи, до такой степени вѣрно, что методу принадлежитъ всякое первенство въ высшихъ вопросахъ! Правда, на это возражаютъ, что различеніе между субъективными и объективными началами вполнѣ призрачно, и что все субъективно потому, что въ концѣ-концовъ познаніе объекта—дѣло субъекта. Пусть будетъ такъ, но не въ этомъ вопросъ; вопросъ заключается въ томъ, чтобы, когда установлено знаніе какъ объекта такъ и субъекта, рѣшить, нѣтъ ли между ними естественнаго, необходимаго подчиненія. Но отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: субъектъ зависитъ отъ объекта, жизнь отъ матеріи и умственная дѣятельность отъ жизни. Человѣкъ частный случай въ пространствѣ, въ которомъ онъ занимаетъ только свою планету; онъ частный случай во времени, такъ какъ онъ даже не современникъ земли; онъ частное явленіе по своей субстанціи, такъ какъ тѣло его состоитъ изъ небольшого числа химическихъ элементовъ, входящихъ въ составъ нашей планеты... Физіологически доказано, что мозгъ ничего не создаетъ, онъ только все вос-

принимаетъ. Функція его заключается въ образованіи изъ всего, получаемаго имъ извнѣ, чувствъ и понятій; но самый субстратъ этихъ понятій и чувствъ нисколько не зависитъ отъ него. Въ дѣйствительности, все привходитъ къ нему извнѣ, такъ какъ органическія условія, безъ которыхъ не можетъ поддерживаться ни индивидуальная ни общественная жизнь, и безъ которыхъ не существовало бы никакихъ чувственныхъ воспріятій, до того внѣшни, что природа осуществляетъ ихъ, независимо отъ какой-либо мозговой или психической дѣятельности, въ растеніяхъ и въ особенности въ самыхъ низшихъ животныхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что нужно нѣсколько видоизмѣнить значеніе слова субъективный. Этотъ терминъ не можетъ обозначать что-либо, предшествующее развитію человѣка, какъ-то: мое собственное я, идею, чувство, идеалъ; этотъ терминъ означаетъ только способность вырабатывать понятія, которою одарены нервныя клѣточки; во всякомъ другомъ смыслѣ субъективное всегда смѣшано съ объективнымъ».

Не особенно трудно также, по мнѣнію Литтре, уяснить себѣ настоящія отношенія между психологіею и физіологіею мозга. «Замѣчаніе чрезвычайно простое, говоритъ онъ, но идущее до глубины вещей, выяснитъ эти отношенія: всѣ физіологи знаютъ, что каждый жизненный актъ или процессъ можно изучать двумя способами: или одновременно въ органѣ и явленіяхъ, или исключительно въ однихъ только явленіяхъ; такъ, напр., не смотря на то, что намъ неизвѣстны органическія измѣненія, производящія сонъ, мы не останавливаемся передъ составленіемъ исторіи этого свойственнаго нервной системѣ физіо-

логическаго акта. Точно также, всѣ медики знаютъ, что можно изучать болѣзни (или отклоненія отъ нормальныхъ отправленій) двумя способами. или въ одно и то же время изслѣдуя поврежденія органа и симптомы, или же ограничиваясь одними симптомами; нервныя болѣзни хорошо извѣстный примѣръ этого второго способа. Соединить оба способа—идеальная цѣль науки; но руководствоваться исключительно вторымъ вовсе не противонаучно или непроизводительно. Это замѣчаніе само собою прилагается къ спору между физіологіею мозга и психологіею. Физіологія мозга есть примѣненіе обоихъ этихъ способовъ, психологія—употребленіе одного послѣдняго. Оба они неполны; со стороны физіологіи, потому что она не обнимаетъ органически всѣхъ психическихъ состояніи, со стороны психологіи, потому что она не обнимаетъ психически всѣхъ состояній организмовъ. Примиреніе наступитъ, когда біологи, развивая органическую точку зрѣнія до послѣднихъ предѣловъ, довершатъ свой трудъ, включивъ въ него и все то, что̀ можетъ быть изложено только со стороны функціональной и описательно. По разсмотрѣніи спорнаго вопроса оказывается, что психологія составляетъ простую главу въ біологіи, и что съ философской точки зрѣнія она не можетъ занять другого мѣста... Изучаемая съ положительной точки зрѣнія, психологія не представляетъ никакого существеннаго различія отъ физіологіи мозга. Въ то время, какъ послѣдняя занимается изслѣдованіемъ психической природы человѣка при помощи анатоміи, сравненія, экспериментаціи и патологіи, — первая производитъ свои изслѣдованіи съ помощью однихъ функціональныхъ явленій. Оба пріема не заключаютъ въ себѣ ничего такого, чего нельзя

было бы совмѣстить; они обнаруживаютъ все болѣе и болѣе возрастающее стремленіе слиться, и въ настоящее время они уже достаточно близки другъ къ другу, чтобы сознать, что предметъ ихъ одинъ и тотъ же. Это признаніе основного тожества между психологіею и физіологіею мозга имѣетъ важное значеніе въ философіи. Въ самомъ дѣлѣ, съ той минуты, какъ является доказаннымъ, что психологія есть ничто иное, какъ физіологія мозга, становится невозможнымъ сдѣлать изъ нея основаніе философіи. Вытекавшая изъ психологіи и господствовавшая до сихъ поръ субъективная философія уступаетъ свое мѣсто объективной философіи О. Конта. Изученіе психической природы человѣка составляетъ обширную и важную область, все болѣе и болѣе разрабатываемую, при чемъ все, что̀ есть въ ней общаго, включается въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ философію біологіи, какъ это было указано Контомъ, и служитъ съ своей стороны къ образованію міросозерцанія, естественно вытекающаго изъ изученія объекта,—изученія, въ которомъ жизнь вообще и физіологія мозга въ особенности стоятъ на надлежащемъ мѣстѣ въ іерархіи знанія».

3. Первая сторона или первое положеніе дилеммы, преградившей намъ дорогу въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія, кажется мнѣ достаточно разъясненнымъ. Мы можемъ считать вполнѣ добытыми для нашихъ дальнѣйшихъ изысканій слѣдующіе два пункта. Во первыхъ:—что разумъ нашъ, пока онъ обладаетъ только простыми представленіями и понятіями, порождаемыми внутренними и внѣшними впечатлѣніями, и пока для достиженія высшей точки своего развитія, для образованія самыхъ сложныхъ комбинацій, для усиленія и усовершенствованія мыслительнаго меха-

низма, разумъ не располагаетъ ничѣмъ, кромѣ первоначальныхъ способностей памяти и ассоціаціи и той могучей помощи, которую онъ можетъ извлечь изъ одного жизненнаго свойства, наслѣдственности, облегчающей процессъ развитія и создающей умственные склады и врожденныя наклонности, свойственные индивидамъ и расамъ,—разумъ, говоримъ мы, и всѣ первичныя формы ощущенія суть чисто и исключительно явленія біологическія. И во вторыхъ, какъ необходимое слѣдствіе перваго пункта:—что психологія, будучи физіологіею мозга, не можетъ образовать науки, которая послужила бы основаніемъ для объективной философіи, то-есть для такого міросозерцанія, которое не дѣлало бы изъ мыслящаго субъекта или человѣка—центра вселенной, той точки, къ которой постоянно снова возвращаются всѣ явленія въ безбрежномъ океанѣ космической эволюціи.

Теперь мы приступимъ ко второй половинѣ задачи, возлагаемой на насъ необходимостью разъяснить серьозныя сомнѣнія и освободиться отъ главныхъ, лежащихъ на нашемъ пути препятствій; мы приступимъ къ разсмотрѣнію второй стороны нашей вступительной дилеммы; мы убѣдимся или въ томъ, что эта дилемма представляетъ собою абсолютную альтернативу и что, принимая одну ея сторону, мы необходимо должны отвергнуть другую, — или же въ томъ, что наше мнѣніе объ этомъ предметѣ можетъ быть составлено посредствомъ болѣе глубокаго анализа, который, отдѣляя всюду ложное отъ истиннаго, приведетъ насъ къ дѣйствительному примиренію (еще разъ показавъ роковую относительность нашихъ познавательныхъ усилій) между взглядами, по наружности, взаимно разрушаю-

щими и исключающими другъ друга. Мы, однимъ словомъ, спросимъ себя, не принадлежатъ ли все-таки психическіе факты, не смотря на добытые выше результаты, къ особому порядку явленій, не совпадающему, *во всѣхъ своихъ точкахъ*, съ порядкомъ біологическимъ? Такая принадлежность прямо указывала бы, конечно, на то, что психологія должна быть разсматриваема какъ особая и самостоятельная наука; но основанія этой самостоятельности были бы по необходимости уже совсѣмъ иныя, чѣмъ разсмотрѣнныя выше условія, которыя относятся исключительно къ біологическимъ корнямъ психическихъ явленій и рѣшаютъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Если изслѣдованіе наше откроетъ такія новыя основанія, намъ придется, сверхъ того, опредѣлить истинный характеръ и указать на настоящее мѣсто въ іерархіи знанія построенной на этихъ основаніяхъ психологической науки.

Не смотря на чрезвычайно вѣскіе аргументы позитивистовъ и даже на значительные успѣхи, достигнутые въ послѣднее время психо-физическими способами изслѣдованія, рѣшеніе вопроса относительно психологіи въ смыслѣ Конта и его школы встрѣчаетъ нынѣ болѣе упорныхъ, чѣмъ когда-либо, и вполнѣ, повидимому, убѣжденныхъ противниковъ. Противники эти могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ. Первая представлена такъ-называемою критическою школою въ философіи. Школа эта замѣчательна тѣмъ, что возносимаго до небесъ и вдоль и поперекъ изученнаго ею Канта она постоянно и немилосердо побиваетъ систематически ею отвергаемымъ, но чрезвычайно мало извѣстнымъ ей Контомъ. Послѣдователи этой школы идутъ по давно пробитой до-

рогѣ, и стараются отыскать то, «что давно уже найдено, описано, изучено». Питая свое наивное тщеславіе блестящими надеждами открыть человѣческой мысли новые горизонты, адепты «критицизма» достигаютъ только того, что снова дѣлаютъ изъ древняго изслѣдованія субъекта, подъ именемъ теоріи познаванія, конечную цѣль философіи. Громко провозглашая, что призваніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы оживить дряхлое тѣло философіи, вдохнувъ въ него свѣжую струю современнаго знанія, и заложить незыблемыя основанія «научной» или дѣйствительно «положительной» философіи, они на самомъ дѣлѣ далеко не такіе смѣлые новаторы. Въ сущности, эта школа, подъ новою формою, преслѣдуетъ прежнюю химеру, гоняется за старымъ призракомъ, древнее первенство познанія субъекта надъ познаніемъ объекта близко ея сердцу; она, не смотря на все, сохраняетъ вѣрность этому, нѣкогда могущественному и нынѣ павшему величію; отсюда—смутныя мечты и стремленія къ какой-то реставраціи, въ которой на первый планъ выдвигается возможность или даже необходимость такого смѣшаннаго умственнаго строя, въ которомъ древнее и «легитимное» значеніе субъекта было бы должнымъ образомъ уравновѣшено новымъ и «революціоннымъ» значеніемъ объекта.

Вторая категорія противниковъ взглядовъ Конта и его школы на психологію идетъ въ этомъ вопросѣ по пути, проложенному Стюартомъ Миллемъ. Эта група ограничивается требованіемъ такого дополненія или завершенія научной систематизаціи, положенной позитивизмомъ въ основаніе воздвигнутаго имъ философскаго зданія, которое бы признало за психологіей

принадлежащее ей будто-бы по праву въ іерархіи наукъ значеніе самостоятельной абстрактной науки, изслѣдующей соотвѣтственныя явленія способами, ей одной свойственными: субъективнымъ анализомъ и такъ-называемымъ внутреннимъ наблюденіемъ, интроспекціей. Въ прямой зависимости отъ этой абстрактной и индуктивной науки находилась бы, въ свою очередь, наука чисто дедуктивная и прикладная, этологія, или изученіе характеровъ; первая наука имѣла бы своимъ предметомъ самые общіе законы человѣческой природы, она изучала бы, такъ-сказать, родовыя отличія; вторая, напротивъ того, имѣла бы предметомъ частные и производные законы, то-есть изучала бы отличія видовыя [1]).

Наконецъ, третья категорія оппонентовъ Конта становится въ этомъ спорѣ подъ знамя Герберта Спенсера. Эта група представляетъ собою особенно любопытный и поучительный примѣръ. Она въ данномъ вопросѣ безжалостно попираетъ ногами все, чему въ другихъ случаяхъ усердно поклоняется, и поклоняется тому, противъ чего такъ страстно обыкновенно ратуетъ. Эти сторонники реальной аналогіи, эти восторженные поклонники единства во всѣхъ его видахъ, эти горячіе приверженцы философской догмы, провозглашающей основное тожество явленій, ни мало, повидимому, не сочувствуютъ идеѣ, которая, съ ихъ же точки зрѣнія, должна была бы казаться имъ необыкновенно счастливою, идеѣ свести психическія явленія на физіологическія причины ихъ и аналитически связать процессы познаванія, ощущенія и воспріятія съ основоначальнымъ фактомъ

[1]) Ribot. La Psychologie anglaise contemporaine, стр. 103.

различенія, обнаруживающимся всюду, гдѣ только можетъ установиться какое-либо нервное теченіе, и встрѣчающимся, повидимому, даже на наиболѣе низкихъ ступеняхъ органической жизни. Какъ бы странно это ни казалось, но именно въ психологическомъ вопросѣ философы этой школы дѣлаютъ полный поворотъ въ обратную сторону и, становясь въ прямое противорѣчіе съ своими основными взглядами, заявляютъ, что психологія есть особая наука, занимающая среднее мѣсто между біологіей и соціологіей. Правда, самъ глава школы принимаетъ въ данномъ случаѣ нѣкоторыя предосторожности: онъ ставитъ психологію на одну доску съ біологіей и соціологіей, но за то тщательно подчиняетъ весь, получаемый имъ такимъ образомъ циклъ группѣ наукъ физико - химическихъ. Тѣмъ не менѣе, однако, противорѣчіе съ основнымъ принципомъ философіи эволюціи и здѣсь бьетъ въ глаза, и только еще рельефнѣе выставляется притязаніемъ сдѣлать изъ одной части психологіи, логики, абстрактную науку по преимуществу и философское (а не только догматическое или относящееся къ преподаванію, какъ мы думаемъ) основаніе всего человѣческаго знанія.

4. Сверхъ приведенныхъ выше, мы могли бы указать еще на множество другихъ примѣровъ, на значительное число менѣе извѣстныхъ разновидностей одного и того же общаго типа, но и трехъ философскихъ категорій, характеризованныхъ нами нѣсколькими штрихами, совершенно достаточно, чтобы доказать, что взгляды Конта и позитивной школы на роль, принадлежащую психологіи, далеко еще нельзя считать общепринятыми. Напротивъ того, въ послѣднее время все болѣе и болѣе, повидимому,

распространяются различныя воззрѣнія, прямо противоположныя этимъ взглядамъ. Въ одномъ, однако, сходятся всѣ враждебныя Контовской теоріи объясненія роли психическихъ явленій; именно, въ единодушномъ заявленіи, что Контъ и его школа впали въ *грубую ошибку*, упустивъ сдѣлать изъ науки о духѣ особую основную науку, которая бы заняла мѣсто, или впереди ряда абстрактныхъ наукъ, показывая тѣмъ, что субъекту принадлежитъ неоспоримое главенство надъ объектомъ, или между біологіей и соціологіей, если придавать только второстепенное значеніе избитой и столь наивной въ своей предполагаемой глубинѣ аксіомѣ о необходимой субъективности всякаго знанія (объектъ всегда субъективенъ, разъ онъ сталъ предметомъ познанія, но субъектъ, въ свою очередь, всегда и во всемъ зависитъ отъ объекта, разъ онъ позналъ истинныя условія своего существованія). Позитивную школу упрекаютъ въ томъ, что она грубо нарушаетъ свой собственный принципъ научной классификаціи; ибо, говорятъ, кто же не видитъ, что психическія явленія составляютъ явленія спеціальныя, болѣе сложныя, съ одной стороны, чѣмъ біологическія, и болѣе простыя, съ другой, чѣмъ соціологическія? Но ставши на эту точку зрѣнія, несомнѣнно имѣющую за себя внѣшнюю видимость нѣкоторыхъ разрядовъ фактовъ, только естественно будетъ приписать той же непростительной ошибкѣ и безплодность многочисленныхъ попытокъ обосновать соціальную науку,—попытокъ, которыя до сихъ поръ походили на усилія прежнихъ физіологовъ основать біологію прямо и непосредственно на физикѣ, не ожидая возникновенія или развитія химіи.

Впрочемъ, противники наши, хотя не охотно, но соглашаются съ тѣмъ, что взглядъ ихъ на истинный характеръ психическихъ явленій или убѣжденіе ихъ въ бо́льшей сложности послѣднихъ сравнительно съ явленіями жизни (въ смыслѣ, который съ понятіемъ о новой степени осложненія связываетъ понятіе о несводимости одного свойства матеріи къ другому) составляютъ, въ сущности, только простую *гипотезу*; но они тутъ же ставятъ на видъ, что гипотеза эта превосходно объясняетъ соотвѣтствующія явленія. Гипотеза эта проливаетъ свѣтъ на такіе вопросы, передъ которыми позитивная школа останавливается, признавая свое полное, по отношенію къ нимъ, невѣдѣнье.

Все это возможно; все это, быть можетъ, такъ на самомъ дѣлѣ. Мы даже не возразимъ нашимъ противникамъ, что свѣтъ, проливаемый ихъ гипотезою на вопросы, признаваемые недоступными позитивною школою, есть внутренній или субъективный, обманчивый свѣтъ апріорнаго мышленія, на который мы нигдѣ и никогда не полагаемся. Но съ другой стороны было-бы, очевидно, крайне несправедливо требовать и отъ насъ, чтобы мы теперь-же, при нынѣшнемъ состояніи наукъ, изучающихъ эти сложныя явленія, сослались, для убѣжденія нашихъ противниковъ, на какіе-либо неопровержимые факты или имѣющіе рѣшающее значеніе опыты. Обладая такими фактами, или произведя такіе опыты, нѣтъ надобности оспаривать какую-либо гипотезу; она eo ipso отпадаетъ, поступая въ число неудавшихся попытокъ человѣческаго ума. Но къ чему мы всѣ и всегда строго обязаны, это противопоставить отвергаемой гипотезѣ другую, которая-бы одинаково хо-

рошо или даже лучше объясняла данные факты. И вотъ этому-то условію мы, насколько съумѣемъ, и постараемся удовлетворить на слѣдующихъ страницахъ.

Что Контъ и его послѣдователи впали въ ошибку, что психологія составляетъ самостоятельную отвлеченную науку, и что пока она не будетъ окончательно обоснована, соціологія не выйдетъ изъ младенчества,—все это вполнѣ входитъ въ кругъ различныхъ возможностей научной эволюціи. Но одно будущее и призвано разрѣшить этотъ важный вопросъ. Настоящее же, оставаясь безпристрастнымъ, не должно выступать въ этомъ вопросѣ съ какимъ бы то ни было рѣшительнымъ приговоромъ. Нельзя говорить о заблужденіи тамъ, гдѣ противоположная истина является менѣе всего доказанною. Я уже оставляю въ сторонѣ доказательства чисто экспериментальныя или опытныя, недостатокъ въ которыхъ, очевидно, гораздо болѣе ощущается нашими противниками, чѣмъ нами; но и въ самой «истинѣ» психологической школы какое отсутствіе даже внутренней ясности и необходимости чисто логической! И какъ легко, не покидая путей дедуктивной логики и опираясь только на нѣсколько общихъ и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, достигнуть гипотезы діаметрально противоположной!

Что̀ будетъ предметомъ новой науки? — Психическія явленія. Но что́ такое психическія явленія, какъ не человѣкъ чувствующій, мыслящій, желающій и т. д.? И отнюдь не смѣшивая простого предположенія съ достовѣрнымъ фактомъ, съ научной точки зрѣнія будетъ вполнѣ правильно остановиться на гипотезѣ, что человѣкъ психологіи есть не причина,

а слѣдствіе, не факторъ, а продуктъ, и что истинные причины и факторы кроются въ условіяхъ біологическихъ и соціальныхъ. Изолированный субъектъ никогда не будетъ существомъ мыслящимъ или разумнымъ. Да и самый продуктъ этотъ, психическія явленія, имѣетъ исторію, подвергся особой эволюціи. Извѣстныя психическія явленія характеризуютъ доисторическое состояніе человѣчества, а другія обнаружились гораздо позднѣе, чрезъ такіе же громадные промежутки времени, какіе потребовались для того, напримѣръ, чтобы свойства жизни появились на земной поверхности вслѣдъ за силами механическими и физико-химическими.

Но который изъ этихъ двухъ разрядовъ психическихъ фактовъ будетъ изучаться психологіей? Если первый, то развѣ не видно, что въ немъ преобладаютъ условія чисто біологическія, хотя и оставляющія нѣкоторый просторъ игрѣ элементарныхъ или зачаточныхъ соціальныхъ условій? Если второй, то развѣ не ясно съ перваго взгляда, что въ немъ преобладающая роль принадлежитъ, въ свою очередь, условіямъ чисто общественнымъ? Сообщеніе мыслей живымъ словомъ, передача ихъ письмомъ, средствами техническихъ и изящныхъ искусствъ и тысячами другихъ символовъ или условныхъ знаковъ и способовъ воплощенія идей, сложный фактъ традиціи устной, литературной, эстетической и научной, столкновеніе и соціальная борьба чувствъ, страстей и интересовъ, многообразныя общественныя учрежденія. и т. д. и т. д., все это составляетъ безконечный рядъ соціальныхъ вліяній, неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ и тѣсно соединяющихся съ чисто біологическими условіями для произведенія

результата — фактовъ, движеній или проявленій психическихъ, которые открываются самымъ тщательнымъ наблюденіемъ только тамъ, гдѣ человѣкъ живетъ въ ассоціаціи или постоянномъ союзѣ съ подобными ему существами. Но отсюда слѣдуетъ, что психологія, вмѣсто того, чтобы быть наукою, вполнѣ независимою отъ науки непосредственно слѣдующей за ней или, въ позитивной терминологіи, высшей, можетъ быть разсматриваема, напротивъ того, какъ отрасль знанія, находящаяся въ самой тѣсной связи съ соціологіей и составляющая какъ-бы ея продолженіе, или какъ рядъ изслѣдованій, который можетъ возвыситься на степень особой науки только послѣ достиженія соціологіей полнаго своего развитія. Отсталость психологическихъ знаній, изъ причины, обусловливающей малую успѣшность соціологическихъ изслѣдованій, превращается въ этой гипотезѣ, въ простое послѣдствіе состоянія младенчества въ которомъ еще находится соціологія. И уже медленнымъ развитіемъ этой послѣдней объясняется, въ свою очередь, поразительная безплодность усилій, потраченныхъ до сихъ поръ психологами для утвержденія науки о духѣ на основаніи болѣе широкомъ, чѣмъ то, которое является результатомъ простого изученія физіологическихъ органовъ и функцій, т.-е. на основѣ, которая-бы позволила возвыситься надъ предварительнымъ разсмотрѣніемъ первоначальныхъ условій или зачатковъ психическаго развитія съ тѣмъ чтобъ обнять, во всемъ ея разнообразіи, совокупность психическихъ явленій.

5. Разовьемъ еще нѣсколько нашу гипотезу: гипотезы, какъ говоритъ одинъ изъ забытыхъ теперь натуралистовъ XVIII-го вѣка, Шарлъ Боннэ, суть

искры, у пламени которыхъ наука зажигаетъ свѣточъ опыта. Если, какъ мы думаемъ, психическія явленія суть скорѣе продукты совокупнаго дѣйствія біологическихъ условій и соціальной эволюціи, чѣмъ факторы или несводимые далѣе элементы въ историческомъ развитіи, то эта наука будущаго, психологія, будетъ не абстрактною, а конкретною наукою. Она останется звеномъ, тѣсно связывающимъ біологію и соціологію, но самая связь эта получитъ значеніе, такъ сказать, ретроспективное· она будетъ обусловливаться не тѣмъ, что психологія будетъ играть роль переходной ступени отъ біологіи къ соціологіи, а скорѣе тѣмъ, что законы психическіе явятся совокупнымъ продуктомъ законовъ біологическихъ и соціальныхъ.

Понимаемая такимъ образомъ, психологія будетъ имѣть задачею соединеніе или сосредоточеніе въ одномъ общемъ фокусѣ разрозненныхъ лучей, которые она будетъ заимствовать, поочередно, изъ познаній нашихъ о законахъ жизни и условіяхъ мысли чисто органическихъ, и изъ познаній нашихъ о законахъ соціальныхъ и историческихъ условіяхъ умственнаго роста или психической эволюціи. Она будетъ въ равной мѣрѣ составлена изъ этихъ двухъ различныхъ порядковъ отвлеченныхъ знаній. Правда, идеалъ конкретной науки нѣсколько отличенъ отъ такого реальнаго осуществленія его; къ сущности конкретной науки, какъ необходимое условіе ея существованія, принадлежитъ сосредоточеніе на какомъ либо сложномъ агрегатѣ реальнаго міра сходящихся лучей всѣхъ, безъ исключенія, абстрактныхъ знаній. Но, во первыхъ, конкретная наука психологіи подастъ, чрезъ біологію, руку всѣмъ ос-

тальнымъ абстрактнымъ наукамъ, а во вторыхъ, и если такая косвенная зависимость покажется все-таки недостаточною, слѣдуетъ замѣтить, что то же возраженіе можетъ быть обращено и къ бо́льшей части конкретныхъ изслѣдованій, которыя всѣ стремятся къ попарному соединенію абстрактныхъ наукъ, и въ этомъ смыслѣ представляютъ собою скорѣе начатки или абрисы конкретнаго знанія, чѣмъ какіе-либо дѣйствительно всеобъемлющіе синтезы. На психологіи, изучаемой какъ конкретная наука, можно будетъ, въ свою очередь, основать и прикладную науку, о которой говоритъ Милль: этологію или науку о характерѣ.

Позволительно думать даже, что было бы лучше вовсе оставить самое названіе психологіи, которое слишкомъ явно разсчитано на обозначеніе особаго и независимаго разряда явленій и недостаточно характеризуетъ существенно смѣшанную и двустороннюю природу психическихъ процессовъ. Нынѣшнее названіе отражаетъ и нынѣшній ошибочный взглядъ; новое воззрѣніе могло бы воспользоваться названіемъ уже существующимъ, антропологія, которымъ обозначается совокупность изслѣдованій, безсознательно и смутно преслѣдующихъ цѣли, существенно сходныя съ задачами будущей конкретной науки психическихъ явленій.

Этотъ взглядъ на психологію не только мало согласенъ съ текущими воззрѣніями, онъ прямо и во всемъ противоположенъ имъ; текущія воззрѣнія дѣлаютъ изъ психологіи абстрактную науку, а изъ соціологіи — конкретную; мы же придаемъ этимъ отраслямъ знанія какъ разъ обратное значеніе. Но на чью бы сторону въ этомъ спорѣ ни всталъ читатель,

мнѣнію, къ которому онъ примкнетъ, еще долго суждено оставаться простою гипотезою. Здѣсь, какъ и вездѣ, хаосъ является условіемъ всякаго генезиса, а современное состояніе психологическихъ знаній — по истинѣ хаотично. Въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ и разрабатывается, психологія не составляетъ ни абстрактнаго изслѣдованія въ смыслѣ Конта, ни конкретнаго въ нашемъ смыслѣ, на нее, самое бо̀льшее, можно смотрѣть какъ на вспомогательную и существенно описательную вѣтвь знанія, одинаково облегчающую столь различныя задачи физіолога и врача, историка, соціолога, практическаго государственнаго человѣка. Что̀ же касается описательнаго характера современныхъ психологическихъ изслѣдованій, то психологіи, повидимому, суждено сохранить этотъ методъ и впредь, все равно, найдетъ ли она мѣсто въ ряду отвлеченныхъ наукъ или только примкнетъ къ этому ряду въ качествѣ науки дополнительной и конкретной [1]).

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, только два писателя, изъ которыхъ одинъ, въ особенности, выдается своимъ талантомъ и заслугами, признали до сихъ поръ, хотя и въ нѣсколько общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, стремленіе или способность психологіи сдѣлаться наукою конкретною. Это, во первыхъ, Льюисъ. Онъ признаетъ за психологіей способность образовать конкретную науку „по образцу физіологіи (зоологіи?) и ботаники“. Вслѣдъ за Льюисомъ, г. Гарэнъ-де-Витри утверждаетъ, что нѣкоторыя психическія проявленія (какъ, напримѣръ, нравственныя и религіозныя чувства и всѣ трансцендентныя комбинаціи мысли) могутъ зарождаться только въ соціальномъ индивидѣ, то-есть что они составляютъ одновременно и факторы и продукты общественности. Но онъ не дѣлаетъ изъ этихъ проявленій предмета особой науки; онъ разрѣшаетъ затрудненіе, прямо включая въ составъ соціальной науки, подъ именемъ общественной психологіи (въ этомъ онъ сходится съ Шеффле) всѣ психиче-

6. Соображенія различнаго рода, служащія подтвержденіемъ гипотезѣ о конкретномъ характерѣ психологіи или образованіи ея изъ двухъ отвлеченныхъ и смежныхъ наукъ—біологіи и соціологіи, тѣснятся здѣсь подъ моимъ перомъ; но боясь не въ мѣру расширить предѣлы настоящей главы, я опускаю здѣсь большинство этихъ доводовъ. Но и немногихъ слѣдующихъ замѣчаній будетъ, надѣюсь, достаточно, чтобъ возбудить въ умѣ читателя значительное число по необходимости устраненныхъ мною аргументовъ.

Одно изъ первыхъ возраженій, поднимаемыхъ нашею гипотезою, состоитъ въ указаніи, что психическія явленія суть явленія существенно біологическія, и что поэтому изучать ихъ въ особой кон-

---

скія явленія такого смѣшаннаго характера (*Philosophie positive t. XIV*, стр. 408). Здѣсь явно ощущается отсутствіе достаточно общей и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо установленной теоріи конкретныхъ наукъ. Впрочемъ, и мнѣнію, представленному г. Гарэномъ-де-Витри, если отнести взгляды послѣдняго исключительно къ настоящей фазѣ развитія соціологіи, нельзя отказать въ значительной доли своевременности или практичности. Авторъ этотъ, напримѣръ, ясно сознаетъ, что нельзя дѣлать изъ психологіи, какъ того требуетъ между прочимъ Шеффле, особое подраздѣленіе соціологіи. Его „вторая психологія“ можетъ и должна быть распредѣлена, въ теченіи всей подготовительной фазы, между различными вѣтвями соціальной науки, какъ-то: эстетикой, этикой, наукой о религіяхъ, и т. п. Спеціализація изслѣдованій составляетъ столько же результатъ, сколько и причину научнаго прогресса, и всѣ изучавшіе исторію наукъ хорошо понимаютъ разницу, существующую между отдѣльною главою и особымъ подраздѣленіемъ въ наукѣ. По меньшей мѣрѣ излишне прибѣгать къ образованію особаго раздѣла въ наукѣ тамъ, гдѣ совершенно достаточно и простой главы; и это вполнѣ подтверждается примѣромъ біологіи, которая вначалѣ почти вовсе не знала неврологіи, а потомъ сдѣлала изъ этого ученія одну изъ важнѣйшихъ частей общей физіологіи Соціальная психологія изучаетъ разрядъ

кретной наукѣ, которая будетъ одинаково почерпать свои знанія о нихъ въ біологіи и соціологіи, значитъ не принимать достаточно въ разсчетъ основной природы этихъ явленій. Отвѣтъ нашъ заключается въ томъ, что мы не только не отрицаемъ преобладанія біологическихъ признаковъ въ образованіи самыхъ сложныхъ психическихъ фактовъ, но даже рѣшительно не въ состояніи представить себѣ біологію безъ этой существенной части или этого важнаго раздѣла въ ней—ученія о мозгѣ (анатомія, физіологія и патологія мозга), ученія не менѣе абстрактнаго и, конечно, требующаго гораздо бо́льшихъ усилій изолирующей и отвлекающей мысли, чѣмъ всѣ остальные біологическіе анализы. Но разъ это абстрактное изученіе уже привело къ познанію общихъ законовъ,

отправленій, которыя, хотя и въ различной степени, но составляютъ общую принадлежность почти всѣхъ социальныхъ структуръ; весьма естественно, поэтому, связывать изслѣдованіе психо-соціальныхъ свойствъ съ изученіемъ соціальной организаціи.

Строки эти были давно написаны, и вся эта глава окончена, когда мы получили послѣднюю книгу Льюиса: *The physical basis of mind*. Въ предисловіи къ этой книгѣ мы нашли слѣдующія строки „Человѣческій духъ, насколько онъ доступенъ научному изслѣдованію, имѣетъ два рода корней, такъ какъ человѣкъ есть не только животный организмъ, но еще и единица, входящая въ составъ организма соціальнаго; а потому полная теорія его отправленій и способностей должна быть отыскиваема въ этомъ двоякомъ направленіи. Воззрѣніе это (признаваемое многими равносильнымъ перевороту въ психологіи), медленно подготовленное возраставшимъ убѣжденіемъ, что человѣкъ не можетъ быть отдѣляемъ отъ человѣчества, было впервые высказано въ томѣ, открывшемъ собою серію моихъ *Задачъ жизни и духа*; но крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно, чтобы какой-либо предшественникъ усмотрѣлъ, *какимъ образомъ* спеціально человѣческія способности разума и сознанія не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ кооперації соціальныхъ факторовъ съ біологическими“.

управляющихъ соотвѣтствующими явленіями, ничто не мѣшаетъ приступить къ изслѣдованію реальныхъ и сложныхъ агрегатовъ, образуемыхъ соединеніемъ этихъ явленій съ другими, принадлежащими къ иному порядку, но уже также предварительно изученными въ одной или нѣсколькихъ абстрактныхъ наукахъ. Упомянутое выше возраженіе является, слѣдовательно, лишеннымъ всякаго основанія: возможность конкретнаго изслѣдованія извѣстныхъ разрядовъ явленій не только не можетъ поколебать необходимости ихъ строго абстрактнаго изученія, но, очевидно, прямо предполагаетъ это послѣднее и безъ него совершенно немыслимо.

Такъ, напримѣръ, существованіе спеціальной науки геологіи не можетъ быть представляемо ни какъ доводъ противъ необходимости отдѣльнаго изученія и физическихъ и химическихъ свойствъ тѣлъ, ни какъ аргументъ, основываясь на которомъ можно было бы заключать впередъ о преобладаніи, въ геологическихъ явленіяхъ, того или другого разряда свойствъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ только строго различать (заимствую здѣсь у химіи одно изъ наиболѣе обычныхъ ея представленій) между соединеніями двойными, тройными и вообще сложными и соединеніями простыми. Всѣ сочетанія явленій одинаково реальны, въ объективномъ смыслѣ, и всѣ могутъ и должны быть изучаемы; но простыя сочетанія образуютъ агрегаты, представляющіе собою примѣры или илюстрирующіе преимущественно *одинъ* какой-либо *порядокъ* или разрядъ основныхъ, несводимыхъ на другія естественныхъ свойствъ; такіе агрегаты поэтому и служатъ матеріалами при абстрактномъ изученіи общихъ законовъ, управляющихъ тѣмъ или

другимъ спеціальнымъ разрядомъ свойствъ. Напротивъ того, сложныя сочетанія представляютъ собою агрегаты агрегатовъ, илюстрирующіе преимущественно *совокупное дѣйствіе* различныхъ порядковъ свойствъ, или, другими словами, сложные агрегаты являются естественнымъ матеріаломъ или предметомъ конкретнаго изслѣдованія, задающагося цѣлью познать частные законы, являющіеся результатомъ сочетанія или совмѣстнаго дѣйствія предварительно уже тщательно установленныхъ общихъ законовъ [1]).

Другое возраженіе, уже прямо противоположное только-что разсмотрѣнному нами въ общихъ чертахъ, сводится къ замѣчанію, что всѣ безъ изъятія общественныя явленія суть *одновременно* и явленія психическія. Возраженіе это намъ здѣсь какъ нельзя болѣе на́-руку; оно является новою и желанною опорою для нашей гипотезы. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ обще-

---

[1]) Надо остерегаться смѣшиванья понятія соединенія или сочетанія съ понятіемъ осложненія—въ примѣненіи, которое такъ часто дѣлается изъ этихъ представленій къ явленіямъ, изучаемымъ научнымъ образомъ. Въ смыслѣ, придаваемомъ понятію осложненія въ научномъ рядѣ или іерархической серіи наукъ, агрегатъ, изучаемый конкретною наукою (напримѣръ, явленіе геологическое), никогда не можетъ быть болѣе „сложенъ“, чѣмъ самое сложное изъ содѣйствующихъ его образованію явленій (или въ выбранномъ примѣрѣ, чѣмъ явленіе химическое); онъ представляетъ ту же степень сложности, но, сверхъ того, составленъ такъ, образованъ изъ такого сочетанія естественныхъ силъ или свойствъ, которое само по-себѣ уже представляетъ болѣе обширное поле для конкретнаго изслѣдованія этихъ различныхъ порядковъ свойствъ. Въ свою очередь, агрегатъ, изучаемый абстрактною наукою, долженъ быть выбранъ такимъ образомъ, чтобы обнаруживать преимущественно или выставлять на первый планъ одинъ только какой-нибудь порядокъ свойствъ, что́ даетъ возможность приступить къ абстрактному или идеальному изученію этого одного порядка.

ственныя явленія въ извѣстной мѣрѣ совпадаютъ съ явленіями собственно психическими, но не зависитъ ли это оттого, что добрая половина психическихъ атрибутовъ обязана своимъ происхожденіемъ дѣйствію соціальныхъ силъ или свойствъ? Психическія свойства не встрѣчаются безъ соціальныхъ и наоборотъ; это такъ вѣрно, что часто даже кажется, что имѣешь дѣло съ однимъ психическимъ атрибутомъ или свойствомъ, когда достовѣрно извѣстно, что именно данное явленіе имѣетъ въ высокой степени соціальный характеръ. Это замѣчательное, доходящее до тожества сходство простирается иногда очень далеко, и одинаково обнимаетъ генезисъ соціальныхъ и психическихъ явленій, ихъ эволюцію или развитіе и законы, служащіе къ объясненію этого генезиса и этой эволюціи [1]).

---

[1]) Нужно ли приводить здѣсь примѣры? Вотъ нѣсколько иллюстрацій, взятыхъ на удачу изъ числа множества всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Законъ контраста, по замѣчанію Шеффле, одинаково обнаруживается въ процессахъ соціальныхъ и чисто біологическихъ; въ первомъ порядкѣ фактовъ общество охотно переходитъ отъ одной системы къ прямо ей противоположной, во второмъ — отдѣльное лицо переходитъ отъ одной идеи или чувства къ идеямъ и чувствамъ противоположнымъ. Група безсознательныхъ явленій повинуется однимъ и тѣмъ же законамъ, возникая въ какомъ-либо индивидѣ и обнаруживаясь въ какой-нибудь коллективности; извѣстныя идеи или чувства внезапно и какъ бы безъ всякой видимой причины зарождаются и исчезаютъ въ общественномъ сознаніи и въ сознаніи психическаго индивида, и т. д. Глубокій смыслъ лежитъ въ основаніи такихъ ходячихъ выраженій, какъ общественный духъ, корпоративное чувство, нравственная эпидемія, психіатрія народовъ и т. п. Индивидуальность, личность вездѣ является лабораторіей, въ которой дѣйствуютъ общественныя силы и въ которой, встрѣчаясь и соединяясь съ силами органическими, онѣ даютъ начало результатамъ или продуктамъ психическимъ.

Не трудно, впрочемъ, видѣть, что гипотеза наша вполнѣ признаетъ значеніе серіальности или начала непрерывной и послѣдовательной связи между отвлеченными науками. Можно даже сказать, что она укрѣпляетъ междунаучную связь, которую противоположная теорія желала бы упрочить, но которую она на самомъ дѣлѣ только ослабляетъ. Наше воззрѣніе подтверждаетъ дѣйствительное существованіе неизвѣстнаго, но реальнаго звена, соединяющаго силы общественныя съ силами жизненными, и стремится поставить внѣ всякаго сомнѣнія прямую зависимость первыхъ отъ послѣднихъ. Оно заключаетъ въ себѣ утвержденіе, что еслибъ біологическія условія (а въ числѣ ихъ находятся и условія мозговой дѣятельности) были иными, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, соціальныя условія были бы также не тѣ,— совершенно подобно тому, какъ еслибъ измѣнились физическія условія, неизбѣжно измѣнились бы и условія химическія.

Но такая зависимость вполнѣ реальна и выражается прямо и непосредственно только въ одномъ направленіи: когда отъ болѣе простого явленія переходъ совершается къ явленію болѣе сложному. Въ обратномъ направленіи, какъ въ томъ случаѣ, напримѣръ, когда требуется опредѣлить воздѣйствіе какого-либо соціологическаго факта на условія чисто біологическія или на условія, касающіяся мозговой дѣятельности, можно говорить только о вліяніи, а не о прямой зависимости; вліяніе будетъ сильное или слабое, постоянное или временное, но вызванное этимъ путемъ измѣненіе никогда не коснется основныхъ условій болѣе простого явленія, не уничтожитъ и не пріостановитъ дѣйствія болѣе общихъ

законовъ матеріи, не заставитъ природы ни на одну минуту уклониться отъ своего естественнаго теченія. Но если этотъ критерій приложить къ тѣмъ психическимъ явленіямъ, которыя, выступая за сферу біологическихъ условій мозговой дѣятельности, представляютъ, по выраженію Спенсера, рѣшительно гиперорганическій характеръ (а въ несомнѣнной реальности этого характера и слѣдуетъ искать безсознательныхъ корней народной вѣры въ непроходимую пропасть, отдѣляющую все относящееся къ духу отъ всего относящагося къ матеріи), — когда, говорю я, мы переходимъ къ этому разряду психическихъ явленій, мы немедленно видимъ, что сверхъ отношенія прямой зависимости къ условіямъ обще-біологической и спеціально-мозговой дѣятельности, и одновременно съ этимъ отношеніемъ, явленія эти представляютъ не менѣе тѣсное отношеніе зависимости и къ условіямъ, даннымъ и законамъ соціальнымъ. Но послѣднее отношеніе было бы, очевидно, совершенно немыслимо, еслибъ психическія явленія этой категоріи были менѣе сложны, чѣмъ собственно соціальные факты; и этотъ выводъ одинаково прилагается и къ гипотезѣ, разсматривающей психическіе факты какъ простыя біологическія явленія, и къ гипотезѣ, дѣлающей изъ нихъ особую абстрактную категорію явленій, занимающихъ середину между біологическими и соціологическими процессами, и представляющихъ соотвѣтственную степень сложности. И въ томъ и въ другомъ случаѣ можно было бы констатировать только біологическую зависимость; но чисто соціологическія вліянія, хотя конечно и проявлялись-бы, однако никогда не могли-бы достигнуть степени интенсивности, свойственной отно-

шенію, называемому нами прямою зависимостью одной науки отъ другой, или зависимостью, заставляющей насъ смотрѣть на явленія одной, какъ на факторы, которые въ полномъ своемъ объемѣ входятъ въ составъ явленій другой, и на спеціальные законы первой, какъ на управляющіе также, совмѣстно съ другими, еще болѣе спеціальными законами,—фактами или явленіями, изучаемыми послѣднею.

По этимъ причинамъ, гипотеза наша предлагаетъ разсматривать факты сверхъ органическаго порядка, мысль, чувство и т. п., не какъ явленія біологическія, или соціальныя—и еще менѣе какъ явленія психическія, въ обыкновенномъ смыслѣ, придаваемомъ этому названію,—но какъ факты *біо-соціологическія*, т.-е какъ составныя явленія, которыя въ органическомъ мірѣ играютъ роль и имѣютъ научное значеніе вполнѣ аналогичныя съ ролью и научнымъ значеніемъ, принадлежащими въ неорганическомъ мірѣ извѣстнымъ групамъ физико-химическихъ фактовъ, каковы група геологическая и група метеорологическая. Въ пользу такого предположенія говоритъ очень многое; и число указаній въ эту сторону ежедневно увеличивается. Замѣчательно, напримѣръ, что нигдѣ во всемъ рядѣ отвлеченныхъ наукъ такъ легко не устанавливаются, и не подтверждаются въ отношеніи даже къ мелкимъ чертамъ и подробностямъ сравниваемыхъ явленій, многочисленныя аналогіи, какъ именно въ смежныхъ областяхъ біологіи и соціологіи. А между тѣмъ всякій разъ, когда при сравненіи между собою біологическихъ явленій и соціальныхъ, не принимается въ разсчетъ общая обоимъ разрядамъ фактовъ психологическая почва, невольно

поражаешься явною нелѣпостью выводимыхъ изъ такого сравненія аналогій. Послѣднія, въ концѣ концовъ, могутъ очевидно имѣть какое-нибудь значеніе только по отношенію къ собственно психическимъ явленіямъ. Но не близко-ли отсюда заключеніе, что силы біологическія и соціальныя встрѣчаются на почвѣ психологіи для произведенія одного общаго результата, подобно тому, какъ силы физическія и химическія, встрѣчаясь на почвѣ геологіи, метеорологіи и другихъ конкретныхъ наукъ, даютъ начало различнымъ, изучаемымъ этими отраслями знанія явленіямъ? Не подлежитъ сомнѣнію, далѣе, что до-историческій человѣкъ мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ совершенно иначе, чѣмъ человѣкъ цивилизаціи; психологія до-историческаго человѣка представляетъ съ современнымъ общественнымъ механизмомъ самыя слабыя аналогіи; сходство въ этомъ отношеніи быстро возрастаетъ только по мѣрѣ того, какъ общество образуетъ, развиваетъ, я готовъ сказать — создаетъ психическій индивидъ. Не менѣе любопытно, наконецъ, и то, что тогда какъ изучаемый въ обществѣ механизмъ — будь это правительственная система, тотъ или другой видъ общественной координаціи и подчиненія, или общественное мнѣніе, способы распространенія идей и вѣрованій и т. д. и т. д. — что въ то время, какъ такой механизмъ сравнительно всегда легко усвоивается или понимается нами и потому кажется намъ сравнительно весьма простымъ, то-же устройство, тотъ-же механизмъ, когда онъ изучается подъ своей психической формой, производитъ впечатлѣніе чего-то весьма труднаго и крайне неяснаго и кажется поэтому гораздо бо-

лѣе сложнымъ. Но если возрастающая трудность, столь часто испытываемая соціологами и психологами при переходѣ отъ порядка общественныхъ явленій къ порядку явленій психическихъ, объективно и основана на чемъ-нибудь, то такимъ основаніемъ, очевидно, можетъ быть только то обстоятельство, что въ психическихъ фактахъ къ значительному осложненію біологическихъ условій прибавляется еще осложненіе условій соціальныхъ и что такимъ образомъ эти факты постоянно являются продуктомъ двухъ различныхъ, по существу своему, категорій причинъ.

Желая нагляднѣе изобразить сущность и ходъ извѣстныхъ психическихъ процессовъ, нѣкоторые современные психологи употребляли предпочтительно термины или выраженія, заимствованные у механики и физики. Такія сравненія (порогъ сознанія, волны чувства и т. п.) представляютъ, весьма часто, говорящіе образы; но минутнаго размышленія достаточно, чтобъ убѣдиться, что заимствованныя изъ области соціологіи сравненія всегда дадутъ болѣе ясное и точное понятіе о томъ, что происходитъ въ мірѣ психологическомъ; приведемъ въ доказательство только счастливую теорію, приписывающую простому акту ассоціаціи идей и чувствъ такую значительную роль во всѣхъ психическихъ явленіяхъ. И по этому поводу, чрезвычайно интересно и поучительно отмѣтить здѣсь характеристическое признаніе, вырвавшееся у одного искренняго послѣдователя аналогическаго метода, признаніе—что восходящая (въ нашей терминологіи и по нашей теоріи) аналогія, т.-е. аналогія, идущая отъ индивидуальной психологіи къ психологіи соціальной и стремящаяся объяснить явленія послѣдней

посредствомъ явленій первой, можетъ, въ конечномъ результатѣ, только затемнять пониманіе соціальныхъ фактовъ, и часто даже приводитъ къ безплодной попыткѣ объясненія отчасти неизвѣстнаго чрезъ вполнѣ неизвѣстное, если даже не чрезъ вовсе непознаваемое [1]).

Никто, впрочемъ, не оспариваетъ—и трудно понять, на что̀ можно было бы при этомъ опереться—что соціальный человѣкъ есть продуктъ вѣкового вліянія общества, или медленнаго и постепеннаго проникновенія индивида соціальною средою. Но изучаемые современными учеными психологическій человѣкъ и человѣкъ соціальный составляютъ, на самомъ дѣлѣ, одно и то же. И если выдаютъ за достовѣрное, что біологическій человѣкъ является тѣмъ, чѣмъ онъ есть и потому, между прочимъ, что онъ постоянно окруженъ и, такъ сказать, проникнутъ составленной извѣстнымъ образомъ физической средою, и если, далѣе, справедливо, что въ случаѣ быстраго измѣненія послѣдней, человѣкъ біологіи пересталъ бы существовать, а въ случаѣ измѣненія медленнаго и постепеннаго, преобразился бы и приспособился къ новымъ условіямъ,—то ничто, конечно, не мѣшаетъ перенести это же представленіе и въ область причинъ и факторовъ несравненно менѣе явныхъ, но, въ концѣ-концовъ, несомнѣнно столь-же матеріальныхъ, которые проявляютъ свою дѣятельность въ мірѣ соціальномъ и въ мірѣ психическомъ.

Сказать, что въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ внѣшнимъ и по существу своему различнымъ факторомъ, а въ другомъ—съ агрегаціей или безпре-

[1]) Schaeffle. Bau und Leben des socialen Korpers, стр. 427.

дѣльнымъ размноженіемъ самого фактора, подвергающагося измѣненію, составляетъ возраженіе, опровергнуть которое слишкомъ легко. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не видѣть, что даже самое первобытное общество никогда не является состоящимъ исключительно изъ живыхъ существъ зоологическаго вида homo sapiens, а всегда представляетъ собою нерасчленимый въ дѣйствительности комплексъ организованныхъ существъ (принадлежащихъ къ различнымъ породамъ животныхъ) и неорганическихъ субстанцій. Общество безъ домашнихъ животныхъ, орудій, запасовъ всякаго рода, капитала и т. п. не было бы вовсе обществомъ. Элементъ «*имущество*» — современные соціалисты не только знаютъ это лучше чѣмъ кто-либо, но въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ представителей своихъ вполнѣ признаютъ и научно изслѣдуютъ этотъ фактъ—играетъ среди человѣческихъ обществъ роль не менѣе значительную, не менѣе серьезную и въ особенности не менѣе отмѣченною печатью желѣзной необходимости естественныхъ законовъ, чѣмъ элементъ «*личность*». И не одни только современные соціалисты знаютъ это; истина эта одинаково невытравимыми чертами врѣзалась въ общественное существованіе и жалкаго кочевника и высоко цивилизованнаго человѣка. Несказаннымъ ужасомъ и невыносимыми страданіями сопровождается, въ сознаніи члена самаго несчастнаго племени дикарей, откровеніе нерасторжимой и имѣющей высокое соціальное значеніе связи, соединяющей эти два составные элемента всякаго человѣческаго общества; и передъ такимъ ужасомъ и такими страданіями, вѣроятно, блѣднѣютъ безчисленныя испытанія и теряютъ свою жгучую горечь бороздящія исторію культурныхъ народовъ

кровавыя слезы и тѣ тысячи пытокъ, которымъ до сихъ поръ подверженъ прямой потомокъ первобытнаго человѣка. Но и помимо всего этого, отношеніе между двумя явленіями, даже когда тожество ихъ вполнѣ доказано, не должно быть смѣшиваемо съ каждымъ изъ нихъ, взятымъ порознь; а въ настоящемъ случаѣ дѣло, очевидно, идетъ объ отношеніи между явленіями далеко не тожественными. Такимъ образомъ, и логически и матеріально, общество можетъ и должно быть разсматриваемо какъ нѣчто по существу своему отличное отъ біологическаго человѣка, или какъ настоящая среда, настоящій внѣшній факторъ по отношенію къ изолированному индивиду.

7. Заключеніе, къ которому мы пришли, можетъ быть провѣрено нѣсколькими различными способами. Съ этой цѣлью можно прибѣгнуть къ одному изъ обыкновенныхъ методовъ индуктивной логики, къ выдѣленію различій, къ методу остатковъ или методу сопутствующихъ измѣненій. Если общество дѣйствительно составляетъ существенный факторъ, участвующій въ произведеніи психическихъ явленій, или если оно дѣйствительно составляетъ присущую этимъ явленіямъ среду, то всюду, гдѣ этотъ факторъ явится слабымъ и незначительнымъ, очевидно нужно будетъ ожидать пропорціональнаго уменьшенія, а тамъ, гдѣ онъ будетъ отсутствовать, нужно будетъ ожидать и совершеннаго непроявленія соотвѣтствующихъ психическихъ процессовъ. Но именно этотъ-то результатъ, какъ извѣстно, и констатируется постоянно на всемъ протяженіи и на каждой ступени исторической эволюціи.

Вмѣсто эволюціи исторической, блистательно под-

твержда́ющей такой вы́водъ, можно, въ видѣ́ дальнѣ́йшей и углубляющейся во внутреннюю природу разсматриваемыхъ явленій повѣ́рки, обратиться еще къ эволюціи чисто біологической: въ этомъ новомъ порядкѣ́ идей также отыщутся многочисленныя доказательства, громко говорящія въ пользу изложеннаго выше взгляда. Пробѣ́гая послѣ́довательно различныя ступени органическаго ряда, и прилагая къ нимъ принятый всѣ́ми безразлично мнѣ́ніями психическій критерій, нельзя съ перваго же раза не замѣ́тить непреодолимыхъ, можно сказать, затрудненій, связанныхъ съ попы́ткою включенія соціальныхъ явленій въ одну изъ біологическихъ категорій. Возьмемъ, напримѣ́ръ, біологическій рядъ или лѣ́стницу организмовъ у Геккеля, построеніе, заявляющее притязаніе обнимать собою всѣ́ безъ исключенія порядки жизненныхъ проявленій, со всѣ́хъ ихъ сторонъ: со стороны морфологической или анатомической, со стороны физіологической (біонтической въ терминологіи Геккеля), со стороны эмбріологической (онтогенетической) и даже палеонтологической (филогенетической). Лѣ́стница Геккеля представляетъ жизнь въ видѣ́ непрерывнаго ряда ступеней, образующихъ столько же жизненныхъ единицъ, послѣ́довательно присоединяющихся другъ къ другу для произведенія безконечнаго разнообразія біологическихъ явленій.

Шесть ступеней входятъ въ образованіе полнаго ряда: 1) *пластиды*, плазматическое вещество безъ опредѣ́ленной структуры (целлины, цистоды) или настоя́щія клѣ́точки; 2) *органы*, образующіе восходя́щій рядъ целлулярныхъ скоповъ, простыхъ органовъ, системъ органовъ и, наконецъ, сложныхъ аппаратовъ; 3) *антимеры*, или соединенія тканей, органовъ и

аппаратовъ, образующія сложную органическую единицу (напримѣръ, у высшихъ животныхъ позвонокъ, реберную пару); 4) *метамеры* или ряды антимеръ, соединенія ихъ (напримѣръ, позвоночный столбъ); 5) *личности* (прозопы, отъ греческаго πρόσωπον—лицо, ликъ) или индивиды, недѣлимыя въ строгомъ смыслѣ слова (напримѣръ, высшія животныя и растки растеній), наконецъ 6) *біологическія ассоціаціи*, какъ союзъ растковъ, образующій растеніе, союзъ животныхъ индивидуальностей въ полипникѣ и т. п. Но въ этомъ ряду или серіи нѣтъ мѣста для болѣе высокихъ ассоціацій, каковы пчелиные улья, муравейники, стада высшихъ животныхъ, и подавно—человѣческія общества. Біологическій рядъ обнимаетъ собою все растительное царство, но въ животномъ царствѣ, равно какъ и въ человѣческомъ, онъ оканчивается или обрывается на той самой точкѣ, на которой появляются спеціальныя свойства, не могущія быть сведенными къ какимъ-либо извѣстнымъ жизненнымъ свойствамъ. Новый рядъ, уже соціологическій, рядъ, ожидающій своего Геккеля, который бы разобралъ и классифицировалъ его ступени, начинается съ этой точки безъ малѣйшаго перерыва; непосредственно примыкая къ біологической серіи и коренясь въ ней, рядъ этотъ продолжаетъ собою великую цѣпь, обнимающую всѣ свойства матеріи и всѣ явленія въ природѣ; но уже съ самаго своего появленія, онъ получаетъ направленіе, отличное отъ того, которому слѣдовалъ частный рядъ, непосредственно ему предшествующій. И вотъ, такимъ образомъ, непреодолимое препятствіе—несводимость, временная или конечная, субъективная только, или одновременно и субъективная и объектив-

ная (мы объ этомъ ничего не знаемъ), новыхъ свойствъ, съ которыми мы сталкиваемся по мѣрѣ поступательнаго движенія нашего по пути всеобщей науки, нѣсколько разъ заставляетъ этотъ путь уклоняться въ сторону отъ прямой линіи и дѣлать изгибы, служащіе естественными пограничными знаками, отдѣляющими между собою различныя научныя области.

Но еще болѣе спеціальное основаніе для завершенія біологическаго ряда на той именно точкѣ, на которой обрываетъ его Геккель, т.-е. для строгаго выключенія изъ него бо́льшей части ассоціацій между животными и всѣхъ человѣческихъ союзовъ, почерпаемъ мы въ раціональномъ примѣненіи психическаго критерія. Основаніе это достойно замѣчанія потому въ особенности, что оно представляетъ ту почву, на которой встрѣчаются и подаютъ другъ другу руку двѣ прямо противоположныя теоріи, ищущія объяснить генезисъ и роль психическихъ явленій. На эти явленія, какъ мы знаемъ, можно смотрѣть либо какъ на факторъ, которымъ опредѣляется зарожденіе и который самъ прямо входитъ въ составъ общественныхъ явленій, либо какъ на результатъ или продуктъ общественнаго фактора. Можно, вслѣдствіе того, разсматривать психологію какъ абстрактную и основную науку, или признавать ее наукою конкретною и производною; но очевидно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ существовать одинаковая увѣренность, что психическое явленіе всегда сопровождаетъ явленіе соціальное и наоборотъ. Относительно опытнаго факта совпаденія или одновременнаго обнаруженія обоихъ разрядовъ явленій не можетъ существовать двухъ различныхъ мнѣній.

Но если принять въ соображеніе другое свидѣтельство опыта, именно, что достигнувъ высшей точки біологическаго ряда, или той шестой ступени въ лѣстницѣ жизни, на которой появляется біологическая ассоціація, мы тѣмъ не менѣе нисколько не замѣчаемъ какого-либо увеличенія въ блескѣ психическихъ свойствъ, которыя, напротивъ того, сразу меркнутъ именно на этой точкѣ и блестятъ на ней развѣ только своимъ отсутствіемъ, — скоро убѣждаешься въ томъ, что біологическій порядокъ ни мало не совпадаетъ съ порядкомъ соціологическимъ, и что явленія ассоціаціи, имѣющія мѣсто въ первомъ, существенно отличаются отъ явленій ассоціаціи, происходящихъ въ средѣ второго.

Въ порядкѣ жизни нѣтъ необходимаго совпаденія между явленіями ассоціаціи и явленіями психическими; нѣтъ ничего, что бы походило на тѣсное отношеніе взаимной зависимости, которое въ порядкѣ общественномъ такъ рѣзко обнаруживается между обоими разрядами явленій. И хотя, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы эти двѣ категоріи естественныхъ свойствъ исключали другъ друга или были несовмѣстимы въ области жизни, однако нельзя не отмѣтить любопытнаго факта, свидѣтельствующаго о существованіи между ними именно въ біологическомъ порядкѣ извѣстнаго антагонизма, и заключающагося въ томъ, что въ этой области психическія свойства вызываются наружу уже не явленіями ассоціаціи, а прямой противоположностью ихъ, процессомъ индивидуализаціи (въ пятой ступени органическаго ряда); здѣсь уже не ассоціація, а процессъ обособленія или индивидуализаціи представляетъ наиболѣе благопріятныя для развитія психическихъ явленій условія. Конечно,

біологическій индивидъ, какъ таковой, т.-е. какъ изолированный отъ подобныхъ ему единицъ, обнаруживаетъ одни только элементарныя психическія свойства, неразрывно связанныя съ условіями мозговой дѣятельности, какъ-то: способность различенія, удержанія въ памяти, и различные, вытекающіе отсюда психическіе рефлексы. Высшія проявленія мысли и чувства ему вполнѣ недоступны, и именно поэтому должны быть разсматриваемы какъ продуктъ совокупнаго дѣйствія факторовъ біологическаго и соціальнаго. Не смотря на все это, однако, индивидъ несравненно болѣе способенъ къ осуществленію необходимыхъ для психическихъ функцій условій мозговой структуры, и вообще къ образованію біологическаго типа, которому суждено выступить на сцену исторической эволюціи, чѣмъ исключительно біологическія ассоціаціи, едва обнаруживающія нѣсколько слабыхъ слѣдовъ первоначальной или зачаточной психо-физической дѣятельности. Но стоитъ лишь появиться ассоціаціи, принадлежащей къ частному порядку явленій, изучаемому соціальною наукою, и психическія явленія всякаго рода тотчасъ же быстро и пышно развиваются; перенесенная въ эту среду, сама біологическая индивидуальность, что касается интеллектуальной и другихъ способностей, измѣняется до неузнаваемости, превращается въ соціальный атомъ, становится проводникомъ и носителемъ новыхъ вліяній, элементомъ или составною частью вполнѣ невѣдомыхъ біологіи сочетаній явленій; съ этого именно момента и начинается психологическій расцвѣтъ [1]).

[1]) Я не желалъ бы оставить настоящій предметъ, не упомянувъ хоть вскользь о системѣ знаковъ и звуковъ, которая въ человѣческихъ обществахъ вырабатывается въ высшую форму языка, но ко-

8. Изложенная на предъидущихъ страницахъ гипотеза влечетъ за собою такое радикальное измѣненіе въ существующихъ на отношенія психологіи къ со-

---

торая и въ обществахъ животныхъ является тѣмъ прочнымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ цементомъ, безъ котораго были бы немыслимы какой бы то ни было союзъ индивидовъ или какая бы то ни было ассоціація біологическихъ единицъ. Я въ особенности хочу обратить вниманіе читателя на тѣ доказательства соціальнаго происхожденія большинства психическихъ явленій, которыя могутъ быть почерпнуты изъ разсмотрѣнія внутренней природы языка, разговорнаго и писаннаго. Какъ справедливо замѣчаетъ антропологъ Штейнталь, человѣкъ на первыхъ порахъ своего существованія мыслитъ только въ обществѣ. для первобытнаго человѣка, мыслить значитъ говорить. И только опять благодаря языку, въ особенности письменному, можетъ современный біологическій человѣкъ пройти, въ какія-нибудь двадцать лѣтъ, тотъ же путь, для совершенія котораго первобытному человѣчеству потребовались сотни и тысячи вѣковъ. Идеи наши, какъ это уже признавалъ нѣмецкій философъ Гербартъ, составляютъ прямой продуктъ жизни сообща, общества, что же касается языка, то онъ является тѣмъ специфическимъ матеріальнымъ факторомъ, чрезъ посредство котораго общественность или условія соціальнаго существованія прямо вліяютъ на условія мозговой дѣятельности, сообщая имъ силу или давая имъ толчокъ, необходимые для произведенія результатовъ, которые безъ этого вмѣшательства были бы рѣшительно невозможны. Гербартъ прямо говоритъ. „Нѣтъ человѣка, вполнѣ изолированнаго, и нѣтъ эпохи, которая бы была строго замкнута въ себѣ и не зависѣла отъ другихъ эпохъ; въ каждый данный моментъ настоящаго живетъ и дѣйствуетъ прошедшее, и личность изолированной единицы является, даже въ тѣсномъ смыслѣ слова, сотканною изъ мыслей и чувствъ, неизмѣримо значительнѣйшая часть которыхъ только отражаетъ въ себѣ все, чѣмъ общество, посреди котораго живетъ такая единица, владѣетъ и распоряжается на правѣ общаго имущества... Масса идей и представленій привходитъ къ намъ извнѣ, какъ и родной языкъ“. (*Собраніе сочиненій*, томъ IX, стр. 385).

Въ заключенье, одно слово о логикѣ. Логика составляетъ одну изъ частей конкретной науки психологіи; логическіе методы, искусство разсуждать и различныя усовершенствованія его являются почти всецѣло прямыми результатами эволюціи соціологической.

ціологіи взглядахъ, что принять эту гипотезу—значитъ eo ipso заставить эти двѣ науки совершенно помѣняться обыкновенно приписываемыми имъ ролями. Съ того момента, какъ психическія проявленія признаются представляющими не однородное и сомкнутое цѣлое, принадлежащее къ одной и той же научной категоріи явленій, а образующими массу существенно разнородныхъ фактовъ, часть которыхъ принадлежитъ абстрактному порядку и входитъ въ абстрактную науку біологіи, а другая, и притомъ значительно бо̀льшая, принадлежитъ конкретному порядку, и можетъ быть надлежащимъ образомъ изучена лишь наукою ad hoc—съ этого момента становится невозможнымъ видѣть въ изслѣдованіи всѣхъ безразлично психическихъ явленій естественное основаніе соціологіи. Послѣдняя роль можетъ отнынѣ быть сохранена только за физіологіей мозга. Что же касается изслѣдованій, обыкновенно обозначаемыхъ общимъ названіемъ психологіи, то они должны будутъ стать въ прямую и непосредственную зависимость отъ соціологіи, которая, вмѣстѣ и за-одно съ біологіей, и сдѣлается ихъ истинною научною основою.

Безчисленныя послѣдствія вытекаютъ изъ этой обра̀тности отношеній, устанавливающихся между соціологіей и психологіей. Въ порядкѣ философскихъ идей, новый ударъ наносится автоморфизму, этой ничѣмъ, повидимому, неискоренимой иллюзіи нашего ума, и ударъ тѣмъ болѣе чувствительный, что онъ является направленнымъ въ такую сторону или область, которая одна до сихъ поръ, казалось, могла раціонально противостоять въ этомъ отношеніи самымъ сильнымъ натискамъ критической мысли. Общество и наблюдае-

мыя въ немъ явленія перестаютъ быть естественнымъ отраженіемъ, простымъ слѣпкомъ съ недавно еще наполнявшаго собою всю область знанія всеобщаго типа или образца — психическаго человѣка. Становится вполнѣ яснымъ, что и здѣсь, въ этомъ спеціальномъ отдѣлѣ знанія, исключительному или единственному въ своемъ родѣ существу этому уже болѣе не принадлежатъ ни то центральное положеніе, ни та величественная уединенность, которыя онъ такъ охотно всюду приписывалъ себѣ; становится яснымъ, что далекій отъ того, чтобы всему въ мірѣ давать свой образъ и подобіе, человѣкъ самъ принимаетъ отпечатокъ всего, до глубокихъ и обильныхъ результатами слѣдовъ включительно, оставляемыхъ на немъ обществомъ, необходимый элементъ или составную часть котораго онъ образуетъ.

Въ порядкѣ научныхъ идей, соціологія и психологія одновременно освобождаются отъ послѣднихъ путъ, удерживавшихъ ихъ въ кругу апріорныхъ спекуляцій и мѣшавшихъ ихъ окончательному переходу изъ метафизическаго состоянія въ позитивное. Соціологія, очевидно, не могла сразу стать положительною наукою, или изъ младенческаго состоянія, въ которомъ засталъ ее Контъ, и въ которомъ она была основана на гипотезѣ сверхъестественнаго управленія ходомъ событій и на представленіи о гармонической сообразности конечныхъ цѣлей исторіи, вдругъ перейти къ той научной зрѣлости, которая не только ничего не знаетъ о сверхъестественной детерминаціи событій или конечныхъ цѣляхъ исторической эволюціи, но даже отвергаетъ всякое объясненіе, основанное на предположеніи о существованіи факторовъ, отличныхъ отъ самихъ явленій, или на представле-

ніи о самодѣятельныхъ сущностяхъ или силахъ, открывающихся только внутреннему зрѣнію и не сливающихся строжайшимъ образомъ съ наблюдаемыми въ естественныхъ свойствахъ условіями сосуществованія и послѣдованія.

Неизбѣжную переходную ступень въ этомъ случаѣ составила психологическая школа, символъ вѣры которой, что̀ касается соціологическихъ вопросовъ, всецѣло содержится въ слѣдующихъ словахъ Бэкля, блестящаго историка англійской цивилизаціи и вѣрнаго представителя высшей точки въ развитіи, достигнутомъ переходною эпохою: «Открытіе законовъ европейской исторіи свелось къ открытію законовъ человѣческаго духа. Эти умственные законы, по надлежащемъ установленіи своемъ, сдѣлаются основою исторіи Европы: на физическіе законы будутъ смотрѣть какъ на имѣющіе меньше значенія, и не производящіе иныхъ результатовъ, кромѣ возбужденія пертурбацій, сила и частое повтореніе которыхъ замѣтно уменьшились въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій». (Томъ I, стр. 177). Я не знаю, какъ будутъ смотрѣть въ будущемъ на физическіе законы, и суждено ли ихъ соціологическому значенію постоянно и неизбѣжно уменьшаться; но я отмѣчу слѣдующую черту въ оспариваемомъ мною взглядѣ: въ немъ умственные законы заняли рѣшительно все мѣсто, и не оставили никакого законамъ собственно соціальнымъ. Я замѣчу, сверхъ того, что это полное замѣщеніе или это сведеніе исторической эволюціи къ эволюціи просто и исключительно умственной весьма похоже на введеніе въ соціологію фактора, отличнаго отъ подлежащихъ ея изученію спеціальныхъ явленій, или на введеніе въ нее абстракціи, которая строго не

сливается съ наблюдаемыми въ исключительно-общественныхъ свойствахъ спеціальными условіями сосуществованія и послѣдованія. Но историческая эволюція есть не только фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ опытъ, это, какъ также доказано опытнымъ путемъ, еще фактъ, налагающій на человѣческій духъ условія спеціальныя, многочисленныя, чрезвычайно важныя и существенно отличающіяся отъ условій чисто біологическихъ или жизненныхъ. Эти условія имѣютъ съ начала и до конца исключительно общественный характеръ, и отзываться незнаніемъ ихъ невозможно. Но выдѣлять ихъ изъ всей совокупности соціальныхъ фактовъ для включенія ихъ въ особую групу, которая не будетъ соціологическою, еще менѣе біологическою, а будетъ психологическою, значитъ насильно отрывать ихъ отъ вполнѣ реальной почвы, имъ свойственной, съ цѣлью бросить ихъ на почву совершенно неизвѣстную и возбуждающую сильное подозрѣніе въ томъ, что она есть только воображаемая; а что́ касается соціологіи, это еще значитъ подвергаться риску дать въ ней мѣсто настоящей метафизической сущности.

Наконецъ, объяснять историческую эволюцію совокупностью или суммою умственныхъ условій, не выдѣляя или не вычитая изъ нихъ предварительно условій, налагаемыхъ на духъ человѣка самою этой эволюціею, значитъ еще другимъ способомъ погрѣшать противъ научнаго метода, значитъ въ извѣстномъ смыслѣ объяснять причину однимъ изъ ея результатовъ, и ставить, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, общіе законы въ прямую зависимость отъ заключающихся въ нихъ частныхъ законовъ. Въ подобную ошибку впадаетъ политическая экономія, которая, въ своихъ усиліяхъ все объя-

снить особою группою психическихъ фактовъ, эгоистическими чувствами, незамѣтно превращаетъ послѣднія въ какую-то отвлеченную сущность, прекрасно отвѣчающую діалектическимъ потребностямъ ума, но не подвигающую ни на шагъ наши реальныя познанія объ экономическихъ явленіяхъ. Тотъ же упрекъ можетъ быть обращенъ и къ большинству современныхъ теорій, усердно ищущихъ въ психическихъ фактахъ истиннаго ключа къ пониманію соціальныхъ явленій, и представляющихъ собою столько же стадій или остановочныхъ пунктовъ въ переживаемой нынѣ соціальною наукою переходной фазѣ развитія [1]). Этой фазѣ, впрочемъ, повидимому суждено продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ окончательно исчерпнуты самыя общія психологическія комбинаціи, и не

[1]) Чтобы привести только одинъ примѣръ, такова не лишенная остроумія теорія одного англійскаго ученаго, Murphy, изложенная въ книгѣ, появившейся пятнадцать лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ *Habit and Intelligence*. Рибо въ своемъ извѣстномъ этюдѣ объ англійской психологіи говоритъ объ идеяхъ Мэрфи „Господствующая въ этомъ сочиненіи мысль заключается въ сведеніи всѣхъ явленій организаціи къ двумъ, далѣе уже несводимымъ фактамъ. привычкѣ и уму. Сдѣлайте двѣ части изъ всего существующаго, помѣстите въ одну неорганическій міръ, въ другую организованный, понимая его въ самомъ широкомъ смыслѣ, то есть какъ обнимающій не только область жизни, но и область духа, политику, исторію въ этой послѣдней части все объясняется законами привычки и ума. Оба принципа эти присущи жизни и совпадаютъ съ нею на всемъ ея протяженіи (coextensive with Life). „Я придалъ, говоритъ авторъ, слову „привычка“ необычайно широкое значеніе Подъ привычкою я понимаю законъ, въ силу котораго дѣйствія и черты характера живыхъ существъ обнаруживаютъ стремленіе повторяться и увѣковѣчиваться не только въ отдѣльномъ индивидѣ, но и у его потомковъ Это основной законъ жизни и человѣческаго духа. Законъ ассоціаціи идей, на который обыкновенно смотрятъ какъ на основной законъ духа, составляетъ только частный случай закона привычки“ (Предисловіе, стр VI)

будетъ окончательно доказана ихъ полная несостоятельность.

Все это можетъ и должно будетъ измѣниться, когда будетъ познана, наконецъ, истинная природа отношеній между соціальною наукою и психологіей, и укрѣпится убѣжденіе, что эти отношенія, вмѣсто того чтобъ быть всегда однородными, представляютъ весьма опредѣленный характеръ двойственности. И тогда тотчасъ же разсѣется, между соціологіей и физіологіей мозга, метафизическое облако изъ заимствованныхъ у конкретной психологіи представленій, облако, затемнявшее ясное созерцаніе тѣсныхъ отношеній, связывающихъ біологическія условія вообще и, въ частности, условія мозговой дѣятельности съ условіями и явленіями соціальными. Физіологія мозга тогда сдѣлается уже въ дѣйствительности, а не въ теоріи только, основою соціологіи, позитивность или научность которой возрастетъ въ одинаковой мѣрѣ.

Но всѣ психическія явленія смѣшаннаго характера или относительно которыхъ опытнымъ путемъ можетъ быть дознано, что обнаруженіе ихъ происходитъ подъ двойнымъ давленіемъ основныхъ психическихъ условій и исторической эволюціи, должны будутъ тщательно устраняться съ пути какъ психофизіологическаго, такъ и соціологическаго изслѣдованія, и должны будутъ разсматриваться отдѣльно (какъ всегда обязательно въ такихъ случаяхъ), въ спеціальной научной области, обставленной всѣми гарантіями и представляющей всѣ удобства конкретнаго изслѣдованія природы. Плодотворный анализъ общественныхъ явленій кажется намъ возможнымъ только на этихъ условіяхъ, то-есть только послѣ по-

добнаго предварительнаго разсортированія хаотической массы явленій біологическихъ, соціальныхъ и психическихъ. Только цѣною такихъ предварительныхъ и нельзя сказать, чтобы легкихъ усилій, можно надѣяться окончательно обосновать дѣйствительно абстрактную соціологію или науку о наиболѣе общихъ законахъ коллективной жизни;—но не отдѣльныя и многочисленныя отрасли общественной науки, для цѣлей которыхъ такое разсортированіе является по меньшей мѣрѣ излишнимъ, такъ какъ онѣ всѣ—политика, исторія, политическая экономія, наука о языкѣ и т. д.—преслѣдуютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ и болѣе или менѣе открыто, практическія цѣли, и всегда поэтому носятъ, въ извѣстной степени, характеръ конкретнаго знанія.

Эти многочисленныя отрасли обществознанія собираютъ и вырабатываютъ нужные для абстрактной науки объ обществѣ матеріалы. На этомъ основаніи, а также и потому, что абстрактная соціологія составляетъ науку существенно описательную, онѣ прямо включаются въ эту послѣднюю; но это нисколько не даетъ права отрицать, что эти же самыя отрасли знанія, по мѣрѣ того, какъ онѣ выростаютъ изъ тѣсныхъ предѣловъ своей первоначальной задачи — служить складами матеріаловъ для высшей и болѣе отвлеченной науки, и по мѣрѣ того, какъ онѣ стремятся къ достиженію цѣлей практически-полезныхъ, составляютъ въ то же время и зачатки будущей конкретной соціологіи. Эта послѣдняя должна будетъ основаться, кромѣ біологіи и абстрактной соціологіи, еще и на научныхъ сочетаніяхъ, которымъ эти двѣ науки даютъ начало. Но въ числѣ такихъ сочетаній, первое и главное мѣсто принадлежитъ, без-

спорно, психологіи, разсматриваемой какъ конкретная наука. А потому уже и теперь нельзя отказывать многочисленнымъ соціологическимъ спеціальностямъ въ несомнѣнномъ правѣ свободно черпать нужныя имъ, для практическихъ и научныхъ цѣлей, данныя и объясненія изъ обширной области конкретныхъ психическихъ явленій.

9. Въ настоящей главѣ и въ предшествовавшей ей мы старались установить, что отношенія, образующіяся между различными науками, имѣютъ своимъ источникомъ внутреннюю природу соотвѣтствующихъ явленій, по скольку послѣдняя можетъ быть намъ извѣстна, т.-е. по скольку она обнаруживается передъ нами въ видѣ послѣдовательнаго ряда осложненій въ различныхъ свойствахъ, присущихъ окружающимъ насъ предметамъ. Изъ этихъ осложненій, многія несводимы къ болѣе простымъ элементамъ и даютъ начало такому же числу абстрактныхъ индуктивныхъ наукъ; но значительно бо́льшая часть этихъ осложненій можетъ быть сведена безъ остатка къ осложненіямъ первой категоріи. И вотъ эти-то объяснимыя осложненія и даютъ начало длинному ряду изслѣдованій, въ которыхъ то абстрактная сторона преобладаетъ надъ конкретною — и тогда мы имѣемъ дѣло съ вспомогательными, по отношенію къ абстрактнымъ наукамъ, но все еще индуктивными отраслями знанія,—то конкретная сторона беретъ верхъ надъ абстрактною — и тогда мы имѣемъ дѣло уже съ настоящими конкретными и существенно дедуктивными науками; при чемъ и отъ нихъ, какъ и отъ упомянутыхъ вспомогательныхъ знаній, идутъ отпрыски, составляющіе въ свою очередь различныя

дедуктивныя и прикладныя, или преслѣдующія уже исключительно практическія цѣли, знанія.

Ставши на эту точку зрѣнія, которую можно назвать точкою зрѣнія объекта, мы старались опредѣлить тройственное отношеніе, связывающее другъ съ другомъ науки о жизни, о духѣ и объ обществѣ, и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1. Біологія есть единственная отвлеченная и индуктивная наука, служащая линіей раздѣла между изученіемъ неорганическаго міра и изученіемъ міра соціальнаго; она поэтому и составляетъ естественную и непосредственную основу или фундаментъ соціологіи, науки также индуктивной и абстрактной. 2. Фундаментъ этотъ, однако, въ настоящее время еще недостаточно обширенъ и проченъ, чтобы на немъ можно было основать все зданіе науки объ обществѣ; онъ долженъ, поэтому, быть одновременно и расширенъ и укрѣпленъ, расширенъ чрезъ присоединеніе къ біологіи изслѣдованій психо-физическихъ, въ которыхъ психическія функціи разсматривались бы со стороны ихъ непосредственной зависимости отъ мозговыхъ и нервныхъ структуръ, и укрѣпленъ или сдѣланъ болѣе однороднымъ чрезъ выдѣленіе изъ біологіи изслѣдованій психологическихъ, въ которыхъ психическія явленія разсматривались бы какъ зависящія отъ біологическихъ условій только косвеннымъ образомъ, или чрезъ посредство видоизмѣняющихъ или даже прямо созидающихъ условій и вліяній жизни сообща, общественнаго строя. 3. Наконецъ, выдѣленныя такимъ образомъ психологическія изслѣдованія должны образовать изъ себя конкретную науку, опирающуюся одновременно на двѣ абстрактныя науки, біологію и соціологію.

Прежде однако, чѣмъ разстаться съ важнымъ

предметомъ, потребовавшимъ у насъ такъ много мѣста, мы, вслѣдъ за подведенными выше краткими итогами, желали бы еще напомнить читателю, что рядомъ съ отношеніями, вытекающими изъ разсмотрѣнія одного объекта и дополняя ихъ собою, между занимающими насъ тремя науками образуются и существуютъ еще многочисленныя и весьма тѣсныя отношенія, вытекающія изъ разсмотрѣнія субъекта наблюдающаго и анализирующаго явленія біологическія, психическія, соціальныя. Эта послѣдняя точка зрѣнія—точка зрѣнія метода или совокупности раціональныхъ пріемовъ, употребляемыхъ субъектомъ для познанія законовъ, управляющихъ объектомъ—была уже подробно развита нами въ первомъ отдѣлѣ нашего труда. Здѣсь, поэтому, достаточно будетъ только напомнить общее заключеніе, къ которому мы тогда пришли, именно: что явленія жизни, духа и общества не могутъ быть изучаемы сколько-нибудь плодотворнымъ образомъ внѣ примѣненія къ ихъ изслѣдованію великаго описательнаго метода, составляющаго ту спеціальную форму, которую принимаетъ наблюденіе и, до извѣстной степени, даже и экспериментація (запись и раціональная классификація экспериментовъ, слагающихся самопроизвольно или неискусственнымъ путемъ), всякій разъ, когда имъ приходится сталкиваться лицомъ къ лицу съ массою серьозныхъ затрудненій, которыя порождаются чрезвычайнымъ осложненіемъ явленій и на долго, если не навсегда, оставались бы непреодолимыми безъ счастливаго выхода, представляемаго описательнымъ методомъ. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, три занимающія насъ обширныя области явленій представляются какъ принадлежащія одному и тому же

порядку, какъ входящія всѣ въ великій разрядъ явленій органическихъ. Отсюда для изслѣдующихъ ихъ трехъ наукъ—необходимость никогда не терять другъ друга изъ виду, и всегда быть готовыми и помогать сосѣдней области своими данными, и взаимно освѣщать другъ другу трудный путь къ истинѣ результатами, добытыми каждою изъ нихъ порознь посредствомъ метода, который, оставаясь всегда тожественнымъ въ своихъ главныхъ чертахъ, измѣняется, однако, отъ одной изъ этихъ наукъ къ другой, что̀ касается подробностей и второстепенныхъ признаковъ. Укажемъ вкратцѣ эти отличія. Въ двухъ абстрактныхъ наукахъ біологіи и соціологіи, описаніе будетъ преимущественно индуктивное, т.-е. здѣсь будутъ анализироваться, классифицироваться и сравниваться явленія одного и того же научнаго порядка, исключительно біологическія или исключительно соціологическія; впрочемъ, вслѣдствіе естественной и раціональной зависимости послѣднихъ отъ первыхъ, соціологіи, въ извѣстныхъ случаяхъ, можно будетъ прибѣгать и къ дедуктивному описанію, къ провѣркѣ своихъ теорій и законовъ посредствомъ сравненія ихъ съ болѣе общими теоріями и законами біологіи, и даже посредствомъ раціональнаго вывода ихъ изъ этихъ послѣднихъ.

Въ конкретной наукѣ психологіи, напротивъ того, описаніе будетъ преимущественно дедуктивнымъ. Это легко понять, если принять въ соображеніе, что психологическія явленія обязаны своимъ происхожденіемъ совокупному дѣйствію біологическихъ условій и соціальныхъ вліяній. Въ теоріи поэтому, всѣ, безъ исключенія, законы психологіи могутъ и должны быть одновременно выводимы изъ законовъ біологическихъ

и соціальныхъ. На практикѣ, однако, такая дедукція почти всегда остается безплодною, и пособлять этому приходится, прибѣгая опять къ обыкновеннымъ описательнымъ пріемамъ и къ открытію законовъ чисто эмпирическихъ. Но очевидно, что такіе законы всегда нуждаются въ дальнѣйшей повѣркѣ, которая въ этой частной области, гдѣ каждый фактъ сводится къ изучаемымъ въ другихъ наукахъ элементамъ, можетъ быть полною и имѣть значеніе только подъ условіемъ, чтобы законы производныхъ явленій и свойствъ были раціонально связаны съ нѣкоторыми изъ законовъ несводимыхъ или основныхъ свойствъ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

ВМѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Rem bene, si poteris, si non, quocunque modo, rem.
Горацій.

1. Хотя трудъ нашъ не имѣетъ притязанія быть сколько-нибудь полнымъ или систематическимъ изложеніемъ предмета, которому онъ посвященъ, или *философіи соціологіи*, однако въ немъ предъ глазами читателя послѣдовательно проходятъ многіе изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ этой философіи. Каковъ характеръ тѣхъ истинъ, которыя соціологія старается открыть, какимъ способомъ она ихъ открываетъ, какъ она относится ко всей совокупности человѣческаго знанія, изъ какихъ составныхъ частей она сама образуется и, наконецъ, какая связь существуетъ между нею и тѣсно соприкасающимися съ нею научными областями?—На всѣ эти вопросы мы старались дать посильные отвѣты.

Въ самомъ началѣ нашего пути намъ ярко представилась одна невозможность: невозможность достигнуть какихъ-нибудь прочныхъ результатовъ въ фи-

лософіи любой изъ составныхъ частей человѣческаго знанія прежде, чѣмъ будетъ выполнено существенное требованіе философіи совокупности этого знанія, заключающееся въ установленіи точной *теоріи абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ*. Безвыходный хаосъ въ области философіи наукъ смѣняется первыми, смутными очертаніями порядка только при выполненіи этого условія, которому не удовлетворяетъ ни одна изъ существующихъ классификацій наукъ, и всего менѣе превосходная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ классификація Конта. Читателю извѣстенъ нашъ взглядъ на тѣ признаки, которые, въ общей массѣ познаній, почерпаемыхъ нами изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ и прилагаемыхъ нами къ самымъ разнороднымъ цѣлямъ, дифференцируютъ задачи знанія абстрактнаго и рядъ наукъ абстрактныхъ отъ задачъ знанія конкретнаго и ряда наукъ конкретныхъ.

Тѣсная и неразрывная связь соединяетъ теорію абстрактнаго и конкретнаго знанія съ методологическою групировкой наукъ. Единство научнаго метода составляетъ основную точку зрѣнія. Всѣ апостеріорные пути къ открытію истины пригодны во всѣхъ наукахъ. Но не одинаково, по крайней мѣрѣ съ той относительной и условной точки зрѣнія, на которую всегда становится позитивный мыслитель, не предрѣшающій ничего относительно послѣдствій *опыта будущаго времени*. Различіе это существенно. Опытъ прошедшаго, могущій или не могущій быть повтореннымъ или искусственно воспроизведеннымъ, и опытъ настоящаго даютъ достаточную, хотя и строго ограниченную возможность дѣлать столь необходимыя для цѣлей и жизни и науки заключенія относительно того, что̀ можетъ или должно составить содер-

жаніе опыта будущаго. Но между такими заключеніями и *предъвиденіемъ* послѣдствій опыта будущаго лежитъ цѣлая пропасть, наполняемая методомъ a priori. Усвоеніе этой точки зрѣнія безусловно необходимо для правильнаго сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ тѣхъ главныхъ тезисовъ, которые мы выставили въ области научной методологіи.

Въ нашихъ методологическихъ положеніяхъ нѣтъ ничего абсолютнаго. Различеніе способовъ наблюденія, или формъ опыта, отъ способовъ діалектической обработки добытыхъ наблюденіемъ результатовъ, или формъ логическаго мышленія, признаніе преобладанія индуктивнаго мышленія въ рядѣ наукъ абстрактныхъ и дедуктивнаго въ рядѣ наукъ конкретныхъ, наконецъ групировка перваго ряда согласно формамъ опыта, а не логическаго мышленія,—все это поставлено въ прямую зависимость отъ фактическихъ результатовъ, добытыхъ *до сихъ поръ* развитіемъ научной мысли, или, если можно такъ выразиться, отъ общей проекціи человѣческаго знанія на основѣ современности. Не иначе слѣдуетъ смотрѣть и на наши четыре методологическія категоріи: интуитивный или непосредственный опытъ, прямое наблюденіе, экспериментація и научное описаніе. *Безполезно* было бы въ этой прогрессіи отрицать несомнѣнное превосходство каждаго предыдущаго члена надъ каждымъ послѣдующимъ, такъ же, какъ *вредно* было бы всегда и при всякихъ условіяхъ препятствовать введенію или усиленію въ той или другой наукѣ болѣе простыхъ и дѣйствительныхъ способовъ изслѣдованія, употребляемыхъ въ наукахъ, служащихъ ей основаніемъ въ исторической и логической іерархіи знанія. Но введеніе въ высшія науки болѣе совершенныхъ

методовъ наукъ низшихъ подчинено непреложнымъ условіямъ, и усиленіе въ нихъ этихъ методовъ имѣетъ свои непереступаемые предѣлы. Мы не утверждаемъ, чтобы по мѣрѣ успѣховъ общихъ и частныхъ знаній эти условія не измѣнялись и эти предѣлы не отодвигались; недавнія завоеванія экспериментальнаго метода въ области физіологіи служатъ какъ разъ лучшей илюстраціей такихъ постепенныхъ измѣненій въ условіяхъ, среди которыхъ работаетъ наука, и такихъ перемѣщеній въ наукахъ ихъ методологическаго центра тяжести. Но все это такъ же мало даетъ право игнорировать основныя ограниченія, налагаемыя на субъективный процессъ изслѣдованія и познанія объективными условіями изслѣдуемыхъ и познаваемыхъ явленій, какъ мало убѣжденіе въ прогрессивномъ характерѣ хода историческаго движенія, напримѣръ, даетъ право не знать или *не хотѣть знать* оборотной стороны прогресса въ человѣчествѣ, или непреложныхъ его ограниченій. Описательный методъ во многомъ уступаетъ экспериментальному: но онъ надолго, если не навсегда, останется преобладающимъ въ цѣлой группѣ наукъ и, что еще важнѣе, онъ дастъ этимъ наукамъ полную возможность открывать въ подвѣдомой имъ области явленій такіе же общіе и отвлеченные законы природы, какіе въ другихъ областяхъ открываются менѣе сложными и легче усвояемыми большинствомъ умовъ, и уже по одному этому болѣе совершенными средствами изслѣдованія.

На этихъ двухъ, получившихъ законченную форму теоріяхъ: о наукахъ абстрактныхъ и конкретныхъ, и о роли «научнаго описанія» въ группѣ наукъ органическаго міра, основаны всѣ выводы наши касательно научнаго характера и метода соціологіи. Задачи со-

ціолога и путь, слѣдуя по которому онъ можетъ надѣяться разрѣшить ихъ, намѣчены ясно; задачи эти тожественны съ тѣми, которыя преслѣдуются другими отвлеченными науками, а путь этотъ во многихъ частяхъ своихъ совпадаетъ съ путемъ, на который съ давнихъ временъ, хотя и не въ полномъ сознаніи его прямой цѣлесообразности, вступили многочисленные изслѣдователи въ обширной области общественныхъ явленій.

2. Второй отдѣлъ этой книги посвященъ вопросу о мѣстѣ, принадлежащемъ соціологіи въ ряду отвлеченныхъ наукъ. Установленіе соціологіи, какъ науки, только въ томъ смыслѣ можетъ быть приписываемо позитивизму, что Огюстъ Контъ ясно опредѣлилъ значеніе соціологіи, какъ послѣдняго апостеріорнаго звена въ ряду абстрактныхъ наукъ, какъ единственнаго реальнаго завершенія всякаго знанія. Великая, безспорно, заслуга эта не умаляется соображеніемъ, что такая концепція являлась въ свое время обязательнымъ логическимъ выводомъ изъ всего хода научнаго развитія, простымъ заключеніемъ изъ посылокъ, выставленныхъ длиннымъ рядомъ сторонниковъ опытнаго метода въ наукѣ. Значеніе этой концепціи трудно преувеличить: она связываетъ позитивизмъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ съ позитивизмомъ XIX-го вѣка, дѣлаетъ изъ послѣдняго естественное, законное продолженіе перваго; но въ то же время, какъ всякій продуктъ развитія, она есть и дифференцирующій фактъ; она способствуетъ правильному пониманію отношенія позитивизма Анаксимандра, Демокрита, Эпикура, Лукреція, Аристотеля, Эразма, Бэкона, Гоббса, Спинозы, Декарта, Локка, Вольтера, Дидеро, Кондильяка, Канта къ

позитивизму Конта, Литтре, Милля, Бэна, Льюиса, Спенсера. Это отношеніе есть отношеніе исполненной противорѣчій разрозненности и отрывочности положительнаго знанія къ первой попыткѣ сочетанія всѣхъ родовъ данныхъ этого знанія въ одно цѣльное мировоззрѣніе.

Наукою законовъ общественности оканчивается знаніе законовъ природы. Но цѣпь апостеріорнаго знанія не обрывается на соціологіи, а скорѣе образуетъ сомкнутый кругъ, въ которомъ всѣ звенья неразрывно связаны другъ съ другомъ. Человѣчество является и конечнымъ предметомъ научнаго изученія, и исходною точкою научнаго развитія. Въ наукѣ о человѣчествѣ объективный фактъ сливается съ субъективнымъ назначеніемъ, теорія съ практикой, цѣлямъ которой она призвана служить. Основное единство знанія, такимъ образомъ, получаетъ свое высшее выраженіе въ классификаціи наукъ согласно началу убывающей общности и возрастающей сложности явленій. Объясненіемъ и вмѣстѣ оправданіемъ этой классификаціи служитъ законъ исторіи, а исторія—та-же природа. Этотъ естественный законъ мы старались очистить отъ несущественныхъ примѣсей, вкравшихся въ формулированіе его позитивною школою. Съ другой стороны, мы разсмотрѣли и возраженія, представленныя противъ позитивной формулы послѣдователями той же научной философіи. Наше вниманіе особенно остановила доктрина Спенсера, которая не въ одномъ этомъ вопросѣ является естественной и полезной реакціей противъ умственнаго движенія, порожденнаго философской систематизаціей Конта; полезной въ томъ смыслѣ, что она неизбѣжно должна заставить позитивизмъ

еще разъ провѣрить свои исходныя положенія и глубже обосновать свои выводы. И тутъ мы снова встрѣтились съ необходимостью — которую въ прошломъ столѣтіи, въ отличіе отъ школы сенсуалистовъ, такъ ясно сознавали авторы Энциклопедіи — съ необходимостью расширить основу опытнаго изслѣдованія природы и ея законовъ, допустивъ въ циклъ теоретическаго знанія, сверхъ математическихъ и логическихъ формулъ, и сверхъ общихъ законовъ или сокращенныхъ выраженій фактовъ, постоянно повторяющихся при одинаковыхъ условіяхъ, еще и значительную долю этихъ самыхъ фактовъ, многое изъ того, что обыкновенно считается частнымъ, конкретнымъ и выдѣляется поэтому въ область такъ называемаго конкретнаго или описательнаго знанія.

Такое противопоставленіе и разъединеніе факта и закона, реальнаго содержанія и идеальнаго его представленія, не только не требуются условіями опытнаго изслѣдованія, а даже прямо противорѣчатъ тому изъ «каноновъ» экспериментальнаго метода, по которому частное должно предшествовать общему, конкретное должно служить основаніемъ абстрактному, фактъ долженъ являться субстратомъ закона. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Контъ грубо ошибался, утверждая, что конкретныя науки первыя зарождаются и послѣднія устанавливаются или обосновываются, что успѣхи конкретныхъ наукъ вполнѣ зависятъ отъ успѣховъ наукъ абстрактныхъ, что истинно конкретное знаніе всегда останется недоступнымъ нашему слабому разуму и, наконецъ, что наши теоретическія нужды почти всецѣло удовлетворяются абстрактнымъ знаніемъ, которое одно вполнѣ намъ доступно? Нисколько; эти взгляды Конта правильны,

но онъ не придалъ имъ всей возможной ширины, не развилъ ихъ въ общую и строго послѣдовательную теорію конкретнаго знанія. Еще менѣе могли справиться съ трудностями той же задачи позитивисты англійской школы. Но занятое ими какъ разъ обратное положеніе или представляемая ими реакція даютъ поводъ искать разрѣшенія задачи въ трехъ параллельныхъ направленіяхъ: въ различеніи знанія описательнаго отъ знанія конкретнаго, въ введеніи перваго цѣликомъ въ область наукъ абстрактныхъ, какъ реальнаго содержанія ихъ, и наконецъ въ признаніи за конкретными науками значенія всегда желательныхъ, хотя не всегда возможныхъ синтетическихъ построеній ума изъ данныхъ цѣлаго ряда наукъ абстрактныхъ.

3. Въ третьемъ отдѣлѣ говорится о внутренней классификаціи соціологіи, о группированіи и распредѣленіи совокупности соціологическихъ изслѣдованій и работъ, по одному какому-либо общему плану, въ нѣсколько основныхъ отдѣловъ или подраздѣленій науки. Невозможность апріорнаго раздѣленія соціологіи явствуетъ изъ самаго свойства задачи, изъ примѣра другихъ наукъ, изъ дѣлавшихся до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ попытокъ. Дѣленіе это можетъ быть только результатомъ естественнаго и постепеннаго развитія соціологическихъ изслѣдованій, фактомъ a posteriori. И это доказывается всего лучше сравненіемъ между собою явленій одного порядка: основныхъ условій раздѣленія труда, осуществленныхъ научною практикою во всѣхъ предшествующихъ соціологіи отвлеченныхъ наукахъ.

Но рядомъ съ неразрѣшимымъ еще пока посредствомъ данныхъ, почерпаемыхъ въ области философіи

частной науки—соціологіи, вопросомъ о томъ, *какъ* слѣдуетъ подраздѣлить эту науку, или на какіе главные отдѣлы она естественно распадается, существуетъ еще вопросъ общей научной философіи, касающійся только степени дѣлимости, если можно такъ выразиться, соціологіи сравнительно съ другими науками. Въ этомъ отношеніи особенно поучительно сравненіе групы экспериментальныхъ наукъ съ групою описательныхъ. Оно указываетъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать выхода изъ многочисленныхъ и естественныхъ затрудненій, свойственныхъ задачѣ раздѣленія труда въ области высшихъ наукъ, и выражаемыхъ въ слѣдующемъ общемъ тезисѣ: чѣмъ сложнѣе явленія, изучаемыя данною наукою, тѣмъ необходимѣе изолирующій анализъ каждой, даже самой незначительной категоріи окружающихъ ихъ условій, или производящихъ ихъ причинъ, или сопутствующихъ имъ измѣненій, но, равнымъ образомъ и въ то же время, тѣмъ труднѣе или тѣмъ менѣе вообще осуществимъ на практикѣ такой необходимый постулатъ всесторонняго изслѣдованія сложныхъ явленій. Другими словами, необходимость раздѣленія науки находится въ прямомъ, а самая дѣлимость ея въ обратномъ отношеніи къ степени сложности изслѣдуемыхъ ею явленій. Положеніе совершенно невозможное, въ смыслѣ ожиданія какихъ-либо серьозныхъ успѣховъ отъ тѣхъ высшихъ отвлеченныхъ наукъ, которыя составляютъ описательную групу, еслибъ изъ этого положенія не существовало совершенно естественнаго выхода, не измышленнаго или придуманнаго a priori, а издавна, хотя пока только безсознательно, усвоеннаго себѣ научною практикою. Выходъ этотъ — спеціализація, безконечная

дробимость предметовъ изученія во всей области такъ называемой естественной исторіи наиболѣе сложныхъ категорій явленій, каковы явленія жизни или общественности, и необходимое возмѣщеніе или возстановленіе утраченныхъ въ процессѣ раздробленія единства и общности посредствомъ тщательнаго сохраненія синоптическаго характера, т.-е. путемъ преобладанія обозрѣнія общаго надъ обозрѣніемъ частностей, въ естественной наукѣ тѣхъ же явленій. Спеціализація въ первой половинѣ описательной науки находится въ прямомъ отношеніи къ «синоптизму» ея второй половины.

Это видно уже на примѣрѣ біологіи, столь дѣятельно преслѣдующей въ своей общей части интеграцію условій существованія или условій жизненной статики, условій развитія или условій жизненной динамики, интеграцію растительности и животности, нормальнаго и патологическаго состояній и т. п., въ то время какъ въ многочисленныхъ біологическихъ спеціальностяхъ происходитъ обратный или дифференцирующій процессъ. Это явленіе—раздѣленіе труда не по предмету, а по общимъ пріемамъ изслѣдованія—достигаетъ однако своего кульминаціоннаго пункта только въ соціологіи, гдѣ гипотетическое разложеніе сложныхъ агрегатовъ, образуемыхъ соціальными явленіями, и изолированный анализъ послѣднихъ тѣмъ болѣе необходимы въ монографическихъ описаніяхъ естественной исторіи обществъ, чѣмъ менѣе этими же пріемами, очевидно, можетъ обезпечиваться успѣхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью открытіе общихъ законовъ соціальныхъ явленій.

Дальнѣйшее развитіе этихъ взглядовъ въ седьмой

главѣ настоящей книги еще болѣе подтверждаетъ эту теорію «раздвоенія» соціологіи на естественную исторію и естественную науку обществъ—теорію, которую, замѣтимъ кстати, легко привести въ логическую связь какъ съ теоріей абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, такъ, въ особенности, и съ нашими общими методологическими положеніями. Но разъ признана логическая и историческая необходимость такого раздвоенія, вопросъ о дальнѣйшей раціональной классификаціи обѣихъ половинъ соціальной науки теряетъ бо́льшую часть своего значенія. Разсматриваемое при этомъ свѣтѣ, Контовское дѣленіе на статику и динамику далеко не разрѣшаетъ вопроса. Всѣ другія классификаціи еще менѣе и по бо́льшей части даже вовсе не удовлетворительны. Причина тому—не столько неумѣлость классификаторовъ, сколько ненужность—конечно только *относительная и условная*—самой классификаціи или дѣленія въ области общей соціологіи, и наличность, конечно допускающая дальнѣйшее *развитіе и усовершенствованіе*, такой классификаціи въ области естественной исторіи обществъ.

4. Теорія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ послужила намъ твердымъ основаніемъ для построенія нашей аргументаціи относительно абстрактнаго характера соціологіи; методологическая групировка наукъ позволила намъ указать на методъ, естественно преобладающій въ соціальныхъ изслѣдованіяхъ; подробное разсмотрѣніе классификаціи наукъ по принципу убывающей общности и возрастающей сложности явленій, и отчасти защита этой классификаціи противъ возбуждаемыхъ ею нападокъ, привели насъ къ опредѣленному заключенію о мѣстѣ, принадлежа-

щемъ соціологіи въ ряду наукъ; наконецъ соображенія, изложенныя вкратцѣ въ предыдущемъ параграфѣ и основанныя преимущественно на наблюденіи факта неизбѣжнаго «раздвоенія» наиболѣе сложныхъ наукъ на естественную исторію и естественную науку явленій, дали намъ возможность установить общую точку зрѣнія на свойства задачи внутренняго раздѣленія соціологіи.

Такимъ образомъ нѣкоторые изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ философіи соціологіи были разсмотрѣны съ цѣлью найти для нихъ положительное, по возможности, рѣшеніе.

Этотъ рядъ аналитическихъ очерковъ естественно было дополнить попыткою опредѣленія ближайшихъ отношеній соціологіи къ наукѣ, спеціально занимающейся изслѣдованіемъ субстрата или матеріальной основы всякой коллективной жизни—явленій жизни индивидуальной. Предварительная индивидуализація частей составляетъ необходимое условіе для возможности какого-бы-то ни было послѣдующаго коллективнаго дѣйствія ихъ или проявленія; разложеніе или смерть индивидовъ составляетъ условіе, безъ осуществленія котораго немыслимо обновленіе коллективнаго агрегата, а слѣдовательно и прогрессивное развитіе его; наконецъ передача жизни путемъ генеративнаго процесса, дающая начало явленіямъ наслѣдственности, составляетъ условіе, безъ наличности котораго немыслима непрерывность историческаго хода и послѣдовательная связь между различными состояніями человѣчества; такимъ образомъ, соціологія главные корни свои имѣетъ въ біологіи, въ которую, безспорно, должна быть включена

и вся психо-физика, теорія мозговыхъ устройствъ и отправленій. Но не психологія.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ, правильное разрѣшеніе котораго имѣетъ громадную важность не только въ разсужденіи будущаго способа изученія явленій собственно общественныхъ, но и по отношенію ко всему складу, который должна принять философская мысль ближайшихъ къ намъ поколѣній. Есть ли психологія основная наука или нѣтъ, отъ утвердительнаго или отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ и гдѣ будущій соціологъ найдетъ главный источникъ своего знанія, и какъ будущій философъ посмотритъ на попытку, оставшуюся до сихъ поръ Сизифовой работой, поставить психическій продуктъ краеугольнымъ камнемъ зданія философіи, не субъективной, что было бы законно, а объективной.

Читателю извѣстно, въ какомъ смыслѣ и съ помощью какой гипотезы мы предлагаемъ рѣшить вопросъ о научной роли психологіи; ему извѣстно, какъ мы смотримъ на отношенія психологіи къ соціологіи и біологіи. Не далѣе конца десятой главы мы весьма опредѣленно формулировали наши заключенія относительно объективной, или вытекающей изъ характера самихъ явленій, и субъективной, или основанной на методѣ изученія или способѣ познаванія, связи, существующей между науками, изслѣдующими смежныя области явленій жизненныхъ, психическихъ и общественныхъ.

5. Въ настоящей книгѣ одна глава выдѣляется изъ всѣхъ прочихъ: глава восьмая, введенная въ общій планъ нашей работы, какъ особое вступленіе къ четвертому отдѣлу. Въ этомъ вступленіи мы раз-

сматриваемъ вопросъ о возможности пользоваться реальной аналогіей какъ руководящимъ началомъ при изслѣдованіи природы, т.-е. въ наукѣ, и при изслѣдованіи общихъ результатовъ науки, т.-е. въ философіи; и такую формулировку вопроса мы приводимъ въ прямую связь съ вопросомъ объ отношеніяхъ соціальной науки къ смежнымъ съ нею областямъ знанія біологическаго и психологическаго. Но этотъ же вопросъ можетъ быть поставленъ шире, формулированъ общѣе, связанъ со всѣми безразлично областями человѣческаго знанія. И въ такой обобщенной формѣ мы касались его во всѣхъ безъ исключенія отдѣлахъ этой книги; мы возвращались къ нему постоянно, признавая тѣмъ самымъ его особенную важность въ данный періодъ развитія научной философіи. По занятому у насъ мѣсту, не говоря уже о его значеніи, вопросъ этотъ могъ бы составить самостоятельный отдѣлъ въ нашей книгѣ; мы предпочли представить читателямъ относящіяся къ нему соображенія наши въ менѣе систематической формѣ; за то здѣсь, подводя общій итогъ всему разсмотрѣнному въ нашемъ трудѣ, мы считаемъ нужнымъ отвести этому вопросу особое мѣсто.

На нашихъ глазахъ, рядомъ съ позитивизмомъ послѣдователей Конта и подъ прямымъ, хотя иногда и отрицаемымъ его вліяніемъ, народился позитивизмъ съ нѣсколько другой окраской. По наиболѣе выдающейся чертѣ, назовемъ его *монистическимъ* или просто научнымъ *монизмомъ*. У этой философіи двѣ главныя формы: философія эволюціи у англичанъ, выработанная преимущественно Спенсеромъ, и образовавшіяся въ Германіи, подъ различными вліяніями, но преимущественно подъ вліяніемъ современныхъ

объединительныхъ гипотезъ въ области точныхъ наукъ, болѣе чистыя монистическія системы.

Монистическій позитивизмъ знаменуетъ собою серьозную побѣду въ области философскаго мышленія. Во-первыхъ, онъ необыкновенно быстро и сильно распространился; тысячами считаются его прозелиты, и въ этихъ тысячахъ есть многія сотни, съ полнымъ основаніемъ могущія признаваться умственными руководителями современнаго человѣчества. Во-вторыхъ, позитивизмъ этого рода почти окончательно вытѣснилъ старую метафизику отовсюду, гдѣ она еще гнѣздилась послѣ появленія позитивизма Конта: изъ науки, философіи, литературы, высшаго преподаванія наиболѣе цивилизованныхъ странъ. Такимъ образомъ, научный или позитивный монизмъ, отвергающій всякое родство съ монистическими галлюцинаціями прежней субъективной философіи и опирающійся на науку и только на науку, знаменуетъ собою очень интересный моментъ въ исторіи развитія современной мысли. Моментъ этотъ—замѣтное ослабленіе, если не прекращеніе, той борьбы на жизнь и смерть, которую позитивизмъ Конта открыто началъ въ первой четверти этого столѣтія противъ всѣхъ оттѣнковъ оффиціально царившей въ то время метафизики. Безсиліе послѣдней и нанесенныя ей отовсюду пораженія сдѣлали продолженіе прежней страстной борьбы немыслимымъ.

Возгорается другая борьба,—борьба еще болѣе интересная, не смотря на свой междоусобный характеръ. Внѣшній и общій врагъ побѣжденъ, но успокоеніе или полное замираніе въ умственной сферѣ, къ счастью для человѣчества, еще далеко. Замираніе здѣсь есть застой, какъ покой въ области органи-

ческой жизни есть смерть. Третья и самая важная заслуга научнаго монизма нашихъ дней — вызовъ, брошенный имъ успокоившемуся на лаврахъ своей побѣды надъ метафизикой позитивизму послѣдователей Конта. Послѣдняя школа, очевидно, слишкомъ поверхностно отнеслась ко многимъ важнымъ задачамъ философіи. Позитивизмъ Конта требовалъ внутренней переработки и, слѣдовательно, прежде всего открытаго и коренного противорѣчія. Монистическій позитивизмъ оказалъ ему эту неоцѣнимую услугу; онъ явился тѣмъ врагомъ, котораго надо побѣдить и уничтожить, чтобы самому жить болѣе полною и менѣе подверженною случайностямъ жизнью. Это явленіе безпрерывно повторяется въ исторіи философскихъ доктринъ; только въ этой взаимной противоположности безпрестанно смѣняющихъ другъ друга системъ и можно искать ихъ внутреннюю связь и единство. Исторія умозрѣній вьется двумя нитями, постоянно пересѣкающими другъ друга: одна изъ нихъ можетъ вытянуться, и исторія умозрѣній—получить новое продолженіе только тогда, когда другая станетъ поперекъ первой, пересѣчетъ ее. Что̀ такое позитивизмъ, какъ не прямой наслѣдникъ умственнаго движенія, знаменуемаго именами Аристотеля, Бэкона, Локка, Дидро и Кондильяка—одна нить, и что́ такое спенсеріанизмъ, напримѣръ, какъ не обновленный и развившійся механизмъ Декарта—другая нить? Или въ болѣе ограниченной сферѣ, въ области обществознанія, развѣ послѣ Вико и Кондильяка, которые говорятъ о соціологіи языкомъ Конта и Кэтле, нужна была продолжительная реакція, воплотившаяся въ теоріяхъ Руссо и родственныхъ ему писателей въ сферѣ общественныхъ наукъ? Эта реак-

ція была, однако, тѣмъ необходимымъ противорѣчіемъ или пересѣченіемъ, которое позволило нити идей Кондильяка развиться въ болѣе глубокія и точныя идеи Конта и его преемниковъ.

Мы назвали новую борьбу междоусобной: съ обѣихъ сторонъ она ведется исключительно на почвѣ объективной или научной философіи. На этой почвѣ нѣтъ и помину о какомъ бы то ни было абсолютѣ, нѣтъ рѣчи не только о прежнихъ сущностяхъ, сведенныхъ на простыя и часто оказывавшіяся ложными представленія нашего ума, но даже и о такъ называемыхъ силахъ природы. Позитивизмъ обоихъ враждующихъ оттѣнковъ, не покидая обширной области относительнаго или познаваемаго, знаетъ только свойства или проявленія вещества и изучаетъ ихъ неизмѣнную повторяемость, обобщаетъ или возводитъ на степень закона постоянныя отношенія между свойствомъ и свойствомъ, проявленіемъ и проявленіемъ. Гдѣ же тутъ, спроситъ читатель, признаки раскола, гдѣ элементы для борьбы, которая завѣдомо можетъ кончиться только полнымъ пораженіемъ одного изъ противниковъ?

Элементы эти скоро нашлись, и они какъ нельзя болѣе характеристичны. Покуда рѣчь шла только о свойствахъ природы, нео-позитивизмъ былъ простымъ сколкомъ съ позитивизма Конта или, вѣрнѣе, вовсе не существовалъ, какъ особое направленіе въ философіи. Но вотъ пытливый умъ современнаго философа сталъ вопрошать себя и природу о свойствѣ этихъ свойствъ, возбудилъ на почвѣ объективной философіи цѣлые вѣка безплодно дебатировавшійся на почвѣ субъективной философіи вопросъ объ основномъ тожествѣ свойствъ природы, — и нео-позити-

визмъ родился. Въ этомъ вопросѣ позитивисты второй или младшей школы утверждаютъ или только вѣрятъ, смотря по умственному темпераменту, а позитивисты первой или старшей школы отрицаютъ или только сомнѣваются, опять смотря по темпераменту. Повидимому, второстепенные оттѣнки эти не важны; все дѣло, однако, именно въ нихъ. *Утверждать* или *отрицать* конечное тожество всѣхъ свойствъ и проявленій матеріи одинаково ненаучно; ожидать отъ дальнѣйшихъ успѣховъ науки рѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ или сомнѣваться въ достижимости вообще такого результата одинаково позволительно.

Читателю извѣстно положеніе, занятое нами въ этомъ знаменательномъ спорѣ. Могучему орудію, которымъ монисты владѣютъ съ рѣдкимъ совершенствомъ,—гипотезѣ, мы противопоставляемъ не менѣе сильное и плодотворное научное орудіе—сомнѣніе [1]).

---

[1]) Мы не говоримъ *критику*, чтобы избѣжать смѣшенія съ особымъ направленіемъ въ научной философіи, которое само называетъ себя критическимъ. Школа эта обращаетъ свою критику въ совершенно другую сторону. выдвигая на первый планъ, изъ всего ряда наукъ, психологію, она, по примѣру прежней метафизики, дѣлаетъ изъ предварительныхъ вопросовъ, изъ теоріи познаванія, краеугольный камень своей философіи. Критика ея обращена не на объектъ, не на внѣшній міръ, въ которомъ человѣкъ занимаетъ далеко не главное мѣсто, а на субъектъ, на внутренній міръ, въ которомъ наши умственные процессы играютъ, безспорно, первенствующую роль. Въ области психологіи критическая школа можетъ принести пользу, но, какъ философская система, она намъ кажется осужденною на роковое безплодіе, ставшее уже удѣломъ всѣхъ подобныхъ, далеко не новыхъ попытокъ. Родоначальникомъ этой школы, по скольку она является *направленіемъ* въ позитивизмѣ, можетъ считаться Стюартъ Милль, державшійся той же исходной точки зрѣнія. Приверженцы критицизма отрицаютъ такое родство; но они правы въ этомъ лишь по стольку, по

Но и скептицизмъ нашъ имѣетъ свои точные предѣлы; онъ простирается только на одну сферу, которую мы тщательно оберегаемъ отъ вторженія въ нее не тѣхъ или другихъ теорій—она не можетъ игнорировать ихъ—а извѣстныхъ способовъ изслѣдованія или пріемовъ для открытія истины. Сфера эта — область философіи, на сколько она отлична отъ области точныхъ наукъ, а пріемы эти—гипотезы. Гипотеза, какъ обычное вспомогательное средство для нахожденія истины, можетъ быть терпима, допускаема, привѣтствуема въ области науки; но въ области философіи этому средству нѣтъ болѣе мѣста; первая обязанность философа строго изгонять изъ философіи всякія гипотетическія построенія.

Причина этого различенія очень проста и понятна: наука наблюдаетъ, экспериментируетъ, описываетъ, и свои наблюденія, эксперименты, описанія непрерывно *повѣряетъ* наблюденіями же и экспериментами; при такихъ условіяхъ, гипотеза безопасна, полезна, необходима. Но съ какими агрегатами, съ какими реальными объектами наблюденія непосредственно имѣетъ дѣло философія, надъ чѣмъ она экспериментируетъ, что она описываетъ, въ какомъ смыслѣ можетъ она быть особою наукою въ ряду прочихъ знаній, не повторяя ихъ собою или не вмѣщая ихъ въ себѣ? И, въ особенности, что она повѣряетъ въ научномъ смыслѣ, и чѣмъ, какимъ образомъ? Въ наукѣ право прибѣгать къ гипотезамъ покупается возможностью провѣрить ихъ; но гдѣ же эта возможность во всей обширной области философіи, если оставаться только въ этой области и не вторгаться изъ нея без-

---

сколько и всѣ вообще *идеалисты*, кромѣ Милля, могутъ считаться прямыми ихъ предшественниками.

престанно въ ту или другую частную науку? Философія не наблюдаетъ конкретныхъ явленій и не производитъ опытовъ. Высокія отвлеченія и послѣднія обобщенія свои она создаетъ изъ готоваго матеріала путемъ чисто разсудочнымъ и дедуктивнымъ. Готовымъ матеріаломъ можетъ быть и прочно установленная научная истина, и галлюцинація невропатически настроеннаго субъекта,—и философія, смотря по этому матеріалу, будетъ научная, положительная, или произвольная, субъективная. Но дайте философіи право строить и развивать *свои* гипотезы и называйте ее затѣмъ сто разъ научною и позитивною, она все-таки, въ концѣ-концовъ, будетъ неминуемо только метафизикой. Только въ этомъ смыслѣ и можно упрекать въ какой бы то ни было метафизичности *матеріализмъ*, который вполнѣ отвѣчаетъ идеалу научной, объективной философіи, строющей и развивающей свои гипотезы независимо отъ очевидно невозможной въ области философіи и средствами ея повѣрки такихъ гадательныхъ построеній; и еслибы не эта послѣдняя характеристическая черта, то, въ виду наличности матеріализма, позитивизмъ, какъ первоначальный типъ, изъ котораго должна развиться научная или объективная философія, былъ бы, конечно, самымъ непростительнымъ анахронизмомъ, нелѣпостью, которая сразу выдавала бы сама себя. Все это очень ясно, и настаивать на этой сторонѣ дѣла нѣтъ надобности.

Но, скажутъ еще, пускай философія и лишена всякой фактической возможности провѣрять сама свои гипотезы; ничто, однако, не мѣшаетъ этой «общей наукѣ» дѣлать построенія и догадки, точная повѣрка которыхъ должна затѣмъ всей своей тя-

жестью обрушиться на частныя науки. Зачѣмъ добровольно лишать себя такого могущественнаго стимула къ постоянному прогрессированію знанія? Философія должна быть тою живою и возбуждающею струею, которая не позволяетъ частнымъ наукамъ самодовольно замкнуться въ узкомъ кругѣ пріобрѣтенныхъ результатовъ, постоянно побуждая ихъ къ расширенію своихъ предѣловъ, къ новымъ завоеваніямъ въ области неизвѣстнаго и непознаннаго; философія должна соединять всѣ науки воедино, должна мѣшать имъ преслѣдовать разрозненно тожественныя цѣли и т. д., и т. д. На всѣ эти общія мѣста можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Гипотезы философіи, по самому существу своему, не могутъ подлежать повѣркѣ одной какой-нибудь частной науки, философія не строитъ ни физическихъ, ни химическихъ, ни жизненныхъ гипотезъ; ея гипотезы необходимо обнимаютъ всю совокупность знанія; всѣ науки, слѣдовательно, должны призываться одновременно къ повѣркѣ той или другой гипотезы, возникшей на почвѣ философіи. Но возможенъ ли, осуществимъ ли такой призывъ? Можно ли совмѣстить, не только въ одномъ лицѣ, но даже для одной цѣли, всѣ отрасли человѣческаго знанія, соединить и слить всѣ спеціальности, хотя бы временно, для направленія ихъ въ одну точку, въ одинъ фокусъ? И какъ приступить къ повѣркѣ отношенія, завѣдомо обнимающаго собою всѣ явленія, и между тѣмъ не нашедшаго себѣ мѣста ни въ одной группѣ отношеній, которыми спеціально занимаются частныя науки? Что же нужно тутъ наблюдать, надъ чѣмъ производить опыты? Задача, положительно превышающая силы человѣческаго знанія, если не человѣческаго

ума. И это такъ справедливо, что еще никогда ни одна дѣйствительно философская гипотеза не могла быть провѣрена научно или въ области частныхъ наукъ. Знакомство, бо́льшею частью случайное, съ такими гипотезами могло стимулировать, побуждать отдѣльныхъ ученыхъ къ образованію собственныхъ, спеціальныхъ, принаровленныхъ къ условіямъ частной науки догадокъ и предположеній, которыя потомъ и провѣрялись въ области и средствами той самой науки, на почвѣ которой они зародились: но вѣдь и яблоко Ньютона играетъ важную роль въ исторіи научныхъ открытій, и мы у самой заскорузлой метафизики никогда не отрицали такихъ же правъ на признательность человѣчества. Очевидно, что прежде, чѣмъ сдѣлаться достояніемъ всего ряда частныхъ наукъ, философская гипотеза должна распасться на соотвѣтственное число значительно видоизмѣненныхъ гипотезъ; каждая частная наука должна съизнова и по своему обставить данное предположеніе, должна спеціализировать его въ предѣлахъ изучаемаго ею предмета, должна измѣнить самую постановку вопроса такъ, чтобы изъ по существу неповѣряемаго теоретическаго построенія получить доступную повѣркѣ научную догадку, словомъ, должна создать на своей почвѣ и своими обычными средствами свою собственную гипотезу. Но вѣдь такая работа есть функція самой частной науки, и притомъ функція, которую она исполняетъ, такъ сказать, спонтанно, самопроизвольно, безъ всякаго побужденія къ тому извнѣ. Философскій стимулъ въ этомъ случаѣ можетъ и быть, и не быть, какъ могло быть и не быть яблоко Ньютона; но на такихъ случайныхъ мотивахъ нельзя основывать существо-

ваніе философіи. Одинаковыя услуги наукѣ и прогрессу знанія въ состояніи оказать любая метафизическая система. Странно вообще слышать изъ устъ защитниковъ гипотетической философіи эту рекомендацію ея, какъ побудительнаго момента въ процессѣ открытія научной истины; странно потому, что лучшимъ стимуломъ къ нахожденію истины всегда служило заблужденіе, по скольку оно являлось уже сознаннымъ и доказаннымъ. Повторяемъ поэтому еще разъ,—мы бы давно были матеріалистами, а не позитивистами, еслибъ могли допустить законность гипотетическихъ построеній въ области философіи, въ которой нѣтъ возможности провѣрять ихъ; и мы бы давно отвергли необходимость и пользу какой бы то ни было философіи, если бы убѣдились, что функція философіи исчерпывается выставкой догадокъ, которыя потомъ должны быть перерабатываемы отдѣльными науками въ спеціальныя и доступныя повѣркѣ гипотезы.

Изложенными сейчасъ взглядами опредѣляется истинное значеніе мнѣній, высказанныхъ нами въ этой книгѣ по вопросу о несводимости основныхъ свойствъ матеріи. А вопросъ этотъ, очевидно, и является тою рѣзкою чертою, которая отдѣляетъ позитивистовъ новѣйшаго монистическаго толка отъ позитивистовъ старо-скептиковъ, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться. Въ этомъ вопросѣ мы строго отличаемъ науку отъ философіи. На почвѣ первой мы привѣтствуемъ, напримѣръ, механическую теорію теплоты, изслѣдованія о превращаемости или эквивалентности силъ, термохимію съ одной стороны, и біохимію—съ другой и т. д.; а на почвѣ второй, т.-е. философіи, мы придаемъ, на-

примѣръ, гипотетическимъ построеніямъ спенсеріанизма значеніе, во многомъ сходное съ тѣмъ, которое могутъ имѣть механическая гипотеза Декарта и Аристотелева теорія органическаго космоса, остроумной комбинаціей и болѣе глубокимъ развитіемъ которыхъ и является въ сущности, на нашъ взглядъ, Спенсеровскій эволюціонизмъ. Объединительнымъ стремленіямъ современной науки, каковы бы ни были ихъ будущіе результаты, мы можемъ только сочувствовать; смѣлыя гипотезы кажутся намъ здѣсь вполнѣ умѣстными, увлеченія безопасными, заблужденія легко исправимыми. Правда, мы именно въ наукѣ всего менѣе допускаемъ теорію, носящую названіе реальной аналогіи; но это потому, что теорія эта есть всего менѣе научная гипотеза. Какъ гипотеза, реальная аналогія принадлежитъ къ разряду собственно-философскихъ, обнимающихъ всю совокупность явленій, догадокъ нашего ума; она не можетъ быть провѣрена ни въ одной частной наукѣ. Въ этомъ смыслѣ между нею и, напримѣръ, термо-химической гипотезой существуетъ громадная разница; химическая гипотеза прямо соприкасается съ эмпирическими данными частной науки, философская безплодно витаетъ въ области непровѣряемыхъ отвлеченій.

Позитивизмъ школы Конта своимъ скептическимъ отношеніемъ къ усиліямъ монистовъ, направленнымъ въ сторону теоретическаго обоснованія внутренняго тожества всѣхъ свойствъ, силъ или проявленій матеріи, обнаруживаетъ только послѣдовательность или вѣрность своимъ основнымъ положеніямъ, внѣ которыхъ немыслимо существованіе какой бы то ни было философской доктрины. Позитивизмъ есть фило-

софія опыта, и только философія опыта. Но онъ есть и вся философія опыта. Нѣтъ такой опытной «новизны», которая не могла бы найти себѣ мѣста въ этой философіи. Возьмемъ, напримѣръ, утвержденіе, что кислородъ, азотъ и углеродъ способны организоваться, образовать соединенія, обнаруживающія свойства жизни, а хлоръ, сѣра и іодъ не способны, и предположимъ, что завтра будетъ доказано опытнымъ путемъ существованіе органическихъ соединеній, состоящихъ изъ хлора и сѣры; ничто, очевидно, въ философскихъ принципахъ позитивизма не можетъ помѣшать ему привѣтствовать такое замѣчательное открытіе. Но вѣдь рѣшительно одинаковое значеніе съ приведеннымъ примѣромъ имѣетъ для позитивизма и знаменитый вопросъ о конечной несводимости основныхъ свойствъ матеріи. Несводимость эта есть фактъ опыта, не опровергнутый до сихъ поръ опытными же фактами, хотя и постоянно колеблемый гипотезами, въ пользу которыхъ можно привести постоянно растущее число опытныхъ данныхъ; при такихъ условіяхъ,—а наличность ихъ не отвергнетъ, конечно, самый сангвиническій изслѣдователь темной области, напримѣръ, термо-или біо-химіи,—позитивистъ, оставаясь вѣрнымъ своему философскому знамени, не можетъ не включить въ свое міровоззрѣніе и понятія о несводимости нѣкоторыхъ свойствъ матеріи, которыя, въ отличіе отъ сводимыхъ другъ на друга, и получаютъ въ его терминологіи названіе основныхъ. Но предположимъ на минуту, что вѣсы опыта наклонились въ обратную сторону, что гипотеза тожества пріобрѣла такую степень научной доказательности, при которой уже не она, а противоположное ей мнѣніе явилось бы гипотезой, основан-

ной на извѣстномъ числѣ еще не объясненныхъ явленій. ео ipso, конечно, позитивное міровоззрѣніе обогатилось бы новымъ понятіемъ. Только невѣжество и обычный спутникъ невѣжества — недобросовѣстность, могутъ взводить на положительную философію нелѣпое обвиненіе въ томъ, что она будто бы, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, является какимъ-то тормазомъ на пути успѣховъ положительнаго знанія. Наши противники, очевидно, не отдаютъ себѣ отчета въ глубокомъ комизмѣ этого обвиненія опытной философіи въ томъ, что она слѣдуетъ за опытомъ, а не предшествуетъ ему. И странность такой критики только увеличивается упрекомъ, одновременно обращаемымъ къ позитивизму и за то, что онъ объявляетъ себя послѣдней, заключительной фазой философскаго развитія, рѣшительно отказываясь, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ, уступить свое мѣсто другой философской системѣ. Противники наши забываютъ, что только уличаемыя опытомъ въ несоотвѣтствіи даннымъ опыта философскія системы сходятъ со сцены, уступая мѣсто міровоззрѣніямъ, болѣе согласнымъ съ реальной дѣйствительностью явленій, постепенно раскрываемою наукой; но, осторожно слѣдуя за опытомъ и никогда не опережая его, нельзя вѣдь и впасть въ какое-нибудь разногласіе съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ монизмъ, напримѣръ, можетъ смѣниться болѣе вѣрными философскими взглядами, можетъ уступить мѣсто другой системѣ, основанной на болѣе научной для своего времени гипотезѣ; но позитивизмъ, идущій позади науки, пожалуй даже нѣсколько отстающій отъ передовыхъ постовъ ея— научныхъ гипотезъ, не можетъ ни сбиться съ столь хорошо освѣщаемаго пути, ни увидѣть себя въ не-

обходимости уступить кому бы то ни было мѣсто, найденное имъ въ свое время незамѣщеннымъ. Ни по другому пути, чѣмъ наука, ни впереди ея—вотъ настоящій позитивизмъ. Девизъ этотъ мало отвѣчаетъ обыкновенному идеалу философовъ. И въ этомъ смыслѣ гораздо раціональнѣе отрицать у позитивизма всякій философскій характеръ, чѣмъ простирать свое непониманіе истиннаго духа этого ученія до предъявленія ему упомянутыхъ выше, прямо противорѣчащихъ другъ другу, возраженій или обвиненій. Позитивизмъ скорѣе вовсе не философія (но что же онъ такое?), чѣмъ философія замкнутая и неподвижная, или философія, которая должна, рано или поздно, уступить мѣсто новой системѣ.

Ни по другому пути, чѣмъ наука, ни впереди ея — вотъ лозунгъ позитивизма, сказали мы сейчасъ. И дѣйствительно, всякое міровоззрѣніе или пониманіе міра, къ какому бы общему типу или классу оно ни принадлежало, будь оно супранатуралистическое, субъективное или объективное, т.-е. всякая философія, характеризуется не столько своимъ содержаніемъ, тѣми объясненіями общей совокупности явленій, которыя такое синтетическое построеніе въ состояніи дать и дѣйствительно даетъ, сколько своимъ методомъ, тѣми способами и пріемами, которыми оно отличаетъ истину отъ заблужденія. На постоянно снова возникающій вопросъ: что такое философія, едва ли не слѣдуетъ отвѣчать точно такъ же, какъ должно отвѣчать на однородный вопросъ, поставляемый относительно науки. Наука есть не только собраніе или совокупность законовъ или формулъ, выражающихъ общія отношенія между явленіями извѣстной групы или категоріи, — она прежде всего и

главнымъ образомъ есть собраніе или совокупность извѣстныхъ достовѣрныхъ способовъ, испытанныхъ путей или методовъ къ открытію такихъ отношеній, къ увеличенію и уясненію запаса реальнаго знанія. Но и философія есть прежде всего и главнымъ образомъ методъ. Это едва ли не самое краткое и точное опредѣленіе ея. Въ конечномъ анализѣ одна философія отличается отъ другой направленіемъ, сообщаемымъ ею уму, стремящемуся объяснить себѣ природу, человѣка, ихъ взаимныя отношенія, словомъ — міръ и его явленія. Это лучше всего видно на примѣрѣ двухъ занимающихъ насъ философій. Обѣ считаютъ себя положительными, научными, объективными; обѣ прямо враждебны всякому супранатурализму и субъективизму. И, не смотря на это, объективизмъ стараго позитивизма радикально расходится съ объективизмомъ новѣйшаго монизма, этой болѣе строго опредѣлившейся, научно и философски, формы матеріализма. Видимымъ символомъ раскола сдѣлался, какъ мы знаемъ, вопросъ о сводимости или несводимости нѣкоторыхъ свойствъ матеріи, обѣими сторонами признаваемыхъ основными въ томъ смыслѣ, что каждое изъ нихъ отмѣчаетъ особымъ образомъ обширную категорію явленій, которая и изучается, вслѣдствіе того, какъ особая научная область. Въ этомъ вопросѣ непримиримый антагонизмъ обѣихъ доктринъ выразился въ самыхъ рѣзкихъ, недвусмысленныхъ формахъ; а между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону, очевидно, не связано съ жизненными интересами ни одной изъ враждующихъ сторонъ. Что же это значитъ? А просто то, что обѣ школы раздѣляетъ не самый вопросъ, а тотъ путь, по которому каждая слѣдуетъ при его разрѣшеніи.

Эта точка зрѣнія—единственно правильная. Она сразу обнаруживаетъ крайнюю безсодержательность, чтобы не сказать болѣе, ходячаго обвиненія позитивизма въ томъ, что онъ сознательно устраняетъ себя отъ всякаго участія въ разрѣшеніи цѣлыхъ категорій чрезвычайно важныхъ вопросовъ, заранѣе признаваемыхъ имъ неразрѣшимыми, принадлежащими къ области *непознаваемаго*. Обвиненіе это смѣшиваетъ слѣдствіе съ его причиной, результатъ, и притомъ чисто отрицательный, извѣстнаго образа дѣйствія съ самимъ образомъ дѣйствія. Возраженіе, что въ философіи относительнаго, какою является позитивизмъ, нѣтъ мѣста для непознаваемаго, на томъ основаніи, что относительно непознаваемое есть только непознанное — пустая игра словъ, на которой не стоитъ останавливаться, разъ мы твердо усвоили себѣ упомянутую выше точку зрѣнія. Да, мы позволяемъ себѣ называть невстрѣченное еще никогда на извѣстномъ, точно опредѣляемомъ и описываемомъ нами пути, невстрѣчаемымъ на *этомъ пути*; но вѣдь наши противники очень хорошо знаютъ, что мы отстаиваемъ только тотъ путь, по которому идемъ, а не то, что можно или чего нельзя на немъ встрѣтить, и, вѣроятно, они понимаютъ также, что однимъ грамматическимъ различеніемъ невстрѣченнаго отъ невстрѣчаемаго именно на этомъ пути уже нельзя открыть ровно ничего.

Наука есть путь или указатель пути къ истинѣ, философія—также. Всякая философія объясняетъ міръ по-своему. Но готовому объясненію предшествуетъ, какъ причина слѣдствію, способъ объясненія. И этими различными способами и дифференцируются, въ конечномъ анализѣ, всѣ міровоззрѣнія, всѣ философ-

скія системы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣ эпохи умственнаго развитія человѣчества оба пути къ истинѣ, наука и философія, находились другъ къ другу въ какомъ либо опредѣленномъ отношеніи. Въ какомъ именно—въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ заключается единственная, могущая представить живой интересъ для нашего времени, характеристика всякой философіи. Но очевидно также,—очевидность эта лежитъ въ основаніи извѣстнаго закона трехъ состояній,—что вопросъ, поставленный такимъ образомъ, допускаетъ только три рѣшенія. Или оба пути расходятся вслѣдствіе своей діаметральной противоположности (супранатурализмъ и наука), или оба пути расходятся только вслѣдствіе своего параллелизма (субъективизмъ и наука), или, наконецъ, оба пути не расходятся, а совпадаютъ во всѣхъ своихъ точкахъ (объективизмъ и наука). Вотъ троякое отношеніе, въ которое философія можетъ стать—и, дѣйствительно, становилась исторически—къ наукѣ. Міропостроеніе или прямо противорѣчитъ даннымъ науки, или созидается въ болѣе или менѣе полной независимости отъ этихъ данныхъ—въ обоихъ случаяхъ умъ человѣческій признаетъ существованіе двухъ различныхъ путей, ведущихъ къ истинѣ—или, наконецъ, само составлено изъ данныхъ науки—что̀ равносильно признанію только одного пути къ истинѣ. Научная философія составляетъ рѣшеніе задачи въ этомъ третьемъ смыслѣ.

Рѣшеніе это возникало во многихъ умахъ ранѣе Конта, созрѣло и получило систематическую форму въ извѣстномъ твореніи Конта, развивается и обосновывается все глубже и многостороннѣе въ настоя-

щее время. И какъ всегда бываетъ, процессъ развитія сказался на первыхъ же порахъ антагонизмомъ, борьбою мнѣній. Въ научной философіи, только-что достигшей господства надъ умами, обнаружился явный расколъ, мыслители, только-что торжественно признавшіе единство пути, по которому они впередъ и собирались идти, сразу разошлись, распались на два лагеря. Различны, повидимому, были только ихъ мнѣнія; въ сущности же различно было, прежде всего и главнымъ образомъ, положеніе, занятое каждымъ лагеремъ по отношенію къ наукѣ, т.-е. по отношенію къ признаваемому ими сообща пути къ истинѣ. Оказалось, что и на этомъ пути можно занять по крайней мѣрѣ два различныхъ положенія. Оказалось, что можно идти впереди науки, задаваясь цѣлью вести ее къ новымъ успѣхамъ и къ новымъ завоеваніямъ, и можно слѣдовать за наукою, задаваясь несравненно болѣе скромною цѣлью—объединять ее и резюмировать. До подтвержденія фактами это двоякое отношеніе научной философіи къ наукѣ или, вѣрнѣе, къ ряду основныхъ наукъ могло быть предметомъ догадокъ, но узаконить и оправдать эти догадки могъ только опытъ. Въ настоящее время опытъ этотъ на лицо. Переживаемый нами фазисъ философскаго развитія отличается отъ всѣхъ предшествующихъ философскихъ эпохъ именно такимъ дифференцированіемъ, такимъ раздвоеніемъ научно-философской мысли [1]).

---

[1]) Правда, уже прежде и несравненно ранѣе научной схематизаціи, предложенной Контомъ въ замѣну всякой метафизики, неоднократно происходили настойчивыя попытки сдѣлать изъ философіи какъ бы передовой постъ собственно научныхъ теорій и положеній. Попытки эти—заслуга матеріализма. Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ

Съ одной стороны мы имѣемъ философію, полагающую свое призваніе въ томъ, чтобы руководить науками, *предшествуя* имъ, расчищая передъ ними путь, оживляя и вдохновляя ихъ философскими гипотезами, обнимающими всю совокупность явленій. Съ другой — мы имѣемъ философію, руководящую науками, *слѣдуя* за ними; философія эта объединяетъ науки, воспринимая въ себя ихъ общіе результаты и претворяя послѣдніе въ міровоззрѣніе, которое не только можетъ, но и должно измѣняться отъ времени до времени, такъ какъ отъ него требуется прежде всего точное соотвѣтствіе данному состоянію нашихъ научныхъ знаній.

Будущее рѣшитъ, заблуждаются ли сторонники философіи гипотезъ — философіи, представленной въ настоящее время монизмомъ, или, напротивъ того, ошибаются сторонники философіи точно провѣренныхъ общихъ отношеній или законовъ — философіи, представленной позитивизмомъ школы Конта. Но одно вполнѣ ясно уже теперь: прежде чѣмъ примкнуть къ тому или другому направленію въ научной философіи, каждый изъ насъ обязанъ, такъ или иначе, разрѣшить для самого себя вопросъ о пригодности или безполезности въ области философіи гипотетиче-

---

и является какъ бы родоначальникомъ новѣйшихъ монистическихъ теорій. Но матеріалистическія школы прежняго времени не чуждались и апріорнаго метода, и поэтому должны все-таки признаваться однимъ изъ проявленій метафизической мысли. Между тѣмъ, современный намъ монизмъ открыто порвалъ всякую связь съ метафизикой, навсегда отказался отъ употребленія субъективнаго метода, и свои философскія гипотезы строитъ по точному образцу гипотезъ чисто научныхъ; онъ поэтому составляетъ уже проявленіе научной мысли, научную философію.

скихъ построеній. Опытъ разрѣшитъ уже для всѣхъ и безапелляціонно этотъ вопросъ, первостепенное значеніе котораго бросается въ глаза и позволяетъ намъ надѣяться, что читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы удѣлили ему такъ много мѣста и въ нашей книгѣ, и въ этой заключительной главѣ.

КОНЕЦЪ.